

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТРЕХАКТАНТНЫХ ГЛАГОЛОВ В ТРАНСФОРМАЦИОННО-ДИСТРИБУТИВНОЙ ГРАММАТИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ)

Ф. И. Абдурахманов

Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан

Рассматриваются структурно-грамматические и семантические особенности трехактантных глаголов в русском и узбекском языках. Сравнение семантики глаголов русского и узбекского языков на уровне глубинных структур позволяет выявить либо одинаковое количество актантов, либо различное. Предметом сопоставления являются дистрибутивно-трансформационные схемы и их минимальные толкования в русском языке.

Ключевые слова: глагольная семантика, дистрибутивно-трансформационная схема, трехактантные глаголы, фрейм, семантический класс, значение падежа.

Наибольшую трудность для перевода глаголов с русского языка на узбекский язык представляют «конкретные» глаголы, то есть такие, которые управляют конкретными объектами. Семантическое толкование таких глаголов как в русском, так и в узбекском языке состоит из последовательности семантических представлений для класса действий и для класса предметов, зафиксированных управлением глаголов.

В современной лингвистике семантические представления, которые можно вычлени из толкования актантной структуры глагола, называются фреймами [9. С. 54—55]. Можно предположить, что в составе семантического класса дистрибутивно-трансформационной схемы и реляции между фреймами минимального толкования определяется падежное значение каждого из актантов. Чтобы определить значение падежа, достаточно и необходимо отнести слово данной падежной формы к определенному дистрибутивно-трансформационному признаку и назвать фрейм, соответствующий сегменту толкования данного существительного.

Так, дистрибутивная конструкция $C^1_{од.и} + \Gamma + C^2_{в} + C^3_{од.д}$ (пример: *Почтальон вручил отцу телеграмму*) имеет толкование глагола:

• «одушевленный субъект передает адресату какой-либо одушевленный или неодушевленный объект».

Здесь фрейм дательного падежа $C^3_{од.д}$ — адресат. Фреймы $C^1_{од.и}$ и $C^2_{в}$ определяются через все толкование: $C^1_{од.и}$ — одушевленный субъект, передающий предмет адресату; фрейм $C^2_{в}$ — предмет, передаваемый одушевленным субъектом адресату. Сами по себе падежные конструкции $C^1_{од.и}$ и $C^2_{в}$

без включения в дистрибутивную конструкцию с данным минимальным толкованием недостаточны для экспликации падежного значения.

При сопоставлении падежных значений русского и узбекского языков приходится учитывать:

1. Включаемость фрейма падежа в семантическое толкование дистрибутивно-трансформационной схемы.
2. Недостаточность изолированного толкования падежей для выявления фрейма.
3. Маркированность фрейма, для экспликации которого необходима отнесенность к толкованию дистрибутивно-трансформационной схемы.

Поскольку при переводе глаголы, управляющие конкретными объектами, могут не обнаруживать изоморфизма по составу фреймов, возможен алломорфизм актантных конструкций в русском и узбекском языках. Рассмотрим примеры толкования падежных значений в русском языке и соответствующих падежных значений узбекского языка:

Объектом сопоставления являются дистрибутивно-трансформационные схемы и их минимальные толкования в русском языке.

1. Кто-либо/что-либо препятствует дальнейшему движению в данном направлении объекту (одушевленному или неодушевленному)

$$C^1_{и} + \Gamma + C^2_{неод.в} + C^3_{д}$$

К глаголам с указанной дистрибутивной схемой относятся: загородить (муравьям дорогу), закрыть (юноше доступ в университет), отрезать (им доступ в дом), переехать (дорогу велосипедисту), перерезать (дорогу машине/прохожему), пересечь (путь

противнику), перехватить (дорогу Пугачеву), преградить (путь воде).

Позиция $C^1_{и}$ в окружении перечисленных глаголов безразлична к категории одушевленности/неодушевленности и обозначает производителя действия; позиция $C^2_{в}$ регулярно выражается неодушевленными именами существительными и имеет значение «путь»; позиция $C^3_{од}$ безразлична к категории одушевленности/неодушевленности и обозначает предмет, которому преграждается путь. Фрейм $C^3_{д}$ — «ориентир». Значение фрейма «препятствие» выявляется через толкование дистрибутивной схемы в целом.

Таким образом, анализируемые глаголы имеют значение типа «преградить».

Глаголы, соответствующие толкованию микро-системы, переводятся на узбекский язык: тўсмоқ — загородить, закрыть, перерезать, пересечь, преградить; ғов солмоқ (имя + глагол) — загородить, преградить; составными глаголами (основной глагол в форме деепричастия прошедшего времени + вспомогательный глагол, выражающий законченность, завершённость действия): тўсиб кўймоқ — загородить, отрезать, пересечь, преградить; берки-тиб кўймоқ — закрыть; кесиб кўймоқ — отрезать. В узбекском языке возможна трансформация:

$$C^1 + C^3_{нинг} + C^2_{ни} + Г \Leftrightarrow C^1_{о} + C^3_{о} + C^2_{ни} + Г.$$

Позиция $C^3_{нинг}$ (караткич келишиги) — родительный падеж в левой части дистрибутивно-трансформационной схемы трансформируется в $C^3_{о}$ (бош келишиги — основной падеж, который по смыслу заменяет дательный падеж): Бола чумолининг йулини тўсиб кўйди \Leftrightarrow Бола чумоли йўлини тўсиб кўйди (Мальчик загородил дорогу муравью); Рота душманнинг йулини тўсди \Leftrightarrow Рота душман йўлини тўсди (Рота перерезала путь неприятелю).

Правый трансформ изоморфичен конструкции русского языка, поскольку форма $C^3_{о}$ в комбинации со значением глагола имеет фреймом «ориентир». Левый трансформ алломорфичен русской конструкции, поскольку форма $C^3_{нинг}$ имеет фреймом «принадлежность» и дает эквивалентный перевод всем толкованием дистрибутивной схемы.

2. Одушевленный субъект передает знания, умения, навыки или жизненный опыт кому-либо

$$C^1_{од и} + Г + C^2_{од в} + C^3_{неод д}$$

К классу с указанной дистрибутивной формулой относятся следующие глаголы: выучить (человека грамоте), доучить (ребенка чтению), научить (ма-

лыша рисованию), обучить (сына ремеслу), подучить (девочку языку), поучать (сына уму — разуму), поучить (ребенка музыке), учить (спортсмена технике).

Позиция $C^1_{и}$ в окружении перечисленных глаголов регулярно выражается одушевленными именами существительными и имеет значение «активно, целенаправленно действующий субъект»; фрейм позиции $C^2_{в}$ — «лицо, которому субъект передает свои знания, умения и навыки (жизненный опыт), который субъект передает объекту».

Вторую приглагольную позицию справа может занимать также инфинитив: научить малыша рисованию/рисовать.

Глагол анализируемого класса обозначает процесс передачи знаний, умений и навыков одним лицом другому. По центральной лексеме их можно назвать глаголами типа «обучить» [10. С. 58—79].

Эта группа отличается большой семантической полнотой, приближаясь к синонимическому ряду. Глаголы «выучить», «научить», «обучить», «поучить» и «учить» анализируются в работе Л. М. Васильева [2. С. 38, 192—193]

На содержательном уровне эти глаголы допускают разбиение на два подкласса.

К первому подклассу относятся глаголы, обозначающие систематическую, целенаправленную передачу отработанной информации: выучить, доучить, научить, обучить, подучить, поучить, учить.

Ко второму подклассу относится глагол поучать, обозначающий передачу жизненного опыта.

Глаголам микро-системы в узбекском языке соответствуют: укитмоқ, ўргатмоқ — выучить, научить, обучить, учить; таълим бермоқ ($C_{о} + Г$) — обучить, поучать, учить; бироз укитмоқ/ўргатмоқ/таълим бермоқ (наречие бироз — немного + глагол) — подучить, поучить; охиргача ўкитмоқ/ўргатмоқ ($C_{за} + Г$) — доучить; укитиб/ўргатиб булмоқ (вспомогательный глагол обозначает полное завершение, окончание действия, выраженного основным глаголом в деепричастии прошедшего времени) — доучить.

- Она болаларга ўқиш — езишни ўргатди (Мать обучила детей грамоте); Кариялар ешларга ақли таълим берадилар (Старики поучают молодежь уму-разуму); Ота ўғлига ингилиз тилини бироз ўргатди (Отец подучил сына английскому языку).

Возможная трансформация:

$$C^1_{о} + C^3_{га} + C^2_{ни} + Г \Leftrightarrow C^1_{о} + C^3_{ни} + C^2_{га} + Г.$$

- Она болага ўқишни ўргатди \Leftrightarrow Она болани ўқишга ўргатди (Мать научила ребенка читать /

выучила чтению); Янги ўқитувчи болаларга танца тушишни ўргатмоқда \Leftrightarrow Янги ўқитувчи болаларни танца тушишга ўргатмоқда (Новый учитель обучает детей танцам).

В данном случае значение фрейма «ориентир» выражается комбинацией первого и второго объектов: $C^3_{га} + C^2_{ни} \Leftrightarrow C^3_{ни} + C^2_{га}$.

3. Кто-либо/что-либо перемещает или присоединяет объект (одушевленный или неодушевленный) к чему-либо/кому-либо

$$C^1_{и} + \Gamma + C^2_{в} + {}_K C^3_{д}$$

К классу с указанной дистрибутивной формулой относятся: добавить (рубль к десятке), крепить (рельсы к шпалам), подклеить (подшву к ботинкам), подпаять (деталь к детали), подшить (протокол к делу), приблизить (лицо к цветку), присоединить (один провод к другому) и др.

Позиция $C^1_{и}$ в окружении анализируемых глаголов чаще выражается одушевленными именами существительными и имеет значение «активный производитель действия»; позиция $C^2_{в}$ чаще всего выражается неодушевленными именами существительными и имеет значение «перемещаемый, присоединяемый объект»; позиция ${}_K C^3_{д}$ обычно выражается неодушевленными именами существительными и имеет значение «предмет, к которому субъект приближает, присоединяет объект» [3; 4; 5. С. 61—80; 7. С. 59, 74]. Фрейм дательного падежа с предлогом — «ориентир», «приближение», «присоединение», «предлог обозначает, что действие совершается в направлении предмета, названного в дательном падеже, и имеет целью соединиться с ним или достичь его» [8. С. 281, 452].

У большинства глаголов этого класса позиция ${}_K C^3_{д}$ является факультативной. Обязательной эта позиция, по-видимому, является у глаголов, имеющих переносное значение или обозначающих неконкретные действия, например:

- Старик пригнал лодку (к берегу) — Плотник пригнал одну деталь к другой; Инженер применил давно известный метод — Офицер применил (= приспособил) орудия к местности; Старик сравнил купца с купцом; Сосед примешал спирт (к вину) — Он примешал ненависть к любви; Катер притянул баржу (к берегу) — Палач притянул жертву к столбу.

- Отнести стихотворение к числу шедевров, приновить журнал к запросам читателей, приравнять трусость к измене, приспособить дом к обороне, приурочить отпуск к началу осени.

Обязательность позиции ${}_K C^3_{д}$ в этих случаях объясняется тем, что перенесенные и неконкретные значения являются парадигматически слабыми и требуют большего подключения со стороны контекста.

Глаголы анализируемого класса имеют значение типа «приблизить», «присоединить» [11]. У подавляющего большинства глаголов это значение поддержано или мотивировано наличием приставок *под* и *при*.

Некоторые глаголы со значением конкретного физического действия допускают при себе факультативную позицию $C^4_{тв}$ с орудийным значением: привязать пленного к столбу + ремнем, укладывать сено в стог + вилами, притянуть жертву к столбу + цепями и т. п.

Некоторые глаголы анализируемого класса допускают трансформацию типа:

- Ученик прибавляет два к трем \Leftrightarrow Ученик плюсует три к двум (см. глаголы прибавить, прирешать, приравнять и др.).

Обязательным условием этой трансформации является стационарный характер предмета, обозначенного предложно-падежной формой ${}_K C^3_{д}$. В противном случае трансформация невозможна. Ср.: *Я пододвинул стул к табурету \Leftrightarrow Я пододвинул табурет к стулу, но Я пододвинул стул к стене \Leftrightarrow Я пододвинул стену к стулу.*

Однако указанную трансформацию следует квазитрансформировать как квазатрансформацию, так как обозначенные левым и правым трансформами ситуации неидентичны: в первом случае перемещаемым предметом является стул, стационарным — табурет, а во втором случае — наоборот. Полная симметрия не наблюдается и в случае приравнять перо к штыку \Leftrightarrow приравнять штык к перу: в левом трансформе точкой отчета является штык, в правом — перо. Ю. Д. Апресян обнаруживает здесь (как и в случае *прицеплять вагон к поезду \Leftrightarrow прицеплять поезд к вагону*) «двухместное симметричное отношение» [1. С. 251].

Лучше реагируют на эту трансформацию глаголы типа «присоединить», хуже — глаголы типа «приблизить» (см. ниже), поскольку у последних позиция ${}_K C^3_{д}$ чаще обозначает стационарный предмет.

На содержательном уровне данные глаголы допускают разбиение на два подкласса: со значением «приблизить» и со значением «присоединить».

В пределах первого подкласса можно выделить несколько семантических групп глаголов со следующими значениями:

- «приблизить, перемещая броском»: *подвернуть, прибросать, прикидать, приметать, принасовать;*

— «приблизить, перемещая толчками»: пододвинуть, подоткнуть, подтолкнуть, придвинуть, примахнуть, приткнуть, притолкать;

— «приблизить, перемещая волоком»: подволочь, подгрести, подтащить, подтянуть, приволочь, пригрести, принести, притянуть, тянуть;

— «приблизить, перемещая с помощью качения»: подкатить, прикатить;

— «приблизить, перемещая вверх»: воздымать, вознести, приподнять;

— «приблизить, перемещая вниз»: гнуть, клонить, нагнуть, пригнуть, приклонить, склонить;

— «приблизить, перемещая с помощью того или иного конкретного средства»: прибуксировать, приплавить, прирулить.

Остальные глаголы этого подкласса не образуют четко очерченных групп: манить, подвести, поднести, подозвать, приблизить, привести, привлечь, призвать, прислонить и т. п.

Глаголы второго подкласса по признаку конкретно-неконкретности значения делятся на две группы:

- глаголы с неконкретным значением типа «причислить»: возвести, добавить, отнести, плюсовать, прибавить, приравнять, присоединить и т. п.;

- глаголы с конкретным значением типа «присоединить один предмет к другому с помощью того или иного конкретного средства».

Глаголы второй группы допускают выделение нескольких семантических подгрупп, имеющих следующие значения:

— «присоединить один предмет к другому с помощью ниток, веревки, клейких веществ и т. п.»: вязать, крепить, подвязать, подклеить, подколоть, подшить, привязать, приклеить, приколоть, прилепить, пришить и др.;

— «присоединить один предмет к другому с помощью термического процесса»: надковать, подпаять, приварить, приковать, припаять;

— «присоединить один предмет к другому с помощью удара (ударов)»: подбить, прибить, приколотить, прихлопнуть, пришить, пришлепнуть;

— «присоединить один предмет к другому в процессе созидания»: подстроить, пригородить, приделать, приладить, прирубить, пристроить;

— «присоединить один предмет к другому с помощью сжатия»: жать, придавить, прижать, примять, приплющить, притиснуть;

— «присоединить один предмет к другому с кругового движения»: надвить, подвинтить, привернуть, привинтить, прикрутить;

— «присоединить один предмет к другому с помощью средства, названного производящей осно-

вой»: подклеить, прибинтовать, приклепать, прицепить, пришвартовать и т. п.

Остальные глаголы этой группы не образуют четко очерченных подгрупп: подписать, подключить, подсоединить, прикрепить, приложить, прирешать, приобщить, приставить, фиксировать и др.

Глаголам данной микросистемы в узбекском языке соответствует:

— эгмоқ, энгаштирмоқ — гнуть: Шамол дарахтларни ерга эгмоқда еди (Ветер гнул деревья к земле);

— қўшмоқ, қўшиб қўймоқ (основной глагол деепричастия прошедшего времени + вспомогательный глагол, обозначающий законченность, завершенность действия) — добавить, прибавить, присоединить, отнести: Шоир янги сатрни шеърга қўшиб қўйди (Поэт добавил новую строку к стихотворению); Ака учга яна ўн сўмлик қоғоз қўшди (Брат прибавил к трешке десятирублевую бумажку); Текширувчилар Алишер Навои даврининг энг йирик шоирларига қўшадилар (Исследования относят Алишера Навои к величайшим поэтам эпохи);

— қўймоқ, илова қилмоқ, (имя + глагол) — приложить: Қария қўлини қўксига қўйди (Старик приложил руку к сердцу); Рано қўлоққа телефон трубкасини қўйди (Председатель приложил трубку к уху); Йигитча аризага хужжатларни илова қилди (Паренек приложил к заявлению документы);

— олиб келмоқ, олиб бормоқ, килиб бормоқ (составные глаголы: основной глагол в форме деепричастия прошедшего времени + вспомогательный глагол, обозначающий, что действие происходит с приближением, либо сопровождается поступательным движением вперед) — подвести, поднести, приблизить: Генерал қўшинларни кечувга олиб келди (Генерал подвел войска к переправе); Ишчилар қурилиш майдонига чайул килиб борди (Рабочие подвели дорогу к стройке);

— якинлаштирмоқ, тутмоқ — поднести, приблизить: Сорахон муштини Саидийнинг қулоғига тутди (Сарахан поднесла свой кулак к уху Саиди);

— боғламоқ, боғлаб қўймоқ (основной глагол в форме деепричастия прошедшего времени + вспомогательный глагол, выражающий законченность, завершенность действия) — привязать: У отни чикариб, араванинг тегарчигига боғлади (Он выпряг лошадь и привязал к ободу телеги); Солдатлар отларини дарахтларга боғлашди (Солдаты привязали лошадей к деревьям); Офицер мўлжални ориентирга боғлади (Офицер привязал цель к ориентиру);

— епиштирмоқ, епиштириб қўймоқ — прилепить, приклеить: Бола эълонни деворга епиштирди (Мальчик прилепил объявление к стене);

— тикмок, тикиб кўймок, тиркамоқ — подшить: Кийим тикувчи пальтога янги астарни тикди (Портной подшил новую подкладку к пальто); Мирза Мухиддин Иброхимнинг ишига янги хужжатлар тиктирди (Мирза Мухиддин подшил к деду Ибрагимову новые документы);

— тирамоқ, тираб кўймоқ — прислонить: Шоир энгил бир сулиш олиб танбурни токчага тираб кўйди (Поэт, слегка вздохнув, прислонил тамбур к полке);

— коқмоқ — прибить; михламоқ — прибить гвоздями; михламоқ\коқиб кўймоқ; Ота яшиқни деворга коқиб кўйди (Отец прибил ящик к стене).

В предложении «Оқим кайиқни кирғоққа келтириб бурди» (Течение прибило лодку к берегу) основной глагол в форме деепричастия прошедшего времени обозначает действие, происходящее с приближением к говорящему, а вспомогательный глагол указывает на способ совершения передвижения — подталкиванием (толчками) или удачами.

В предложении «Хизматкор бочкани подвалга думалатиб олиб келди» (Слуга подкатил бочку к подвалу) первый глагол в форме деепричастия прошедшего времени в сочетании со вспомогательным глаголом указывает, что действие происходит с приближением к говорящему.

В предложениях типа «Столни шкаф ёнига кўйинг» (Поставьте стол к шкафу), «Стулни стол ёнига суриб кўйинг» (Придвиньте стул к столу) послелог — имя «ёнига» обозначает, что действие направлено непосредственно к боковой части предмета.

Дистрибутивная схема: $C^1_0 + C^2_{ни} + C^3_{га} + Г$.

Падежное значение актантов аналогично дистрибутивной схеме, представленной в п. 1. Падежные значения $C^3_д$ и $C_{га}$ алломорфичны, поскольку в узбекском языке фрейм «присоединение», «приближение» выражается не формами существительного, а конкретизируется способом глагольного действия при помощи вспомогательного глагола.

4. Одушевленный субъект вызывает у одушевленного объекта чувство влечения или расположения к себе, либо одушевленный объект заставляет одушевленного субъекта испытывать чувство ревности к кому-либо

$C^1_{од и} + Г + C^2_{од в} + C^3_{од д}$

К классу с указанной дистрибутивной формулой относятся:

— влечь (красавицу к себе), приблизить (юношу к себе), привадить (к себе мальчика), привлечь (парня к себе), приворожить (к себе молодца), при-

воротить (= приворожить) (к себе Андрея), привязать (ребят к себе), прилучить (мужа к себе), присушить (парня к себе), расположить (к себе соседей); приревновать (жену к соседу), ревновать (мужа к подругам).

Все прилагательные позиции в рассматриваемой дистрибутивной схеме репрезентируются одушевленными именами существительными обычно антропонимами:

- фрейм актантной позиции $C^1_{од и}$ имеет значение «лицо, вызывающее или испытывающее определенное чувство»; позиция

- $C^3_{од д}$ обозначает «лицо, с которым сближается объект». Маркером фрейма «ориентир», «приближение» является предлог к. Фрейм «чувство» выявляется через толкование дистрибутивной схемы в целом (= значением глагола).

Анализируемые глаголы имеют значение типа «привлечь»; «ревновать» [12; 13].

На уровне лексической дистрибуции рассматриваемые глаголы распадаются на два подкласса — глаголы со значением «привязать» (влечь, приблизить, привадить, привлечь, приворожить, приворотить, привязать, прилучить, присушить, расположить) и глаголы со значением «ревновать» (приревновать и ревновать). Глаголы первого подкласса не сочетаются с ней.

Глаголам микросистемы в узбекском языке соответствуют: (узига) тортмоқ, (узига) каратмоқ, якинлаштирмоқ, жалб/жазб этмоқ, (дополнение + глагольное сказуемое, превратившиеся в единое лексическое целое — явление устойчивой вербализации) — влечь, привлечь (к себе): (ўзига) каратмоқ местный падеж):

- Она болаларда китоб ўқишга хавас тўғдирди <=> Мать прирастила детей к чтению книг.

- Ота ўғлига кишлоқ хужалик ишларга хавас уйғотди <=> Отец приохотил сына к сельхозработам.

Дистрибутивно-трансформационная схема:

$C^1_о + C^2_{ни} + C^3_{га} + Г <=> C^1_о + C^2_{да} + C^3_{га} + Г$

В левом трансформе фреймом актантной позиции $C^3_{га}$ является «ориентир»; в правом трансформе первый объект, обозначенный $C^2_{да}$, получает дополнительный фрейм «место приложения действия». Значение дистрибутивной схемы русского языка в узбекском языке передается толкованием дистрибутивно-трансформационной схемы в целом (= значением глагола). Трансформация узбекского языка алломорфна дистрибутивной схеме русского языка.

Выводы

1. В статье предлагается решение проблемы исчисления однопадежных рядов на основе семантической классификации падежных употреблений. В результате оказывается возможным выделить 25 семантических классов глаголов, управляющих дательным падежом (в данной статье мы рассматриваем семь лексико-семантических классов глаголов).

Каждый такой класс определяется формой словосочетания по управлению, которая однозначно задается дистрибутивно-трансформационной схемой. Вместе с толкованием дистрибутивно-трансформационная схема может быть названа трансформационным признаком.

2. Исследование содержит типологию употреблений дательного падежа, позволяющую рассматривать семантику дательного падежа как фрейм (элемент) глубинной структуры (семантического класса глаголов, управляющих дательным падежом), такую, что фрейм дательного падежа эксплицируется через комбинацию с фреймами действия, субъекта и первого объекта (остатком толкования семантического класса глаголов, управляющих дательным падежом, полученным в результате исключения фрейма дательного падежа); в описании содержится исследование каждого фрейма глубинной структуры глагола, управляющего дательным падежом.

3. Выявлены следующие поверхностные структуры дательного падежа в русском языке и соответствующие поверхностные структуры узбекского языка:

• $C^3_{д}$: Мальчик загородил муравью дорогу;
 $C^3_{нинг} + C^2_{ни} \Leftrightarrow C^3_{о} + C^2_{ни}$: Бола чумолининг йўлини тўсиб қўйди \Leftrightarrow Бола чумоли йўлини тўсиб қўйди;

• $C^3_{неод д}$: Новый учитель обучает детей танцам;
 $C^3_{га} + C^2_{ни} \Leftarrow C^3_{ни} + C^2_{га}$: Янги ўқитувчи бо-

лаларга танца қилишни ўргатмоқда \Leftrightarrow Янги ўқитувчи болаларни танца қилишига ўргатмоқда;

• $C^3_{од}$: Солдаты привязали лошадей к деревьям;
 $C^3_{га}$: Солдатлар отларини дарахтларга боғлашди;

• $C^3_{од д}$: Катя влекла его к себе все сильнее и сильнее;
 $C^3_{га}$: Катя уни тобора ўзига тортар эди.

4. Фрейм дательного падежа имеет следующие характеристики: «адресат»; «получатель денег и прочего за объект купли-продажи»; «получатель собственности»; «получатель пищи»; «носитель отрицательного свойства или производитель нежелательного действия»; «часть + объект физического воздействия»; «эквивалентность»; «получатель нового качества»; «ориентир + препятствие»; «ориентир + присоединение»; «ориентир + приближение»; «ориентир + чувство»; «жизненный опыт»; «действие или деятельность + побуждение»; «время»; «различительный признак»; «сфера деятельности + испытательного воздействия».

5. Каждый из фреймов может вступать в несколько комбинаций с фреймами других актантов и действий, в результате чего возникают семантические различия одного и того же фрейма. Так, выше обозначенный фрейм «ориентир» вступает в комбинации «ориентир + препятствие» «ориентир + присоединение» «ориентир + приближение + чувство» и т. п. Аналогичным образом варьируется значение других фреймов, в частности фрейма «адресат».

6. Основанием для сопоставления падежных форм русского и узбекского языков выступает не поверхностная структура, а комбинация фреймов. Аналогичным образом объектом педагогической интерпретации также являются комбинации фреймов, а поверхностные структуры русского и узбекского языков рассматриваются как следствие комбинаций фреймов.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола / отв. ред. С. К. Шаумян; АН СССР. Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1967. 251 с.
2. Васильев Л. М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи: очерки по семантике русского глагола. Уфа: Башк. гос. ун-т, 1971. 233 с.
3. Грамматика русского языка: в 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
4. Игнатьева М. В. Функции и системы пространственных значений глагольных приставок в современном русском языке // Лексико-грамматические проблемы русского глагола. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1969. С. 75—93.
5. Йовайшас С. Словосочетания с предлогом «к» в современном русском литературном языке // Ученые записки. 1959. Т. 6.

6. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 446 с.
7. Попов З. Д. Употребление падежных предложно-падежных форм в современном русском литературном языке. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1971.
8. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 5-е изд. М.: Учпедгиз, 1935. 452 с.
9. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 54—55.
10. Фоменко Ю. В. Семантические классы глаголов управляющих формой в+вин. падеж в русском языке // Вопросы лексикологии. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977. С. 58—79.
11. Фоменко Ю. В. Глаголы типа «приблизить, присоединить» в русском языке // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 4. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1975. С. 100—108.
12. Фоменко Ю. В. Из наблюдений над лексико-семантическими группами глаголов // Научные труды. Вып. 91. Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ин-т, 1973. С. 21—41.
13. Хайдарова З. Т. Лингводидактические основы преподавания семантике глаголов чувств, поощрительно-репрессивного и психического воздействия на личность в национальных группах факультетов русского языка и литературы педвузов УзССР: дис. ... канд. пед. наук. Ташкент, 1987. 232 с.

Сведения об авторе

Абдурахманов Фахриддин Исраилович — кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания Узбекского государственного университета мировых языков, Ташкент, Узбекистан. Fahro@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 7 (441). *Philology Sciences. Iss. 121. Pp. 7—14.*

COMPARATIVE ANALYSIS OF THREE-ACTANT VERBS IN TRANSFORMATIONAL-DISTRIBUTIVE GRAMMAR (BASED ON THE RUSSIAN AND UZBEK LANGUAGES)

F. I. Abdurakhmanov

Uzbek State University of World Languages, Tashkent, Uzbekistan. Fahro@mail.ru

The article discusses the structural-grammatical and semantic features of three-actant verbs in the Russian and Uzbek languages. A comparison of the semantics of the verbs of the Russian and Uzbek languages at the level of deep structures makes it possible to identify either the same number of actants or different. The subject of comparison is distribution-transformation schemes and their minimal interpretations in Russian. The semantic interpretation consists of a sequence of semantic representations for a class of actions and a class of objects fixed by the control of verbs. The semantic side of a sentence assumes its surface form, i. e. the sentence is considered as a sign that has the plane of content and the plane of expression. Both planes are closely related, but a comprehensive approach is needed to clarify the specifics of the organization of each of them and establish their relationship. Therefore, the selection of semantic classes of three-actant verbs has a great theoretical and practical significance for both the Russian and the Uzbek languages.

Keywords: *verb semantics, distribution-transformational scheme, three-actant verbs, frame, semantic class, case meaning.*

References

1. Apresyan Yu. D. (1967) Eksperimental'noe issledovanie semantiki russkogo glagola [Experimental study of the semantics of the Russian verb]. Moscow, Nauka. 251 p. [in Russ.].
2. Vasil'ev L. M. (1971) Semanticheskie klassy glagolov chuvstva, mysli i rechi [Semantic classes of verbs of feeling, thought and speech]. Ufa. 233 p. [in Russ.].

3. (1954) Grammatika russkogo yazyka: v 2 t. [Grammar of the Russian language in 2 vol.]. Moscow, Izd-vo AN SSSR. Pp. 156—159 [in Russ.].
4. Ignat'eva M. V. (1969) Funkcii i sistemy prostranstvennyh znachenij glagol'nyh pristavok v sovremennom russkom yazyke [Functions and values system of spatial verbal prefixes in modern Russian language]. Leksiko-grammaticheskie problemy russkogo glagola. Novosibirsk. Pp. 75—93 [in Russ.].
5. Jovajshas S. (1959) Slovosochetaniem s predlogom «k» v sovremennom russkom literaturnom yazyke [Phrase with the preposition «to» in the modern Russian literary language]. Uch. zap., vol. 6 [in Russ.].
6. Kononov A. N. (1960) Grammatika sovremennogo uzbekskogo literaturnogo yazyka. [Grammar of the modern Uzbek literary language]. Moscow, Izd-vo AN SSSR. 446 p. [in Russ.].
7. Popov Z. D. (1971) Upotreblenie padezhnyh predlozhno-padezhnyh form v sovremennom russkom literaturnom yazyke [The use of case-based prepositional forms in modern Russian literary language]. Voronezh [in Russ.].
8. Peshkovskij A. M (1935) Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii [Russian syntax in scientific coverage]. Moscow, Uchpedgiz. 452 p. [in Russ.].
9. Fillmore Ch. (1988) Frejmy i semantika ponimaniya [Frames and semantics of understanding]. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 23. Kognitivnye aspekty yazyka. Moscow, Progress. Pp. 54—55. [in Russ.].
10. Fomenko Yu. V. (1977) Semanticheskie klassy glagolov upravlyayushchih formoj v+vin. Padezh v russkom yazyke [Semantic classes of verbs that control the form b+VIN. The case in the Russian language]. Voprosy leksikologii. Novosibirsk, Nauka. Pp. 58—79 [in Russ.].
11. Fomenko Yu. V. (1975) Glagoly tipa «priblizit', prisoedinit'» v russkom yazyke [Verbs of the type «approximate, attach» in the Russian language]. Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya. Novosibirsk, Novosib. gos. un-t, . Vyp. 4. Pp. 100—108. [in Russ.].
12. Fomenko Yu. V. (1973) Iz nablyudenij nad leksiko-semanticheskimi gruppami glagolov [From observations on lexical and semantic groups of verbs]. Nauch. tr. Novoseb. gos. ped. in-t, iss. 91. Problemy rus. yaz. Pp. 21—41 [in Russ.].
13. Hajdarova Z. T. (1987) Lingvodidakticheskie osnovy prepodavaniya semantike glagolov chuvstv, pooshchritel'no-repressivnogo i psihicheskogo vozdejstviya na lichnost' v nacional'nyh gruppah fakul'tetov russkogo yazyk i literatury pedvuzov UzSSR [Linguodidactic bases of teaching the semantics of verbs of feelings, incentive-repressive and psychological influence on the individual in national groups of faculties of Russian language and literature of pedagogical colleges of the UzSSR. Thesis]. Tashkent. 232 p. [in Russ.].

СОВРЕМЕННЫЙ МЕДИАТЕКСТ: ФАКТОР «РАЗМЫТОГО АДРЕСАТА»

Е. Н. Басовская¹, Т. А. Воронцова²

¹Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья посвящена изменениям в адресованности медиатекста, происходящим в современном коммуникационном пространстве. Традиционный публицистический текст создавался с учетом фактора адресата, что существенно влияло на содержательные и стилевые параметры. Переход значительной части массовой коммуникации в интернет-среду привел к размыванию образа адресата. На материале радиодискурса последних лет исследователи анализируют процессы, спровоцированные нечеткой адресованностью медиатекста: увеличение числа смысловых лакун и случаев стилистического диссонанса. Эти явления придают медийной коммуникации ярко выраженный массовый характер.

Ключевые слова: медиатекст, радиодискурс, фактор адресата, смысловые лакуны, стилистический диссонанс.

Проблема коммуникативного взаимодействия адресанта и адресата в СМИ исследуется в современной отечественной лингвистике активно и многосторонне [3; 6; 11; 13 и др.]. Изучаются речевое взаимодействие с адресатом СМИ [6; 11 и др.], характер и типология адресата СМИ [6; 8], способы и приемы диалогизации медиатекста [1; 3; 7 и др.].

Актуализация данной проблемы обусловлена кардинальным изменением коммуникативной картины на оси СМИ — массовый адресат в конце XX — начале XXI в. В этот период резко выросло количество медиаисточников: газет, журналов, радиостанций. Возникли новые форматы медиа (так называемые глянцевые журналы, кабельное телевидение и т. д.), расширились содержательные и этические границы медиатекста. Появились публикации и целые издания, которые описывают события, ранее находившиеся за пределами публицистических текстов (например, личную жизнь известных людей). Под воздействием разнообразных культурных и психологических факторов изменились языковые и стилевые параметры медиатекстов: возросло количество разговорных, просторечных элементов, в журналистские материалы стала активно проникать жаргонная и даже нецензурная лексика¹ [12].

Разнообразие СМИ (тематическое, идеологическое и др.) обусловило возможность выбора для адресата. Именно в этот период начинается активная стратификация медиаадресата по интересам, возрасту, куль-

турным запросам, социальному уровню. В отличие от советских газет, радио, телевидения в этот период преобладающая часть медиаисточников, по большому счету, перестает быть средствами массовой информации. В сознании адресата СМИ ломаются стереотипные представления о содержательных, этических и, как следствие, стилистических (языковых) границах публицистического текста. Однако в данный период массовый адресат еще четко разделяет «качественную» и «желтую» прессу. Причем к так называемой «желтой» прессе большинство читателей относятся негативно [13. С. 124—125].

Как показывают проведенные ранее изыскания, печатные СМИ чаще всего изначально ориентированы на определенную аудиторию, то есть дифференцированы по дискурсивным параметрам. «При анализе печатных изданий можно говорить о следующих типах дискурса: дискурс «качественной прессы»; дискурс популярной прессы (причем следует отдельно рассматривать дискурс «желтой прессы», таблоидов, и дискурс глянцевого журнала); дискурс специализированных изданий, таких как научные и научно-популярные журналы. Все эти издания отличаются друг от друга как когнитивными установками адресантов, так и способностями их восприятия целевой аудиторией, а следовательно, различными способами передачи информации (лингвистическими и экстралингвистическими), представленными в самом тексте» [10. С. 58]. Авторы исследований, проведенных на материале печатных изданий [3; 6; 9; 10; 12 и др.], делают вывод о том, что образ адресата формируется в публицистических текстах исходя из того,

¹Законодательно запрещена в 2013 г. См. Закон РФ «О средствах массовой информации» (О СМИ), № 2124-1. Ст. 4.

на кого ориентирован данный медиаисточник в целом. «Образ адресата, на которого направлен текст, создается уже самим отбором действующих лиц, с близким и понятным для адресата образом жизни и мыслей...» [6. С. 7].

С развитием сети Интернет произошли глобальные изменения в сфере медиатехнологий. Резкий рост объема информации, предназначенной для массового адресата, обусловил кардинальные изменения в СМИ: «Глобальное медиапространство постепенно перемещается в интернет, хотя общее количество читателей газет и зрителей ТВ не уменьшается, однако традиционные СМИ сами все более активно используют сеть для расширения своей аудитории» [5. С. 130]. Медiateкст приобретает такие свойства, как «оперативность, интерактивность, мультимедийность, мобильность, гипертекстуальность» [2. С. 73].

Относительная свобода доступа к медiateкстам в интернет-пространстве снижает степень привязанности адресата к определенному медиаисточнику. В этих условиях адресат выбирает не столько собственно медиаисточник (определенную радиостанцию, печатное издание, телевизионный канал), сколько интересующий его текст в любой форме: печатный, звучащий или поликодовый (звук + изображение).

Кроме того, в информационном пространстве Интернета одно и то же событие может освещаться СМИ разного качества. В этих условиях адресат как потребитель информации становится менее разборчивым: в его сознании стираются границы между «желтой» и качественной прессой. Это касается как различных аспектов освещения события, так и языковых и стилевых параметров текста. Влияние сетевого информационного пространства на все разновидности СМИ проявляется в сфере взаимодействия адресанта и адресата, поэтому сформировать образ адресата в современных условиях — сложная задача для любого медиадискурса.

Как показал анализ исследований по данной проблеме, наименее изученным с точки зрения взаимодействия адресанта и адресата является радиодискурс. Дело в том, что в современных условиях адресата радиодискурса стратифицировать достаточно сложно.

Во-первых, по данным исследования ВЦИОМ, проведенного в феврале 2019 г., за последние 10 лет доля слушателей радио значительно снизилась: если в 2009 г. радио слушали 63 % россиян, то в 2019 г. — 48 %. Половина участников опроса не слушают радио совсем, причем среди 18—24-летних эта

доля выше — 69 %. Во-вторых, по данным того же исследования, 56 % слушают радио в личном транспорте, отдавая предпочтение музыке и новостным программам (<http://www.wciom.ru>).

Следовательно, если адресат печатного издания (в том числе сетевых изданий) осознанно выбирает медиаисточник в соответствии со своими интересами, возрастом и другими факторами, то адресатом радиодискурса нередко оказывается случайный слушатель. На данную особенность радиоаудитории в свое время обращал внимание А. А. Леонтьев, отмечая в связи с этим необходимость ориентироваться на очень разный уровень адресата [9. С. 288—289]. Сегодня, когда для большинства радиослушателей звучащий текст — это своеобразный фон, указанное замечание особенно актуально.

Исследователи коммуникации в СМИ выделяют два основных фактора адресации медiateкста: апелляция к картине мира адресата и апелляция к его речевому опыту, языковым и стилистическим предпочтениям [6; 11; 13 и др.].

Обращение к реалиям, известным определенной аудитории и актуальным для нее, позволяют «вычислить», кому адресован текст. Значимыми параметрами аудитории могут быть возраст, принадлежность к той или иной национальной культуре, социальной группе. «Учет адресантом многих составляющих статуса адресата (возрастных, гендерных, культурно-образовательных, профессиональных) существенно конкретизирует и дополняет понятие “фактор адресата” и столь же существенно меняет содержание понятия “фактор адресанта”» [11. С. 142].

При адресации радиотекста учет фоновых знаний предполагаемого слушателя особенно важен, поскольку звучащий текст в отличие от печатного не оставляет адресату возможности восполнить информационные пробелы «здесь и сейчас» и, соответственно, устранить в процессе декодирования неизбежно имеющиеся в каждом речевом произведении «смысловые скважины».

В предисловии к книге автора термина «смысловые скважины» Н. И. Жинкина понятие получает следующее объяснение: «Автор, как правило, не воспроизводит все необходимые звенья развертывания замысла, предполагая, что они будут восстановлены партнером по коммуникации на основе сформированных в его интеллекте необходимых знаний, имеющегося у него опыта. В результате в тексте возникают “смысловые скважины”, устранение которых в процессе понимания текста возможно лишь в результате актуализации необ-

ходимых знаний о реальной действительности» [4. С. 8]. В случаях же, когда адресант неверно/ неточно представляет себе картину мира и запас фоновых знаний адресата или не придает значения данному аспекту коммуникации, информация контекста не становится базой для адекватной интерпретации информации, содержащейся в тексте. Подобное нарушение «когнитивного единства» текста (в частности, текста радиопрограммы) существенно снижает точность его адресации.

Рассмотрим в качестве примера фрагменты радиотекста «*Фрау-2. Недолет. Впервые в этом веке ХДС может возглавить мужчина*» (радио Sputnik, 11.02.2020):

1. ...*В Германии многие сразу сомневались в том, что «фрау-2» выстрелит.*

Фрау-2 — это очевидная аллюзия к названию первой в мире баллистической ракеты ФАУ-2, разработанной В. фон Брауном и принятой на вооружение вермахта в конце Второй мировой войны. Эта аллюзия понятна либо для людей старшего поколения, поскольку история данного периода подробно изучалась в советской школе, либо для тех, кто специально интересуется этой темой.

2. *Местная первичка в альянсе с праворадикальной «Альтернативой для Германии» избрала премьером региона...*

3. ...*не послушали партбосса.*

Слова *первичка* в значении *первичная партийная организация* и *партбосс* в значении *руководитель партии* явно имеют в данном тексте ироническую коннотацию. Однако уловить иронию может только адресат, в сознании которого есть концепт «партия» как значимая часть общественной и политической жизни, то есть данные разговорные образования в указанных значениях — элементы языковой картины мира советского периода. Для массового адресата постсоветского периода они неактуальны.

4. *К разброду и шатанию еще и дисциплина захромала.*

В «Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений» выражение *разброд и шатание* определяется как «сводная цитата» из работ В. И. Ленина. Указано, что данное сочетание слов встречается в работе «Что делать?» (1902) и речи на II съезде РСДРП (1903). Смысл выражения, согласно словарю, — отсутствие целеустремленности и единства [14. С. 655]. Как известно, в советский период работы В. И. Ленина активно изучались и широко цитировались. Выражение *разброд и шатание* было у всех на слуху, и его употребление в СМИ не требовало дополнительных комментариев.

Л. Н. Синельникова обращает внимание на то, что интертекстуальность в массмедийном тексте — важный показатель адресованности. «Отсылки к другому тексту — один из способов реализации иллюкативных установок адресанта, но при этом очевидна его ориентированность на знание адресата, его интеллектуальный и культурный уровень» [11. С. 149]. Если рассматривать речевые и ментальные стереотипы как маркеры адресации, то можно предположить, что данный радиотекст адресован слушателям среднего и старшего возраста, имеющим представление о советских реалиях. Однако в его финальной части есть упоминание о личной жизни А. Меркель и намек на нетрадиционную сексуальную ориентацию Й. Шпана:

1. *Мужчин Ангела никогда к себе не приближала. То ли муж ревнивый, то ли боялась гендерной мести за то, что предала Гельмута Коля, по сути, подсидев его.*

2. *Но на безрыбье и Йенс не совсем рак. Мужчина, но не в полном смысле этого слова. Зато муж в оставшееся до отставки время ревновать не будет. К Макрону же не ревнует.*

Данная информация не вписывается в картину мира того адресата, на которого указывают предыдущие фрагменты. Таким образом, точно определить, кому адресован данный текст, вряд ли возможно.

Другим примером наличия в медиатексте информационных лакун, свидетельствующих о недостаточном внимании журналиста к фактору адресата, может служить фрагмент из программы «Телехранитель», вышедшей в эфир на «Эхе Москвы» 26 июля 2020 г. После приветствий, обращенных к слушателям и гостям передачи, объявления темы — новый телевизионный сериал «Чики» — и упоминания о бурном обсуждении проекта ведущая Е. Афанасьева задает вопрос режиссеру:

«Скажите, вы, когда готовили **этот сериал**, задумывали, разрабатывали, вы ожидали **такую реакцию?**»

Ответ Э. Оганесяна: «Ну... *Реакцию ожидал, но не такую. Мне было понятно абсолютно, что такая история нужна именно сейчас, я понимал ее дефицит, но, скажем, масштабы, которые есть сейчас, нет, нет, не представлял.*»

В данном диалоге организующая роль, безусловно, принадлежит Е. Афанасьевой — профессиональному журналисту, телеобозревателю, создателю авторской радиопрограммы. Именно она должна произвести «настройку» коммуникации

на адресата, причем не только непосредственно — гостя студии, но и обобщенного — массовую аудиторию. Однако ведущая избирает иную тактику: она исходит из коммуникативных интересов своего непосредственного собеседника, не оказывая информационной поддержки слушателям.

Трудно предположить, что среди них нет людей, не только не смотревших сериал «Чики», но и никогда ранее о нем не слышавших. Эта часть аудитории нуждается в определенном объеме сведений: чтобы полноценно воспринимать беседу в эфире, необходимо как минимум знать, какой теме посвящен сериал, чем объясняется его активное обсуждение и каковы позиции участников. Отсутствие таких данных, вероятнее всего, спровоцирует «неучтенного» адресата выключить радиопрограмму, содержание которой слишком далеко от его личного опыта.

Другой ключевой показатель адресованности медиатекста — его языковые и стилистические особенности. В языковом сознании адресата в зависимости от ряда экстралингвистических факторов: возраста, уровня образования, социальной принадлежности — заложен некий стилистический стереотип — представление о том, каким должен быть публицистический текст.

Медиатекст вплоть до конца XX — начала XXI в. ассоциировался с публицистическим стилем, который с той или иной степенью жесткости подчиняется нормам современного литературного языка: разговорная, просторечная, жаргонная лексика и разговорные синтаксические конструкции воспринимались адресатом как стилистически чужеродные. В этот период, как справедливо замечает Т. Л. Каминская, типичного представителя целевой аудитории текста можно было «вычислить» проанализировав все уровни текста [6. С. 7].

В языковом сознании массового адресата, выросшего в условиях активной интернет-коммуникации, письменная и устная формы речи не имеют жесткого разграничения, а потому стилевые рамки публицистического текста становятся чрезвычайно широкими. В этих условиях речевые параметры медиатекста перестают быть маркером его адресации, то есть определить на основании вербальных характеристик, для кого предназначен тот или иной медиатекст, вряд ли возможно.

Это особенно заметно в радиодискурсе, где стилистическое варьирование языковых и речевых средств присутствовало и ранее. Более 20 лет назад А. А. Леонтьев, определяя стилистическую специфику радиоречи, писал: «Радиоречь не разговорная; но она и не “книжная”, и мера того и дру-

гого в значительной мере определяется ее конкретными социальными задачами. Так, передачи для молодежи отличны по своему словарному составу и по стилистическому оформлению высказываний от передач, рассчитанных на недифференцированную аудиторию» [9. С. 280].

Адресант современного радиодискурса активно варьирует коммуникативный код в рамках одной программы, стремясь расширить возможную аудиторию. Например, в программе «Сергей Стиллавин и его друзья», посвященной проблемам погоды и климата, ведущий беседует с научным сотрудником кафедры метеорологии и климатологии МГУ, поэтому для данного дискурса основным является научно-популярный (научно-публицистический) стиль. При этом обращает на себя внимание стилистический диссонанс в речи ведущего. С одной стороны, он активно использует книжные языковые и речевые средства: сложные синтаксические конструкции, книжную (в том числе и высокую) лексику, тем самым стилистически подчеркивая важность проблемы: *Мы, конечно, как песчинки во вселенной, но тем не менее от какой-то нашей частной деятельности в жизни на земле можно помочь благоприятствованию климата, то есть каждый из нас может что-то сделать лично для улучшения обстановки на земле, или мы будем уповать на глобальные транснациональные соглашения?..* С другой — ведущий использует неформальные обращения *ребятушки* (в начале передачи), *ребята*, разговорные и жаргонные выражения: *Не надо париться, товарищи! Они там что-то химичат; Нашли чучело, который сжег там несколько тысяч гектаров. Ну чучело!* и др. (Радио Маяк, 03.06.2019). Такое нарушение стилистического единства текста не только размывает его адресацию, но и снижает авторитетность дискурса.

Широко представлен стилистический диссонанс и на радио «Эхо Москвы». Главный редактор радиостанции А. Венедиктов, комментируя в программе «Без посредников» один из эпизодов электронного голосования по поправкам к Конституции, соединяет в микроконтексте слова и словосочетания разных стилистических регистров: *«Я, кстати, тут какую-то хреновину прочитал о том, что Венедиктов знает результаты... Когда Павел Лобков сказал, что он проголосовал дважды, я, естественно, запросил документальные данные... Но, извините меня, любой наблюдатель, который аккредитовался при этой комиссии от любой партии может посмотреть, проголосовал человек или нет».* (Эхо Москвы, 25.06.2020).

Официальная конструкция *запросить документальные данные* соседствует с разговорным *тут* и просторечным *хреновина*. Такая коммуникативная тактика, безусловно, позволяет А. Венедиктову подчеркнуть одновременно свой официальный статус как заместителя председателя Общественной палаты Москвы — и неформальный характер общения со слушателями. В то же время подчеркнутая стилевая «разориентированность» радиодискурса способна не только привлечь, но и оттолкнуть часть аудитории. Образованные слушатели старшего поколения, воспитанные на безупречном (по крайней мере — с точки зрения соблюдения литературной нормы) языке советских СМИ, часто болезненно реагируют на жаргонизмы и вульгаризмы, считая их признаком не столько свободы, сколько дурного вкуса.

Таким образом, в современном медиатексте наблюдается тенденция к размыванию образа адресата. Данный процесс идет как на содержательном, так и на формальном уровне, проявляясь, с одной стороны, в невнимании журналиста к фоновым знаниям читателей/слушателей/зрителей, с другой — в отходе от принципа стилистического единства текста и регулярном пренебрежении литературной нормой.

Есть основания предполагать, что негативные эффекты, порождаемые этой тенденцией (затруднения в понимании текста, раздражение, вызываемое его стилистической рассогласованностью), в значительной степени компенсируются интернет-средой. Во-первых, она позволяет при необходимости быстро получить дополнительную информацию для заполнения смысловых лакун. Во-вторых, легкость переключения с одного информационного канала на другой дает реципиенту возможность найти ту же новость или обсуждение той же проблемы в альтернативном стилевом оформлении. Наконец, нельзя не учитывать тот факт, что сегодняшний адресат в меньшей степени, чем традиционный, чувствует себя именно адресатом, то есть объектом. В условиях интерактивности он трансформируется в «субъектного адресата», для которого во многих случаях важнее не получить информацию, а отреагировать на нее (в комментариях и т. п.), реализуясь в качестве полноценного участника медиаполилога.

В целом же «деконкретизацию» адресата медиатекста следует, видимо, воспринимать как закономерный процесс, придающий современной публичной коммуникации по-настоящему массовый характер.

Список литературы

1. Басовская Е. Н. Современный медиатекст как диалогическое пространство // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: сб. науч. тр. Международного научного симпозиума. Ярославль, 2019. С. 718—726.
2. Градюшко А. А. Заголовок как важнейший элемент текста в веб-журналистике // Весці БДПУ. Сер. 1: Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. 2014. № 1. С. 73—77.
3. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров: монография. СПбГУ: Филол. факультет, 2012. 274 с.
4. Жинкин Н. И. Речь как проводник. М.: Наука, 1982. 159 с.
5. Калмыков А. А. Медиалогия интернета: монография. М.: URSS, 2013. 271 с.
6. Каминская Т. Л. Образ адресата в текстах массовой коммуникации: семантико-прагматическое исследование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2009. 46 с.
7. Караджев Б. И. Фактор адресанта и адресата в дискурсе СМИ // Вестник РУДН. Серия Вопросы образования: языки и специальность. 2014. № 3. С. 40—46.
8. Клушина Н. И. Медиастилистика: монография. М.: Флинта, 2018. 184 с.
9. Леонтьев А. А. Психология общения: учеб. пособие. М.: Смысл, 1999. 365 с.
10. Менджерицкая Е. О. Дискурс, медиадискурс и когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2011. С. 54—60.
11. Синельникова Л. Н. Специфика адресант-адресатных отношений в масс-медийном дискурсе // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: Филология. Социальная коммуникация. 2008. Т. 21 (60), № 1. С. 140—153.
12. Скороходова Е. Ю. Динамика речевых норм в современных текстах средств массовой информации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 34 с.
13. Чернышова Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России: дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2005. 577 с.
14. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: более 4000 ст. / авт.-сост. В. Серов. М.: Локид-пресс, 2004. 877 с.

Сведения об авторах

Басовская Евгения Наумовна — доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой медиаречи Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия. jeni_ba@mail.ru

Воронцова Татьяна Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. voron500@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 7 (441). *Philology Sciences. Iss. 121. Pp. 15—20.*

MODERN MEDIA TEXT: FACTOR OF “BLURRED ADDRESSEE”

E. N. Basovskaya

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia. jeni_ba@mail.ru

T. A. Vorontsova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. voron500@yandex.ru

The article is devoted to changes in the targeting of the media text occurring in the modern communication space. The traditional journalistic text was created taking into account the addressee factor, which significantly influenced the content and style parameters. The transition of a significant part of mass communication to the Internet environment has led to blurring of the representation of the addressee. Based on the material of the radio discourse of recent years, researchers analyse the processes provoked by the fuzzy targeting of the media text: an increase in the number of semantic lacunae and cases of stylistic dissonance. These phenomena give media communication a pronounced mass character.

Keywords: *media text, radio discourse, addressee factor, semantic lacunae, stylistic dissonance.*

References

1. Basovskaya E. N. (2019) *Sovremennyj mediatekst kak dialogicheskoe prostranstvo* [Modern media text as a Dialogic space]. *Russkaya grammatika: aktivnye processy v yazyke i rechi* [Russian grammar: active processes in language and speech]. Yaroslavl, pp. 718—726 [in Russ.].
2. Gradyushko A. A. (2014) *Vesci BDPU. Ser. 1. Pedagogika. Psihologiya. Filologiya*, no. 1, pp. 73—77 [in Russ.].
3. Duskaeva L. R. (2012) *Dialogicheskaya priroda gazetnyh rechevyh zhanrov* [Dialogical nature of newspaper speech genres]. St. Petersburg, Faculty of Philology of Saint Petersburg State University. 274 p. [in Russ.].
4. Zhinkin N. I. (1982) *Rech' kak provodnik informacii* [Speech as a conductor of information]. Moscow, Nauka Publ. 159 p. [in Russ.].
5. Kalmykov A. A. (2013) *Medialogiya interneta* [Medialogia of Internet]. Moscow, URSS Publ. 271 p. [in Russ.].
6. Kaminskaya T. L. (2009) *Obraz adresata v tekstah massovoj kommunikacii: semantiko-pragmaticheskoe issledovanie* [The image of the addressee in mass communication texts: semantic and pragmatic research. Abstract of thesis]. St. Petersburg. 46 p. [in Russ.].
7. Karadzhev B. I. (2014) *Vestnik RUDN. Ser. Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost'*, no. 3, pp. 40—46 [in Russ.].
8. Klushina N. I. (2018) *Mediastilistika* [Media stylistics]. Moscow: Flinta Publ. 184 p. [in Russ.].
9. Leont'ev A. A. (1999) *Psihologiya obshcheniya* [Communication psychology]. Moscow, Smysl Publ. 365 p. [in Russ.].
10. Mendzherickaya E. O. (2011) *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*, pp. 54—60 [in Russ.].
11. Sinel'nikova L. N. (2008) *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya. Social'naya kommunikaciya»*, vol. 21 (60), no. 1, pp. 140—153 [in Russ.].
12. Skorohodova E. Yu. (2008) *Dinamika rechevyh norm v sovremennyh tekstah sredstv massovoj informacii* [Dynamics of speech norms in modern media texts. Abstract of thesis]. Moscow. 34 p. [in Russ.].
13. Chernyshova T. V. (2005) *Teksty SMI v mental'no-yazykovom prostranstve sovremennoj Rossii* [Media texts in the mental and linguistic space of modern Russia. Thesis]. Barnaul. 577 p. [in Russ.].
14. (2004) *Enciklopedicheskij slovar' krylyatyh slov i vyrazhenij* [Encyclopedic dictionary of winged words and expressions]. Moscow, Lokid-press Publ. 877 p. [in Russ.].

СПЕЦИФИКА МЕЛОДИЧЕСКОГО КОНТУРА ВЫСКАЗЫВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В ВОСПРИЯТИИ НОСИТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Я. Л. Березовская, Минвэй Ду

*Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет),
Челябинск, Россия*

Анализируются проблемы восприятия русской интонации китайцами. Предполагается учет особенностей китайского языка, оказывающего интерферирующее влияние при изучении мелодических контуров русского языка. Рассматриваются специфика интонационной системы двух языков, соотношение понятий «тон» и «интонация». На основе сопоставления интонационных систем и анализа русской речи китайцев выявлен ряд трудностей, с которыми сталкиваются китайские учащиеся при изучении фонетической системы русского языка.

Ключевые слова: *фонетическая интерференция, интонационная конструкция, интонация, китайский язык, мелодический контур, русский язык как иностранный.*

Изучение мелодических контуров высказываний долгое время связывали с синтаксисом, то есть анализ интонации не носил самостоятельный характер. Безусловно, интонация представляет собой важный элемент синтаксической организации речи; благодаря интонации сочетание слов становится синтаксической единицей. Однако такой подход существенно ограничивал возможности анализа интонационных конструкций. При этом отметим, что интонационное оформление фразы чаще приводит к коммуникативным сбоям и неудачам, чем неточное произношение звуков.

Н. Н. Рогозная под интонацией понимает функционально-семантическую макроединицу высказывания, которая включает частоту основного тона, интенсивность, длительность, тембр и прочее, описывается в терминах акустики и поддается объективному (инструментальному) анализу [9]. Появление новых задач изучения интонационной системы приводит к возникновению новой дисциплины — интонологии. По мнению Н. Н. Рогозной, интонологию можно определить как науку, изучающую интонацию с позиции говорящего и слушающего [Там же].

В лингвистике существуют различные теоретические интонационные концепции, что не позволяет выбрать какую-либо одну из предлагаемых единиц (ср. «интонационная конструкция» по Е. А. Брызгуновой, «интонема» по Т. М. Николаевой): тональная группа (контур), тональный уровень, тональные завершители и т. д.

Проводимое нами исследование направлено на выявление сходств и различий между супер-

сегментными единицами (в частности, интонацией) русского и китайского языков с целью выявления существующих проблем и поиска методически эффективных приемов преподавания русского языка как иностранного.

При сопоставлении фонетических систем русского и китайского языков важным является вопрос разграничения тона и интонации.

Р. Кингтон выделяет статический тон — ударные слоги, в которых гласные остаются без изменения, а также кинетический тон — слоги, в которых напряжение гласных меняется. Звук производится на разных высотах. Изменение высоты тона можно рассматривать в качестве основополагающего элемента интонации. При этом уточним, что понижение или повышение высоты имеет четко организованную структуру: размер интервала между начальной и конечными точками, высота начальной точки, отношения во временной протяженности фразы, ударение и паузы. Ряд исследователей (например, М. К. Румянцев в работе «Тон и интонация в китайском языке») не дифференцируют тон и интонацию. Тон представляет собой использование высоты тона для смысловоразличения слов и морфем, при этом интонация — изменение высоты тона на протяжении большого отрезка высказывания [10]. М. К. Румянцев также выделяет смысловоразличительную функцию тона для идентификации слов и морфем, при этом интонация, по мнению ученого, представляет собой изменение высоты тона на протяжении большого отрезка высказывания [Там же].

Изменение высоты тона можно рассматривать в качестве основополагающего элемента интонации. Таким образом, действительно тон является основным, базовым элементом интонации, но не тождествен ей.

Особенностью речи носителей китайского языка является постоянное изменение частоты тона в процессе говорения, что в меньшей степени характерно для носителей русского языка. Подчеркнем, что монотонное произнесение речи недопустимо в обоих языках.

В китайском языке типы интонационных конструкций могут различаться с помощью лексико-грамматических средств, таких как порядок слов, частицы, вопросительные слова. При этом частицы могут содержать основной коммуникативный пласт высказывания, частицы суперсегментны по своей сути. Вопросительные частицы изначально задают говорящему и слушающему коммуникативную установку.

Т. П. Задоевко в «Начальном курсе китайского языка» пишет об экспериментальных исследованиях китайских лингвистов Хуан Божуна (黄伯荣 Huáng Bóróng) и Ли Баоюя (李保瑞 Lǐ Bǎorui), утверждавших, что тональные контуры последнего слова синтагмы — главный признак, по которому можно различать повествовательные и вопросительные фразы в китайском языке. Также ученые отмечают, что у тонов появляются добавочные оттенки звучания, выполняющие ту же роль [4]. М. К. Румянцев называет последний элемент посттональными звучаниями и говорит о том, что различие коммуникативных типов предложения в большинстве случаев не становится причиной появления этих звучаний, а их функция состоит в том, чтобы подчеркивать те или иные интонации [10].

Для экспериментального исследования по выявлению специфики мелодического контура вопросительных высказываний в русском языке в восприятии носителей китайского языка были взяты следующие пары предложений, специфика которых состояла в частоте их использования в практике изучения иностранного языка: 1) 他姓汤? 他姓汤。 *Tā xìng Tāng? Tā xìng Tāng.* — *Его фамилия Тан? — Его фамилия Тан.* 2) 他姓梁? 他姓梁。 *Tā xìng Liáng? Tā xìng Liáng.* — *Его фамилия Лян? — Его фамилия Лян.* 3) 他姓李? 他行李。 *Tā xìng Lǐ? Tā xìng Lǐ.* — *Его фамилия Лу? — Его фамилия Лу.* 4) 他姓赵? 他姓赵。 *Tā xìng Zhào? Tā xìng Zhào.* — *Его фамилия Чжао? — Его фамилия Чжао.*

Конечное слово каждой из пар предложений представляет собой слоги с различными тоновыми

характеристиками (в первом случае это слог первого тона, во втором — второго и т. д.). Полученные в результате записи интонограммы каждого слова с интонограммами слов, произнесенных профессиональным диктором — носителем китайского языка¹, показали: 1) в предложениях с конечным словом первого тона интонационные различия осуществляются за счет регистровых противопоставлений; 2) в предложениях со словами второго и третьего тонов определяющими являются высотный уровень слога и частотные характеристики конечной части тона; 3) в предложениях с конечным словом четвертого тона ситуация обратная — здесь обращается внимание на высотный уровень начала тона; например, в повествовательном предложении падение высоты тона происходит более плавно, чем в вопросительном, где образуется большой интервал между началом произнесения тона и его концом.

В русском языке логическое ударение в интонации вопроса показывает в большинстве ситуаций значимую часть слова, тогда, как в китайском логическое ударение и повышение интонации чаще всего встречается в конце слова. Например: 1) *Вы пишете?* (您在写吗?) 2) *Вы не пишете?* (您没在写吗?). 3) *Вы пишете или нет?* (您在写还是没有?). При изменении порядка слов меняется не только структура предложения, но и значение фразы в целом. Например: 1) 我认识你。 → 你认识我。 (*Я знаю тебя.* → *Ты знаешь меня.*) 2) 她仔细听。 → 仔细听她的话。 (*Она внимательно слушает.* → *Внимательно слушать ее.*) Как мы видим, композиционная структура предложений в русском и китайском языках различна. В китайском языке более строгий порядок слов.

В результате анализа мелодического контура высказываний в русском и в китайском языках мы пришли к выводу, что идентификация типов высказывания в разных языках происходит с помощью одних и тех же интонационных средств. Для мелодического контура характерно понижение частоты основного тона. В русской интонации для определения мелодического контура фразы важно то, в какой части акцентно-мелодической структуры фразы происходит изменения тона (его подъем или падение, изменение его интенсивности и др.). Важно отметить, что абсолютные величины частоты тона являются различными у носителей русского и китайского языков и изменения этих величин

¹Записи слов, произнесенных диктором, были взяты из аудиокурсов к учебным пособиям китайского языка, в том числе А. Ф. Кондрашевского «Практический курс китайского языка» [6].

в зависимости от выражения грамматической или эмоциональной функций в каждом языке выражаются по-разному. Например, в русском языке традиционно выделяют семь типов интонационных конструкций, являющихся минимальными смысловыми единицами просодического уровня [11].

В русском языке высотный уровень слога не влияет на значение слова, в отдельных случаях эту роль принимает на себя ударение, но высота тона в слове, точнее регистр, не является акустическим параметром ударения. Различные средства интонации, принимающие участие в образовании мелодического контура фразы, создают разное по восприятию произношение: китайская фраза является менее изменчивой, то есть вариаций произношения одной и той же фразы в русском языке больше, чем в китайском. Контур слоговых тонов в китайском языке не испытывают сильного влияния интонации и не подвергаются серьезному изменению. Напротив, в русском языке изменение тональности в большей степени зависит от интонации, вследствие чего отметим, что словесное ударение в русском языке зависит от чередования силовых пропорций в слогах. В китайском языке наблюдается обратное явление: контур и регистр заняты лексикой, при этом интонация в китайском языке не такая динамичная [11].

Результаты эксперимента показывают, что основными акустическими характеристиками, определяющими мелодическое предложение, а соответственно, и его коммуникативный тип, являются частотный регистр (частота колебаний основного тона), интенсивность (так как она связана с ритмическими словами), а также время звучания [2].

На наш взгляд, изучение вопросов, связанных с особенностями интонационной системы, является значимым. Важно включать интонацию в методический аппарат преподавания языка, так как различия в интонационных системах русского и китайского языков весьма значительны вследствие отношения данных языков к разным типам. Благодаря овладению учащимися знаниями, связанными с интонационной системой языка, а также ритмико-интонационными умениями и навыками их речь становится более понятной и легче воспринимаемой адресатом. Китайская речь, которая русскоговорящим людям, не знающим китайского языка, часто кажется «слишком эмоциональной», — это пример «синхронизации» интонации фразовой и словной. Задача педагога при обучении русской интонации — научить использовать акустические средства, характерные именно для нее.

В преподавании русского языка как иностранного наиболее важным является семантический аспект на различных этапах изучения, когда перед учащимися стоит задача разграничения и понимания различных интенций говорящего.

Наиболее трудным для носителей китайского языка является усвоение интонации без вопросительного слова, так как в китайском вопросительном предложении присутствует частица **ma*. Мелодический пик в китайском предложении часто находится на вопросительной частице, стоящей в конце фразы. Русская вопросительная интонация характеризуется вариативностью. Она может иметь два мелодических пика либо один. Реализация фразы, содержащий вопрос, в русском языке вызывает серьезные затруднения, так как семантически выделенная лексема может находиться в любом месте (*Иван дома? Иван дОма?*).

Еще больше трудностей возникает при реализации фраз с восклицательной интонацией: *да нет же, неужели, что ты говоришь*.

Описанные выше типы интонационных конструкций прошли проверку с помощью лингвистического эксперимента. Отмеченные ошибки были выявлены в результате сопоставления китайского и русского языков. В частности, в результате серии экспериментов, в которых в течение нескольких лет участвовали китайские студенты и слушатели Южно-Уральского государственного университета, обучающиеся по программе подготовки к поступлению в вуз, а также по программам бакалавриата и магистратуры.

Анализ по результатам эксперимента с учащимися, владеющими русским языком как иностранным на элементарном уровне выявил ошибки в ударении (*а водУ?*). В указанном примере ударение выполняет кульминативную функцию, обеспечивая цельность путем централизации слово-звуковой структуры фразы. Ударение рассматривается как динамическое, внутри отдельного слова, то есть выделение отдельных слогов слова, и как логическое — в отношении фразы, отдельного высказывания.

Анализ указанных ошибок позволит преподавателю русского языка научить иностранцев ориентироваться в многообразии интонационных конструкций русского языка с помощью демонстрации наиболее ярких примеров и фактов сопоставительного анализа.

По результатам анализа были выявлены следующие ошибки в речи носителей китайского языка: ошибки во фразовом ударении (ошибки также связаны с тем, что в китайском языке словесное ударение неподвижно, что приводит к интерференции

в речи носителей китайского языка); нарушение ритмического рисунка; неверное выделение центральной и постцентральной частей; нарушение темпа речи; «механичность» речи; избыточная паузация; подмена вопроса повествовательной конструкцией. При анализе суперсегментных средств в русском и китайском языках необходимо учитывать просодическую интерференцию.

Наибольшие трудности при освоении русского языка у носителей китайского языка вызывают общепросительные предложения, в которых отсутствуют вопросительные слова. Китайские учащиеся часто идентифицируют такие фразы как повествовательные, соотнося с первой интонационной конструкцией, что приводит к коммуникативным неудачам [2].

Еще одна сложность связана с неразличением вопросительных и восклицательных высказываний, предложений, содержащих косвенные речевые акты (риторические вопросы). Опыт работы с носителями языка, владеющими 2-м сертификационным уровнем, — китайскими магистрантами Южно-Уральского государственного университета, обучающимися по направлению «Филология», магистерская программа «Русский язык как иностранный», — показывает, что наибольшие трудности вызывает распознавание высказываний, содержащих различные интенции. При работе на практических занятиях по учебному пособию М. Н. Маковой, О. А. Усковой «В мире людей» один из блоков заданий связан с определением различного типа интенций. Например: «Прочитайте предложенные выражения и определите, какие интенции они передают: сочувствие, поддержку, удивление, совет: *Что ты говоришь? Да? Ничего себе;* возмущение, недовольство, сомнение, совет: *Кто дал тебе право так говорить?! Разве так можно делать;* согласие, заинтересованность, удивление, одобрение: *Как так? Вы? Что? И что же? Что вы предлагаете? Как вы себе это представляете?»* [8]. Наиболее часто в русской речи носителей китайского языка ошибки встречаются при неразграничении интенций сомнения и удивления.

Рассмотрим, как указанные суперсегментные единицы анализируются в учебно-методической литературе китайских лингвистов. Учебные пособия китайских методистов представляют большой интерес, поскольку их анализ позволяет сделать вывод об изучении фонетики, в частности, интонационных конструкций, в китайской лингводидактике, а также рассмотреть специфику преподавания русского языка китайским учащимся. Проанализируем

одно из учебных пособий по фонетике русского языка, акцентируя внимание на изучении интонационных конструкций. Учебное пособие китайских лингвистов Ши Танцяна и Хуан Мэйфена «Русский язык (大学俄语 (新版))» предназначено для китайских студентов, обучающихся на факультете русского языка. Главная задача пособия, по словам авторов, заключается в том, чтобы научить произношению, сформировать навыки различения интонационных конструкций, обучить навыкам письма, дать вводный курс по грамматике. Каждый урок включает изучение фонетического материала, интонационных конструкций, основ грамматики. Рассматривая интонацию, авторы предлагают методике поочередного изучения типов интонационных конструкций (от ИК-1 до ИК-7 в течение восьми уроков). Все комментарии к фонетико-грамматическому материалу в учебном пособии представлены на китайском языке. В пособии рассматриваются семь типов интонационных конструкций, их номера отмечены арабскими цифрами 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 над ударными гласными: «语调是指说话或朗读时,在声音高低、音调起伏、用力轻重和音响持续长短等方面的变化。每个调型中有调心、调心前部与调心后部。调号用阿拉伯数字1、2、3、4、5、6、7标出,标在重读元音上方,表示调型的类» [12]. Вводно-фонетический курс рассчитан на восемь уроков. В течение семи уроков вводятся интонационные конструкции. В каждом уроке представлены объяснения интонационных конструкций с примерами и упражнениями на отработку изученного материала. Типы заданий: чтение речевых образцов; чтение текста, диалога; дополнение предложений в диалоге; прослушивание аудиоматериала и его повторение; перевод предложений с китайского языка на русский. Укажем некоторые примеры заданий:

- Урок 4. Упражнение 11. *Прослушайте аудиоматериал, повторите за диктором и обратите внимание на смену тона. 听录音,模仿,体会调心上音调的变化。Твой? Это твой? Это твой стол? Это твой стул? Это твой друг? Это твой шкаф? Это твой новый паспорт?*

- Упражнение 15. *Заполните пропуски, вставьте слова «новый», «старый». 选用 новый, старый 填空。— Это _____ дом? — Да, _____。— Это _____ фото? — Да, _____。— А это _____ паспорт? — Да, _____。*

Отметим, что при отработке изученного материала встречаются типы интонационных конструкций, ранее не рассмотренные, что, возможно, связано с развитием лингвистической грамотности, внимательности учащегося, умением диффе-

ренцировать уже изученный материал и новый. Например, во 2-м уроке вводятся модели ИК-1 и ИК-2, но в упражнении 11 присутствует модель ИК-5, и никаких дополнительных разъяснений нет: *Это Антон. Это Антон! Это Инна. Это Инна! Это комната. Это комната!* В уроке представлен диалог, в котором употребляется ИК-3 и ИК-4, хотя эти конструкции еще не были изучены: — *Как вас зовут? — Анна. — Кто вы? — Поэт. А вы? — Космонавт. Это фото? — Да. — Это вы? — Да.*

Итак, проведенное исследование позволяет нам подвести некоторый итог, касающийся восприятия мелодических контуров русского языка китайцами, а также сделать выводы относительно методики преподавания суперсегментных единиц, в частности интонации:

1) проблема «недостаточности» учебных материалов, направленных на обучение интонированию, решается путем суммирования всех знаний о китайской и русской интонации и создания системы упражнений и контроля сформированности всех необходимых навыков;

2) благодаря овладению учащимися знаниями, связанными с интонационной системой русского и китайского языков, а также ритмико-интонационными умениями и навыками их речь становится более понятной и легче воспринимаемой адресатом, вследствие чего решаются коммуникативные проблемы;

3) на примере постановки пауз и синтагматического членения фразы мы убедились, что обучение интонации не ограничивается говорением и упражнениями, направленными на произношение речевых сообщений вслух и имитацию: необходимо изучение интонации во всех разделах языка, в частности грамматики, лексики, фонетики. Сбалансированный учебный процесс, в основе которого лежат все виды речевой деятельности, на наш взгляд, является самым эффективным и интересным для учащихся;

4) в любом образовательном процессе важен контроль за прогрессом, происходящим у учащихся, — правильностью формирования навыков, прохождения и освоения более простых задач, в совокупности составляющих овладение умением; поэтому необходима разработка системы уровней, с помощью которой каждая ступень изучения русского и китайского языков может быть дополнена интонационным аспектом.

Задача преподавателя русского языка как иностранного состоит в том, чтобы научить иностранца овладеть ритмико-интонационными моделями, необходимыми для успешной реализации коммуникативной задачи. Важно предотвратить фонетическую интерференцию, возникающую в сознании носителей китайского языка, и возможный акцент в сознании слушающего. В этом аспекте решающую роль играет владение суперсегментными единицами, к которым относят ритм, мелодику, тембр, интонацию и др.

Если вопросы фоностилистики являются наиболее исследованными в науке о языке, то в современной науке все большую популярность приобретают методики, связанные с автоматическим распознаванием речи, ее синтезированием и генерированием посредством специальных обучающих программ. Автоматическое распознавание просодических элементов вызывает наибольшую трудность, предполагая сопоставление речевых отрезков говорящего с заданным списком интонационных единиц. Сопоставление русской и китайской интонационных систем порождает ряд вопросов: распознавание не только отдельных звуков и слогов, но и более крупных фонетических единиц, таких как речевой такт и фраза; проблема учета дефектов речи, не влияющих на реализацию коммуникативной задачи; проблема влияния на русскую речь диалектов родного для обучающегося языка. Указанные аспекты могут явиться продолжением рассматриваемой проблематики.

Список литературы

1. Березовская Я. Л., Шарафутдинова О. И., Валеева Д. М. Особенности интонационной системы русского языка: сопоставительно-дидактический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 12 (408). С. 18—23.
2. Григорьева Э. М., Ковалев Ю. В., Сафаралиева Л. А. Произношение, ударение, интонация в русском языке: учеб. пособие. М.: РУДН, 2015. 233 с.
3. Задоев Т. П., Хуан Шуин. Начальный курс китайского языка. Ч. I. М.: Восточная книга, 2015. 304 с.
4. Задоев Т. П., Хуан Шуин. Начальный курс китайского языка. Ч. II. М.: Восточная книга, 2015. 384 с.
5. Задоев Т. П., Хуан Шуин. Начальный курс китайского языка. Ч. III. М.: Восточная книга, 2015. 400 с.
6. Кондрашевский А. Ф., Румянцева М. В., Фролова М. Г. Практический курс китайского языка: в 2 т. Т. I. 12-е изд., испр. М.: Восточная книга, 2012. 768 с.

7. Ли М. Типовые ошибки китайских студентов, изучающих русский язык, и пути их коррекции: вопросительные предложения // Педагогическое образование в России. 2010. № 4. С. 98—105.
8. Макова М. Н., Ускова О. А. В мире людей. Вып. 1. Письмо. Говорение: учеб. пособие по подготовке к экзамену по русскому языку для граждан зарубежных стран (ТРКИ-2 — ТРКИ-3). СПб.: Златоуст, 2013. 288 с.
9. Рогозная Н. Н. Билингвизм. Интерязык. Интерференция. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. 172 с.
10. Румянцев М. К. Синтез китайских тонов // Вопросы языкознания. 1988. № 1. С. 82—93.
11. Румянцев М. К. Фонетика и фонология современного китайского языка. М.: АСТ: Восток-Запад, 2016. 304 с.
12. Танцян Шэ, Мэйфен Х. Русский язык (大学俄语 (新版)). Пекин: Преподавание и изучение иностранных языков, 2008. 267 с.
13. Фейфей Л. Моя первая русская фонетика (俄语语音我的第一本). Пекин: Преподавание и изучение иностранных языков, 2015. 166 с.
14. Цао Ц. Связь между китайскими тонами и интонацией. Пекин: Китайский язык, 2015. 211 с. (曹剑芬.汉语声调与语调的关系.北京:中国语文.2015.211 p.).
15. Чжао Ю. Китайские иероглифы и интонация // Лингвистическая коллекция, отредактированная Ц Цзунци и др. Пекин: Коммерческая пресса, 2015. С. 734—749 (赵元任.汉语的字调跟语调.载于吴宗济等编辑的赵元任语言学论文集.北京:商务印书馆.2015. pp. 734—749).

Сведения об авторах

Березовская Ядвига Леонидовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), Челябинск, Россия. berezovskaiail@susu.ru

Ду Минвэй — магистрант 2-го года обучения кафедры русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), Челябинск, Россия. mingweidu137@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 7 (441). *Philology Sciences. Iss. 121. Pp. 21—27.*

SPECIFICITY OF THE RUSSIAN LANGUAGE INTONATION PATTERN OF A STATEMENT IN THE CHINESE NATIVE-SPEAKERS' PERCEPTION: LINGUODIDACTIC ASPECT

Ja.L. Berezovskaja

South-Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia. berezovskaiail@susu.ru

Du Minway

South-Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia. mingweidu137@gmail.com

The article deals with the problems of Russian intonation perception by the Chinese native speakers. The Chinese language that has an interfering impact during the study of the intonation patterns of the Russian language by Chinese students. The peculiarities of the intonation patterns of both languages are taken into consideration. The article also describes the correlation between such notions as “tone” and “intonation”. The auditive impression of different Russian intonation patterns of a statement is reached by the same means as in the Chinese language. The place of the accentual-intonational structure tone of a phrase is important for the Russian intonation pattern. A set of difficulties that Chinese students meet during the Russian language study has been described: accentuation of the central and postcentral parts, indiscrimination of the exclamatory and interrogative phrases, etc.

Keywords: *phonetic interference, intonation pattern, intonation, Chinese language, Russian as a foreign language.*

References

1. Berezovskaja Ja. L., Sharafutdinova O. I., Valeeva D. M. (2017) *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 12 (408), pp. 18—23 [in Russ.].
2. Grigor'eva Je.M. (2015) *Proiznoshenie, udarenie, intonacija v russkom jazyke: uchebnoe posobie* [Pronunciation, intonation, stress in Russian language: study guide]. Moscow, RUDN. 233 p. [in Russ.].
3. Zadoenko T. P. (2015) *Nachal'nyj kurs kitajskogo jazyka. Chast' I* [National course of Chinese language. Part I]. Moscow, Vostochnaja kniga [Eastern book]. 304 p. [in Russ.].
4. Zadoenko, T.P. (2015) *Nachal'nyj kurs kitajskogo jazyka. Chast' II* [National course of Chinese language. Part II]. Moscow, Vostochnaja kniga [Eastern book]. 384 p. [in Russ.].
5. Zadoenko, T.P. (2015) *Nachal'nyj kurs kitajskogo jazyka. Chast' III* [National course of Chinese language. Part III] Moscow, Vostochnaja kniga [Eastern book]. 400 p. [in Russ.].
6. Kondrashevskij A. F., Rumjanceva M. V., Frolova M. G. (2012) *Praktičeskij kurs kitajskogo jazyka: v 2 t.* [Practical course of Chinese language in 2 vol.], 12th ed., vol. 1, Moscow, Vostochnaja kniga [Eastern book]. 768 p. [in Russ.].
7. Li M. (2010) *Pedagogičeskoe obrazovanie v Rossii*, no. 4, pp. 98—105 [in Russ.].
8. Makova M. N., Uskova O. A. (2013) *V mire ljudej. Vyp. 1. Pis'mo. Govorenie: uchebnoe posobie po podgotovke k jekzamenu po russkomu jazyku dlja graždanz zarubežnyh stran (TRKI-2 — TRKI-3)* [In the world of people, 1st issue. Writing, speaking: study guide Russian language exam preparation for foreigners]. St. Petersburg, Zlatoust. 288 p. [in Russ.].
9. Rogoznaja N. N. (2012) *Bilingvizm. Interjazyk. Interferencija* [Bilingualism. Interlanguage. Interference] Irkutsk: Izd-vo IrGTU, 172 p. [in Russ.].
10. Rumjancev M. K. (1988) *Voprosy jazykoznanija*, no. 1, pp. 82—93 [in Russ.].
11. Rumjancev M. K. (2016) *Fonetika i fonologija sovremennogo kitajskogo jazyka* [Phonetics and phonology of modern Chinese language]. Moscow, AST, Vostok-Zapad. 304 p. [in Russ.].
12. Tancjan Shje, Mjeifjen H. (2008) *Russkij jazyk* [Russian language] (大学俄语 (新版)) Pekin: Izd-vo «Prepodavanie i izučenie inostrannyh jazykov» [Teaching and studying of the national languages]. 267 p. [in Chinese].
13. Fejfej L. (2015) *Moja pervaja russkaja fonetika* [My first Russian phonetics] (俄语语音我的第一本) Pekin: Izd-vo «Prepodavanie i izučenie inostrannyh jazykov» [Teaching and studying of the national languages]. 166 p. [in Chinese].
14. Cao C. (2015) *Svjaz' mezhdju kitajskimi tonami i intonaciej* [Connection between Chinese tones and intonations] Pekin: Kitajskij jazyk [Chinese language]. 211 p. (曹剑芬.汉语声调与语调的关系. —北京: 中国语文. 2015. 211 p.) [in Chinese].
15. Chzhao Ju. (2015) *Kitajskie ieroglify i intonacija* [Chinese hieroglyph and intonation] Lingvističeskaja kollekcija, otredaktirovannaja C Czunczi i dr. Pekin: Kommerčeskaja pressa, pp. 734—749 (赵元任.汉语的字调跟语调.载于吴宗济等编辑的赵元任语言学论文集. —北京:商务印书馆. 2015. Pp. 734—749) [in Chinese].

«ДОЧЬ/DAUGHTER», «СЫН/SON» В РУССКОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (АНАЛИЗ НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНЫХ СЛОВАРЕЙ)

Т. В. Борисенко

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассмотрены концепты «дочь/daughter», «сын/son». Цель статьи — анализ содержания концептов в русской и англоязычной лингвокультурах на материале ассоциативных словарей. В результате анализа выявлены особенности восприятия концептов в языковом сознании носителей каждой лингвокультуры, выделены различные семантические зоны, определены ключевые элементы.

Ключевые слова: языковое сознание, ассоциативно-вербальная сеть, концепт, лингвокультура, семья, дочь, сын.

Введение

В настоящее время большое внимание уделяется изучению языкового сознания носителей разных культур. Актуальность таких исследований подтверждается необходимостью укрепления межнациональных связей и возрастающим интересом людей к проживанию в иноязычных странах на временной или постоянной основе. Понимание особенностей определенной лингвокультуры позволяет установить более продуктивные взаимоотношения с представителями этой лингвокультуры, ассимилироваться в новой стране. Ключом к пониманию являются концепты. Цель данной работы — проведение анализа концептов «дочь/daughter» и «сын/son» в русской и англоязычной лингвокультурах. В статье применены лингвокультурологический и сравнительный методы исследования, методы анализа ассоциативно-вербальных сетей, предложенные Ю. Н. Карауловым.

Языковое сознание и ассоциативно-вербальная сеть

Языковое сознание — это «форма существования индивидуального когнитивного сознания человека разумного, человека говорящего, человека общающегося, человека как социального существа, как личности» [1. С. 51]. В психолингвистике моделью языкового сознания носителя языка и культуры принято считать ассоциативно-вербальную сеть, полученную благодаря ассоциативному эксперименту [10. С. 117].

Ассоциативный эксперимент позволяет выделить общее и специфическое в сознании представителя этноса, определить роль родного языка при формировании образа мира, рассмотреть влияние

культуры на образы языкового сознания человека [9. С. 237], «зафиксировать существование сложившейся системы», которая возникает в результате психофизической деятельности [11. С. 14].

Анализ ассоциативно-вербальных сетей, построенных на основе эксперимента, позволяет выявить системности образа мира носителей определенной культуры, обнаружить культурные стереотипы, которые отражают особенности национального характера. Ассоциации, полученные на слова-стимулы, представляют собой фрагмент образа мира индивида и этноса в целом. Любой предмет в сознании представителя того или иного этноса воспринимается в том числе и в его значении. В этом значении фиксируется культурный стереотип, который усваивается индивидом в процессе социализации [8. С. 98—99].

В. В. Красных определяет стереотип так: «некоторое представление фрагмента окружающей действительности, фиксированная “ментальная” картинка, являющаяся результатом отражения в сознании личности “типового” фрагмента реального мира» [4. С. 231]. Культурные стереотипы, или парадигмы образов сознания являются способами восприятия индивидуумами действительности. На восприятие действительности, таким образом, влияет образование, язык, культура, индивидуальный опыт. Это приводит к тому, что у людей разной национальности возникают разные реакции на один и тот же стимул. С другой стороны, возможно возникновение одинаковых реакций на разные стимулы [Там же].

Изучение ассоциативно-вербальных сетей является одним из эффективных способов определения психолингвистического значения слова.

Психолингвистическое значение слова — это «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка» [7. С. 99]. Психологическое значение слова шире, чем лексикографическое и коммуникативное. К особенностям такого значения относятся такие факты, как отсутствие разграничения многозначности и омонимии, наличие «ложных» компонентов (неправильных с точки зрения лексикографии), индивидуальных значений, значений, связанных с сочетаемостью компонентов, символических компонентов, отсылающих к прецедентным текстам, значения, указывающие на личный опыт носителей языка, есть региональные, профессиональные, гендерные и прочие компоненты [Там же. С. 100—107].

Существуют разные способы сравнения ассоциативно-вербальных сетей разных культур. Они могут отличаться по глубине и сложности проводимого анализа, принципам сопоставления сетей, полученных на основе ответов представителей разных культур. Ю. Н. Караулов предлагает несколько методов анализа, которые позволяют раскрыть особенности менталитета разных культур. Ученый считает, что эти методы можно использовать в следующем порядке:

1. Сплошное сравнение ассоциативных полей одноименных стимулов по частоте и составу первых двух реакций. Такой анализ позволяет увидеть разницу в восприятии слова-стимула носителями разных культур, тип отношений между стимулом и реакцией (предикация, номинация и др.), соотношение частот первой и второй реакции (что может указывать, например, на стремление представителей культуры к использованию/неиспользованию стандартных ассоциаций и сочетаний).

2. Пословное сопоставление одноименных ассоциативных полей двух языков. В данном случае можно сгруппировать ассоциаты и определить, какого типа ответы встречаются чаще [3. С. 191—195].

3. Сравнение семантических гештальтов. Гештальт «характеризует поле как единицу знания о мире, соотнося его строение с отраженной в нем структурой реальности». В семантическом гештальте объединено от пяти до девяти зон. Они включают в себя признаки предмета или понятия, которые являются типичными для исследуемого языкового сознания [Там же. С. 203].

Анализ ассоциативно-вербальных сетей включает в себя также изучение обратного ассоциативного словаря. Согласно А. А. Залевской, при таком подходе снимается ограничение, связанное с коли-

чеством участников эксперимента. Появляется возможность вычислить силу связей [2. С. 169—170].

Концепты «дочь/daughter», «сын/son» в ассоциативных словарях

Мы рассматриваем отражение содержания концептов «дочь/daughter», «сын/son» в Русском ассоциативном словаре (РАС), Славянском ассоциативном словаре (САС), Эдинбургском ассоциативном словаре (ЕАТ) и Словаре свободных ассоциативных норм Университета Южной Флориды (USF-FAN). Частотность реакций будет указана в скобках. Следует отметить, что в англоязычных словарях наблюдается меньшее количество разнообразных и одиночных реакций. Кроме того, количество респондентов значительно меньше, чем в русскоязычных ассоциативных словарях. Мы считаем необходимым провести более обширный ассоциативный эксперимент среди представителей англоязычной культуры. В то же время материал словарей представляется нам достаточно обширным, что при проведении комплексного анализа позволяет делать выводы об особенностях восприятия рассматриваемых концептов в англоязычной лингвокультуре.

При сплошном сравнении первых двух стимулов по частоте и составу первых двух реакций было обнаружено, что значительное количество реакций на стимул *сын* во всех словарях является *дочь* (РАС — 74, ЕАТ — 49, USF-FAN — 85). При этом в процентном соотношении ассоциат *daughter* по отношению к общему количеству всех реакций был предложен большим количеством респондентов (ЕАТ — 49%, USF-FAN — 62%). В русском ассоциативном словаре процент ответов не такой большой (14%), но наблюдается большее количество различных реакций. Аналогичная ситуация обнаруживается и по отношению к стимулам *дочь* и *daughter*. Здесь первой реакцией стало существительное *сын*. В словаре USF-FAN данный ассоциат предложен 53% респондентов (64 реакции), в ЕАТ — 62% (61), в САС — 18% (108), в РАС — 12% (58).

Следует отметить, что чем больше участников опроса, тем больше наблюдается разнообразных реакций на ассоциат. При этом часто первая реакция (реже вторая) значительно отличается по частотности от последующих. Вторые реакции на стимулы *дочь/daughter* и *сын/son* более разнообразны. В англоязычных словарях реакцией на стимул *son* стал ассоциат *father* (ЕАТ — 22, USF-FAN — 19). В Русском ассоциативном словаре — это *полка́* (35). Словосочетание *сын полка* получило широкое

распространение во время Великой Отечественной войны. Кроме того, это название детской повести В. П. Катаева. Очевидно, до сих пор оно сохранилось в сознании носителей русской культуры.

Вторым ассоциатом на стимул *дочь* и *daughter* стало существительное *мать* (САС — 39), *mother* (USF-FAN). В РАС ассоциат *мать* стоит на четвертом месте по частотности (17), а на втором месте — местоимение *моя* (41). В САС *моя* занимает третье место (24). В словаре ЕАТ на втором месте находится ассоциат *girl* (6), который значительно отличается от первой реакции по количеству респондентов, давших такой ответ. Для наглядности мы составили таблицу с ассоциатами на стимулы *сын/son* и *дочь/daughter*.

Исходя из наших наблюдений мы считаем, что исследование ассоциативно-вербальных сетей только методом сплошного сравнения одноименных стимулов по частоте и содержанию первых двух реакций не всегда достаточно. Нередко словари одного и того же языка предлагают разные по частоте первые реакции. Мы считаем, что следует рассматривать в том числе и ассоциаты, которые являются первыми в одном словаре данного языка, но занимают более низкую позицию в другом словаре этой же лингвокультуры (см. таблицу ниже).

Частотные ассоциаты на стимулы *сын/son* и *дочь/daughter*

Сын/son		Дочь/daughter		
РАС	Дочь	74 (14%)	Сын	58 (11%)
	Полка	35 (6,7%)	Моя	41 (8,3%)
	Мой	27 (5,2%)	Взрослая	23 (4,6%)
	Отец	27 (5,2%)	Мать	17 (3,4%)
САС	–	–	Сын	108 (18%)
			Мать	39 (6,5%)
			Моя	24 (4%)
ЕАТ	Daughter	49 (49,4%)	Son	61 (62,8%)
	Father	22 (22,2%)	Girl	6 (6,1%)
	Mother	4 (4%)	Father	5 (5,1%)
USF-FAN	Daughter	85 (62,9%)	Son	64 (49%)
	Father	19 (14%)	Mother	19 (14,7%)
	Boy	15 (10,7%)	Sister	13 (10%)
	Brother	6 (4,4%)	Father	6 (4,6%)

Итак, по первым наиболее частотным реакциям можно сделать вывод, что в сознании носителя русского языка дочь и сын крепко связаны с родителями, причем дочь чаще ассоциируется с матерью, а сын — с отцом. Кроме того, достаточно частой реакцией является ассоциат *мой/моя*, что, вероятно, говорит о восприятии ребенка как части себя или

о том, что он принадлежит не всем, не обществу, а семье и родителям.

В англоязычной лингвокультуре дочь и сын также ассоциируются с родителями и другими родственниками. Кроме того, обращают на себя внимание гендерные ассоциаты, подчеркивающие пол ребенка.

Следующим этапом исследования является группировка ассоциатов для определения того, какого типа реакции встречаются чаще всего. На этом этапе мы включили в область исследования такие стимулы, как *дочка*, *сын*, которые есть в Русском ассоциативном словаре.

Когда речь идет о детях, для представителя русской лингвокультуры важным является то, чьи они. Группа реакций, указывающих на принадлежность ребенка кому-то, является самой обширной для всех рассматриваемых стимулов в русскоязычных ассоциативных словарях. Так, в РАС ассоциатами на *дочь* стали *моя* (41), *мамы* (3), *адвоката* (2), *наша* (2), *дьявола* (1); *дочка моя* (3), *мамина* (2), *начальника* (1) и др. [РАС]. В словаре САС реакциями на *дочь* являются *моя* (24), *царя* (2), *доктора* (1), *друга* (1) и др. [6]. Были также обнаружены ассоциаты, которые составляют с существительными *дочь*, *дочка* закрепившиеся в языке словосочетания, связанные с художественными произведениями и фильмами. Ср.: капитанская дочка, дочь капитана (повесть А. С. Пушкина), дочь генерала (фильм «Генеральская дочь»), дочь Монтесумы (роман Г. Р. Хаггарда), дочь командира (военный фильм) и др. Таким образом, мы видим, насколько сильно искусство влияет на формирование языкового сознания индивида.

Ассоциатами на стимул *сын* в РАС стали *полка* (35), *мой* (27), *матери* (3), *отечества* (2), *Родины* (2). На стимул *сын* встретилось несколько реакций, связанных с принадлежностью кому-то: *маменькин* (7), *мой* (2), *мой!* (1) [5]. Итак, сын в русском языковом сознании во многом ассоциируется с Родиной и родителями (сын *полка*, сын *Отечества*, сын *Родины*, сын *земли*, сын *матери*, сын *своего отца*, сын *родителей* и др.).

В англоязычных словарях самой большой группой ассоциатов является группа «семья». *Сын* и *дочь* в англоязычной лингвокультуре воспринимаются в первую очередь как члены семьи. При этом реакции на стимулы *son* и *daughter* представляют собой наименования родственников первой степени родства (*mother* (19), *sister* (13), *son* (64), *brother* (6), *dad* (6)) [12; 13].

Проведенный анализ семантических гештальтов позволил определить типичные для

рассматриваемых лингвокультур зоны, связанные с концептами «сын/son» и «дочь/daughter».

Семантическими гештальтами ассоциативных полей *дочери* стали следующие группы: «принадлежность кому-то» (*моя, брата, врача*), «семья» (*отец, сын, муж, родители, брат*), «положительные качества» (*послушная, умная, помощница*), «отрицательные качества» (*непослушная, эгоистка, непутевая*), «внешность» (*красивая, толстая, симпатичная*), «отношение к дочери» (*счастье, радость, грусть*), «возраст» (*взрослая, старшая, юная*), «совершаемые действия» (*пришла, выходит замуж, растет*), «атрибуты» девочки (*бантики, длинные волосы, платье*), «потребность в дочери» (*будущее, не дай бог, нужна*). Выделяются также единичные реакции, которые можно отнести к периферии концепта *дочь*: «гендер» (*девочка, она, женщина, девчушка*), «профессия» (*артист, начальник, пират, писательница*), «брак» (*замужняя, внебрачная*). Аналогичные группы выделяются и в обратном словаре.

Зона «родственники» представлена лексемами, характеризующими родственников как первой степени родства (количественно их больше), так и менее близких (их значительно меньше, например: *внук, племянница*).

В англоязычных ассоциативных словарях предложено небольшое количество уникальных реакций на стимул *daughter*. В обратных словарях также выделено немного стимулов, реакцией на которые стал ассоциат *daughter*. Мы считаем возможным выделить следующие семантические гештальты: «семья» (*son, mother, sister*), «ребенок» (*child, baby, girl*), «положительные качества» (*loving, beautiful, virginity*). В словарях встречаются реакции, описывающие принадлежность дочери кому-то, но они единичные и относятся к периферии концепта *daughter* (*mother's, mine, devil*).

Анализ ассоциативных словарей позволил определить также зоны для концепта *сын*: «принадлежность кому-то» (*брата, народа, мамин*), «положительные качества» (*хороший, умный, добрый*), «отрицательные качества» (*плохой, балбес, капризный*), «семья» (*дочь, отец, сват*), «отношение к сыну» (*родной, дорогой, счастье*), «совершаемые действия» (*вернулся, подрастает, спит*), «возраст» (*взрослый, младенец, старший*), «социальное положение» (*студент, институт, машина, солдат*), «потребность в сыне» (*будет, мечта, не хочу, рано*). К периферии концепта *сын* можно отнести группу «внешность» (*красивый, беленький*), «служба» (*в армии, солдат, генерала*). Как мы видим, зоны,

входящие в концепты «дочь» и «сын», практически совпадают. Вероятно, это связано с тем, что они находятся на одном уровне родства и различия между восприятиями концептов в русской культуре связаны в основном с гендерными атрибутами (для девочки — *бантик, кукла*, для мальчика — *индеец, солдат*).

При рассмотрении реакций на стимул *дочка* и *сын* мы обнаружили схожие семантические зоны. Кроме того, вероятно, на формирование ассоциаций повлияли уменьшительно-ласкательные суффиксы, которые вызвали больше ассоциатов, связанных с семьей и ласковым, нежным отношением к ребенку (*красавица, умница, малыш, миленький*).

К семантическим гештальтам концепта *son* относятся: «семья» (*father, parent, sister*), «религия» (*Christ, Jesus, God*), «возраст» (*boy, junior*), «ребенок» (*child, babe*). Заметим, что зоны концептов *son* и *daughter* также частично совпадают. Выделяется гештальт религия по отношению к концепту *son*.

Проведенный анализ позволил определить следующие сложности в работе с ассоциативно-вербальными полями. Во-первых, не всегда возможно точно определить, какое значение многозначной лексемы является приоритетным для респондента. Этот вопрос особенно важно разрешить при определении того, какое в целом отношение у носителей языка к данному концепту: положительное или отрицательное. Например, такие ассоциаты, как *бандит, двоечник и лодырь*, могут быть как следствием негативного отношения к сыну и его неудачам, так и своеобразным, принятым в семье способом пожурить ребенка (при этом лексемы не будут нести на себе резко отрицательной нагрузки). Важно уделять особое внимание таким ассоциатам при анализе иноязычного материала, так как существует высокая вероятность их ошибочного истолкования. Во-вторых, среди реакций на стимул наблюдается определенное количество индивидуальных ассоциатов, которые сложно объяснить, не зная респондента лично. Например, среди реакций на стимул *сын* были *металл, дым, угол*, а на дочь — *луна, дичь, 1949*. Можно предположить, например, что сын респондента работает на заводе с металлом или часто стоит в углу, но любое предположение может оказаться ошибочным. В-третьих, наличие в английском языке небольшого количества суффиксов и окончаний, образование слов с помощью конверсии, опущение 's также иногда препятствует достоверной интерпретации ассоциатов. Например, нельзя утверждать однозначно, относится ли лексема *milkmaid* к профессии дочери или же респондент

имел в виду *milkmaid's daughter*. Очевидно, что для снятия сомнений, связанных с такими реакциями, необходимо проведение дополнительных экспериментов, например, направленного ассоциативного эксперимента. В целом количество «сомнительных» реакций не влияет принципиально на общее понимание содержания концепта.

Выводы

Итак, проведенный анализ позволил прийти к следующим выводам. Концепты *дочь*, *сын* и *son*, *daughter* близки друг другу в одной лингвокультуре. Они имеют много общих черт (схожие первичные реакции, семантические зоны,

общая наиболее обширная семантическая зона). В то же время различия между концептами связаны с гендерными характеристиками. При сравнении русской и англоязычной лингвокультур мы обнаружили, что концепты тесно связаны с семьей и родственниками, в англоязычной культуре этот признак является преобладающим. Возраст также является важным компонентом концептов. В русской лингвокультуре большое внимание уделено принадлежности ребенка кому-то, выделяется особое отношение к социальному статусу сына и к предметам, ассоциирующимся с дочерью. В английской лингвокультуре подчеркивается религиозная составляющая.

Список литературы

1. Зимняя И. А. Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность*. М., 1993. С. 51—58.
2. Залевская А. А. Введение в психолингвистику: учебник. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1999. 349 с.
3. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // *Этнокультурные исследования языкового сознания*. М, 2000. С. 191—206.
4. Красных В. В. Свой среди чужих: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
5. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / под ред. Ю. Н. Караулова, Г. А. Черкасовой, Н. В. Уфимцевой, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения 01.05.2020).
6. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / под ред. Н. В. Уфимцевой, Г. А. Черкасовой, Ю. Н. Караулова, Е. Ф. Тарасова. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/index.html> (дата обращения 01.05.2020).
7. Стернин И. А., Рудакова А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание. [Изд-во] Ламберт, 2011. 192 с.
8. Уфимцева Н. В. Образ мира русских: системность и содержание. *Язык и культура*. 2009. № 4 (8). С. 98—111.
9. Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.; Калуга: РАН. Ин-т языкознания, 2011. 252 с.
10. Уфимцева Н. В. Языковое сознание — образ мира — языковая картина мира // *Вопросы психолингвистики*. 2015. № 2 (24). С. 115—119.
11. Ушакова Т. Н. Понятие языкового сознания и структура рече-мысле-языковой системы // *Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты*. М.; Барнаул, 2004. С. 6—17.
12. The Edinburgh Associative Thesaurus. URL: <http://rali.iro.umontreal.ca/word-associations/query/> (дата обращения 01.05.2020).
13. University of South Florida Free Association Norms. URL: <http://rali.iro.umontreal.ca/word-associations/query/> (дата обращения 01.05.2020).

Сведения об авторе

Борисенко Татьяна Владимировна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. tatiana-tv11@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 7 (441). *Philology Sciences. Iss. 121. Pp. 28—33.*

“ДОЧЬ/DAUGHTER”, “СЫН/SON” IN RUSSIAN AND ENGLISH-SPEAKING LINGUOCULTURES (ANALYSIS BASED ON THE ASSOCIATIVE THESAURI)

T. V. Borisenko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. tatiana-tv11@yandex.ru

The article deals with concepts “дочь/daughter”, “сын/son”. The aim of the work is to study this concept in Russian and English-speaking linguocultures. The research will allow broadening the understanding of the language consciousness of Russian and English native speakers, differentiating some peculiarities of their world image. Methods of linguacultural and comparative analysis are used here. We also employ methods of associative-verbal nets study suggested by Yu. N. Karaulov. As a result we underline common semantic group for the concept (family), find the responses that are the same in both linguocultures. Besides we trace differences in the perception of the concepts “дочь/daughter”, “сын/son”, find peculiar semantic zones, define key elements. It was found that daughter and son have similar semantic zones in each linguoculture, however the differences are connected to gender characteristics. It is important to know whose child it is for the Russian linguaculture. In English linguaculture the main semantic group consists of the lexems that describe close relatives. In this article we also underline some problems that arise during the analysis of associative-verbal nets.

Keywords: *language consciousness, associative-verbal network, concept, linguistic culture, family, daughter, son.*

References

1. Zimnyaya I. A. (1993) Sposob formirovaniya i formulirovaniya mysli kak real'nost' yazykovogo soznaniya [The way of forming and formulating of the thought as the reality of language consciousness]. *Yazyk i soznanie: paradoksal'naya ratsional'nost'* [Language and consciousness: paradox reality]. Moscow. Pp. 51—58. [in Russ.].
2. Zalevskaja A. A. (1999) Vvedenie v psiholingvistiku [Introduction to psycholinguistics]. Moscow. 349 p. [in Russ.].
3. Karaulov Ju. N. (2000) Pokazateli nacional'nogo mentaliteta v asociativno-verbal'noj seti [National mentality marker in associative-verbal net] // *Etnokul'turnye issledovaniya jazykovogo soznaniya* [Etnocultural study of language consciousness]. Moscow. Pp. 191—206 [in Russ.].
4. Krasnykh V. V. (2003) Svoy sredi chuzhikh: mif ili real'nost'? [Friend among foes: a myth or reality?]. Moscow, Gnozis. 375 p. [in Russ.].
5. Karaulov Yu. N. [et al.] (eds.). *Russkij assotsiativnyj slovar* [Russian associative dictionary] in 2 vol. Available at: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>, accessed 01.05.2020 [in Russ.].
6. Ufimtseva N. V. [et al.] (eds.). *Slavyanskij assotsiativnyj slovar. Russkij, belorusskij, bolgarskij, ukrainskij* [Slavonic associative dictionary. Russian, Belorussian, Bulgarian]. Available at: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/index.html>, accessed 01.05.2020 [in Russ.].
7. Sternin I. A., Rudakova A. V. (2011) *Psicholingvisticheskoe znachenie slova i ego opisanie* [Phylogological meaning of a word and its description]. Lambert. 192 p. [in Russ.].
8. Ufimtseva N. V. (2009) *Yazyk i kul'tura*, 2009, no. 4 (8), pp. 98—111 [in Russ.].
9. Ufimtseva N. V. (2011) *Yazykovoe soznanie. Dinamika i variativnost'* [Language consciousness. Dynamic and variety]. Moscow, Kaluga. 252 p. [in Russ.].
10. Ufimtseva N. V. (2015) *Voprosy psicholingvistiki*, no. 2 (24), pp. 115—119 [in Russ.].
11. Ushakova T. N. *Ponyatie yazykovogo soznaniya i sturktura reche-mysle-yazykovoy sistemy* [Notion of language consciousness and the structure of speech-thought-language system]. *Yazykovoe soznanie: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Language consciousness: theoretical and practical aspects], Moscow, Barnaul, 2004. Pp. 6—17 [in Russ.].
12. The Edinburgh Associative Thesaurus. Available at: <http://rali.iro.umontreal.ca/word-associations/query/>, accessed 01.05.2020.
13. University of South Florida Free Association Norms. Available at: <http://rali.iro.umontreal.ca/word-associations/query/>, accessed 01.05.2020.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК СО СТРУКТУРОЙ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ *БОЛЕЗНЬ — ЗДОРОВЬЕ*, В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Р. Р. Ганиева

Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Россия

Рассмотрены сложносочиненные и сложноподчиненные предложения в системе пословиц и поговорок, характеризующих *болезнь — здоровье*, в английском и русском языках. Выделены различные типы связи внутри сложносочиненного предложения и рассмотрены союзы, выступающие средством выражения синтаксических отношений в языке пословиц и поговорок. Среди сложноподчиненных предложений проанализированы субъектные, дополнительные, определительные и наречные придаточные.

Ключевые слова: *сложное предложение, сложносочиненное предложение, сложноподчиненное предложение, субъектное придаточное, дополнительное придаточное, определительное придаточное, наречное придаточное.*

Сопоставительное изучение пословиц и поговорок на основе анализа материала различных языков позволяет выявить общее, свойственное всем языкам, и специфические черты, характерные только для одной группы языков. Теоретическая значимость работы заключается в определении грамматических особенностей пословиц и поговорок в двух разноструктурных языках. Научная новизна исследования состоит в том, что проведен анализ функционально-грамматической организации пословиц и поговорок, вербализующих *болезнь — здоровье*, в рассматриваемых языках.

Грамматическая структура пословиц и поговорок не раз привлекала внимание ученых и была предметом исследования в работах А. В. Кунина, Г. А. Набиуллинной, И. А. Новиковой и др. И. А. Новикова рассмотрела структурное своеобразие поговорок английского языка. Г. А. Набиуллина изучала синтаксический строй пословиц — сложных предложений на материале татарского языка. Профессор А. В. Кунин исследует синтаксическую структуру пословиц английского языка, в частности пословиц со структурой простого предложения. Опираясь на классификацию сложных предложений В. Л. Каушанской, в данной статье представлена синтаксическая структура и сопоставляются синтаксические особенности пословиц и поговорок со структурой сложного предложения в английском и русском языках.

В. Л. Каушанская выделяет следующие типы связи внутри сложносочиненного предложения: соединительную, разделительную, противительную, причинно-следственную связь [5]. На основе анализа

фактического материала сложносочиненные предложения с союзом *and/u* по характеру выражаемых отношений делятся на две группы:

1) предложения, в которых союз *and* соединяет части с противительными отношениями в английском языке: *The guts uphold the heart, and not the heart the guts; The belly carries the legs, and not the legs the belly;*

2) предложения со следственными отношениями в русском языке: *Сердце веселится, и лицо цветет.*

Союзы *but/но, a, da* выступают распространенным средством выражения синтаксических отношений в языке пословиц и поговорок. Одна из основных функций союзов *but/но, a, da* — быть компонентом сложносочиненного предложения с противительными отношениями. Содержание одной части противоположно тому, что ожидается из смысла другой части: англ. *It is not work that kills, but worry; The spirit is willing, but the flesh is weak;* рус. *Дух бодр, да плоть немощна; Других лечить беремся, а сами больны; Не лечиться худо, а лечиться еще хуже; Не работа крушит, а забота сушит; Муж любит жену здоровую, а брат сестру богатую; Недосол на столе, а пересол на спине; Больному и мед не вкусен, а здоровый и камень ест; Человека лень не кормит, а здоровье только портит.* Как видно из примеров, противительные отношения нередко осложняются оттенками ограничительности, уступки, условия и т. д. Следует отметить, что в русском языке союз *a* используется чаще.

Наиболее распространенными видами пословиц и поговорок, имеющих структуру сложносочиненного предложения, являются следующие:

а) обе части предложения — двусоставные: англ. *The spirit is willing, but the flesh is weak*; рус. *Дух бодр, да плоть немощна; Не работа крушит, а забота сушит*.

б) одна часть двусоставная, другая — односоставная: англ. *The guts uphold the heart, and not the heart the guts*; рус. *Муж любит жену здоровую, а брат сестру богатую; Болезнь не бывает без тревог, а человек — без ошибок*.

Специфика сложноподчиненного предложения состоит в том, что одно из предложений, входящих в состав сложного, приспособлено к зависимому статусу в составе целого. Значение сложноподчиненного предложения происходит на основе структуры и наполнения в его предложениях [1. С. 336]. В. Л. Каушанская выделяет следующие типы сложноподчиненных предложений в соответствии с их грамматическими функциями: субъектные, предикативные, определительные, дополнительные и наречные [5].

Субъектные придаточные выполняют функцию подлежащего к сказуемому главного предложения. В главном предложении отсутствует подлежащее, субъектное придаточное выступает в роли подлежащего. Субъектные придаточные связаны союзами: *that/что, if/если, whether/ли*; соединительными словами: *who/кто, which/который, what/что* (соединительные местоимения); *where/где, when/когда, how/как, why/почему* (соединительные наречия); англ. *What you don't know can't hurt you; What can't be cured must be endured*; рус. *Сам себя губит, кто других не любит; Кто не отдыхает, долго не протянет*. Субъектные придаточные являются малочисленными в системе пословиц и поговорок со структурой сложноподчиненного предложения в исследуемых языках.

Дополнительные придаточные выполняют функцию дополнения к сказуемому главного предложения. Дополнительные придаточные связаны с главным предложением посредством союзов: *that/что, if/если, whether/ли*; соединительных слов: *who/кто, which/который, what/что, whoever / кто бы ни, whichever / какой бы ни* (соединительные местоимения); *where/где, when/когда, how/как, why/почему* (соединительные наречия); англ. *What the eye doesn't see, the heart doesn't grieve over; Whom the gods would destroy, they first make mad*; рус. *Сама болезнь скажет, чего хочет; И собака знает, что травой лечатся*.

Определительные придаточные выступают в качестве определения к существительному главного предложения. Определительные придаточные связаны с главным предложением посредством союзов: *that/кто, том, который, whether/ли*; соединительных слов: *how/как, why/почему* (соединительные наречия); отно-

сительных местоимений: *who/кто, whose/чей, which/который, as / какой, который, что*; относительных наречий: *where/где, when/когда*; англ. *He that has but one eye, sees better for it*; рус. *Кто рано встает, тот вдвое живет; Кто встал до дня, тот днем здоров; Кто не болел, тот здоровью цены не знает; Не всякий умирает, кто хворает; Тот здоровью не знает, кто болен не бывает; У кого болят кости, тот не думает в гости*. Определительные придаточные широко представлены в русском языке; в английском языке их количество ограничено.

Общую картину функций, выполняемых определительными придаточными в пословицах и поговорках, можно представить в следующем виде:

1. Придаточные развертывают, конкретизируют значение субъекта в главной части, выраженного указательным местоимением *that/кто, том, который*: англ. *He who is born a fool is never cured*; рус. *Кто рано встает, тот вдвое живет; Кто встал до дня, тот днем здоров; Кто не боится холеры, того она боится; Кто не болел, тот здоровью цены не знает; Кто не курит, кто не пьет, тот здоровье бережет*.

2. Придаточные относятся к указательному или определительному местоимению в главной части, выполняющему роль дополнения, наполняя его конкретным содержанием: *Что у кого / у кого что болит, тот о том и говорит; У кого не болит, у того и не свербит; Чем ушибся, тем и лечись; У кого болит, тот и кричит*. В английском языке примеры отсутствуют.

Наречные придаточные выполняют функцию обстояательства, которое может определять глагол, прилагательное или наречие в главном предложении. В. Л. Каушанская выделяет следующие виды наречных предложений: придаточные времени, места, причины, цели, условия, уступки, следствия, образа действия и сравнения [5]. На основе анализа пословиц и поговорок со структурой сложноподчиненного предложения, обозначающих *болезнь — здоровье*, были выявлены следующие виды наречных придаточных.

Придаточные времени присоединяются при помощи следующих союзов: *when / когда, как; while / пока, в то время как; whenever / когда бы ни, as / когда, в то время как; till / до, до тех пор; until/до; as soon as / как только, не позже; as long as /пока; since / с тех пор как; after / после того как; before / прежде чем; now that / теперь, когда*; англ. *Health is not valued till sickness comes*; рус.: *Здоровье не ценится, пока не придет болезнь; Пока сердце не заболит, глаза не плачут*.

Известно, что в синтаксисе придаточные предложения с союзом *when/когда* способны выражать разнообразные смысловые отношения — временные, условные, объектно-изъяснительные и др. Так же

обстоит дело в синтаксисе пословиц и поговорок: англ. *When the blind lead the blind, both shall fall into the ditch*; рус. *За неволю хода, когда ноги болят*.

В придаточных места используются союзы *where / где, куда; wherever / где бы ни, куда бы ни*. В русском языке придаточная часть в большинстве случаев соотносится с наречиями *там, тут, везде, туда*. Она состоит из двух-трех знаменательных слов, параллельно соотнесенных с соответствующими компонентами грамматически господствующей части: англ. *The thread breaks where it is weakest; Seek your salve where you get your sore*; рус.: *Где больно — тут рука, а где мило — тут глаза; Где больно — хватъ-похватъ, где мило — глядь-поглядъ; Где просто, там живут лет сто; Где много лекарей, там много и больных/недугов*. В русском языке нередко части сложного целого представляются неполными структурами, состоящими главным образом из форм именительного падежа существительных в субъектной функции в сочетании с наречиями: *Где пиры да чаи, там и немочи; Где больно, там рука, где мило, там глаза*.

Придаточные условия связаны с главным предложением посредством союзов *if/если; unless / если не; suppose, in case / в случае если; on condition that / при условии что; provided / при условии что* и т. д.; англ. *I reckon being ill as one of the great pleasures of life, provided one is not too ill and is not obliged to work till one is better*; рус. *Если хочешь долго жить и быть здоровым, ешь, как кошка, и пей, как собака*.

В придаточных сравнения употребляются союзы *than/чем; as / что, как; as... as / также... как; not so... as / не такой... как; as if / как будто; as though / как будто*; англ. *Better eye sore than all blind; The remedy is worse than the disease*; рус. *Легче самому болеть, чем за больным ухаживать; Ранить легче, чем лечить*.

Части сложного предложения могут быть структурно разнообразными в системе пословиц и поговорок анализируемых языков:

1. Двусоставные конструкции, различаемые по степени полноты:

а) обе части представлены двусоставными полными предложениями: англ. *Health is not valued till sickness comes; Whom the gods would destroy, they first make mad*; рус. *Здоровье не ценится, пока не придет болезнь; У кого ум короткий, у того язык длинный*.

б) одна часть представлена двусоставным неполным предложением; действие связано с одним субъектом и в главном, и в придаточном предложениях: англ. *He who is born a fool is never cured*; рус. *Та душа не жива, что по лекарям пошла*.

2. Одна часть — двусоставная, другая — односоставная: англ. *Seek your salve where you get your sore*;

рус. *Здоровье не купишь — его разум дарит*.

3. Обе части — односоставные конструкции: англ. *Better bend the neck than bruise the forehead*; рус. *Мешиай дело с бездельем, проживешь век с весельем; Больного не трогай — стонать будет*.

При рассмотрении форм времени в сложноподчиненных предложениях в системе пословиц и поговорок, реализующих *болезнь — здоровье*, выявлены следующие закономерности:

1. Наиболее характерным является употребление настоящего времени в сложноподчиненных предложениях, выражающее многократные, повторяющиеся действия.

а) В обеих частях используется глагольное сказуемое: англ. *Health is not valued till sickness comes; What can't be cured must be endured*; рус. *Тот здоровья не знает, кто болен не бывает; У кого болит, тот и кричит; У кого болят кости, тот не думает в гостях; У кого не болит, у того и не свербит; Кто не болеет, тот не знает цену здоровья; Кто рано встает, тот вдвое живет; Кто не боится холеры, того она боится; Не всякий умирает, кто хворает*. Это наиболее распространенный тип придаточных предложений.

б) Встречаются пословицы и поговорки, в которых соотносятся настоящее время — в придаточном предложении, будущее — в главном: англ. *When the blind lead the blind, both shall fall into the ditch*; рус. *Кто не отдыхает, долго не протянет; Сама болезнь скажет, чего хочет*.

в) Будущее время в придаточной части и настоящее время в главной характерны только для русского языка: *Здоровье не ценится, пока не придет болезнь*.

2. Будущее время передает значение потенциальности: рус. *Здоров будешь — все добудешь; Здоров буди и денег добуди*. Данный тип предложений встречается только в русском языке.

3. Прошедшее время имеет значение нелокализации во времени действий. В анализируемых языках найдены примеры пословиц и поговорок, для которых характерно использование глагола прошедшего времени в придаточном предложении и настоящего времени — в главном: англ. *Whom the gods would destroy, they first make mad*; рус. *Кто не болел, тот здоровью цены не знает*.

Сопоставительное исследование структурно-грамматических характеристик пословиц и поговорок со структурой сложного предложения в разноструктурных языках способствует выявлению сходств и различий в структуре пословиц и поговорок. Различия в грамматических характеристиках пословиц и поговорок английского и русского языков обусловлены внутрискруктурными признаками и различным стро-

ем данных языков [10]. Таким образом, среди сложносочиненных предложений английского и русского языков преобладают пословицы и поговорки с противительными отношениями. Это объясняется тем, что во многих пословицах и поговорках со структурой сложного предложения используется антитеза, одной из форм создания которой является сложносочиненное предложение с противительными отношениями. Сопоставительное исследование сложносочиненных и сложноподчиненных предложений показало, что пословицы и поговорки со структурой сложноподчиненного предложения в английском и русском языках

имеют значительное количественное превосходство. Анализ фактического материала выявил такие типы придаточных предложений, как субъектные, дополнительные, определительные и наречные придаточные (придаточные времени, места, условия, сравнения). В русском языке преобладают сложноподчиненные предложения с придаточным определительным; количественное соотношение типов сложноподчиненных предложений в английском языке одинаково. Наиболее характерным является употребление настоящего времени в сложных предложениях.

Список литературы

1. Бархударов С. Г., Щерба Л. В. О русском. М.: Изд-во МГУ, 1958.
2. Боровых Е. А. Антонимическая парадигма в русских и английских поговорках: структурно-семантический и культурологический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 238 с.
3. Гриченко Л. В. Русские и английские пословицы побудительной семантики: дис. ... канд. филол. наук. Ростов на/Д, 2006. 199 с.
4. Каримова Р. Х. Концепт «труд/лень» в паремиологии неродственных языков: На примере немецкого, английского, русского, башкирского и татарского языков: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 199 с.
5. Каушанская В. Л., Ковнер Р. Л., Кожевникова О. Н., Прокофьева Е. В., Райнес З. М., Сквирская С. Е., Цырлина Ф. Я. Грамматика английского языка. Пособие для студентов педагогических институтов. М.: Айрис-пресс, 2009. 384 с.
6. Майтиева Р. А. Структурно-семантическая характеристика пословиц и поговорок даргинского языка в сопоставлении с английским: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2011. 167 с.
7. Мирзаева Т. А. Оценка человека в пословицах и поговорках русского, английского, испанского и табасаранского народов: морально-нравственная сфера: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2008. 212 с.
8. Сакаева Л. Р., Фаткуллина Ф. Г., Ялалова Р. Р. Структурно-грамматическая характеристика субстантивных и адъективных фразеологических единиц, характеризующих болезнь — здоровье в английском, немецком и русском языках // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22, № 3. С. 735–739. URL: <http://bulletin-bsu.com/arch/2017/3/>; http://bulletin-bsu.com/archive/files/2017/3/28_5312_Sakaeva_v2_735-739.pdf.
9. Тарланов З. К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. Петрозаводск, 1999. 446 с.
10. Ялалова Р. Р. Фразеологические единицы, характеризующие болезнь — здоровье, в английском, немецком и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2014. 307 с.
11. Sakaeva L. R., Yalalova R. R. Structural-grammatical peculiarities of phraseological units characterizing disease — health in the English, German and Russian languages // Life Science Journal. 2014. Vol. 11, iss. 5. P. 547—550. URL: <http://www.lifesciencesite.com.82>.
12. Sakaeva L. R., Yalalova R. R., Yahin M. A. Structural-grammatical analysis of substantive and adjectival phraseological units characterizing disease — health // The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication. 2017. Special Edition. P. 693—697. URL: <http://www.tojdac.org/tojdac/VOLUME7-APRLSPCL.html>; http://www.tojdac.org/tojdac/VOLUME7-APRLSPCL_files/tojdac_v070ASE169.pdf.
13. The Concise Oxford Dictionary of Proverbs / ed. by J. Simpson. Oxford University Press, 1998. 363 p.

Сведения об авторе

Ганиева Рина Раефовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романо-германских языков и методик их преподавания Набережночелнинского государственного педагогического университета, Набережные Челны, Россия. anira1988@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 7 (441). Philology Sciences. Iss. 121. Pp. 34—38.

SYNTACTIC FEATURES OF PROVERBS AND SAYINGS WITH THE STRUCTURE OF A COMPOSITE SENTENCE CHARACTERIZING *DISEASE — HEALTH IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES*

R. R. Ganieva

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russia. anira1988@mail.ru

The aim of this article is to identify structural and grammatical similarities and differences of proverbs and sayings with the structure of a composite sentence in the English and Russian languages. The material of the research is a list of proverbs and sayings of the English and Russian languages taken from monolingual and bilingual dictionaries. The main methods are the method of continuous sampling of material and the comparative-typological method. The article is devoted to comparison of proverbs and sayings with the structure of a compound sentence. Also, the article considers the types of a complex sentences and conjunctions connecting the main clause with the subordinate clause. Thus, the following kinds of a complex sentence are explored: subject, object, attributive, and adverbial subordinate clauses.

Keywords: *phraseological unit, composite sentence, compound sentence, complex sentence, subject clause, object clause, attributive clause, adverbial clause.*

References

1. Barkhudarov S. G., Shherba L. V. (1958) O russkom sintaksise [About Russian syntax]. Moscow, Moscow State University Publ. [in Russ.].
2. Borovykh E. A. (2007) Antonimicheskaya paradigma v russkikh i anglijskikh paremiyakh: strukturno-semanticeskij i kul'turologicheskij aspekty [Antonymic paradigm in Russian and English paremias: structural-semantic and cultural aspects]. Chelyabinsk. 238 p. [in Russ.].
3. Grichenko L. V. (2006) Russkie i anglijskie poslovitsy pobuditel'noj semantiki [Russian and English proverbs of incentive semantics]. Rostov-on-Don. 199 p. [in Russ.].
4. Karimova R. Kh. (2004) Kontsept "trud/len'" v paremiologii nerodstvennykh yazykov: Na primere nemetskogo, anglijskogo, russkogo, bashkirskogo i tatarskogo yazykov [The concept "labor/laziness" in the paremiology of unrelated languages: on the example of German, English, Russian, Bashkir and Tatar languages]. Ufa. 199 p. [in Russ.].
5. Kaushanskaya V. L., Kovner R. L., Kozhevnikova O. N., Prokof'eva E.V., Rajnes Z. M., Skvirskaya S. E., Tsyrlina F. Ya. (2009) Grammatika anglijskogo yazyka. Posobie dlya studentov pedagogicheskikh institutov [Grammar of the English language. Manual for students of pedagogical institutes]. Moscow, Ajris-press Publ. 384 p. [in Russ.].
6. Majtieva R. A. (2011) Strukturno-semanticeskaya kharakteristika poslovits i pogovorok darginского yazyka v sopostavlenii s anglijskim [Structural and semantic characteristics of proverbs and sayings of the Dargin language in comparison with the English language]. Makhachkala. 167 p. [in Russ.].
7. Mirzaeva T. A. (2008) Otsenka cheloveka v poslovitsakh i pogovorkakh russkogo, anglijskogo, ispanskogo i tabasaranskogo narodov: moral'no-nravstvennaya sfera [The assessment of a man in the proverbs and sayings of the Russian, English, Spanish and Tabasaran people: moral sphere]. Stavropol. 212 p. [in Russ.].
8. Sakaeva L. R., Fatkullina F. G., Yalalova R. R. (2017) *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 22, no. 3, pp. 735–739. Available at: <http://bulletin-bsu.com/arch/2017/3/>; http://bulletin-bsu.com/archive/files/2017/3/28_5312_Sakaeva_v2_735-739.pdf [in Russ.].
9. Tarlanov Z. K. (1999) Russkie posloviцы: sintaksis i poehtika [Russian proverbs: syntax and poetics]. Petrozavodsk. 446 p. [in Russ.].
10. Yalalova R. R. (2014) Frazеологические единицы, характеризующие болезнь — здоров'е, в английском, немецком и русском языках [Phraseological units characterizing disease – health in the English, German and Russian languages. Cand. Diss.]. Kazan. 307 p. [in Russ.].
11. Sakaeva L. R., Yalalova R. R. (2014) Structural-grammatical peculiarities of phraseological units characterizing disease — health in the English, German and Russian languages. *Life Science Journal*, vol. 11, iss. 5, pp. 547—550, available at: <http://www.lifesciencesite.com.82>.
12. Sakaeva L. R., Yalalova R. R., Yahin M. A. (2017) Structural-grammatical analysis of substantive and adjectival phraseological units characterizing disease – health. *The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication*, special edition, pp. 693—697, available at: <http://www.tojdac.org/tojdac/VOLUME7-APRLSPCL.html>; http://www.tojdac.org/tojdac/VOLUME7-APRLSPCL_files/tojdac_v070ASE169.pdf.
13. (1998) *The Concise Oxford Dictionary of Proverbs*. Oxford University Press. 363 p.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ АРАБСКИХ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

И. В. Глухова, А. М. Ханафеева

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья является частью исследования в области национально-культурных и психологических особенностей арабских студентов в лингводидактическом аспекте. Цель — разработка и обоснование рекомендаций для создания адекватных учебных материалов в контексте национально ориентированного подхода. Приводится описание национально обусловленных характеристик арабских студентов, с учетом которых осуществляется выбор приемов и методов обучения, а также приводятся примеры национально ориентированных заданий. Значимость данного исследования подтверждается инновационным потенциалом национально ориентированного обучения и восстановлением популярности русского языка как иностранного в странах арабского региона.

Ключевые слова: *национально-языковая ориентация, национально ориентированное обучение, национально ориентированный подход, русский язык как иностранный, методика обучения русскому языку как иностранному.*

С конца XX в. в российской системе образования происходят существенные изменения, связанные с глобализацией и коммерциализацией образования, предложением разнообразных форматов обучения и тенденцией к стандартизации и государственному контролю процесса обучения иностранных граждан в русскоязычной среде. Эти изменения оказывают значительное влияние на систему обучения русскому языку как иностранному.

Распад СССР и утрата прежнего геополитического влияния на постсоветском пространстве и в мире способствовали снижению популярности русского языка: сокращалась численность иностранных граждан, изучающих или стремящихся изучать его, менялся их национальный состав и социальный статус и, соответственно, культурный и образовательный уровень. Но в настоящее время активно идет процесс восстановления статуса русского языка как средства международного общения, и многие исследователи указывают на его перспективу стать глобальным языком коммуникации. Подтверждением тому является факт, что русский язык занимает второе место в Интернете по использованию, уступая только английскому языку.

В последнее время в российские вузы, в том числе в Челябинский государственный университет, приезжает на обучение все больше граждан из стран Африки, Юго-Восточной Азии, Ближнего и Дальнего Востока. Статистика также отмечает заметную тенденцию к увеличению количества обучающихся из арабских стран. Сегодня они пред-

ставляют самую многочисленную группу иностранных студентов (180 чел.), обучающихся в ЧелГУ. Результаты проведенного нами анкетирования показывают, что 72% студентов выбирают изучение русского языка с целью дальнейшего обучения в России (предпочтение отдается медицинским и инженерным специальностям). В то же время часть студентов, приезжающих учиться в рамках государственной программы, имеют низкую мотивацию к изучению русского языка, поскольку им не предоставляется право выбора страны для обучения.

Наша практика показывает, что трудности в изучении русского языка у арабских студентов вызваны не только различием между родным и изучаемым языками и сложной адаптацией в русскоязычной среде, но и недостаточным учетом особенностей менталитета и национального характера этих студентов при организации обучения. Соответственно, внедрение в учебный процесс элементов национально ориентированной методики и создание позитивной образовательной среды, на наш взгляд, будут способствовать снятию этих трудностей. Таким образом, актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью корреляции методики преподавания русского как иностранного для студентов из арабских стран, обучающихся в моноязычной группе в русскоязычной среде.

Проблема исследования. При создании учебных материалов, предназначенных для иностранных студентов, следует исходить из основных положений национально ориентированной

методики преподавания русского как иностранного, а также из факторов лингвокультурной адаптации.

Цель исследования — разработать и обосновать общие рекомендации для создания актуальных учебных материалов путем модификации и корректировки содержания существующих заданий, а также за счет пополнения новыми видами упражнений в русле национально ориентированной методики.

Известно, что в процессе межкультурной коммуникации само по себе знание иностранного языка не является гарантией достижения взаимопонимания или верной интерпретации исходных намерений коммуникантов. Адекватное общение достижимо, если есть единство знания языка, особенностей культуры и приобретенных навыков речевого поведения. Поэтому современная лингводидактика в качестве научно-методической основы обучения иностранному языку, в том числе русскому языку как иностранному, определяет коммуникативный и социокультурный подходы, поскольку они позволяют реализовать главную цель обучения, а именно приобщиться к иной картине мира, усвоить лингвокультурные концепты и участвовать в диалоге культур [8. С. 48—49]. Так, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров и С. Г. Тер-Минасова считают процесс обучения иностранному языку межкультурной коммуникацией, под которой подразумевают «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным культурам» [12. С. 50]. Это означает, что цель общения достигается и оно становится успешным не только при условии знания языка как такового, но и при наличии фоновых знаний, то есть «обоюдных знаний участниками коммуникативного акта реалий материальной жизни, ситуативных и коннотативных реалий, стоящих за обозначающими их языковыми знаками, необходимых для адекватной и полной интерпретации порождаемых высказываний» [10]. Безусловно, фоновые знания, несмотря на их энциклопедичность, не являются научным знанием уже потому, что для них характерны стереотипы и противоречивость. Тем не менее они являются важнейшим фактором эффективного общения представителей иных культур.

Ранее существовавшее мнение о том, что методика преподавания русского языка как иностранного должна учитывать функционально-семантические, фонетические, лексические и грамматические особенности родного языка обучаемых для более успешного усвоения иностранного языка, уступает место новым идеям и концепциям. В 1960-х гг.

в отечественной науке появляется методика национально языковой ориентации, которая становится альтернативой вышеназванной методике в моноязычных группах и учитывает не только функциональные особенности родного языка обучающихся, но и особенности языка и культуры носителей изучаемого языка. Ее идея основана на том, что формирование системы иностранного языка происходит под влиянием существующей в сознании индивида системы родного языка. Соответственно, это влияние может быть положительным при наличии межъязыковых сходств или отрицательным при имеющихся межъязыковых различиях и несовпадениях, что приводит к трудностям в усвоении или к невосприятию языкового материала. В. Н. Вагнер, основоположник методики национально-языковой ориентации, называет основным принципом такой методики «сопоставление сходных и несовпадающих явлений в двух языках (родном и изучаемом) при отборе и представлении учебного материала на занятиях» [3]. Данный подход позволяет создать позитивную образовательную среду, комфортную для той или иной национальности обучающихся. Отметим, что сопоставительный аспект дает возможность раскрыть известный дидактический принцип «от более легкого к более трудному». Наш опыт преподавания русского как иностранного также подтверждает, что если вначале мы рассматриваем сходства, а потом различия, то восприятие и усвоение языкового материала значительно ускоряются. При этом приемы и методы национально ориентированной методики подходят для всех уровней языка (фонетический, грамматический, лексический) и всех этапов обучения.

Характерной особенностью современного этапа развития методики преподавания иностранных языков является изучение того, в какой степени этнопсихологические и этнокультурные особенности обучаемых оказывают влияние на процесс обучения (Т. М. Балыхина, И. Е. Бобрышева, Н. В. Поморцева и др.). Это влияние предполагает, что при отборе учебного материала и его применении должны обязательно учитываться трудности его понимания и усвоения, особенно обусловленные влиянием родного языка и культуры иностранных студентов. В контексте вышесказанного очевидно, что тренд в преподавании русского языка как иностранного — национально ориентированная направленность обучения, реализующая в национально ориентированной подход, эффективность которого обусловлена учетом национально-культурных и психологических особенностей обучающихся. Приведем приме-

ры, демонстрирующие такие особенности: китайские студенты, как правило, не готовы к коммуникативному методу обучения русскому языку. Для них комфортнее заниматься переводом и учить наизусть готовые тексты, чем пользоваться языком спонтанно и практиковать разговорную речь. Корейские студенты склонны отмалчиваться и не отвечать на вопросы, если не уверены, что знают правильный ответ. Для них типичен самоконтроль и высокая степень адаптивности. Студенты из арабских стран отличаются повышенной субъективностью и неготовностью к компромиссам. При выполнении такого нейтрального задания, как, например, «описание города», они никогда не согласятся с тем, что где-то может быть красивее, чем в том месте, откуда они приехали. Обсуждение преподавателем и студентами спорных моментов в процессе обучения — обычная практика в европейской и американской академической среде (как следствие одной из их национальных характеристик — низкой дистанции власти и избегания неопределенности). Поэтому студенты из европейских стран считают естественным и само собой разумеющимся не бояться задавать преподавателю вопросы во время занятия или участвовать в открытой дискуссии. Это неприемлемо в исламской академической среде, где преподаватель является безусловным авторитетом и находится в центре образовательного процесса.

Таким образом, вышеприведенные примеры из нашего опыта преподавания показывают, что знание национального характера обучаемых, включающее специфические проявления этого характера на когнитивном, психологическом и физиологическом уровнях, дает возможность преподавателю русского языка избежать или минимизировать шаблоны при подготовке учебных материалов (учебников, пособий, методических рекомендаций) для своих студентов. Мы согласны с утверждением Р. К. Боженковой, что «для обеспечения полноценного образовательного процесса преподавателю нужно находить такие точки соприкосновения контактирующих культур, чтобы обучающиеся могли по-русски правильно представить свою культуру, обычаи и традиции, могли справиться с культурным шоком и ликвидировать межъязыковые и межкультурные недоразумения, постепенно приобщаясь к традициям и особенностям иного образа жизни, умели активизировать те внутренние механизмы, при которых происходят наиболее эффективная переработка информации и синтез новых смыслов» [2. С. 20]. Поскольку наше исследование направлено на анализ специфики про-

явления арабского менталитета и особенностей национального характера при обучении русскому языку как иностранному, нами были изучены современные теории и концепции по различным аспектам языкового обучения и адаптации арабских студентов как в отечественной (О. Д. Митрофанова, Е. И. Мотина, В. Г. Костомаров, Е. И. Пассов, А. И. Сурыгин, Т. И. Капитонова, А. Н. Щукин, Г. И. Кутузова и др.), так и в зарубежной лингводидактике (А. А. Ансари, Н. Маадад, Г. М. Мостафа, Дж. Палмер и др.) с целью поиска подобных точек соприкосновения или расхождения. Отдельно отметим следующие исследования, содержащие ценный материал для изучения и анализа: «Способы формирования мотивации изучения русского языка в иракской аудитории» А. Ясина, «Коммуникативные неудачи арабских учащихся в ситуациях межкультурного речевого взаимодействия как методическая проблема» А. Х. Хаки, «Педагогическая технология социокультурной адаптации арабских студентов в российских вузах» Х. М. Хасана, «Установки арабских студентов к западной культуре и мотивация к изучению английского языка» Д. И. Садек. В качестве экспериментальных данных нами использованы результаты опросников, интервью, листов наблюдения за участниками исследования, которое проводится на базе кафедры русского языка как иностранного в Челябинском государственном университете. Среди анкетированных — граждане Алжира, Египта, Иордании, Ирака, Марокко. Таким образом, нами сделаны следующие выводы:

- 94 % опрошенных студентов указывают на объективную необходимость изучения любого иностранного языка (в ситуации выбора между изучением иностранного языка или продолжением изучения родного языка отдают предпочтение последнему, в частности изучению языка Корана;
- все участники опроса не хотят подвергаться ассимиляции в процессе изучения русского языка;
- арабские студенты высоко ценят свой родной язык и ощущают свою идентичность;
- 16 % студентов отмечают внешний характер мотивации к изучению именно русского языка, поскольку это стало решением и выбором министерства образования страны, направившего этих студентов в Россию;
- 72 % студентов планируют продолжить образование в российских университетах;
- 79 % опрошенных согласны с тем, что изучение русской культуры помогает им в овладении русским языком;

— 81,6% анкетированных высказываются позитивно о таких составляющих изучаемой культуры, как музыка и национальная кухня;

— 97,6% опрошенных студентов указывают на огромную важность доброжелательных взаимоотношений с преподавателем русского языка и непосредственное влияние таких отношений на результаты обучения. Достаточно неожиданно, что фактором, способным повысить или понизить мотивацию к изучению русского языка, является преподаватель, позитивно воспринимающий и интересующийся арабской культурой.

Наш собственный опыт преподавательской деятельности, наблюдение и ценные комментарии коллег позволяют нам составить обобщенный образ арабского студента, изучающего русский язык в русскоязычной среде. Считаем, что это даст преподавателю русского языка понимание того, как воспринимается преподаватель в родной культуре обучающихся и затем, соответственно, поможет выбрать стиль поведения, приемы объяснения и закрепления материала, формы работы и прочее, чтобы помочь студентам из арабских стран постепенно принять модель российской образовательной системы и чувствовать себя комфортно.

Рассмотрим личностные и поведенческие особенности студентов из арабских стран:

— повышенная эмоциональность, экспансивность и склонность к броским внешним эффектам. Например, в ситуации пропуска занятия без уважительной причины студенты многократно клянутся не только быстро наверстать упущенное, но и превзойти сокурсников, аргументируя такую самоуверенность своими выдающимися способностями: «Я клянусь! Я — умный! Русский язык — легко!»;

— достаточно беспечное и легкое отношение к своему будущему, которое обусловлено высокой адаптивностью к реальным жизненным ситуациям, а также религиозными и родственными связями;

— внешний вид играет главную роль в составлении мнения о человеке, как результат арабской культурной традиции;

— стремление любой ценой «сохранить лицо» перед окружающими, стимулирующее такую целеустремленность и трудолюбие, что позволяют многим студентам добиваться отличных результатов в изучении русского языка;

— повышенная чувствительность к критике и похвале, особенно в присутствии однокурсников: 62% опрошенных студентов указывают, что для них крайне важно получить похвалу или одобрение

преподавателя; 72,5% студентов отмечают, что их расстраивает критика или замечания преподавателя в присутствии других студентов.

Наряду с особенностями национального характера арабских студентов, безусловно, оказывающими влияние на учебный процесс, отметим объективные трудности, а именно различия русского и арабского языков. Мы относим к ним прежде всего специфические особенности арабского языка, которые осложняют изучение русского языка как иностранного:

— *фонетика*: наличие только трех гласных звуков, а не шести, как в русском языке, приводит к тому, что студенты произносят [огол] вместо [угол], [эркэ] вместо [арка]; отсутствие парных согласных по звонкости-глухости способствует произнесению [фечер] вместо [вечер], [кол] вместо [гол]; звонкие согласные в конце слова не оглушаются, поэтому студенты произносят [снег] вместо [снек], [мог] вместо [мок];

— *письмо*: письмо справа налево, результатом которого является перестановка букв в русских словах; имена собственные и слова в начале предложения пишутся строчными буквами в отличие от правил русского языка; смешение визуально похожих русских и латинских букв (р, в, н, с, у, и, п — р, b, h, c, y, u, n), что можно объяснить традиционно хорошим владением английским или французским языками;

— *грамматика*: падеж Рафс соответствует именительному падежу в русском языке; падеж Джарр заменяет другие пять русских падежей. Это падеж «вообще», то есть «падежная группа Джарр с окончанием на краткое *i*» отражает «собственно предложный падеж, дательный со значением адресата или предлогами, творительный со значением инструмента или с предлогами, родительный в сочетании существительного с существительным и предлогом, винительный с предлогом» [12. С. 86, 90]. Одновременно функционируют искусственные эквиваленты русских падежей: халатуль исмия — именное, номинативное положение для именительного падежа, халатуль идафа — положение изафета для родительного падежа, халатуль максуд — цель, искомое положение для дательного падежа, халатуль маф'ул — ситуация дополнения для винительного падежа, халатуль маф'ул ма'аху — положение дополнения для творительного падежа, халатуль маджрур — положение в родительном падеже для предложного падежа; отсутствие видовой категории у арабских глаголов компенсируется категорией времени, которая

передает значения «однократность-многократность действия», «процесс-результат действия», «последовательность-одновременность действий»; из-за одинакового перевода глаголов движения со значением «однаправленности» и «ненаправленности действия» возникает непонимание различий между употреблением глаголов «ехать-поехать», «читать-прочитать»; отсутствие переносного значения у арабских глаголов движения приводит к следующим ошибкам: например, русские предложения «Время идет». «Новости идут». «Вечер идет» соответствуют арабским предложениям «Время падает». «Новости бегут». «Вечер бежит»). Арабское местоимение «свой» в значении принадлежности третьему лицу передается местоимениями «его», «ее», «их», а также «свой», поэтому вместо «Мой отец работает инженером и очень любит свою работу» арабские студенты говорят: «Мой отец работает инженером и очень любит его работу»; отсутствие односоставных безличных предложений («Здорово». «Интересно». «Не соскучишься») в арабском языке затрудняет их использование в речи и письме на русском языке.

Итак, нами рассмотрены объективные и субъективные причины трудностей, возникающих у студентов из арабских стран. Они обусловлены как функциональными особенностями родного и изучаемого языков, так и особенностями национального характера и менталитета. Далее мы сделаем анализ упражнений в учебнике «Дорога в Россию» В. Е. Антоновой, М. М. Нахабиной, М. В. Сафроновой, А. А. Толстых, по которому ведется преподавание русского языка как иностранного в нашем вузе. Обучение традиционно предполагает вводный курс, который закладывает основы фонетики, грамматики и лексики. Очевидно, что даже на начальной стадии обучения фонетический аспект является определяющим при введении лексики и грамматики и поэтому должен учитывать особенности родного языка обучающихся. Соответственно, последовательность изучения фонетического материала, на наш взгляд, не должна определяться спецификой русской фонетической системы. Вводный курс целесообразно разделить на этапы: сначала гласные звуки как более легкие для усвоения; затем изучение твердых согласных (как правило, такие согласные существуют во всех языках, и это облегчает их изучение); далее следует вводить более сложные для усвоения звуки (мягкие согласные, аффрикаты, сочетания согласных). Приобретенный навык произнесения сначала отдельных звуков,

затем слогов снимает трудности при чтении слов, словосочетаний и предложений.

Мы используем традиционную методику обучения навыкам произношения: сначала обучающиеся слушают запись произношения вводимого звука и пояснения преподавателя о положении органов речевого аппарата, повторяют звучащий образец, затем сами воспроизводят этот звук. Далее студентам предлагаются упражнения для тренировки этого звука в изолированной позиции и в сочетании с другими звуками. Также необходимо представить рукописное и печатное изображения изучаемого звука и записать букву, которая соответствует ему. Очевидно, что объяснять правила артикуляции звуков арабским студентам эффективнее всего на арабском языке или английском/французском. При отсутствии такой возможности можно использовать схему речевого аппарата: при введении нового звука преподаватель показывает эту схему, а студенты воспроизводят те движения, которые представлены им зрительно. Предлагаемые в учебнике упражнения на тренировку звуков сходной артикуляции, мы считаем очень эффективными, поскольку они нацелены на обучение произношению парных (глухих-звонких) согласных. В арабском и в русском языках есть пары согласных [т]/[д] и [с]/[з], но в арабском языке нет парных согласных [п]/[б], [ф]/[в], [ш]/[ж] из-за отсутствия звуков [п], [в], [ж]. Мы считаем дидактически неоправданным то, что данный учебник предлагает начинать изучение парных согласных как раз с тех звуков, которые отсутствуют в арабском языке, создавая тем самым дополнительные трудности для студентов. Чтобы минимизировать их, мы указываем студентам на похожее различие в произнесении [п]/[б], [ф]/[в], [ш]/[ж] и в произнесении [т]/[д] и [с]/[з]. Иногда приходится опираться на знания о тех звуках, которые студенты изучали в школе на занятиях по иностранному языку (английскому или французскому). Звуки [п], [в] есть в английском языке, а [п], [в], [ж] — во французском. Их артикуляция аналогична артикуляции этих звуков в русском языке. В данной ситуации уместно использование приема звуковой аналогии. Как вариант, методисты рекомендуют прием утрирования артикуляции, то есть очень четкое, напряженное произнесение звука при полном сосредоточении на работе органов речи. Это дает возможность студентам понять структуру звука.

Достаточно необычным для арабских студентов является произнесение звонких согласных, которые в русском языке оглушаются в середине слова

перед глухими согласными, а также в конце слова. Практика показывает высокую эффективность заучивания соответствующих скороговорок для формирования произносительных навыков. Например, «Знаем, есть и въезд, и съезд, Есть подъём, и есть подъезд, Нам без них нельзя никак/ Из-за леса, из-за гор едет дедушка Егор/ На дворе трава, на траве дрова/ У Ивашки рубашка, у рубашки кармашки/ Апельсин, арбуз, айва — аппетитные слова».

На наш взгляд, очень важно включать в фонетические упражнения арабские заимствования, существующие в современном русском языке, не только с культурологической точки зрения, поскольку они «отражают исторические контакты народов и их культур» [13. С. 75], но и для поддержания интереса студентов к изучению языка. Например, алгебра, калий, магазин, кофе, талисман, халва, шахматы.

Сочетания двух, трех, четырех или пяти согласных в слове (например, «знать», «возвращаться», «конструировать», «мудрствовать») представляют особую трудность для студентов из арабских стран. Для устранения трудностей при чтении таких сочетаний согласных студенты иногда вставляют редуцированные гласные, например слово «аптека» произносят как [апытека]. Для преодоления этой ошибки мы предлагаем разработанные нами упражнения на ускорение произношения подобных слогов: [рна], [стра], [дство] и т. д. Достаточно распространенной ошибкой, которую делают иностранные студенты, является пропуск согласных при произнесении слова. Например, вместо [студентка] произносят [студенка]. В этом случае мы используем дополнительные задания на замедление темпа произнесения слова и утрирование артикуляции. Подобные упражнения мы предлагаем для развития навыка чтения и произнесения многосложных слов, например: «государственный», «старательный», «великолепный» и т. д.

Как правило, по окончании вводного курса начинается сопроводительный курс фонетики, который определяется тематикой изучаемой лексики и грамматики. Наиболее распространенной формой работы является фонетическая зарядка, цель которой — снять трудности лексико-грамматического материала. Мы предлагаем студентам заучивать наизусть русские поговорки, крылатые выражения, стихи и популярные песни, а затем произносить их хором или индивидуально. При отборе материала для фонетической зарядки часто используем так называемые прецедентные тексты, которые презентуют связь языка и культуры и интеграцию

в иную картину мира. Практика показывает, что такая форма работы значительно снимает трудности в усвоении трудных звуков также и в процессе вводного курса. Например, [в, п, ш, ж]: «Выбери меня, выбери меня, птица счастья завтрашнего дня»; «Полгода плохая погода, полгода совсем никуда», «Я на солнышке лежу. Я на солнышко гляжу», «Жираф большой, ему видней»; [ц], [ч]: «Расцвели яблони и груши», «Счастливые часы не наблюдают».

Достаточно сложным для арабских студентов является артикуляция звука [ы] и, как следствие, распознавание слогов и слов со звуками [и] и [ы]. Для устранения таких ошибок мы предлагаем на каждом уроке читать слоговые таблицы. Многократное повторение и запоминание слогов помогает студентам узнавать их в словах. Еще одна типичная ошибка при произнесении гласного звука [ы] связана с изучением личных местоимений «ты» и «вы». Для постановки правильной артикуляции мы считаем очень эффективным использование фрагментов песен. Например, «Ты, ты, ты, ночью и днем. Ты, ты, ты в сердце моем». Одновременно с тренировкой произношения студенты запоминают беспредложные наречия «ночью» и «днем», а также модель предложного падежа с притяжательным местоимением «в сердце моем».

Упражнения, предлагаемые авторами учебника для отработки навыков интонирования, мы считаем достаточно эффективными, так как обучающиеся из арабских стран обычно не испытывают трудностей в понимании правил интонирования в русском языке, так же как и в необходимости слитного произнесения слов в предложении. Самыми распространенными ошибками при чтении и произнесении русских предложений являются следующие: изменение смысла предложения из-за неверного расположения центра интонационной конструкции; интонация завершенности или понижение тона в конце предложения, а также отсутствие слитного произнесения слов.

Обучение графическим навыкам также проходит достаточно эффективно при выполнении упражнений, предлагаемых данным учебником. Иногда для снятия трудностей в овладении письмом используем следующее задание: «Вставить пропущенную букву в слово». Например, окн..., авт...моб...ль, пр...дукты, в...щи, од...жда, д...ньги, ж...рнал, кн...ги.

При обучении грамматике студенты из арабских стран обычно допускают ошибки, которые вызваны несопадением категории рода в русском языке

и родном языке обучающихся. Например, существительное «университет» имеет женский род в арабском языке, «дверь» — существительное мужского рода. Существительные, имеющие средний род, отсутствуют в арабском языке. Соответственно, при замене таких существительных в русском языке на соответствующие местоимения возникает ошибка. Для устранения трудностей корректного употребления категории рода мы используем многочисленные дополнительные упражнения подстановочного типа, которые «позволяют выработать навык оперирования конкретным речевым образцом, а затем сформировать навык владения речевой моделью» [10. С. 101—102]. Мы также считаем очень важным при создании упражнений для отработки навыков говорения учитывать особенности арабской культуры. Например, в задании, предлагающем студенту составить рассказ с опорой на картинки, последовательность их расположения должна соответствовать арабской традиции (справа налево, а не наоборот).

Обучение лексике в анализируемом нами учебнике «Дорога в Россию» В. Е. Антоновой, М. М. Нахабиной, М. В. Сафроновой, А. А. Толстых строится вполне традиционно. В конце курса обучения студенты должны иметь 1500 слов в активном словаре и 1000 слов — в пассивном. Наиболее распространенные приемы семантизации лексики — демонстрация предметов, действий, изображений; жестикация и мимика; выбор адекватного эквивалента в родном языке обучаемых; подробное толкование значения слова на русском языке или на родном языке обучаемых; акцент на контекст или коммуникативную ситуацию, в которых часто используется это слово; примеры синонимов и антонимов, связанных с данным словом; опора на родственные слова. В качестве дополнительных упражнений мы предлагаем арабским студентам задания на соотношение слов (магазин — продавец, больница — врач), на перестановку букв в слове (ЗРЬЯДУ — друзья,

Т У С Л — стул, М О Д — дом), а также загадки («Белый как мел, С неба прилетел. Зимой пролежал. В землю убежал») (Снег). Для запоминания глаголов мы также часто используем стихотворные формы: «Ко второму же спряжению отнесем мы без сомненья все глаголы, что на «-ить», исключая: брить, стелить. А еще: смотреть, обидеть, слышать, видеть, ненавидеть, гнать, дышать, держать, и зависеть, и вертеть». Поскольку поэзия является важной частью арабской культуры и заучивание стихов привычно для студентов, мы используем эту возможность, чтобы познакомить их с произведениями не только классиков русской поэзии (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов и др.), но и современных поэтов (А. Барто, Е. Евтушенко, А. Вознесенский).

Задания в виде кроссвордов вызывают большой интерес у обучающихся. Так как словарный запас не всегда позволяет понять дефиницию угадываемого слова, мы предлагаем кроссворды в виде картинок или рисунков.

Таким образом, анализ комплекса упражнений в учебнике «Дорога в Россию» В. Е. Антоновой, М. М. Нахабиной, М. В. Сафроновой, А. А. Толстых в контексте национально ориентированной методики и понимание процесса обучения русскому языку студентов из арабских стран как процесса межкультурной коммуникации позволяют нам определить особенности национального характера и менталитета как причину трудностей адаптации данного контингента обучающихся и предложить методические приемы их преодоления средствами языкового обучения. Апробация материалов нашего исследования на занятиях в группе арабских студентов показывает, что интеграция национально ориентированной методики в процесс обучения русскому языку создает позитивную образовательную среду, поддерживает мотивацию к изучению русского языка, способствует снижению адапционных трудностей и, как следствие, повышает эффективность усвоения учебного материала.

Список литературы

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009. 448 с.
2. Боженкова Р. К. Понимание текста как лингвокультурологическая категория: монография. Курск: КурскГТУ, 2000. 176 с.
3. Вагнер В. Н. Лингвоориентированная методика преподавания русского языка как иностранного // Традиции и новации в профессиональной деятельности преподавателя русского языка как иностранного: учеб. монография / под общ. ред. С. А. Хаврониной, Т. М. Балыхинной. М., 2002. С. 60—74.
4. Вагнер В. Н. Национально ориентированная методика в действии // Русский язык за рубежом. 1988. № 1. С. 70—75.

5. Гатауллина Л. К. К проблеме обучения РКИ учащихся с родным арабским языком на начальном этапе предвузовской подготовки // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 23. С. 275—278.
6. Камаль Н. А. Семантика падежей в русском и арабском языках // Русский язык за рубежом. 1988. № 1. С. 86—90.
7. Кротова Т. А. Обучение русскому языку в условиях полиэтнической группы: проблемы педагогического взаимодействия // Вестник ЧГПУ. 2014. № 3. С. 89—101.
8. Пассов Е. И. Программа-концепция коммуникативного иноязычного образования. М.: Просвещение, 2000. 173 с.
9. Санникова А. В. Арабско-русская интерференция на различных уровнях языковой деятельности РКИ // Технологии обучения РКИ (языкам) и диагностика речевого развития: материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. под эгидой МАПРЯЛ, Минск, 2—3 февр. 2011 г. Минск: БЭУ, 2011. С. 65—67.
10. Скалкин В. Л. Основы обучения устной иноязычной речи. М.: Рус. яз., 1981. 248 с.
11. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук, 2006. 312 с.
12. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.
13. Чалюб А. Арабские заимствования в русском языке // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 75—77.
14. Ясин А. Способы формирования мотивации изучения русского языка в иракской аудитории: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2007. 250 с.

Сведения об авторах

Глухова Ирина Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры восточных и романо-германских языков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. irenevl@mail.ru

Ханафеева Альфия Мухарамовна — старший преподаватель кафедры восточных и романо-германских языков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. alfiah76@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 7 (441). Philology Sciences. Iss. 121. Pp. 39—47.

LINGUISTIC AND CULTURAL ADAPTATION OF ARABIC STUDENTS IN THE CONTEXT OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE STUDYING PROCESS

I. V. Glukhova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. irenevl@mail.ru alfiah76@mail.ru

F. M. Khanafeeva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. irenevl@mail.ru alfiah76@mail.ru

This paper is part of the research conducted in the field of national and psychological characteristics of Arabic students from a linguistic and teaching aspect. The aim is to develop and present teaching notes for creating materials within the scope of national approach. The research is relevant due to the need for nationally oriented Russian as a Foreign Language training system for Arabic students in Russian-speaking environment. National characteristics of Arabic students are identified and studied in order to be used in teaching methodology. The examples of nationally oriented tasks are also presented. Teaching notes based on empirical observations can be applied in the practice of teaching Russian as a Foreign Language both for Russian-speaking environment and multicultural environment, as well as abroad. The importance of this research is based on the innovative potential of national approach and the growing popularity of the Russian language as a foreign language in the Arab region.

Keywords: *national approach, nationally oriented methodology, Russian as a foreign language, methods of teaching Russian as a foreign language.*

References

1. Azimov E. G., Schukin A. N. (2009) *Novyi slovar metodicheskikh terminov I ponyatij (teoriya I praktika obucheniya yazykam)* [New Dictionary of Methodological Terms and Concepts (Theory and Practice of Teaching Languages)]. Moscow. 448 p. [in Russ.].
2. Bozhenkova R. K. (2000) *Ponimanie teksta kak lingvokulturologicheskaya kategoriya* [Understanding Text as Lingvo-Cultural Category]. Kursk, KurskSTU. 176 p. [in Russ.].
3. Vagner V. N. (2002) *Lingvo-orientirovannaya metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo* [Lingvo-Oriented Methodology of Teaching Russian as a Foreign Language]. *Traditsii i novatsii v professional'noj deyatel'nosti prepodavatelya russkogo yazyka kak inostrannogo*. Moscow. Pp. 60—74 [in Russ.].
4. Vagner V. N. (1988) *Russkij yazyk za rubezhom*, no. 1, pp. 70—75 [in Russ.].
5. Gataullina L. K. (2011) *Vestnik Kazanskogo tehnologicheskogo universiteta*, no. 23, pp. 275—278 [in Russ.].
6. Kamal N. A. (1988) *Russkij yazyk za rubezhom*, no. 1, pp. 86—90 [in Russ.].
7. Krotova T. A. (2014) *Vestnik ChSPU*, no. 3, pp. 89—101 [in Russ.].
8. Passov E. I. (2000) *Programma-kontseptsiya kommunikativnogo inoyazychnogo obrazovaniya* [Programme of Communicative Approach for Language Teaching]. Moscow, Prosvescheniye. 173 p. [in Russ.].
9. Sannikova A. V. (2011) *Arabsko-russkaya interferentsiya na razlichnykh urovnyakh yazykoovoj deyatel'nosti RKI* [Arabic-Russian Interference at Different Levels of Language Usage]. *Tehnologii obucheniya yazykam I diagnostika rechevogo razvitiya: materialy XVII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konf. pod egidoy MAPRYAL*, Minsk, 2—3 fevralya 2011. Minsk, BEU. Pp. 65—67 [in Russ.].
10. Skalkin V. L. (1981) *Osnovy obucheniya inoyaychnoj ustnoj rechi* [Teaching Foreign Oral Speech]. Moscow. 248 p. [in Russ.].
11. Michalchenko V. Y. (ed.). (2006) *Slovar sociolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. Moscow, Rossijskaya Akademiya lingvisticheskikh nauk. Institut yazykoznaniya. 312 p. [in Russ.].
12. Ter-Minasova S. G. (2000) *Yazyk i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Language and Cross-Cultural Communication]. Moscow, Slovo. 624 p. [in Russ.].
13. Chalyub A. (2010) *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i Mezhkul'turnaya Kommunikatsiya*, no. 1, pp. 75—77 [in Russ.].
14. Yasin A. *Sposoby formirovaniya motivatsii izucheniya russkogo yazyka v irakskoj auditoria* [Ways to Motivate Iraqi Students to Learn Russian. Thesis]. St. Petersburg, 2007. 250 p. [in Russ.].

О СЛОВАРЕ ЭПОХИ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

Е. И. Голованова¹, С. И. Маджаева²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

²Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия

Статья посвящена анализу лексических изменений в русском языке в связи с пандемией коронавируса. Материалом для изучения послужили тексты СМИ, публицистическая литература, освещающая проблемы коронавируса, а также интернет-тексты с элементами языковой игры. Определен состав основных источников пополнения словаря рассматриваемого периода, выделены тематические группы в соответствии с тремя наиболее значимыми темами: 1) особенности нового заболевания, его симптомы, методы выявления, предупреждения и лечения; 2) административные меры, направленные на ограничение распространения инфекции; 3) отношение людей к данной ситуации. Проведенное исследование свидетельствует об отражении в языке глобального и беспрецедентного явления, память о котором, вероятнее всего, сохранится в истории. Наличие множества тематических рядов лексики нейтрального и оценочного характера указывает на многогранность и многоаспектность данного явления. Утверждается, что наименования, возникшие или актуализированные в период пандемии коронавирусной инфекции, выступают как социально значимые и информационно насыщенные номинативные единицы, необходимые для ориентации людей, регулирования отношений между ними и адаптации к изменившимся жизненным обстоятельствам. Представленный в статье анализ позволяет приблизиться к пониманию процессов, происходящих в лексической системе русского языка под влиянием внешних факторов и причин.

Ключевые слова: *словарь эпохи, русский язык, коронавирус, пандемия, семиосфера, тематическая группа.*

С марта 2020 г. мир оказался в необычных, новых для себя условиях: приостановлено авиа- и прочее сообщение между странами, установлено ограничение перемещения внутри государств и государственных союзов. Всемирной организацией здравоохранения объявлена пандемия коронавируса. И хотя это не первая пандемия в мировой истории, но никогда ранее меры по предупреждению распространения заболевания не предпринимались в таком масштабе, поэтому данную ситуацию вполне можно назвать беспрецедентной. На кону оказались судьбы миллионов жителей планеты.

Опасность новой коронавирусной инфекции, получившей официальное название COVID-19, в том, что к моменту появления признаков болезни человек успевает заразить многих из тех, с кем он находился в контакте.

COVID-19 обнажил проблемы здравоохранения в каждой стране и нанес серьезный урон национальной и мировой экономике. С началом распространения инфекции возросла нагрузка на социальную инфраструктуру, закрылись многие предприятия, образовательные учреждения перешли на дистанционное обучение. Меры, направленные на ограничение распространения заболевания, привели

к падению акций, понижению курса валют, росту цен и ставок по кредитам. Следствием эпидемиологической ситуации, связанной с COVID-19, стали снижение заработной платы, дефицит некоторых товаров, сокращение количества рабочих мест, повышение стоимости товаров и услуг, запрет на туристические поездки, отмена концертов, спортивных мероприятий и т. п. Из-за необходимости соблюдения режима самоизоляции закрылись развлекательные заведения, возникли карантинные зоны.

Новые условия бытия не могли не получить отражение в языке — через появление новых слов и словосочетаний, а также через актуализацию ранее существовавших лексических единиц в результате их перехода из специальных сфер функционирования в общее употребление.

По сложившейся в русском языкознании традиции лексику, актуальную для того или иного исторического периода, можно условно представить в виде «словаря эпохи» (ср. *словарь пушкинской эпохи, словарь революционной эпохи, словарь эпохи тоталитаризма* и пр.). Данный прием позволяет обнаружить связь между языком и обстоятельствами существования общества, выделить направле-

ния в развитии словарного состава, обнаружить источники смысло- и знакообразования.

Цель статьи — анализ лексических изменений в русском языке в эпоху пандемии коронавируса, выявление тематических групп, пополнившихся новыми единицами.

Материал для анализа черпался главным образом из текстов СМИ и разнообразной публицистической литературы. В процессе исследования изучено 1250 стр. медиатекстов, просмотрены 34 телепередачи. В качестве дополнительного источника использовались тексты, содержащие оценку и интерпретацию реалий жизни в рассматриваемую эпоху с элементами языковой игры.

В 2020 г. четко обозначились три основные сферы — источники пополнения общелитературного языка новыми лексическими единицами: 1) медицина; 2) государственное управление; 3) повседневная жизнь человека. Первая из этих сфер наиболее значима, поскольку сам характер эпохи определен медико-биологическим явлением — пандемией коронавируса. Безусловно, медицина была и остается одной из важнейших областей в жизни общества, поскольку связана со здоровьем людей. Несмотря на успехи медицинских наук, организм человека все еще не изучен до конца. По-прежнему стоит задача победить заболевания, являющиеся потенциальной угрозой для человечества. Из истории мы знаем о событиях, которые повлияли на судьбы тысяч людей и оставили след в культуре: холера, чума, взрыв на Чернобыльской АЭС, катастрофа на Фукусиме. Вокруг соответствующих слов в языке сформировались определенные поля. Например, слово *чума* вызывает в сознании ассоциации *эпидемия, африканская, бубонная, возбудитель, легочная* и т. д. Современная медицина сосредоточена на проблемах «болезней цивилизации» — СПИДа, онкологии, гериатрии, а также появляющихся с каждым годом новых инфекционных заболеваний (*птичий грипп, SARS, COVID-19*).

В связи с пандемией коронавируса в языки мира вошли новые наименования. Так, аббревиатура *COVID-19* включена в Оксфордский словарь английского языка, что обусловлено высокой частотностью ее использования. Определено, что под этим словом понимается вызванное коронавирусом острое респираторное заболевание, особо опасное для пожилых людей и людей с ослабленным иммунитетом. Помимо *COVID-19*, в словарь вошли обозначения понятий «самоизоляция», «социальная дистанция», а также аббревиатура *WFH* (*work from home* — «работа из дома»).

В России номен *COVID-19* не внесен в словари, однако русский язык пополнился целым рядом единиц, связанных с соответствующим заболеванием, среди которых — русифицированный вариант названия болезни *ковид*, а также его производные: *ковидный, ковидник, противокوفيدный, ковид-диссидент* и т. д. 2020 г. однозначно будет отмечен в языковой истории как период активной неологизации.

Рекуррентность обозначений, связанных с новым инфекционным заболеванием, подтверждается медиаматериалами. Так, например, в газете «Аргументы и факты» за март — апрель 2020 г. термин *коронавирус* зафиксирован 183 раза — как в заголовках, так и в текстах статей. Вышли в свет книги с этим названием, например журналистское расследование с участием врачей, вирусологов, а также экономистов, биологов и других специалистов [11; 12].

Анализ статей и передач позволил установить, что лексика, характеризующая рассматриваемую эпоху, объединяется в тематические группы в соответствии с тремя основными темами: 1) особенности нового заболевания, его симптомы, методы выявления, предупреждения и лечения; 2) административные меры, направленные на ограничение распространения инфекции; 3) отношение людей к данной ситуации.

Первая тема представлена значительным количеством лексических единиц (медицинские термины, номены и профессионализмы [3]), которые можно распределить по следующим тематическим группам:

1. Названия болезней и их возбудителей: *COVID-19, ковид, SARS-CoV-2, коронавирус, новая коронавирусная инфекция, коронавирусная пневмония*.

2. Названия заболевших и контактировавших с ними: *инфицированный, ковидный больной, бессимптомный, контактный, контактер*.

3. Названия медицинских учреждений и их частей: *обсерватор, ковидный госпиталь, мобильный госпиталь, ковидное отделение, ковидарий* (больница или отделение для лечения пациентов с коронавирусной инфекцией), *шлюз, бокс, красная зона, зеленая зона, распределительный пост*.

4. Названия методов выявления заболевания, его лечения и контроля: *тест-система, тест на COVID-19, сатурация, компьютерная томография (КТ), инфузионная терапия, переливание плазмы, искусственная вентиляция легких (ИВЛ), курация, телемедицина*.

5. Названия зон, этапов и характера распространения заболевания: *очаг заражения, эпидемия, пандемия, пик, плато, «пила», вторая волна.*

6. Названия актуальных профессий и специальностей: *врач-инфекционист, вирусолог, эпидемиолог, иммунолог, санитарный врач.*

7. Названия мер противоэпидемиологического характера: *разобщение, разобщенность, обсервация, противоэпидемический контроль, профилактическая вакцина, иммунизация.*

Широкое проникновение специальных терминов из области медицины в общелитературную речь свидетельствует о процессе интеллектуализации языка, поскольку медицинские знания тесно связаны с выражающей их на языковом уровне терминологией (подробнее см.: [2]). Не случайно участники передач нередко шутят, что все сегодня так или иначе разбираются в вирусологии.

Помимо решения сугубо медицинских задач, в рассматриваемую эпоху значительное внимание уделялось административным решениям, направленным на ограничение распространения новой коронавирусной инфекции. Такие решения принимались в каждой стране, в России — на федеральном и региональном уровнях. На значительной части территории страны был объявлен режим повышенной готовности, который в медиаматериалах нередко обозначался как «карантинные меры». Хотя официально карантин не был объявлен, но это слово, так же как и слово *режим*, стало одним из самых частотных в разных сферах коммуникации.

В ходе решения административных задач использовались разнообразные лексические средства, в том числе новые или актуализированные, которые можно объединить в следующие тематические группы:

1. Названия административных мер, направленных на борьбу с распространением инфекции: *самоизоляция (режим самоизоляции), социальное дистанцирование, система электронных пропусков, масочный режим, масочно-перчаточный режим, режим повышенной готовности, удаленный режим, дистанционный режим.*

2. Названия средств индивидуальной защиты и дезинфекции: *маска (одноразовая, многоразовая), респиратор, защитный костюм, антисептик, санитайзер.*

3. Названия приборов для осуществления контроля: *бесконтактный термометр, пирометр, тепловизор.*

4. Названия административных мер, обусловленных пандемией: *вывозные рейсы (авиационная*

транспортровка граждан на родину из-за рубежа в связи с коронавирусной ситуацией).

Подчеркнем, что слово *самоизоляция* в сегодняшнем его понимании отсутствовало в русском языке. В настоящее время слово употребляется в двух значениях: 1) комплекс ограничительных мер для населения, которые вводит правительство на определенный срок для борьбы с распространением опасного заболевания; 2) добровольная самостоятельная изоляция с целью предотвратить распространение эпидемии.

Отличие рассматриваемой эпохи (которая еще не закончилась и закончится, вероятно, лишь с созданием массовой вакцины) от периодов распространения других инфекций (например, птичьего гриппа) состоит в том, что стремительность заболевания и предпринимаемые органами власти меры по ограничению его распространения затронули все сферы жизнедеятельности общества и изменили привычный образ жизни людей. Пандемия коронавируса стала социально значимым явлением, повлиявшим на условия существования и деятельности всех членов общества без исключения.

Можно сказать, что со словом *коронавирус* и его синонимами в сознании людей оказался связан целый комплекс смыслов. Не случайно особенности интерпретации пандемии коронавируса на материале текстов СМИ и неологизмов привлекли внимание лингвистов [4; 5; 9], антропологов [7] и рядовых интернет-пользователей (см., напр.: [15]).

Попробуем распределить лексику, выражающую значимые для номинаторов смыслы, по тематическим группам:

1. Названия категорий людей в период пандемии: *ковидиот, ковид-диссидент, коронавт, короник, коронаскептик, коронапофигист, суперспредер* (человек, отказывающийся соблюдать режим самоизоляции и заражающий всех вокруг), *ковидавер* (ковид + кадавер — «труп, мертвое тело», человек, умерший от коронавируса); *ковидаст* (человек, использующий пандемию в целях личного обогащения) и др.

2. Названия общественных настроений: *коронафобия, коронапаника, коронапсихоз, коронакризис, коронабесие, коронапокалипсис, коронагеддон, цифровой концлагерь, маскобесие, маскопаника* (паника, возникающая в связи с тем, что в аптеках нет медицинских масок), *карантин-шейминг* (англ. quarantine shaming, гнев окружающих людей по отношению к человеку, неправильно соблюдающему условия карантина) и др.

3. Названия процессов и действий, связанных с характером эпохи: *коронавирусить* [1) находиться на самоизоляции; 2) болеть коронавирусной инфекцией], *зумиться* (работать или общаться с помощью программы Zoom), *расхламинго* (генеральная уборка во время карантина, избавляющая дом от хлама).

4. Названия состояний и режимов: *удалёнка* (работа на дому), *дистанционка*, *дистант* (дистанционный формат работы или учебы).

5. Названия предметов и мест, связанных с заболеванием: *фомит* (предмет, который может быть источником заражения), *ковидор* (коридор в медучреждении, заполненный больными коронавирусом из-за нехватки палат).

6. Названия новых социальных практик и предметов, появившихся в период пандемии: *балконный концерт*, *карантинки* (дружеские, как правило, шуточные креолизованные послания в период карантина, ср. валентинки), *карантини* (карантин + мартини, алкогольный напиток, который пьют на онлайн-вечеринках и посиделках, и сами эти события).

Содержанием *карантинок*, которые помогают людям в условиях самоизоляции поддерживать друг друга, являются шутки, стихи, благопожелания. Примечательно, что сфера благопожеланий в эпоху коронавируса обогатилась понятием *иммунитет*: «Доброго утра! Полезного дня!! Крепкого иммунитета!!!», «Добра Вам и благодати! Будьте здоровы! Иммуностойчивы! Хорошего дня! От всей души!». В целом здесь активизировались слова, связанные со здоровьем: «Всем 36,6. Здоровья и всего наилучшего», «Будьте здоровы и берегите себя!», «Букет здоровья всем!», «С добрым утром! Будьте здоровы вы и ваши родные и близкие!». В газете «Аргументы и факты» от 6 мая 2020 г. под рубрикой «Карантинки» размещен текст: «Предлагаем вернуть в обиход бесконтактное пионерское приветствие в современном виде: — Будь здоров! — Всегда здоров!».

В сети Интернет возникли целые собрания шуточных текстов и анекдотов на тему коронавируса [6; 10 и др.]. Анализ подобных текстов, многие из которых созданы на основе известных пословиц, позволяет выявить значимые для носителей языка темы, связанные с оценкой и интерпретацией событий в эпоху пандемии, а также определить ключевые лексемы для их репрезентации.

По нашим наблюдениям, чаще всего здесь используются неофициальные варианты обозначения новой коронавирусной инфекции *ковид* и *корона*:

Ковид гриппа не слаще; Не так страшен ковид, как его малюют; Корона что дышло — куда чихнешь, туда и вышла; Кто не курит и не пьет, от короны не помрет и др. Для названия возбудителя болезни нередко употребляется гипероним *вирус*: *Вирус не воробей, вылетит — не поймаешь; Вирус в бороду — пневмония в ребро; Вируса бояться — на пробежку не ходить; Не пеняй на вирус, коли ДНК крива.*

В целом тексты воспроизводят актуальные для рассматриваемой эпохи названия *карантин* (*Где родился, там и сиди на карантине; Один пахнет — семеро на карантине пляшут; Коней на карантине не меняют; С инфицированными жить — на карантине выть; На карантин надейся, а сам не плошай*), *вакцина* (*Обещанной вакцины три года ждут; Вакцина дура, карантин — молодец; Не хвались вакциной в пустой избе*), *маска* (*У семи докторов пациент без маски; Любишь кататься — люби и масочки носить*), а также *инфицированный* (*Незванный гость хуже инфицированного; Кто про что, а инфицированные про вирус*), *самоизоляция* (*Самоизоляцию пережить — не поле перейти*), *социальная дистанция* (*Друг познается на социальной дистанции*), *эпидемия* (*Дорога туалетная бумага к эпидемии; Паршивая овца все противозидемиологические меры портит*), *штамм* (*На всякую хитрую клетку есть свой штамм с резьбой*) и *Всемирная организация здравоохранения — ВОЗ* (*А ВОЗ и ныне там...*). С учетом того, что первой страной, которая объявила у себя эпидемию коронавируса, оказался Китай, а из городов наиболее известным стал Ухань, соответствующие наименования также нашли отражение в текстах: *Все дороги ведут в Ухань; Не было заботы — купила баба летучую мышь (на уханьском рынке); Бойсь китайцев, дары приносящих!*

Судя по текстам пословиц, особую значимость в эпоху коронавируса приобрело сочетание *мыть руки* (как обозначение одного из самых доступных способов профилактики заболевания), а также глаголы с семантикой состояния *чихать*, *заразиться*, *болеть* и *лечиться*: *На бога надейся, а руки-то помой; Свой на свояка чихает издалека; Семь раз отмерь, один раз чихни; Хорошо чихает тот, кто чихает последним; Чихал бы в локоток, да шея коротка; В магазин поспешишь — людей заразишь!; С кем поведешься, от того и заразишься; Переболела — гуляй смело!; Век живи, век лечись!*

Широкое внедрение дистанционного формата работы и учебы с использованием телекоммуникационных технологий как одна из реалий

рассматриваемой эпохи также получило отражение в модифицированных пословицах: *Виртуальный друг лучше новых двух; Семь пятниц на неделе, когда работаешь из дома; На чужой вайфай рот не разевай; Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы в веб-камеру не лезло.*

В интернет-шутках, мемах и анекдотах на тему коронавируса упоминаются слова *карантин, коронавирус, эпидемия, самоизоляция, удаленка, вакцина* и др. Так, например, популярным стал мем под названием «Карантинная народная сказка “Сестрица Удаленушка и братец Диванушка”». Иконический компонент мема воспроизводит героиню полотна В. Васнецова, за спиной которой изображен врач в маске и голубом костюме, в уста которого вложены слова: «Тут и сиди!». Приведем другие примеры шуток и анекдотов:

- Во время карантина можно выйти только в аптеку и продовольственный магазин. Получается, для большинства пенсионеров ничего не изменилось.

- Коронавирус — это такая Олимпиада: США лидирует в общем зачете, Италия — по золотым медалям, Китай отстал, Россия, как всегда, в хвосте, но догоняет...

- Самоизоляция — это ознакомительный тур на пенсию. Денег нет и заняться нечем.

- Если школы будут закрыты очень долго, то родители найдут вакцину от вируса гораздо раньше, чем ученые.

- Сказали, что во время эпидемии необходимо держать дистанцию 2 метра. Ширина нашей кровати — 1,8 метра. Жена отказывается спать на полу, что делать?

- Наступило время, когда запах спирта от собеседника вызывает доверие и уважение!

- Спасибо всем, кто скупил в магазине залежавшиеся продукты! Такой свежей семги из магазина, как вчера, я еще не пробовал!

В данных примерах игровому осмыслению подвергаются бытовые ситуации (закупка продуктов в период самоизоляции) и расхожие стереотипы (злоупотребление алкоголем, конкуренция государств, безденежье пенсионеров, взаимоотношения супругов, отношения родителей и детей). Для нас важно, что все эти ситуации понятны простому обывателю и отражают настроения людей в новых условиях.

Игровой характер текстов часто бывает сопряжен со словотворчеством, например: «*Карантинчики!* Ищите радость в мелочах, и жизнь окажется подарком!», «*Карантиниада-2020: Современное пя-*

тижорье — Перетягивание салата — Фигурное Питание — Спортивная ходьба в АТБ — Легкая Котлетика — Балконный спорт — Вялобол». Некоторые тексты своим содержанием иллюстрируют появившееся на просторах Интернета слово *румтур* (букв. путешествие по комнатам): «Сегодня мы посетили столицу нашей квартиры — кухню!». В каждом из приведенных текстов отражена определенная реакция людей на режим самоизоляции, введенный с целью ограничения распространения заболевания, и языковое оформление данной реакции чаще всего опирается на прецедентные феномены (ситуации, высказывания, тексты).

Из всех неологизмов, вошедших в рассматриваемый период в общее употребление, наибольшей деривационной активностью отличаются названия *коронавирус* и *ковид*. От первого из них в разговорной речи, помимо глагола *коронавирусить*, возник сокращенный вариант *корона*, послуживший основой для создания ряда производных: *короник* — больной новой коронавирусной инфекцией; *коронавт* — медицинский работник в специальном защитном облачении; *коронарка* — новая коронавирусная инфекция; *корониалы* — дети, рожденные в период пандемии коронавируса (по аналогии с миллениалами), и др. От существительного *ковид* в русском языке, кроме прилагательного *ковидный* (госпиталь, стационар, инфекция, больной и т. п.), образованы такие слова, как *ковидарий*, *ковид-диссидент* — человек, отрицающий существование данного вирусного заболевания (ср. *ВИЧ-диссидент*); *ковидник* — 1) заболевший COVID-19; 2) фельдшер, выезжающий на вызов к заболевшим COVID-19; *ковид* — период распространения коронавирусной пандемии («еще до ковида»).

Необходимо отметить развитие энантиосемии у новых слов русского языка. Так, например, англоязычное заимствование *ковидиот*, представляющее собой телескопическое слово (COVID + idiot), используется в двух значениях: 1) человек, который, паникуя из-за пандемии, совершает абсурдные действия, например закупает в больших количествах туалетную бумагу, продукты и пр.; 2) человек, который сознательно не соблюдает рекомендации врачей во время пандемии: не дезинфицирует руки, не соблюдает социальную дистанцию и т. п. К случаям актантной энантиосемии можно отнести и приведенное выше слово *ковидник*, в семантике которого совмещаются значения агенса и пациенса. По мнению А. А. Штеба, подобные слова предполагают неопределенность при их восприятии и понимании [14. С. 73]. В подтверждение

этого можно привести еще одно значение слова *ковидник*, обнаруженное нами в сети Интернет: так именуется магазин (как место возможного заражения коронавирусной инфекцией).

Совокупность лексических единиц, связанных с коронавирусом, организует и структурирует в сознании людей мир в эпоху пандемии, создавая особую семиосферу. В ней отражено содержание знаний, полученных носителями языка из разных источников: из личного опыта познавательной, трудовой, интеллектуальной деятельности, из медиаматериалов, из собственных размышлений над этой ситуацией (см. об этом: [1]). Синонимические ряды, сформированные в составе данной совокупности, выделяют наиболее важные для людей фрагменты знаний: 1) о самом заболевании — *COVID-19*, *ковид*, *коронавирусная инфекция*, *коронавирус*, *корона*, *коронарка*; 2) новых условиях работы или учебы — *удаленка*, *дистанционка*, *дистант*; 3) средствах дезинфекции — *антисептик*, *санитайзер*; 4) людях, отрицающих существование коронавируса, — *ковид-диссидент*, *корона-диссидент*, *коронавирусный диссидент*, *коронаскептик*, *ковидиот* (в одном из значений).

Думается, что на активное знакообразование в эпоху пандемии повлияла слабая осведомленность людей, в том числе медиков и ученых, о коронавирусе на фоне высокой скорости его распространения, страха перед заболеванием и информации о его быстрой мутации. Мы обратили внимание на функционирование большого числа слов с отрицательной коннотацией, выступающих «результатом языковой игры, через которые эксплицируется негативность понятия, закодированная и воспроизводимая в их семантике» [13. С. 15]. Обозначения типа *маскобесие* (нежелание использовать защит-

ные маски, чтобы обезопасить себя от вируса), *коронабесие* (перенасыщение информационного пространства сообщениями о коронавирусе), *цифровой концлагерь* (режим электронных пропусков) эксплицируют отрицательное отношение адресантов к именуемым объектам и делают соответствующие понятия неэкологичными.

Обилие противоречивой информации о COVID-19 стало основой для возникновения слова *инфодемия* (информационная эпидемия). В языке журналистов так стали обозначать информационный вирус, то есть поток непроверенных сообщений о коронавирусе в СМИ, блогах, чатах и социальных сетях.

Итак, в 2020 г. в центре общественного внимания оказалась новая коронавирусная инфекция, сведения о которой побуждают людей к размышлению и осмыслению ситуации. Часть лексики, связанной с пандемией COVID-19, можно охарактеризовать как язык катастрофы, поскольку происходящие события интерпретируются в ней с эмоциональной точки зрения [8. С. 95].

Проведенный анализ свидетельствует об отражении в языке глобального и беспрецедентного явления, память о котором, вероятнее всего, сохранится в истории. Наличие множества тематических рядов лексики нейтрального и оценочного характера указывает на многогранность и многоаспектность данного явления. В целом наименования, возникшие или актуализированные в период пандемии новой коронавирусной инфекции, выступают как социально значимые и информационно насыщенные номинативные единицы, необходимые для ориентации людей, регулирования отношений между ними и адаптации к изменившимся жизненным обстоятельствам.

Список литературы

1. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2018. 480 с.
2. Голованова Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. М.: Эллипс, 2008. 304 с.
3. Голованова Е. И. Образ, понятие, гештальт как форматы профессионального знания // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). С. 122—125.
4. Карасик В. И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 25—34.
5. Катермина В. В., Липириди С. Х. Особенности отображения пандемии коронавируса в лексике медицинского дискурса (на основе английских неологизмов) // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2020. № 4 (147). С. 170—175.
6. Коронавирус дал мощный стимул народному творчеству. URL: <http://www.karavantver.ru/koronavirusdal-moshhnyj-stimul-narodnomu-tvorchestvu/> (дата обращения 23.05.2020).

7. Лексика пандемии. Как вирус заражает русский язык. URL: <https://www.svoboda.org/a/30526106.html?fbclid=IwAR2rgWp9YehfpH82Ru7hKhVXSEzvYuwVx5J1Kwuq-c72qi2e25vpANu4zGw> (дата обращения 16.05.2020).
8. Маджаева С. И. К проблеме эмоциогенности медицинского термина // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2015. № 1. С. 94—104.
9. Максим Кронгауз: Как COVID-19 меняет русский язык (интервью). URL: <https://news.un.org/ru/audio/2020/06/1379652> (дата обращения 29.06.2020).
10. Народ без усталости творит анекдоты про COVID. URL: <http://www.karavantver.ru/narod-bez-ustalosti-tvorit-anekdoty-pro-covid/> (дата обращения 20.05.2020).
11. Прокопенко И. С. Коронавирус. Вирус-убийца. М.: Эксмо, 2020. 224 с.
12. Прокопенко, И. С. Коронавирус: жизнь после пандемии. М.: Эксмо, 2020. 256 с.
13. Шаховский В. И. Эмоциональная коммуникация как модератор модуса экологичности // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2015. № 1. С. 11—19.
14. Штеба А. А. Смешанная эмоция и ее функционально-семантический потенциал (на примере номинации «нелюбовь») // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2015. № 1. С. 72—80.
15. Язык пандемии: зумбомбинг, корониалы и другие неологизмы. URL: <https://posta-magazine.ru/article/neologisms-of-pandemic-times/> (дата обращения 20.06.2020).

Сведения об авторах

Голованова Елена Иосифовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. terminolog2011@rambler.ru

Маджаева Санья Ибрагимовна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой латинского и иностранных языков Астраханского государственного медицинского университета, Астрахань, Россия. sanya-madzhaeva@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 7 (441). Philology Sciences. Iss. 121. Pp. 48—55.

ON THE VOCABULARY OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC EPOCH

E. I. Golovanova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. terminolog2011@rambler.ru

S. I. Madzhaeva

Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russia. sanya-madzhaeva@yandex.ru

The article analyzes lexical changes in the Russian language in connection with the coronavirus pandemic. The material for study includes media texts, journalistic literature devoted to this problem, as well as Internet texts with elements of a language game. We determine the main sources of the replenishment of the lexis of the period under review, and thematic groups identified in accordance with the three most significant topics: 1) features of the new disease, its symptoms, methods of detection, prevention and treatment; 2) administrative measures aimed at limiting the infection spread; 3) people's attitude to this situation. The research shows that the language reflects a global and unprecedented phenomenon, the memory of which is likely to be here to stay. The presence of many thematic series of the vocabulary of neutral and evaluative nature indicates the versatility and multifaceted feature of this phenomenon. It is argued that new names arose and old updated during the coronavirus pandemic act as socially significant and information-rich nominative units necessary for the orientation of people, regulation of relations between them and adaptation to changed life circumstances. The analysis presented in the article allows us to approach the understanding of the processes occurring in the lexical system of the Russian language under the influence of external factors and causes.

Keywords: *dictionary of epoch, the Russian language, coronavirus, pandemic, semiosphere, thematic group.*

References

1. Boldyrev N. N. (2018) *Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka* [Language and the system of knowledge. A cognitive theory of language]. Moscow. 480 p. [in Russ.].
2. Golovanova E. I. (2008) *Kategoriya professional'nogo deyatelya: Formirovanie. Razvitie. Status v yazyke* [Category of professional figure: Formation. Development. Status in the language]. Moscow. 304 p. [in Russ.].
3. Golovanova E. I. (2014) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 6 (335), pp. 122—125 [in Russ.].
4. Karasik V. I. (2020) *Politicheskaya lingvistika*, no. 2 (80), pp. 25—34 [in Russ.].
5. Katermina V. V., Lipiridi S. Kh. (2020) *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 4 (147), pp. 170—175 [in Russ.].
6. Koronavirus dal moshchnyy stimul narodnomu tvorchestvu [Coronavirus gave a powerful stimulus to folk art]. Available at: <http://www.karavantver.ru/koronavirus-dal-moshhnyj-stimul-narodnomu-tvorchestvu/> [in Russ.].
7. Leksika pandemii. Kak virus zarazhaet russkiy yazyk [The vocabulary of the pandemic. How the virus infects the Russian language]. Available at: <https://www.svoboda.org/a/30526106.html?fbclid=IwAR2rgWp9Y-ehfpH82Ru7hKhVXSEzvYywVx5J1Kwuq-c72qi2e25vpANu4zGw> [in Russ.].
8. Madzhaeva S. I. (2015) *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov*, no. 1, pp. 94—104 [in Russ.].
9. Maksim Krongauz: Kak COVID-19 menyaet russkiy yazyk (interv'yuu) [Maxim Krongauz: How COVID-19 changes the Russian language (interview)]. Available at: <https://news.un.org/ru/audio/2020/06/1379652> [in Russ.].
10. Narod bez ustali tvorit anekdoty pro COVID [People tirelessly create jokes about COVID]. Available at: <http://www.karavantver.ru/narod-bez-ustali-tvorit-anekdoty-pro-covid/> [in Russ.].
11. Prokopenko I. S. (2020) *Koronavirus. Virus-ubiytsa* [Coronavirus. Killer virus]. Moscow. 224 p. [in Russ.].
12. Prokopenko I. S. (2020) *Koronavirus: zhizn' posle pandemii* [Coronavirus: life after the pandemic]. Moscow. 256 p. [in Russ.].
13. Shakhovskiy V. I. (2015) *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov*, no. 1, pp. 11—19 [in Russ.].
14. Shteba A. A. (2015) *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov*, no. 1, pp. 72—80 [in Russ.].
15. Yazyk pandemii: zumbombing, koronialy i drugie neologizmy [The language of the pandemic: summoming, coronial and other neologisms]. Available at: <https://posta-magazine.ru/article/neologisms-of-pandemic-times/> [in Russ.].

БЛОГ — ТРИБУНА ДЛЯ СВОБОДНОГО МНЕНИЯ (НА ПРИМЕРАХ БЛОГОВ РЕСПУБЛИКИ КАРАКАЛПАКСТАН)

С. А. Есемуратова

Нукусский государственный педагогический институт им. Ажинияза, Нукус, Узбекистан

Рассматриваются такой важный феномен интернет-журналистики, как блоги, и их функции на примере Республики Каракалпакстан. Проводится анализ места и роли блогосферы в современном обществе, состояния блогов и широкого применения их в социальной жизни. Исследуются политические, экономические, идеологические и другие социальные вопросы, влияющие на современную гражданскую журналистику.

Ключевые слова: веб-блоги, блогосфера, гражданская журналистика, традиционные СМИ.

В настоящее время веб-блоги занимают прочное место в нашей жизни наряду с другими видами СМИ. Они дают сведения и информацию по различным отраслям нашего общества... Имеются также блоги, содержащие анализ происходящих в обществе событий и явлений, выражающих определенную позицию по поводу существующих проблем и путей их решения. В данной работе мы остановимся на рассмотрении именно таких веб-блогов, так как они формируют гражданскую журналистику и способствуют демократизации общества.

Традиционные СМИ и блогосфера тесно взаимосвязаны. Как одну из тенденций последних лет можно отметить тот факт, что блоги, с одной стороны, стали важным источником информации для профессиональных журналистов, а с другой — превратились в дискуссионную площадку и среду для интерпретации событий и явлений. Потому невозможно провести резкое разграничение между блогосферой и традиционными СМИ [4. С. 281—282].

Обратимся к истории. Появление сетевых дневников, то есть веб-блогов, приходится на 1996 г. Самый первый бесплатный сайт Blogger.com был создан компьютерной компанией Pupa Labs в 1999 г. в Сан-Франциско. О деятельности блогов стали широко информировать население с середины 2000-х гг., с момента повышения их роли и влияния на общественный процесс в мировом объеме [7].

Слово «блог» происходит от английского blog, web log, что означает «интернет-журнал», «интернет-дневник», «онлайн-дневник». Термин был введен Йорном Баргером 17 декабря 1997 г. [17]. Отличие блога от традиционного дневника в том, что блог читает любой желающий. В блогах события размещаются в текстовой, иллюстративной

и мультимедийной формах. Человек, который собирает информацию, обрабатывает ее и размещает в своем блоге, является блогером [Там же].

В последние годы создание блогов и сайтов существенно упростилось, вследствие чего количество их неустанно возрастает. Согласно исследованиям организации Technorati, проведенным в декабре 2017 г., общее количество блогов в сети Интернет превышает 112 млн [3]. Стало больше возможностей для функционирования блогов.

Во многих странах отдельные виды блогов признаны в качестве средств массовой информации. Так, Федеральная избирательная комиссия США объявила о приравнивании блогов, постоянно участвовавших в избирательной кампании, к СМИ. В законодательстве Германии блог-медиа также имеют статус СМИ [3]. В России этот вопрос пока в стадии обсуждения. В Узбекистане в ст. 4 Закона РУз «О средствах массовой информации» дается определение приравнивания веб-сайтов к СМИ, но конкретно относительно блогов точное указание отсутствует.

Следует особо отметить, что изо дня в день роль блогов повышается. Почти каждый день создаются новые блоги. Например, согласно исследованиям, в Интернете каждый день регистрируется 300 блогов на русском языке. В них каждую секунду размещается шесть информации [16]. Начиная с 2005 г. каждый год 31 августа отмечается как Международный день блога. С 2004 г. со стороны немецкой компании Deutsche Welle проводится конкурс The BOBs (The Best of the Blogs — самый лучший блог). На этом конкурсе принимаются блогпосты на английском, арабском, испанском, китайском, немецком, португальском, бенгальском, персидском, французском и русском языках [18].

На основании характерных черт веб-блогов, привлекающих внимание пользователей, выделяют следующие виды веб-блогов:

- информационные;
- развлекательные;
- отражающие мнение общественности по определенному событию или явлению;
- дающие осознание причастности к жизни определенных сообществ и социальных групп [17].

Под *citizen journalism* понимается деятельность непрофессиональных авторов в Интернете: в блогах, социальных сетях [5]. И, несмотря на то что термин «гражданская журналистика» вошел в обиход в 2007 г. [Там же], первый веб-блог был создан в 1992 г., и он принадлежал Тиму Бернерсу-Ли. В этом блоге была дана информация о развитии Всемирной паутины и создании новых сайтов. Тим Бернерс-Ли развил и внедрил в практику основы Интернета и URI, URL, HTTP, HTML. Все эти данные говорят о том, что основателями первых блогов были ученые сферы информатики, математики и техники.

Многие зарубежные исследователи связывают развитие гражданской журналистики с деятельностью веб-сайтов и блогов. Американский медиакритик, писатель, профессор Нью-Йоркского университета Джей Розен заявляет об этом следующим образом: «Чем стать жертвой или быть зрителем в общественных процессах, лучше принять в них потенциальное участие; следует не только изучать политику и ее проблемы, но и оказывать помощь, не быть зрителем, а улучшать климат общественной дискуссии, принимать участие в развитии общественной жизни, быть внимательными, говорить только правду об общественных событиях» [20. Р. 75].

Американский журналист, директор Комитета по защите журналистов Кортни С. Радш считает, что гражданская журналистика — это «активная форма сбора и передачи информации, не входящая в функцию подвластных медиаинститутов. Она появилась в виде ответа на недостатки в профессиональной журналистике, которая по сравнению с властной или традиционной журналистикой основана на открытых альтернативных источниках и которой пользуются для выражения различных целей и идей» [19]. Отдельные исследователи под гражданской журналистикой понимают интересующихся журналистикой и самостоятельно работающих людей [5].

Мы же считаем, что гражданская журналистика — это непрофессиональная деятельность, ее

можно рассмотреть как активное участие аудитории (непрофессионалов) в сборе, анализе и распространении информации.

Гражданская журналистика, по-нашему мнению, — это суждение, отзыв, отношение любого человека относительно публичных и социальных событий, это прекрасная возможность самовыражения и гражданского проявления себя. Это подтверждает и выражение художника Энди Уорхола: «Каждый человек может достичь “15-минутного успеха”, или, уместнее сказать, “15-мегабайтного успеха”» [1].

Развитие и глобализация Интернета, активизация аудитории, создали возможности для блогеров свободно «показать себя» в любой сфере. И если в 2000-х гг. блоги были популярны среди узких кругов общественности, а первые блогеры были представителями различных профессий, интересующиеся журналистикой, то сегодня аудиторией гражданской журналистики являются все интернет-пользователи, то есть люди, имеющие возможность пользоваться Интернетом. А это означает, что по сравнению с аудиторией профессиональной журналистики аудитория гражданской журналистики намного шире. Для блогеров же это означает, что независимо от местонахождения они могут свободно предложить свои информационные услуги любой аудитории. Исследования последних лет показывают, что журналистика в дальнейшем будет иметь роль не простого онлайн-варианта традиционной журналистики, она будет представлена в виде двух основных форм: самостоятельные виды блогов — личные онлайн-дневники (*blogs*) и «гражданская журналистика» (*citizen journalism*).

О. Г. Филатова отмечает три основных способа использования блогов и блогосферы в качестве средства массовой информации [4. С. 281—282]. Первый — информацию, опубликованную со стороны блогера, использовать как редакционный материал. Многие исследователи и практики отмечают, что блоги оказывают влияние на формирование «распорядка дня». Кроме того, появились порталы, созданные на основе отредактированных блогов со стороны профессиональных редакторов.

Второй способ — «блогинг-редакции». В этом случае на сайтах традиционных СМИ раздел информации дается в форме блога журналистами редакции. «Блогинг-редакции» должны освещать актуальные темы дня или же размещать материалы традиционных СМИ.

Третий способ использования блогосферы в качестве СМИ — интернет-версии, имеющие разные

функции. К примеру, каждый материал, опубликованный на сайте www.vedomosti.ru газеты «Ведомости», имеет html-код, с помощью которого можно быстро и презентабельно разместить ссылку в любом блоге. На сайте газеты автоматически размещается список ссылок на сообщения блогеров, в которых цитируется данный материал. Таким образом издание продвигает себя в блогосфере, увеличивает свою аудиторию и посещаемость.

Теперь обратимся к рассмотрению блогпостов, размещенных на блогах профессиональных и гражданских журналистов на каракалпакском языке, попытаемся выявить, какие блогпосты интересуют читателей. Анализ будем проводить через сравнение качества материалов и уровня их просматриваемости.

Блогосфера в Каракалпакстане за последние несколько лет охватывает все более широкие слои интернет-пользователей. И хотя блоги в республике — явление относительно молодое, уже сегодня можно выявить некоторые тенденции их развития. Первое, что следует отметить, это то, что роль блогосферы как гражданской журналистики в обществе усиливается. И хотя в отличие от российских и западноевропейских¹ коллег блогеры Каракалпакстана пока неспособны существенным образом влиять на общественное мнение, их блогпосты не характеризуются аналитичностью, тем не менее содержат ту или иную точку зрения на происходящее в стране, более оперативно дают информацию, нежели традиционные СМИ, более персонализированы.

По количеству авторов блоги бывают личные, групповые (корпоративные, клубные) и общественные (открытые) [17], а по содержанию они делятся на личные и общие. По тематике направлены на следующие сферы: политика, туризм, образование, мода, музыка, спорт, кино, здравоохранение и бизнес. Тематика зависит от интереса блогера. По содержанию блогпостов, опубликованных на каракалпакском языке, их можно разделить следующим образом:

- блоги спортивной сферы; например, блоги по видам спорта, по футболу: www.furqatjusupov.blogspot.com;
- блоги, освещающие проблемы общества; например: www.pazilov.uz, www.furqatjusupov.blogspot.com.

¹ Среди зарубежных можно назвать такие профессиональные и массовые ресурсы, как Тьерри Мейсан (<https://www.voltairenet.org>), Гвидо Фокс (Guido Fawkes, <https://order-order.com>), Белла Каледония (https://ru.qwe.wiki/wiki/Bella_Caledonia), Алекс Джоунз (<https://www.prisonplanet.com>), <https://www.infowars.com>).

www.xurliman.blogspot.com, www.saidahmadov.blogspot.com, <https://kkreporter.wordpress.com>;

- блоги для сферы культуры, музыки; например, www.juldizlar.uz;
- блоги, посвященные интересным данным и интерактивной деятельности; например, www.megaline.uz;
- блоги сферы образования; например: www.abdikamalov.narod.ru, www.pazilov.uz;
- блоги, посвященные воспитанию детей; например: www.xurliman.blogspot.com, www.pazilov.uz;
- блоги для людей с ограниченными возможностями; например, www.sa.kr.uz;
- блоги, освещающие вопросы чистоты языка; например, www.saidahmadov.blogspot.com, www.aytbaeva.blogspot.com;
- блоги, дающие информацию, связанную с историческим и литературным наследием народа; например, www.tolegenov.blogspot.com.

Первый блог на каракалпакском языке <https://kkreporter.wordpress.com> был создан в 2009 г. журналистом Б. Тилеумуратовым. Журналист одновременно создал несколько блогов и обновлял их. Это блоги <http://kkreporter.livejournal.com>, <http://kkreporter.blog.com>, <http://kkreporter.hiblogger.net>, <http://kkblogger.ucoz.org>, <https://kkreporter.wordpress.com>.

Одним из первых блогов, посвященных спорту, является блог журналиста Ф. Юсупова www.furqatjusupov.blogspot.com. Помимо новостей футбола на нем размещалась хроника дня. Девиз блога: «Только свои статьи и сугубо личная информация. И ничто другое».

Блог был создан 23 августа 2013 г., и уже тогда за четыре месяца было написано 45 блогпостов, которые прочитали 3504 чел. [13]. Причем на блог заходили читатели не только из Каракалпакстана (1396 чел.), но и из США (966), России (196), Германии, Украины, Армении, Молдавии, Южной Кореи, Казахстана (846). Примечательно, что статьи, размещенные на блоге, были опубликованы 78 раз на 19 других сайтах. Что касается частоты обновления блога www.furqatjusupov.blogspot.com, то в 2013 г. было опубликовано 45 блогпостов, в 2014 г. — 19.

Первоначально в блоге www.furqatjusupov.blogspot.com давались только мнения и отзывы, касающиеся международного и отечественного футбола. Например: «Если бы не стал футболистом?..» (20 октября 2013 г.), «Нукусский футбол... закончился пешком (Фантазия)» (10 ноября 2013 г.) и др. В блогпосте «Золотое детство (1-я часть)»

(3 ноября 2013 г.) приводятся детские фотографии известных футболистов. В блогпосте «Если футбол связать с наукой» (7 января 2014 г.) блогер связывает футбол с предметами: математикой, азбукой, географией, природоведением, геометрией, музыкой, литературой, алгеброй, физикой, зоологией, историей, приводит факты о футболистах и мире футбола [13]. Спустя два года после создания блог Ф. Юсупова изменил тематику, но именно он положил начало спортивной блогосфере Каракалпакстана. Сегодня спортивной тематике посвящены блоги www.Interfutbol.uz, www.uff.uz, www.stadion.uz, www.championat.uz, www.arena.uz, www.intersport.uz, www.darakchi.uz, а также других 24 сайтов республики.

Особое место в блогосфере Каракалпакстана занимают блоги, отображающие общественные проблемы в республике. К ним относятся: www.pazilov.uz, www.furqatjusupov.blogspot.com, www.xurliman.blogspot.com, <https://kkreporter.wordpress.com>. Сегодня, когда развитие Интернета и социальных сетей стало одним из главных трендов, определяющих развитие социальных институтов, значение данного вида блогов неопределимо.

Блог www.pazilov.uz ведет народный учитель Республики Каракалпакстан, кандидат педагогических наук, доцент А. К. Пазылов. В нем блогер высказывает свое мнение и отношение к происходящим в обществе событиям. Блог www.pazilov.uz является средством привлечения населения к социальной жизни через восприятие информации, привлечение к социальным процессам и одновременно оказывает влияние на процессы социализации молодого поколения Каракалпакстана. Так, например, в блоге А. К. Пазылова были опубликованы материалы на темы: «Люди, посвятившие всю свою жизнь театру», «Размышления после родительского собрания», «Учитель не утверждает приказом, а назначается по призванию», «Прийти к общему мнению» и др. [9].

Во многих своих публикациях А. К. Пазылов высказывает мнение на статьи, опубликованные в газетах и журналах. Так, в публикации «Прийти к общему мнению» он откликается на статью журналиста Арыухан Турекеевой на тему «Проблемы, ждущие своего решения», опубликованной в газете «Молодежь Каракалпакстана» от 12 января 2017 г. В ней он дискутирует с автором по поводу проведения свадебных торжеств в Каракалпакстане, дает свои предложения по выдвинутой проблеме.

Следует заметить, что в последние годы в блогосфере республики появляется все больше мате-

риалов дискуссионного характера, блогеры читают, комментируют и ссылаются друг на друга, тем самым образуя некую субкультуру.

Как положительное явление следует отметить пусть редкое, но появление постов критического характера. Например, в блоге www.furqatjusupov.blogspot.com, размещена статья на тему «Фигурное катание в Нукусе», рассказывающая о скользящих дорогах в зимнее время года, аналогичной направленности публикация, поднимающая проблему, связанную с автотранспортными средствами в блогпосте «Утренний снег» [13].

В блоге www.xurliman.blogspot.com в посте «Веб-сайты и порталы для детей» поднимались вопросы интернет-зависимости подрастающего поколения [14], в блоге www.saidahmadov.blogspot.com давался фоторепортаж экологической проблематики «Амударья высыхает?», в блоге «Будут ли трудоустроены 4 молодых людей, попавших в амнистию по Республике Каракалпакстан?» выдвигались вопросы социальной защиты уязвимых слоев общества [10].

Встречаются попытки усиления действенности материалов, размещаемых в блогах. Например, на сайте <https://kkreporter.wordpress.com> в блогах публиковались материалы: «Открытое письмо журналистам Узбекистана», «Когда избавимся от равнодушия?», «Люди, не читающие газет...», «До сих пор не изменилось положение дел», — в которых освещаются проблемы, ждущие своего решения в обществе.

Основную долю в блогосфере Каракалпакстана занимают блоги, размещающие информацию из сферы культуры и музыки. Так, на портале www.juldizlar.uz даются сведения о певцах каракалпакской эстрады, публикуются их биографии, новости о гастрольных поездках, PR-акциях. Например: «Состоялся гала-концерт в исполнении эстрадных звезд Каракалпакстана», «Премьера фильма “Один день учителя-универсала”», «Самая лучшая песня в исполнении Арпбоя Алланиязова...» [15] и др.

Все больше становится блогов, размещающих информацию занимательного характера. В качестве примера можно привести блог www.megaline.uz, посвященный интересным событиям, происходящим в мире и в нашей стране. Это материалы «Попался крокодил, который пугал туристов в течение 10 дней (фото)», «Самые сильные борцы на ковре», «Успехи наших боксеров» [8].

Большую часть материалов блога www.megaline.uz, который ведет программист-

компьютерщик Б. Калмуратова, составляют публикации с других сайтов Интернета. Они переводятся на каракалпакский язык и адаптируются под аудиторию региона. В частности, можно назвать материалы «Прошел тестирование “Автобус будущего” в Китае», «Организован конкурс по бегу среди женщин с высокими каблуками» и. т. д. Отводится место и информации местного характера: «Студентом ТАТУ создана новая программа “Атоматизация очереди в паспортном столе”» [8].

Свое развитие получили и блоги образовательного профиля. Так, в блоге, созданном профессором Б. Абдикамаловым, www.abdikamalov.narod.ru размещена научная и художественная литература. В данном блоге любой интернет-пользователь сможет загрузить себе нужные для образования и саморазвития книги. В блоге www.pazilov.uz дается аннотация к содержанию этих книг, руководства по оптимальному их использованию.

В блоге www.tolegenov.blogspot.com размещены блогпосты, отражающие сведения об истории и литературном наследии каракалпакского народа. В данном блоге, состоящем из разделов «История», «Литература», «Художественное искусство», «Фото», помещены материалы о значимых исторических событиях Каракалпакстана: «Восстание в Кунграде», «Национальное наследие каракалпакского народа», «Дастан Кырк-кыз» [12].

Важную группу блогов составляют блоги для людей с ограниченными возможностями. Например, блог <http://sa.kr.uz> ведет инвалид второй группы С. Аvezов. На нем размещаются материалы о людях с ограниченными возможностями, встречах с ними, об опыте адаптации инвалидов к общественной жизни. Написанные на каракалпакском языке, они способствуют социализации людей с ограниченными возможностями, консолидации их в сообщества. Такие материалы, как «Феруза, связавшая нитями доброты души», «Вечер, объединивший милосердие и доброту», «Мы с тобой!», нашли отклик у тысяч пользователей Сети [11]. Примечательно, что в данном блоге размещены статьи не только С. Аvezова, но и других авторов, заинтересованных в данной тематике.

В блогосфере Каракалпакстана немало блогпостов касательно чистоты каракалпакского и узбекского языков. Например, в блоге www.saidahmadov.blogspot.com в блогпостах «O'-6, sh-w, ch-4...», «Нужен ли нам новый алфавит, состоящий из букв-паразитов?», «Я не “Wuhrat” Вухрат!» [10] высказывается критика в адрес искажения отдельных слов и неправильного использования новых букв. В блог-

посте «Обращаем ваше внимание на орфографические ошибки на улицах города Нукуса (фото)» [10] выражена критическая точка зрения на ошибки, встречающиеся на баннерах и вывесках магазинов. Например, «Фотостудия “Вахог” или “Bahor” (Весна)?», «“Mehg market” или “Mehr” (Маркет добра)», «“Xomashyo” или “Xom ashyo (Сырье)”, «“Ro'znomalar” или “Ruznomalar” (Газеты)?» и. т. д. В блоге Д. Айтбаевой www.aytbaeva.blogspot.com в блогпосте «Без критики нет работы» [6] также освещаются вопросы чистоты языка, речевой культуры.

Как положительную тенденцию следует отметить возрастающую интерактивность блогов. Все больше становится откликов, отзывов на материалы блогеров Каракалпакстана. Достаточно привести пример блога www.pazilov.uz. В блогпосте «Размышления после родительского собрания» даются отзывы и мнения старшего поколения, как они присутствовали на родительском собрании своего внука, говорится о взаимоотношениях учителей и учеников, посещаемости школьников, психологии современных детей.

Большой отклик вызывают публикации блогеров на экологические темы. В частности, пользователи часто выражают солидарность с блогерами по поводу высыхания Арала, ухудшения экологической среды в республике.

Существуют и проблемы в отечественной блогосфере. Одна из них заключается в том, что многие блоги не обновляются. К примеру, блог www.xurliman.blogspot.com посвящен важной сфере общественной жизни Каракалпакстана — воспитанию детей и молодежи. В нем блогпосты размещены как в виде научных статей, так и в виде рекомендаций. Блог привлек внимание посетителей Сети такими блогпостами, как «Веб-сайты и порталы для детей», «Неживой друг», «Нескончаемый клад» и др. [14]. Созданный журналистом в 2014 г. блог обновлялся некоторое время, но на данный момент обновлений не наблюдается.

Еще одной проблемой является мелкотемье некоторых блогпостов. Общность рассуждений, лозунговые выражения, отсутствие адресности — так можно охарактеризовать некоторые блоги.

У многих блогов не сформирован собственный стиль. Стандартизированность, клоновость снижают действенность блогов как эффективного средства гражданской журналистики.

Оставляет желать лучшего и мастерство блогеров Каракалпакстана. По нашему мнению, следует повысить их навыки по использованию фактов.

Интернет-пользователи, читая блогпосты, сравнивают их с другими материалами Сети, вследствие чего блогеры должны заботиться о повышении конкурентоспособности своей медиапродукции.

В заключение хочется отметить, что материалы, размещенные на веб-блогах на каракалпакском языке, охватывают все сферы жизнедеятельности общества, открыто указывают на негативные факторы, происходящие в нашей жизни, отличаются своим подходом к этим проблемам и отношением

к ним с гражданской позиции. Само время диктует необходимость совместной работы профессиональных и гражданских журналистов с блогами. Повышение качества и количества веб-блогов поможет обеспечить необходимой информацией наше общество, свободно высказывать свое мнение по различным вопросам. Это, в свою очередь, станет основой формирования и развития информационной культуры, идеологического иммунитета и гражданской сознательности.

Список литературы

1. Абдурахмонова Х. Журналистика янги медиа: сб. конф. «Актуальные проблемы онлайн-журналистики». Ташкент, 2018.
2. Решетников Д. Гражданская журналистика и интернет-СМИ: подходы к постановке проблемы // RELGA. 2015. № 7 (295). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=4274&level1=main&level2=articles>.
3. Уснатдинов Ш. Журналистикаға кирисиў // Каракалпакстан. Нукус, 2009.
4. Филатова, О. Г. Блоги и СМИ, гражданская и традиционная журналистика: соотношение понятий // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. № 4. С. 281—287.
5. Хлебникова Н. В. Гражданская журналистика: к истории становления термина // Медиаскоп. 2011. № 3.
6. URL: <http://aytbaeva.blogspot.com>.
7. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/877863>.
8. URL: <http://megaline.uz>.
9. URL: www.pazilov.uz.
10. URL: <http://saidahmadov.blogspot.com>.
11. URL: <http://sa.kr.uz>.
12. URL: <http://tolegenov.blogspot.com>.
13. URL: <http://furqatjusupov.blogspot.com>.
14. URL: <http://xurliman.blogspot.com>.
15. URL: <http://www.juldizlar.com>.
16. URL: <http://7bloggers.ru>.
17. URL: <https://ru.wikipedia.org>.
18. URL: The BOBs — Deutsche Welle — Blog Awards.
19. Radsch C. C. The Revolutions will be Blogged: Cyberactivism and the 4th Estate in Egypt. American University, 2013.
20. Rosen J. What Are Journalists For? Yale University Press, 2001.

Сведения об авторе

Есемуратова Сахибжамал Абдимуратовна — докторант II курса Нукусского государственного педагогического института им. Ажинияза, Нукус, Узбекистан. esaxiba@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 7 (441). Philology Sciences. Iss. 121. Pp. 56—62.

BLOG AS A TRIBUNE FOR FREE OPINION (AS EXEMPLIFIED IN THE BLOGS OF THE REPUBLIC OF KARAKALPAKSTAN)

S. A. Esemuratova

Nukus state pedagogical institute named after Ajiniyaz, Nukus, Uzbekistan. esaxiba@mail.ru

The article accentuates the phenomenon of citizen journalism around the world in addition to official journalism providing information from various sources. It gives information on the history of the first blog and the widespread popularity of the sphere of blogs among the public. The article cites how scholars who have done research on the topic of citizen journalism classify blogs and assess their capacity as media. The article also provides detailed information about the emergence of citizen journalism in Karakalpakstan, its first blog and blogger, as well as the materials written in it, it describes blog posts of other civil journalists in Karakalpakstan on their Internet blogs, analyzing their content and topics, providing examples. The author divides the Internet blogs in Karakalpakstan into several groups according to their themes and analyzes them topically.

Keywords: *web-blogs, blogosphere, citizen journalism, traditional media.*

References

1. Abdurahmonova H. (2018) Zhurnalistika yangi media kontekstda [Journalism in new media context]. Tashkent [in Russ.].
2. Reshetnikov D. (2015) *RELGA*, № 7 (295). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=4274&level1=main&level2=articles>. Rossiya [in Russ.].
3. Usnatdinov Sh. (2009) Zhurnalistikaga kirisiw [Introduction to journalism]. Nukus. 175 p. [in Karakalpak].
4. Filatova O. G. (2010) *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, no. 4, pp. 281—287 [in Russ.].
5. Hlebnikova N. V. (2011) *Mediaskop*, no. 3 [in Russ.].
6. URL: <http://aytbaeva.blogspot.com>.
7. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/877863>.
8. URL: <http://megaline.uz>.
9. URL: www.pazilov.uz.
10. URL: <http://saidahmadov.blogspot.com>.
11. URL: <http://sa.kr.uz>.
12. URL: <http://tolegenov.blogspot.com>.
13. URL: <http://furqatyusupov.blogspot.com>.
14. URL: <http://xurliman.blogspot.com>.
15. URL: <http://www.juldizlar.com>.
16. URL: <http://7bloggers.ru>.
17. URL: <https://ru.wikipedia.org>.
18. URL: The BOBs — Deutsche Welle — Blog Awards.
19. Radsch C. C. (2013) *The Revolutions will be Blogged: Cyberactivism and the 4th Estate in Egypt*. Doctoral Dissertation, American University.
20. Rosen J. *What Are Journalists For?* Yale University Press, 2001.

ЗНАЧИМОСТЬ МОРФОНОЛОГИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ В РУССКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЕГО ФУЗИОННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИМИНУТИВОВ СРЕДНЕГО РОДА)

С. Б. Им

Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан

Предметом описания являются отношения между такими морфонологическими компонентами в словообразовании, как ударение, альтернатива фонем и суффиксация, характер зависимости между ними. Предполагается, что словообразование диминутивов агглютинативно вопреки традиционной точке зрения, представленной в работах В. В. Лопатина, И. С. Улуханова, Е. А. Земской.

Ключевые слова: фузия, агглютинация, морфонологические элементы, ударение, чередование фонем, аффиксация, алломорф, вариабельность.

Вводная часть

В работе исследуется одна из проблем морфонологии, а именно проблема синтеза звукового облика слова в области словообразования. Важнейшими средствами образования производных слов в современном русском языке являются такие морфонологические компоненты, как ударение, чередование фонем и, как предполагаем, суффикс.

Материалом для исследования послужили отсубстантивные диминутивы среднего рода. Они позволяют рассмотреть внутрикатегориальные морфонологические явления, так как при аффиксальных способах словообразования применяются разнообразные морфонологические средства [8. С. 127].

Цель работы состоит в выяснении значимости морфонологических явлений в процессе синтеза звукового облика слова, установлении взаимосвязи между ударением, альтернативой и аффиксацией, характера зависимости между ними, что позволяет определить соотношения фузии и агглютинации в русском словообразовании и дает возможность системного описания морфонологических особенностей русского словообразования.

Объектом исследования являются морфонологические явления в области русского словообразования.

Методы исследования. Для достижения цели и реализации поставленных задач использовались описательный метод, включающий в себя такие приемы, как наблюдение, сравнение, сопоставление, обобщение, интерпретация, а также метод сплошной выборки.

Порядок исследования. Описание производится на паре слов. Фузия может быть описана на паре слов и на словообразовательной парадигме, но в связи с целью, поставленной в исследовании, мы предпочитаем работать на паре слов.

Для понимания значимости морфемы определяются ее парадигматические и синтагматические характеристики, которые состоят в описании морфонологических правил выбора суффиксов. Они заключаются в установлении связи между классом ударения и классом альтернантов производящего. Совокупность указанных правил определяет альтернативу суффиксов, являющихся на самом деле алломорфами¹ словообразовательной морфемы, границы которой определяются семантически.

Дальнейшее описание состоит в выборе морфонологического варианта производного, задаваемого данным алломорфом. Принадлежность ударения производного к некоторому варианту класса акцентной парадигмы (АП) или парадигмы альтернативы фонем есть вариабельность данного алломорфа. В результате все производные с данным алломорфом варьируются по морфонологическим показателям класса АП с теми ограничениями на ударение производного, которые налагаются акцентными правилами выбора алломорфа, и принадлежностью к подвижной или неподвижной парадигме альтернативы фонем с теми ограничениями на альтернативу фонем, которые присущи данному алломорфу каждого класса альтернантов производящего. Исследование указанных отношений

¹ Алломорф — конкретная манифестация словообразовательного суффикса.

позволит выявить иерархию морфонологических единиц, определяющих синтез звуковой структуры исследуемых производных, состоящей из совокупности морфем ударения, альтернации фонем и альтернации алломорфов.

Подобная методика решает проблему исчерпывающего описания морфонологической системы в рамках сосюрговской дихотомии: парадигматика — синтагматика [15. С. 100—102]. Совокупность перечисленных методов делает наш подход к морфонологическим единицам системным.

Традиции словообразовательного анализа аналитической школы, представленной именами таких известных лингвистов, как Г. О. Винокур, М. В. Панов, Е. А. Земская, В. В. Лопатин, И. С. Улуханов, в изучении вопросов о роли морфонологических явлений в области словообразования ведут к решению этого вопроса с точки зрения агглютинации. По их мнению, русское словообразование носит агглютинативный характер, так как доминирующая роль принадлежит суффиксу, а ударение и альтернация фонем зависят от него. Русский язык по своим типологическим особенностям относится к фузионным. Фузионность русского языка проявляет себя в виде чередования фонем, чередования ударения при склонении, спряжении и словообразовании. Это утверждение послужило основанием для предположения, высказанного в работе, о фузионном характере русского словообразования.

Аналитическая школа является одним из направлений американской школы порождающей грамматики. Порождающая грамматика, зародившаяся в недрах дескриптивной лингвистики, сохраняет некоторые существенные ее черты: принятие понятия абстрактной морфемы, взгляд на морфонологию как дисциплину, изучающую результаты сочетаемости морфем. Доминирующей идеей в этой теории является идея о б исходной основе (глубинной структуре) и воплощение ее в поверхностные структуры [2. С. 57].

В связи с этим Д. Ворт в своем докладе «Морфология славянского словообразования» выделяет два направления в изучении русской морфонологии: аналитическое и синтетическое [3].

Для аналитического направления характерно изучение языковых фактов с точки зрения воспринимающего, объектом исследования являются поверхностные структуры. При синтетическом подходе исследователь стоит на точке зрения говорящего, тогда объектом его исследования являются глубинные структуры и правила их воплощения в поверхностные.

В качестве «исходных основ» выступают абстрактные объекты, являющиеся теоретико-множественными суммами наблюдаемых основ и суффиксов, то есть абстрактные основы и абстрактные суффиксы включают в себя признаки, наблюдаемые хотя бы в одной из реализаций абстрактной основы и абстрактного суффикса, абстрактные основы и суффиксы содержат максимальное количество признаков основ и суффиксов, наблюдаемых в данном языке. «Интересы говорящего требуют, чтобы соединяемые элементы было легко произносить. Приспособляемость к разным контекстуальным условиям, к разным “соседям” обеспечивается путем варьирования формы соединяемых элементов» [7. С. 36].

Воплощение глубинных структур в поверхностные возможно при помощи различных морфонологических правил. Различия между указанными направлениями Д. Ворт рассматривает как различие между аналитической и синтетической грамматикой. В аналитической грамматике любой наблюдаемый факт может быть признан начальным для построения описания. В синтетической грамматике исходным элементом может быть признана морфема, «из которой с максимальной точностью и простотой можно предсказать на самом деле объективно существующие ее фонетические варианты» [3. С. 381]. Но в синтетической концепции морфонологии «нет общепризнанных критериев для установления допустимой степени абстрактности исходных основ» [Там же].

К этой школе из зарубежных лингвистов можно причислить Е. Станкевича [18], М. Комарека [17]. Ярким представителем синтетического направления является О. В. Кукушкина [7]. В целом синтетическую школу отличает несистемный подход, так как связь выражается в виде правил. «В качестве еще одного из недостатков генеративистских описаний морфонологии часто называлась крайняя “неестественность” предлагаемых при этом правил [5. С. 36].

Система — это отношения иерархии, то есть отношения необратимой предсказуемости. В. Б. Касевич считает, что «генеративно-синтетический подход к морфонологии неприемлем, поскольку, по сути дела, представляет собой “подгонку под ответ”» [6. С. 59].

Взгляды представителей порождающей грамматики разделяются такими лингвистами, как В. Б. Чурганова [16], В. Б. Смиренский [14]. Все они исходят из теории Р. О. Якобсона об исходной основе и рассматривают морфонологические явле-

ния как результат изменения исходной основы при сочетании морфем.

Открытым остается вопрос о морфонемах и дифференциальных признаках (ДП) морфономем.

Кульминацией аналитической традиции являются «Грамматика — 70», «Русская грамматика — 80». Авторы раздела «Словообразование» В. В. Лопатин и И. С. Улуханов не выделяют морфологию в самостоятельный раздел. По их мнению, «морфологические различия мотивирующего и мотивированного слова носят дополнительный, вспомогательный характер. Морфологические явления несистемны, хотя широко используются при суффиксации [9]. После описания словообразовательного типа идет перечисление различных морфологических явлений, имеющих место при присоединении словообразовательного суффикса; например, следует описание производных на *-ц(о)*, затем перечисляются альтернации фонем, ударения [Там же. С. 133—134], но не говорится о правилах выбора варианта *-ец(о)* или *-ице*. Однако такие правила существуют.

Это же мнение отражено в Словаре словообразовательных аффиксов современного русского языка: «Дополнительный, вспомогательный характер носят морфологические различия мотивированного и мотивирующего слов — усечение и наращение основы мотивирующего слова, чередования, совмещение морфов, различие места ударения. Эти формальные различия не являются обязательными для всех образований и словообразовательных типов, относящихся к определенному способу словообразования. Они лишь сопровождают формант и не выступают в качестве единственного средства образования слов» [10. С. 40—41].

К этой же школе относится Е. А. Земская: «Чередования не имеют самостоятельного значения в словообразовании, а используются лишь как дополнительное средство, сопровождающее аффиксацию» [4. С. 114]. «Чередования в русском словообразовании — морфологическое явление, как правило, не имеющее самостоятельного деривационного значения» [Там же. С. 116]. «Ударение также относится к области морфологии. Однако в русском языке ударение не играет важной роли в словообразовании. Поэтому в настоящей работе оно не будет рассматриваться» [Там же. С. 80].

По мнению И. Б. Иткина, «и общетеоретические соображения, и исследовательская практика убедительно свидетельствуют о том, что для проведения полного, непротиворечивого и адекватного описания морфологии какого-либо языка или

группы языков аналитический метод неприменим» [5. С. 35].

Эти направления последовательно синтагматичны, так как все морфологические изменения, происходящие с аффиксами, объясняются как результат сочетаемости аффиксов. Однако вопроса о выборе аффиксов и принципах их сочетаемости не ставится. Фактически речь идет о фонемах и морфемах, которые заданы заранее. Они не рассматривают правила выбора суффиксов.

В настоящей работе предлагается система описания, позволяющая раскрыть функциональную эквивалентность ударения, чередования фонем, в отличие от описания, принятого в аналитической школе, которое строится на основе утверждения об агглютинативности русского словообразования, признания доминанции аффиксации над ударением и альтернативой.

В работе сделана попытка решить проблему синтеза звукового облика слова с точки зрения фузии, при которой наблюдается взаимообусловленность морфологических элементов. Термины «фузия» и «агглютинация» общеприняты. Но значения, которые вкладываются в эти термины, не отвечают цели работы. Чтобы доказать их недостаточность, приведем ряд формулировок.

— «Агглютинация (англ. agglutination, фр. agglutination, нем. agglutination, исп. Aglutinacion) — 1) механическое присоединение однозначных стандартных аффиксов к неизменяемым основам или корням; ср. фузия» [1].

— «Фузия (англ. fusion, фр. fusion, нем. verschmelzung, исп. Fusion) — тесное морфологическое соединение изменяемого корня с многочисленными нестандартными аффиксами, приводящее к стиранию границ между морфемами; ср. агглютинация (в 1-м значении)» [1].

— «Агглютинация (от лат. agglutinare — приклеивать) — способ образования форм слова и производных слов механическим присоединением стандартных суффиксов к неизменяемым (лишенным внутренней флексии) основам или корням. Каждый аффикс имеет только одно грамматическое значение, равно как каждое грамматическое значение выражается всегда одним и тем же аффиксом» [13. С. 11].

— «Фузия (фр. fusion — сплавление, слияние, от лат. fusio — литье). Слияние морфем, сопровождающееся изменением их фонемного состава. Чаще происходит тесное морфологическое соединение изменяемого корня с многочисленными нестандартными аффиксами, приводящее к стиранию границ между морфемами» [Там же. С. 379].

Содержание вышеприведенных определений сводится к морфологической вычленимости морфем. Исходя из этого в работе приводятся формулировки фузии и агглютинации, позволяющие раскрыть фузионный характер русского языка в свете его морфологических особенностей. Они не противоречат общепринятым: в основе определения агглютинации лежит тот же принцип автономности, а в основе определения фузии — принцип взаимообусловленности ударения, чередования фонем и аффиксации.

Традиционные формулировки не объясняют причин фузии. В данной работе сделана попытка раскрыть характер фузии и как она выражается. Содержание понятий фузии и агглютинации, которое предлагается нами, существенно отличается от общепринятых, в основе которых лежит морфологическая вычленимость морфем, несмотря на то что в основе определения агглютинации лежит принцип автономности морфологических единиц, а при определении фузии — принцип взаимообусловленности морфологических явлений.

Отсюда *агглютинация* — это такая система выражения звукового облика слова, при которой аффиксация носит автономный характер, а ударение и чередование фонем зависят от нее; при фузии наблюдается такое соотношение между ударением, чередованием фонем и аффиксацией, при котором имеет место неавтономность перечисленных морфологических компонентов, прежде всего аффиксации.

Если верно, что морфемы автономны (посылка, на которой покоятся суждения вышеперечисленных авторов), то следует признать, что русское словообразование агглютинативно. Если же материал покажет эквивалентность ударения, альтернации и аффиксации, то русское словообразование фузионно.

В работе высказано предположение, что единицы, рассматриваемые как морфемы, можно включить в некую более широкую систему морфологических единиц, тогда возможна разнонаправленная доминация между ударением, альтернативой фонем и морфемами, то есть отношения между элементами плана выражения в русском языке носит более сложный характер, чем это принято считать традиционно, и алломорф следует рассматривать как член системы морфологических единиц русского языка.

На основе описания можно предположить, что наблюдается определенная иерархия в системе морфологических компонентов, куда могут так-

же включаться алломорфы данного аффикса: сначала морфологические характеристики в виде ударения и консонантного исхода основы производящего предсказывают суффикс производного слова, который, в свою очередь, может накладывать свои ограничения на выбор акцентной кривой и альтернатив исходной основы производного слова. Данное утверждение будет проверено в экспериментальной части работы.

Для выяснения характера отношений автономности или вариантности ряда суффиксов, выражающих некоторое словообразовательное значение, представляющее сегмент, и составляющих парадигму алломорфов словообразовательного суффикса, описываются зависимости между акцентной характеристикой и консонантным исходом основы производящего. Их инвариант должен определяться по семантическим основаниям. В понятие «инвариант» могут включаться те характеристики, которые остаются постоянными при всех последовательных изменениях объекта. Тогда различия между вариантами должны сводиться к некоторым морфологическим правилам. В этом случае в парадигму с общим семантическим значением могут включаться алломорфы суффиксов — суффиксов *-ишко*, *-ище*, *-це (-цо)*, *-ецо (-ице)*. Их инвариант состоит в том, что они образуют уменьшительно-ласкательные имена среднего рода от имен существительных. Они составляют производные I класса ударения. Профессор В. А. Редькин все производные имена существительные относительно ударения делит на два класса [12. С. 45—58]. Акцентные характеристики производных имен I класса зависят от ударения производящих, во II классе производных такая зависимость не наблюдается.

Чтобы ответить на вопрос о том, могут ли перечисленные суффиксы являться вариантами в рамках одной парадигмы алломорфов словообразовательного суффикса, которые могут находиться в отношениях взаимозаменяемости в зависимости от набора морфологических правил, в работе рассматриваются зависимости между ударением и консонантным исходом основы производящего и алломорфами суффиксов.

В исследовании были использованы понятия типов ударения и типов консонантных исходов основ, которые были введены в научный оборот упомянутым выше В. А. Редькиным [11]. Они обозначены при помощи символов, выражающих функции ударения и консонантных исходов основ производящих. Профессор В. А. Редькин выделяет четыре класса акцентных кривых ударения *a*, *b*, *c*, *d* и во-

семь классов альтернантов фонем, 9-й класс альтернантов представлен основами на *-J-*. В месте пересечения классов ударения с классами альтернантов могут находиться определенные суффиксы.

Все акцентные кривые объединены в две акцентные парадигмы (АП). Они обозначены как неподвижная и подвижная. В неподвижную парадигму включаются акцентные кривые слов, отличающихся словообразовательной неподвижностью ударения, под которой понимается такое соотношение однокоренных слов, когда дифференциальный признак (ДП) ударения производящего тождествен ДП ударения производного, ср. *ма́сло* — *ма́слице*, *лакéй* — *лакéшика*. Подвижная АП включает в себя акцентные кривые слов, характеризующиеся словообразовательно подвижностью ударения. Под ней понимается такое соотношение однокоренных слов, при котором ДП ударения производного отличается от ДП ударения, производящего хотя бы в одной словоформе, ср.: *скóвороды* — *сковоро́д*, *брю́хо* — *брю́шко*.

В классе *a* наблюдается неконечное ударение в Дат. п. ед. и мн. ч.: *болоту* — *болотам*; класс *b* — конечное ударение в дат. п. ед. и мн. ч.: *плечу* — *плечам*; в классе *c* — неконечное ударение в дат. п. ед. ч. и конечное ударение в дат. п. мн. ч.: *слову* — *словам*; в классе *d* — конечное ударение в дат. п. ед. ч. и неконечное ударение в дат. п. мн. ч.: *зиме* — *зимам*. Каждый класс ударения имеет свои подклассы акцентных кривых: *A*, *A₁*, *B*, *B₁*, *B₂*, *B₃* и т. д.

В каждом классе альтернантов имеется определенный набор фонем, которые выделяются по принципам компактности, периферийности, консонантности. Определяя морфемную альтернацию фонем (альтернативного ряда), В. А. Редькин исходит из термина Н. С. Трубецкого, который трактовал ее субстанционально: отправной точкой является не парадигма морфем, а конкретный альтернант. В отличие от морфем Н. С. Трубецкого морфема В. А. Редькина задается функционально. Функциональная трактовка альтернативы состоит в том, что описываются корреляции альтернантов и им даются имена. Имена корреляций альтернантов будут составлять ДП морфем.

Если представить, что фонемы в составе альтернантов являются вариантами, то содержание альтернанта свелось бы к парадигме, включающей в себя некоторое множество фонем, которые автономны с фонологической точки зрения, но тождественны с морфологической точки зрения. Тогда имена корреляций указанных парадигм явились бы

ДП морфем. В этом случае ДП фонем, входящих в парадигму альтернанта, будут трактоваться как субстанции, или дифференциды, альтернанта.

Классы альтернантов, предложенных В. А. Редькиным, являются именами парадигм альтернантов, а фонемы, входящие в эти парадигмы, — дифференциды альтернантов. Для того чтобы определить дифференциды альтернантов, будет достаточно четырех признаков фонем. Существенно то, что эти четыре признака релевантны для гласных, согласных и сонантов, поэтому применимы для любой альтернативы фонем: вокальность, консонантность, компактность, периферийность.

Нет возможности привести все морфологические варианты диминутивов I класса ударения, поэтому укажем лишь некоторые, а все возможные варианты отразим в табл. 1.

Парадигматические характеристики диминутивов с суффиксом *-ишко* с уменьшительно-ласкательным значением

Неподвижная АП

Вариант I. В производном акцентная кривая А на том же слоге, что в производящем, альтернанты VIII класса в производных представлены палатальными вариантами: VIII класс: <л-л'> *оде́ло* — *оде́лишко*.

Подвижная АП

Вариант I. В производящем акцентная кривая А на основе, в производном на суффиксе, альтернанты IV класса представлены в производном палатальными вариантами: IV класс: <т-т'> — *зо́лото* — *золоти́шко*. Всего шесть вариантов.

Диминутивы с безударным суффиксом *-ишко* образуются от слов, отличающихся неподвижностью ударения, в отличие от слов с ударным *-ишко*.

Диминутивы с *-ишко*, образованные от основ с исходом на <j>, стоят вне альтернативы фонем, поэтому описываются только их акцентологические характеристики.

Производные на *-ишко* от основ на <j>

Неподвижная АП

Вариант I. В производном акцентная кривая А на том же слоге основы, что и в производящем: *жа́лованье* — *жа́лованишко*. Девять примеров.

Подвижная АП

Вариант I. В производящем акцентная кривая В, в производном акцентная кривая А на суффиксе: *белё* — *бели́шко*. Три примера.

Таблица 1

Таблица выбора алломорфов суффиксов диминутивов среднего рода, задающих I класс ударения

Класс альтернантов	Класс ударения производящего			
	а	б	с	д
I	-ишко	-ишко	-ишко	
II	-ище, -цо		-це (-цо)	
III			-ишко	
IV	-ишко, -це	-ишко	-ишко-цо	-це
VI				-ишко, -ецо
VIII	-ишко, -це (-цо), -ище	-ишко, -це	-ишко, -це (-цо), -ище	-ишко, -це (-цо), -ецо
J	-ишко, -ище	-ишко, -ецо		

Парадигматические характеристики диминутивов с суффиксом -ище с увеличительным значением

Производные с суффиксом *-ище*, относящиеся к подвижной АП, отсутствуют.

Неподвижная АП

Вариант I. В производящем акцентная кривая А на основе, в производном на суффиксе, альтернанты II класса представлены в производном палатальными вариантами: II класс: <в-в'> — *пíво* — *пíвище*.

Парадигматические характеристики диминутивов с суффиксами -ецо (-ице) с уменьшительно-ласкательным значением

Неподвижная АП

Неподвижная АП представлена одним вариантом: в производном акцентная кривая А на том же слоге основы, что в производящем, в производящем и производном альтернант VIII класса <л>: *крéсло* — *крéслице*, *пря́сло* — *пря́слице*, *сто́йло* — *сто́йлице*.

Подвижная АП

Вариант I. В производящем акцентная кривая С, в производном акцентная кривая А на финали основы, в производящем и производном альтернант VIII класса: <л>: *ма́сло* — *ма́слице*.

Два варианта.

Производные на -ецо (-ице) от основ на <j>

Неподвижная АП

Неподвижная АП представлена одним вариантом: в производном акцентная кривая А на том же слоге основы, что в производящем: *варéнье* — *варéньице*, *внимáнье* — *внимáньице*, *выражéнье* — *выражéньице*

Подвижная АП

Вариант I. В производящем и производном акцентная кривая В: *бельё* — *бельецо́*, *житьё* — *житьецо́*.

Вариант II. В производящем акцентная кривая D, в производном акцентная кривая В: *копéё* — *копеецо́*, *ружьё* — *ружьецо́*.

Парадигматические характеристики диминутивов с суффиксом -це (-цо) с ласкательным значением

Неподвижная АП

Вариант I. В производном акцентная кривая А на том же слоге основы, что в производящем, альтернанты IV и VIII классов оканчиваются в производящем и производном на непалатальный вариант альтернанта: IV класс: *болóто* — *болóтце*; VIII класс: *колéно* — *колéнце*. Девять примеров.

Вариант II. В производном акцентная кривая А на том же слоге основы, что в производящем, альтернант VIII класса <л> представлен в производном палатальным вариантом: <л-л'> — *ду́ло* — *ду́льце*, *жа́ло* — *жа́льце*. Десять примеров.

Подвижная АП

Вариант I. В производящем акцентная кривая В, в производном акцентная кривая А на финали основы, альтернант VIII класса <н> представлен в производящем и производном непалатальным вариантом: *толокно́* — *толокóнце*. Всего девять вариантов.

Морфонологические условия выбора алломорфов суффиксов диминутивов среднего рода I класса ударения

Общих запретов на выбор суффиксов нет. Но имеются ограничения на каждый суффикс при выборе ударения производящего и класса альтернантов.

Суффикс *-ишко* испытывает ограничения по ударению и по классу альтернантов: он возможен только при I, III, IV, VI, VIII классах альтернантов и основах на <j>, но нет ограничений по ударению. Суффикс *-ишко* возможен при любом ударении производящего: *одеяло* — *одеялишко* (а), *пальто* — *пальтишко*, *барахло* — *барахлишко* (в), *место* — *местишко* (с), *письмо* — *письмишко* (д), *дуло* — *дулишко* (д), *именье* — *именьишко* (а). Суффикс *-ице* возможен при ударении производящего классов а, но не в, с, но не d, при II классе альтернантов: *пиво* — *пивице* (а). Суффикс *-це (-цо)* наблюдается при всех классах ударения производящего, при альтернантах II, IV, VIII классов, но не I, III, VI классов и <j>: *дерево* — *деревице* и *деревоцо* (в), *долото* — *долотице* и *долотоцо* (д), *одеяло* — *одеяльце* (а). Суффикс *-ецо (-ице)* возможен при ударении производящего всех классов, при альтернантах VI, VIII классов и <j>, но не I, II, III, IV классов: *стойло* — *стойлице* (а), *масло* — *маслице* (с), *письмо* — *письмецо* (д), *копье* — *копьецо* (в).

Дальнейшие ограничения обусловлены ударением производящего в рамках каждого класса альтернантов.

I класс альтернантов. При ударении производящего классов а, в, с, d возможен только алломорф *-ишко*: *одеяло* — *одеялишко* (а), *пальто* — *пальтишко*, *барахло* — *барахлишко*, *золото* — *золотишко* (в), *место* — *местишко* (с), *письмо* — *письмишко* (д), *дуло* — *дулишко* (д), *именье* — *именьишко* (а).

II класс альтернантов. Суффикс *-ице* возможен при ударении производящего класса а, но не в, с, но не d, при II классе альтернантов: *пиво* — *пивице* (а). Алломорф *-ишко* невозможен.

Алломорф *-це (-цо)* возможен при ударении производящего классов а, с, но не в, d: *дерево* — *деревице* (а), *слово* — *словоцо* (с).

III класс альтернантов. Возможен алломорф *-ишко* при ударении производящего с, но не а, в, d: *сердце* — *сердчишко* и *сердечишко*.

IV класс альтернантов. Алломорфы *-ишко*, *-це (-цо)*, *-ице* возможны при ударении производящего классов а, в, с, но не d: *золото* — *золотишко* (а), *пальто* — *пальтишко* (в), *место* — *местишко* (с). Алломорф *-це (-цо)* возможен при ударении производящего классов а, с, d, но не в: *болото* — *болотице* (а), *мясо* — *мясоцо* (с), *долото* — *долотице* и *долотоцо* (д).

VI класс альтернантов. Алломорф *-ишко* возможен при ударении производящего класса d, но не а, в, с: *письмо* — *письмишко* (д). При ударении производящего класса d, но не а, в, с возможен *-ецо*: *письмо* — *письмецо* (д).

VIII класс альтернантов. Алломорфы *-ишко*, *-це (-цо)* не знают ограничений в выборе класса ударения: *одеяло* — *одеялишко* (а), *барахло* — *барахлишко* (в), *масло* — *маслишко* (с), *сукно* — *сукнишко* (д); *колéно* — *колéнце* (а), *толокно* — *толокóнце* (в), *сéно* — *сенцо* (с), *сукно* — *сукóнце* (д). Алломорфы суффикса *-ице (-ецо)* возможны при ударении производящего а, с, d, но не в: *крéсло* — *крéслице* (а), *масло* — *маслице* (с), *дуло* — *дулецо* (д).

При основах на <j> и ударении производящего классов а, в, но не с, d, возможны *-ишко*, *-ецо*: *жа́лованье* — *жа́лованьишко* (а), *бельё* — *бельи́шко* (в), *внимáние* — *внимáнище* (а), *жизьё* — *жизтьёцо* (в).

Исходя из описания, представленного в таблице, можно утверждать, что суффиксы *-ишко*, *-ице*, *-це (-цо)*, *-ецо (-ице)* представляют одну парадигму алломорфов суффиксов. Различия между членами этой парадигмы задаются некоторыми морфологическими правилами. Их инвариант заключается в возможности образовывать диминутивные имена среднего рода, что подтверждает наше предположение о фузионности описываемого класса слов, так как испытывают ограничения как со стороны класса ударения производящего, так и в рамках данного класса альтернантов.

Вариабельность алломорфов суффиксов диминутивов среднего рода I класса ударения

Для суффикса *-ецо (-ице)* палатальность морфологически незначима, так как суффикс начинается гиперфонемой. Суффикс *-це (-цо)* характеризуется альтернативой по палатальности относительно альтернанта VIII класса <л>; ср.: *ши́ло* — *ши́льце*, но *долото́* — *до́лотице* и *долото́цо*, *око́но* — *око́нце*. При всех остальных исходах основ сохраняется альтернант производящего.

Суффикс *-ишко* имеет альтернативы по периферийности, компактности и палатальности — *сердчи́шко*, *сердечи́шко*, *скарби́шко*, *золоти́шко*. В некоторых случаях возможно сохранение альтернанта производящего, что является результатом омонимии альтернативного ряда.

Ударение производных I класса зависит от ударения производящих: при акцентной кривой А в производящем ударение в производном находится на том же слоге основы, что и в производящем *одеяло* — *одеялишко*, *именье* — *именьишко*. Если в производящем акцентная кривая не А, то в производном ударение падает на словообразовательный суффикс или на исход основы: *сели́шко* (д);

Таблица 2

Таблица варибельности алломорфов суффиксов I класса ударения диминутивов среднего рода

Альтернации фонем			Ударение производного			
К	П	Пал.	А	В	С	Д
+	+	+				
+	+	+				
+	–	+				
+	–	–	-ишко, -ище			
–	–	–	-ишко, -ище, -це, -ище*	-цо, -ецо*		
–	+	+				
–	+	–	-ишко, -ище, -це			
–	–	+	-ишко, -ище, -це			

крэслице (а), *бельецо* (в), *зóлотце* (а), *волоко́нце* (в), *дэ́ревце* и *дереви́цо* (с), *гумéнце* (d).

Морфонологический анализ диминутивов с суффиксами *-ишко*, *-ище*, *-це (-цо)*, *-ецо (-ице)* показывает, что их образование связано с альтернативой ударения, фонем и альтернативой алломорфов. Выбор алломорфа суффикса зависит от ударения и класса альтернантов производящего. Совокупность указанных правил определяет на самом деле альтернацию суффиксов, образующих класс алломорфов. Однако алломорф, в свою очередь, определяет класс ударения и вид альтернанта производного, иначе говоря, принадлежность к парадигме альтернации фонем и ударения. Так, в производных с суффиксом *-це*, *-ище* ударение всегда на основе, в производных с суффиксом *-цо*, *-ецо* ударение всегда на суффиксе. Единицей класса алломорфов суффиксов является парадигма алломорфов, различия между членами которой сводятся к морфонологическим правилам.

Таким образом, зависимость выбора суффиксов *-ишко*, *-ище*, *-це (-цо)*, *-ецо (-ице)* от ударения и класса альтернантов производящего, варибельность алломорфов свидетельствует о фузии морфонологических средств в I классе слов и об отсутствии очевидной агглютинации, иными словами, о функциональной эквивалентности ударения, альтернации фонем и аффиксации.

Для понимания значимости морфемы, то есть отношения морфемы к системе языка в целом, определяются ее парадигматические и синтагматические характеристики. Установив, что две или несколько единиц являются вариантами, мы показываем их тождество, то есть принадлежность к одной парадигме. В этом смысле наше описание является парадигматическим. Вариант является объектом речи, а парадигма — языка.

Исследование парадигматики позволяет выявить общее представление об альтернативе ударения, фонем и аффиксов, то есть морфеме фонематических, просодических и суффиксальных альтернатив. В синтагматике выявляются правила совместной выполнимости и последовательности членов указанных альтернатив, или альтернантов, в данном конкретном слове; например, в парадигматике описываются правила, определяющие набор суффиксов *-ишко*, *-ище*, *-це (-цо)*, *-ецо (-ице)*, в синтагматике — возможность употребления в производных суффиксов *-ишко* и *-це*: *золотишко* и *золотце*. Имена обнаруживают совместную выполнимость с суффиксами *-ишко* и *-це*, но не допускают *-ище*.

Исследование показало, что наблюдается определенная иерархия в системе морфонологических компонентов, куда в результате описания можно включить алломорфы определенного суффикса, что означает: вначале морфонологические характеристики производящего в виде ударения и консонантного исхода основы предсказывают суффикс диминутива, а суффикс, в свою очередь, способен накладывать свои ограничения на выбор ударения и консонантный исход основы производного.

Таким образом, описывая морфонологические парадигмы имени, мы описываем явления системы русского языка, а описывая употребление вариантов в конкретном слове, описываем правила синтагматических характеристик. Наш принцип парадигматического подхода к описанию не исключает синтагматического анализа. Он может решить проблему исчерпывающего описания морфонологической системы в рамках сосюрговской дихотомии «парадигматика — синтагматика».

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. URL: <https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/a.htm>.
2. Ворт Д. О роли абстрактных единиц в русской морфологии // Развитие современного русского словообразования. 1972. М., 1975. С. 53—68.
3. Ворт Д. Морфология славянского словообразования // American contributions to the 7th International congress of slavists: Warsaw: August 21—27, 1973. Vol. 1. Linguistics and poetics. The Hague — Paris, 1973. С. 377—391.
4. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие. М.: Флинта, 2016. 325 с.
5. Иткин И. Б. Русская морфология. М.: Гнозис, 2007. 272 с.
6. Касевич В. Б. Морфология. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1986. 161 с.
7. Кукушкина О. В. Морфология современного русского литературного языка. М.: Изд-во Московского государственного университета, 2016. 337 с.
8. Лопатин В. В., Улуханов И. С. К соотношению единиц словообразования и морфологии // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М.: Наука, 1967. С. 119—132.
9. Лопатин В. В., Улуханов И. С. Словообразование // Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. С. 123—453.
10. Лопатин В. В., Улуханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Азбуковник, 2016. С. 40—41.
11. Редькин В. А. Альтернации (чередования фонем) // Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. С. 462—465.
12. Редькин В. А. Акцентология современного русского литературного языка. М.: Просвещение, 1971. 223 с.
13. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
14. Смиренский В. Б. Варьирование морфемы в свете морфологического анализа (К проблеме алломорфии) // Филологические науки. 1975. № 1. С. 47—55.
15. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1990. 360 с.
16. Чурганова В. Б. О предмете и понятиях фономорфологии // Известия АН СССР. 1967. Т. 26, вып. 4. С. 363—374.
17. Komarek M. Sur l'appréciation fonctionnelles des alternances morphologiques // TCLP. Vol. 1. Prague, 1964. P. 145—161.
18. Stankievichz E. The accent patterns of the Slavic verb // American contributions to the 6th International congress of slavists. 1968. Vol. 1. The Hague — Paris. P. 353—376.

Сведения об авторе

Им Светлана Борисовна — доцент кафедры современного русского языка Узбекского государственного университета мировых языков, Ташкент, Узбекистан. imsb1985@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 7 (441). Philology Sciences. Iss. 121. Pp. 63—72.

MORPHONOLOGICAL PHENOMENA IN THE RUSSIAN WORD FORMATION AS A MANIFESTATION OF FUSION (A CASE STUDY OF DIMINUTIVES OF THE NEUTER GENDER)

S. B. Im

Uzbek State World Languages University, Tashkent, Uzbekistan. imsb1985@mail.ru

The object of the description is relationships between such morphonological elements as stress, alternation of phonemes, suffixation, and the nature of relationship between them. It is assumed that the derivation of diminutives is agglutinative, contrary to the traditional point of view, which is represented in V. V. Lopatin's, I. S. Uluhanov's, and E. A. Zemskaya's works. According to this idea, it is believed that the Russian word

formation is agglutinative, as the affix dominates, and the stress and the alternation of phonemes are subordinate to it. In this article the hypothesis of the fusion of diminutives is expressed. It reveals itself in the fact that the stress, the alternation of phonemes and the affix are functionally equivalent. The hypothesis was confirmed in the research. The article also presents the original concepts of fusion and agglutination, allowing to reveal the interdependence of morphonological elements.

Keywords: *fusion, agglutination, morphophonological elements, stress, alternation of phonemes, affixation, allomorph, variability.*

References

1. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. Available at: <https://class-es.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/a.htm>, accessed 23.03.2020 [in Russ.].
2. Worth D. (1975) O roli abstraktnykh edinic v russkoj morfonologii [On the role of abstract units in the Russian morphonology]. Razvitie sovremennogo russkogo slovoobrazovanija [The development of the modern Russian word formation]. Moscow. Pp. 53—68 [in Russ.].
3. Worth D. (1973) Morfonologija slavjanskogo slovoobrazovanija [Morphonology of the Slavic word formation]. American contributions to the 7th International congress of Slavists: Warsaw: August 21—27, 1973. Vol. 1: Linguistics and poetics. The Hague — Paris. Pp. 377—391 [in Russ.].
4. Zemskaja E. A. (2016) Sovremennyj russkij jazyk Slovoobrazovanie [Modern Russian language. Word formation]. Moscow, Flinta. 325 p.
5. Itkin I. B. (2007) Russkaja morfonologija [Russian Morphonology]. Moscow, Gnozis. 272 p. [in Russ.].
6. Kasevich V. B. (1986) Morfonologija [Morphonology]. Leningrad, Leningrad State University Publ. 161 p. [in Russ.].
7. Kukushkina O. V. (2016) Morfonologija sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka [Morphonology of the modern Russian standard language]. Moscow, Moscow State University Publ. 337 p. [in Russ.].
8. Lopatin V. V., Uluhanov I. S. (1967) K sootnosheniju edinic slovoobrazovanija i morfologii [To the ratio of the units of word formation and morphology]. Edinicy raznykh urovnej grammaticheskogo stroja jazyka i ih vzaimodejstvie [Units of different levels of the grammatical structure of the language and their interaction]. Moscow, Science Publ. Pp. 119—132 [in Russ.].
9. Lopatin V. V., Uluhanov I. S. (1970) Slovoobrazovanie [Word formation]. Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka [Grammar of the modern Russian standard language]. Moscow, Science Publ. Pp. 123—453 [in Russ.].
10. Lopatin V. V., Uluhanov I. S. (2016) Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennogo russkogo jazyka [Dictionary of the deriving affixes of the modern Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ. Pp. 40—41 [in Russ.].
11. Red'kin V. A. (1970) Al'ternacii (cheredovanija fonem) [Alternance (alternations of phonemes)]. Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka [Grammar of the modern Russian standard language]. Moscow, Science Publ. Pp. 462—465 [in Russ.].
12. Red'kin V. A. (1971) Akcentologija sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka [Accentology of the modern Russian standard language]. Moscow, Prosveshcheniye. 223 p. [in Russ.].
13. Rozental' D. Je., Telenkova M. A. (1985) Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Prosveshcheniye. 399 p. [in Russ.].
14. Smirenskij V. B. (1975) *Filologicheskie nauki*, no. 1, pp. 47—55 [in Russ.].
15. Sossjur F. de. (1990) Kurs obshhej lingvistiki [Course in General Linguistics]. Yekaterinburg, Ural Federal University Publ. 360 p. [in Russ.].
16. Churganova V. B. *Izvestiia AN SSSR*, 1967, vol. 26, no. 4, pp. 363—374 [in Russ.].
17. Komarek M. *Sur l'appréciation fonctionnelles des alternances morphologiques*. TCLP, Vol. 1, Prague, 1964, pp. 145—161 [in French].
18. Stankievichz E. (1968) The accent patterns of the Slavic verb. American contributions to the 6th International congress of slavists. Vol. 1. The Hague — Paris. Pp. 353—376.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭВФЕМИЗМОВ В РАМКАХ МИГРАЦИОННОГО ДИСКУРСА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ КАНЦЛЕРА ФРГ А. МЕРКЕЛЬ

А. А. Инжечик

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

Статья посвящена теоретическим и практическим аспектам политических эвфемизмов языковой личности канцлера Германии Ангелы Меркель в контексте миграционного дискурса на материале интервью. Проанализированы использованные при создании эвфемизмов ресурсы разных ярусов языка. Выявлено, что языковые эвфемизмы реализуются бундесканцлером преимущественно расплывчатыми, обобщающими номинациями, метонимией, лозунговыми словами, заимствованиями, а также литотой и оксюмороном.

Ключевые слова: эвфемизм, политический эвфемизм, миграционный дискурс, языковая личность А. Меркель.

«Я сириец, вы должны обходиться со мной прилично! Меня пригласила Ангела Меркель», — заявил полицейским один из задержанных беженцев после кельнских новогодних беспорядков в 2016 г. Он расценил бундесканцлера как принимающую гостей хозяйку, а проводимую «политику открытых дверей», щедрую систему соцобеспечения — как открытое приглашение в Германию. В результате нахлынувшего беспрецедентного числа выходцев их стран Ближнего Востока и экономических мигрантов разразившийся миграционный кризис в Евросоюзе стал самым большим в мире со времен Второй мировой войны, вызвав широкий общественный резонанс, всколыхнув с новой силой дебаты о толерантности и политкорректности. Во избежание разжигания праворадикальных настроений изображение беженцев вплоть до названных событий в Кельне было весьма необъективным, и любого выразившего подозрение или недовольство объявляли врагом Европы, мизантропом, ксенофобом, расистом и фактически правым экстремистом. Приверженность к строжайшей политкорректности, требующей исключения из употребления языковых единиц, ущемляющих человеческие права, задевающих чувства и достоинство индивидуума в отношении расовой принадлежности, социального статуса и т. д., а также поиск для них нейтральных, положительных эвфемизмов значительно ограничивают свободу слова, замалчивают и затушевывают реальность угрозы,

Язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли.
Шарль Морис де Талейран-Перигор

становясь одним из центральных аргументов против миграционной политики канцлера Германии.

Основной акцент в данной работе делается прежде всего на личностных характеристиках и особенностях лексического уровня языковой личности канцлера ФРГ, в частности на выявлении и исследовании политических эвфемизмов А. Меркель, полученных методом сплошной выборки из текстов интервью 2015—2019 гг. Всего проанализировано 83 эвфемистических выражения. Для достижения поставленной цели также использовались методы контекстуального анализа и структурно-семантического описания. Следует заметить, что при проведении анализа эмпирического материала нами был использован междисциплинарный подход с позиции ряда научных дисциплин: лингвистики текста, медиалингвистики, когнитивной лингвистики, стилистики, лингвокультурологии, теории коммуникации, поскольку благодаря данному подходу «расширяются знания об объекте исследования, его многоаспектной сущности и основных параметрах» [5. С. 100; 6].

Языковая личность представляет собой системный динамический дискурсивно-текстовый феномен, реализация индивидуально-личностных и профессиональных качеств которой происходит в процессе ее актуализации в дискурсе, а результатом этого процесса является текст как «след» дискурсивной деятельности языковой личности [7. С. 114]. Это дает возможность рассматривать языковую личность канцлера в рамках того или иного

вида дискурса, в нашем случае — миграционного дискурса, основной темой которого является сложный экономический, общественно-политический и культурный феномен иммиграции населения [23. Р. 230], находящегося на стыке с политическим дискурсом или рассматривающийся как его часть, обладая всеми присущими ему признаками и особенностями [3. С. 50—52]. В свою очередь под *эвфемизмом* (греч. Euphemismos, от eu — хорошо, rhemi — говорю) понимается слово или выражение, как правило, с нейтральной эмоциональной окраской, употребляемое в определенных условиях с целью замены такого синонимичного ему слова или выражения, которое представляется автору высказывания неуместным, грубым или нетактичным [1; 4. С. 61].

Будучи одним из важнейших персуазивных инструментов языка политиков со времен древних греков, политический эвфемизм вызвал пристальный интерес ученых-лингвистов лишь в 1970-х гг. Анализ специальной литературы показал, что в немецких лингвистических работах традиционно выделяются две основные функции эвфемистических наименований — вуалирующая/смягчающая (*verhüllend*) и маскирующая (*verschleiend*) [18. S. 24]. Направленные на соблюдение тех или иных индивидуальных или общественных табу, вуалирующие эвфемизмы облегчают общение на конвенционально запрещенные темы, учитывая обоюдные интересы, ценностные представления, чувства коммуникативных партнеров и представляя собой в конечном счете «частичную ложь» [17. S. 42]. Но если в повседневной жизни такая ложь обычно используется во избежание нанесения психических травм адресанту и создания у него коммуникативного дискомфорта, то эвфемистические единицы в рамках политической коммуникации, относящиеся к маскирующим эвфемизмам, довольно редко преследуют эти моральные цели, напротив, в первую очередь служат интересам и желаниям говорящего. Вполне осознавая эвфемистический эффект выбранных лексем, политические деятели используют их намеренно для стабилизации общественных настроений, сокрытия существующих проблем, введения в заблуждение, «программирования» общественного сознания относительно существующих фактов, избегания прямой конфронтации с нежелательными явлениями, с целью представления себя и собственной группы (партии, правительства, департамента) в лучшем свете, сохранения лица, оправдания своих действий по отношению к избирателям, получения выгоды и удержания власти.

Определяя эвфемизмы как «лексические или синтаксические формы приукрашивания» [10. S. 109], А. Буркхардт демонстрирует расширенные возможности формирования эвфемизмов, выходящих за пределы слова или словосочетания. Так, эвфемизация может возникать на уровне слова (лексическом уровне), на уровне синтагмы или словосочетания, на уровне предложения (синтаксическом уровне), на грамматическом уровне, а также на уровне текста (текстовом уровне) [20. S. 93; 5. С. 101]. Поскольку повседневные слова часто приобретают новые значения благодаря устоявшемуся эвфемистическому использованию, невозможно определить применимые ко всем эвфемизмам модели образования. В качестве наиболее распространенных выделяют следующие:

- Замещение нежелательного наименования: 1) расплывчатое или неоднозначное наименование: *die Sache* (вещь, процесс) вместо *die Preiserhöhung* (повышение цен); 2) обобщенное понятие: *der Bau* (постройка) вместо *das Gefängnis* (тюрьма); 3) лозунговое слово, шаблонное высказывание: *die Freiheit* (свобода); 4) многозначное слово (полисемия): *die Euthanasie* — а) облегчение смерти; б) умерщвление, убийство; 5) литота: *nicht mehr jung sein* (больше не быть молодым) вместо *alt sein* (быть старым); 6) перифраза: *in anderen Umständen sein* (быть в интересном положении) вместо *schwanger sein* (быть беременной); 7) метафора: *heimgehen* (отойти в вечность) вместо *sterben* (умереть); 8) заимствование: *liquidieren* (ликвидировать) вместо *töten* (убивать); 9) оксюморон: *soziale Marktwirtschaft* (социальная рыночная экономика); 10) число: *138er* для гомосексуалистов 11) жаргон; 12) ирония и др. [14. S. 64].

- Изменение нежелательного наименования: 1) аббревиатура/сокращение: *IS* (Исламское государство); 2) изменение букв / звуковая дифференциация («игра слов»); 3) добавление слов или букв: *sogenannt* (так называемый), *Alki* (алкоголик) и др.; 4) опущение букв; 5) использование тире и точек: *Sch...* и др. [Ibid.].

- Избегание или опущение отрицательных лексем (использование нулевых эвфемизмов): *die Endlösung* (окончательное решение) вместо *die Endlösung der Judenfrage durch Tötung* (окончательное решение еврейского вопроса) [Ibid.].

Обобщив материал ряда зарубежных ученых, посвященный изучению дискурса А. Меркель, и опираясь на результаты собственного исследования, попытаемся выявить особенности языковой личности канцлера на основе используемых ею эвфемизмов.

В сознании жителей Германии в соответствии с новыми политическими реалиями сформировался многослойный образ лидера ведущей европейской страны. Во-первых, являясь по праву одной из самых видных политических фигур на мировой арене, А. Меркель воспринимается широкой публикой как «самая могущественная женщина-политик», в чьих руках концентрируются главные нити всей европейской политики. Во-вторых, А. Меркель защищают и идеализируют, поскольку, являясь хладнокровным политиком, она не потеряла человеческое лицо и всегда заботится о нации, напоминая первообраз оберегающей и понимающей матери (Mutti Merkel). Действительно, канцлер наиболее подходящая кандидатура на эту роль: «не-спортивная, асексуальная, обещает стабильность» [22. S. 65], способна налаживать контакты с разными людьми и внимательно выслушивать собеседника. Не обладая харизмой успешного ратора, иногда дает инфантильные успокаивающие советы, например, что против исламизации помогает игра на флейте, посещение церкви и пение христианских песен [Ibid.]. Для усмирения страхов гарантирует ложную уверенность, что ситуация под контролем, не разясняя угрожающей реальности. В-третьих, А. Меркель приписывают двойное предательство («предатель народа») в связи с игнорированием интересов своих соотечественников вследствие отказа от регулирования миграционной политики, а также в связи с обманом ожиданий решившихся на опасный для жизни вояж беженцев, усмотревших в проводимой канцлером политике открытое приглашение для переселения в страну, оказавшуюся неготовой к достойному размещению и интеграции рекордного количества пострадавших от войны, нищеты и преследований людей.

В ходе усиливающейся культуры гостеприимства канцлер заменяет прямые денотации политкорректными лексемами, воспроизводя один и тот же стереотип о беженцах — как о страдальцах, подчеркивая тем самым свое равнодушное отношение к изгнанным с родины, остро нуждающимся в защите, оголодавшим, отчаявшимся, находящимся в бедственном положении людям (*Heimatvertriebene* [24] / *schutzbedürftige* [15], *verzweifelte Menschen* [9] / *Menschen, die in Not sind* [8]), пытаясь привести к миролюбивому восприятию беженцев, затронуть сердца граждан, вызвать эмоциональный отклик, чувство сострадания к чужому горю и призвать их прийти на помощь. Подобная предвзятость и необъективность при освещении информации также демонстрировалась СМИ, по-

казывавшими фото и видеорепортажи беспомощных маленьких детей и женщин вместо потоков мигрантов с молодыми и сильными мужчинами, что вполне обоснованно повлекло за собой ошибочную оценку ситуации с беженцами осенью 2015 г., когда немцы, последовав человеческому импульсу, встречали их у Мюнхенского вокзала с бурным ликованием, радушием, а также с бутербродами, детскими средствами гигиены и игрушками. Фото и видео гостеприимной Германии распространялись интернациональными масс-медиа по всему миру, искажая представление о стране, правящем истеблишменте и еще больше провоцируя неконтролируемый миграционный приток из зон конфликтов. Как выяснилось позднее, в страну прибыли вовсе не самые бедные слои населения, ведь дорога от Сирии до немецкого государства обошлась каждому примерно в 10 000 евро [13]. Действительно нуждающиеся старики, женщины и дети остались в опасности: «Европа впустила волков, а овцы все еще снаружи» [22. S. 312].

Через месяц после предоставления беженцам беспрепятственного въезда в Германию из объятий внутренней войны Сирии А. Меркель косвенно приписала им роль испытываемых:

Ich gehöre nur zu denen, die sagen: Wenn so eine Aufgabe sich stellt und wenn es jetzt unsere Aufgabe ist — ich halte es mal mit Kardinal Marx, der gesagt hat: «Der Herrgott hat uns diese Aufgabe jetzt auf den Tisch gelegt —, dann hat es keinen Sinn zu hadern, sondern dann muss ich anpacken und muss natürlich versuchen, auch faire Verteilung in Europa zu haben und Flüchtlingsursachen zu bekämpfen. Aber mich jetzt wegzuducken und damit zu hadern, das ist nicht mein Angang» (Я принадлежу к числу только тех, кто говорит: если такая задача возникает и если это сейчас наша задача — я придерживаюсь мнения кардинала Маркса, который сказал: «Господь Бог доверил сейчас нам эту задачу», — в этом случае нет смысла бороться, я должна взяться за дело и, конечно, попытаться обеспечить справедливое распределение беженцев в Европе и побороть причины миграции. — *Лер. А. И.*) [16]. Эвфемистический характер данного заявления проявляется в контексте, в котором миграционные процессы, факторы, стимулирующие, торозящие миграцию, и даже сама гражданская война в Сирии цинично объясняются А. Меркель Божьим провидением. Следуя данному тривиальному аргументу, в центре внимания находятся немецкий народ и канцлер, в то время как прибывшие в Германию беженцы становятся статистами, играющими ничтожную роль и действующими по указке других.

В этом германцентричном взгляде Германия постепенно становится своего рода «избранным» Божиим народом, способным выдержать испытание и проверку, приняв всех беженцев и в дальнейшем их успешно интегрируя. Принимая судьбоносное решение, канцлер проявила излишнюю либеральность, действуя не как трезво мыслящий политик-реалист, анализирующий ученый-физик, взвешенный европейский политик, а как дочь пастора и убежденная христианка, соблюдавшая высшую заповедь любви — любовь к ближнему. По мнению К. Венцеля: «Можно вывести женщину из дома священника, но нельзя вывести дом священника из женщины» [22. S. 267]. На наш взгляд, апелляция к Господу для оправдания своих политических действий или собственного фатализма не только дискредитирует церковь и ее представителей, но и характеризует Меркель как человека, не желающего брать на себя ответственность.

Решительно выступая за открытое общество, мультикультурную толерантность, против введения верхнего предела по приему беженцев, а также подавая многократные политические сигналы о чрезмерной готовности принять выходцев из Ближнего Востока, фактически приглашая их в страну, А. Меркель получила прозвище милосердного «канцлера беженцев». Оправдывая свою позицию, она заявила: *«Ich muss ganz ehrlich sagen: Wenn wir jetzt anfangen, uns noch entschuldigen zu müssen dafür, dass wir in Notsituationen ein freundliches Gesicht zeigen, dann ist das nicht mein Land»* (Должна сказать откровенно: «Если мы сейчас начнем извиняться за то, что в чрезвычайной ситуации показываем дружелюбное лицо, тогда это не моя страна». — *Пер. А. И.*) [19], — выступая в первую очередь не как государственный чиновник, а как личность. Маркером проявления персональности в политическом дискурсе А. Меркель являются слова «должна сказать откровенно», а также несвойственное для консервативного лидера проявление эмоциональности и уязвленного самолюбия в высказывании «тогда это не моя страна». Говоря о «чрезвычайной ситуации», канцлер подразумевает нехватку времени на принятие обдуманного решения в пик массовой миграции и неизбежно трудном выборе. Политик использует эвфемизм «дружелюбное лицо», выраженный метонимией, явно подразумевая нечто большее, чем просто милую улыбку. Своим возмущенным ответом А. Меркель, возможно, раскрыла больше информации, чем намеревалась. Согласно ее утверждению, в политике гостеприимства достаточно лишь показать всему

миру дружелюбное лицо, иначе говоря, произвести впечатление дружелюбно настроенных людей, представить Европу в качестве сообщества гуманности, даже не имея при этом четкого плана действия по дальнейшей интеграции выходцев из развивающегося мира. В данном контексте как нельзя лучше подходит изречение известного немецкого филолога В. Клемперера: «Пусть кто-то намеренно стремится скрыть — только лишь от других или от себя самого — то, что он бессознательно носит в себе, — язык выдаст все» [2. С. 7].

31 августа 2015 г. на пресс-конференции, посвященной миграционному кризису, А. Меркель, создавая положительный эмоциональный настрой, произнесла резонансную фразу «Мы справимся с этим!», вошедшую в сборник афоризмов немецкого языка: *«Deutschland ist ein starkes Land. <...> Wir haben so vieles geschafft — wir schaffen das! Wir schaffen das, und dort, wo uns etwas im Wege steht, muss es überwunden werden...»* («Германия сильная страна. <...> Мы сделали так много — Мы справимся с этим! Мы справимся, и то, что стоит у нас на пути, должно быть преодолено». — *Пер. А. И.*) [21]. Простое предложение *Wir schaffen das* трехкомпонентно и состоит из подлежащего, сказуемого и прямого дополнения. Простое глагольное сказуемое выражено полнозначным глаголом *schaffen*, подлежащее и прямое дополнение — местоименными существительными. В этой связи вопрос о том, кто подразумевается под «мы» и что понимается под «это», остается открытым. Исходя из контекста, «Германия — сильная страна», можно предположить — «мы, Германия» или «мы, немцы». Год спустя в одном из интервью в *Süddeutsche Zeitung* А. Меркель дала расширенное толкование «мы», включающее саму канцлер, всех политиков, добровольцев, благотворительные организации, в конечном итоге всех граждан Германии, европейское общество, самих беженцев, иными словами, весь мир [24]. Это большое «мы», которое должно сплотиться для поиска общего решения иммиграционной задачи, ведь в одиночку справиться с ней никому не под силу. Интересно заметить, что высказывание «Мы справимся с этим!» произнесено вовсе не случайно. Спичрайтер, вероятно, опирался на модель лозунга Б. Обамы «Да, мы можем» с президентских выборов 2008 г. Немецкая интерпретация «Мы справимся с этим!» звучит жестче, решительнее, в приказном тоне и с самого начала полностью исключает риск поражения. По прошествии года в одном из своих интервью канцлер призналась, что фраза «мы справимся с этим!»

немного преувеличена, в ней слишком много секрета, настолько много, что вряд ли она хотела бы повторить ее вновь, потому что она превратилась в незатейливый лозунг, почти в пустую фразу [11], резко пошатнувшую ее позиции.

Невзирая на межпартийные споры и разногласия, федеральный канцлер долгое время выступала против ограничительных мер по сдерживанию потока мигрантов и только два года спустя после многократных переговоров для достижения общего знаменателя сменила курс своей политики на более прагматичный, пойдя на уступки главе сестринской партии ХСС Хорсту Зеехоферу о введении квот по приему беженцев и сокращения числа нелегальных мигрантов, продемонстрировав тем самым способность к компромиссу во имя общей цели, адаптацию в меняющейся среде и в то же время необоснованное упрямство в отстаивании своей субъективной позиции как лидера проводимой миграционной политики, что свидетельствует об уверенности в своих действиях, твердости, настойчивости, последовательности и непоколебимости. Однако в политических кругах нашлись и те, кто расценил это как приспособленчество в угоду собственному рейтингу, в очередной раз обрушив огонь критики в адрес госпожи Меркель. Так, например, посредством эвфемизма-оксюморона *eine erkennbare Nicht-Bleibeperspektive* (явное отсутствие перспектив получить разрешения на проживание) [15], служащего косвенной заменой прямого наименования стоящих за ним жестких мер, канцлер скрывает реальное положение дел, исключая из семантической структуры негативный оценочный компонент, не желая делить мигрантов на плохих, хороших и прямо говорить, о том, что не все они будут приняты с распростертыми объятиями в Германии, так как выходцы из так называемых «безопасных стран происхождения», не имеющие шансов получить убежище в ФРГ, будут депортированы. Осознав бесперспективность получения убежища, эти лица должны оставаться у себя на родине или покинуть территорию Евросоюза, не подавая заявления о предоставлении убежища, с тем чтобы не создавать лишней работы специализированным органам и судебной власти.

Вместе с тем для оптимизации миграционного процесса предпринята попытка составить единый общеевропейский список вышеупомянутых безопасных стран происхождения (*sicherer Herkunftsstaat*) [12]. Однако это достаточно общее средство эвфемистической зашифровки с диффузной семантикой в связи с тем, что в настоящее

время в ЕС нет ни единого мнения по данному вопросу, ведь даже отдельные европейские страны могут представлять угрозу, например, для гомосексуалистов или цыган. Некоторые страны из этого списка безопасны лишь для представителей мужского пола, определенной этнической группы, нации, расы, религии или, более того, являются контролируемыми мафиозными группами несостоявшимися государствами.

В ноябре 2016 г. Высший административный суд федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн вынес решение, согласно которому граждане Сирии, покинувшие страну вследствие гражданской войны, могут рассчитывать лишь на субсидиарную защиту (*Subsidiärer Schutz*) [15]. Слово *субсидия* заимствовано в XVII в. из лат. *subsidia* (вспомогательные войска), *subsidium* (поддержка, помощь). Римляне называли субсидией военный резерв, привлекающийся в период мобилизации и военного положения, а в наши дни — это общее название для средств помощи. Канцлер использует эвфемизм-заимствование *Subsidiärer Schutz*, «напускающая туман», вводя в заблуждение, поскольку доля населения, владеющего латынью, ничтожно мала и термин в большинстве случаев понимается просто как «защита», в то время как прилагательное *subsidiär* (вспомогательный) ограничивает значение существительного *subsidiäre Schutz*, вуалируя от широкой общественности тот нюанс, что вместо реальной защиты ФРГ предоставляет военным беженцам лишь субсидиарную защиту сроком на один год с возможностью дальнейшего продления. Если это не масштабная военная конфронтация, то беженцы обязаны впоследствии вернуться обратно, невзирая на разрушенную экономическую инфраструктуру страны. Только подвергавшиеся на родине притеснению на национальной и религиозной почве могут претендовать на убежище в Германии.

Явление эвфемии используется и в следующем интервью, в котором А. Меркель неоднократно повторяет о необходимости укрепления внешних границ (*Außengrenzen schützen*) [16] Европейского альянса во избежание неконтролируемого наплыва мигрантов. При этом беженцы выступают в роли преступников, представляющих угрозу для общества, аналогичную военной атаке, от которой необходимо защищаться с применением военной силы. Данная позиция весьма выгодна для отказа впускать беженцев на национальных границах, а также для запрета деятельности гуманитарных организаций, борющихся с контрабандистами и помогающих спасать мигрантов в Средиземном море.

Подводя итог нашему исследованию, можно сделать вывод, что миграционный «катаклизм» в Европе активизировал языковую политкорректность как инструмент языковой политики, способствующий формированию бесконфликтного дискурса между разными слоями социума и играющий роль «ангела-хранителя» для мигрантов и беженцев. Одним из средств реализации политкорректности является эвфемия. При наличии определенных контекстуальных условий каждая лексема может носить эвфемистический характер, что весьма осложняет систематизацию условий возникновения эвфемистических единиц, особенно на синтаксическом и текстуальном

уровне. В силу ограниченности рамок научной статьи подробно рассмотрена лишь малая часть эвфемистических замен А. Меркель в объединенных темой миграции интервью. В речи канцлера преобладают средства эвфемизации, снижающие уровень семантической определенности, прежде всего метонимия, лозунговое слово, литота, оксюморон, заимствование, а также расплывчатые и обобщающие номинации, позволяющие создать некую завуалированность содержания высказываний, нивелировать пейоративную оценочность, избежать более конкретных дифференцированных суждений и оценок тех или иных фактов действительности.

Список литературы

1. Барина А. В. Эвфемизм // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты; под ред. А. П. Сковородникова. М.: Флинта, 2005. С. 355—356.
2. Клемперер В. ЛП. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога / пер. с нем. А. Б. Григорьева. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 384 с.
3. Мукомель В. И. Российские дискурсы о миграции // Вестник общественного мнения. 2005. № 1. С. 48—57.
4. Таюпова О. И. Стилистика современного немецкого языка. Уфа: Башкирский государственный ун-т, 2015. 132 с.
5. Таюпова О. И. Медиаекст с позиции междисциплинарного подхода // Доклады Башкирского ун-та. 2018. Т. 3, № 1. С. 100—104.
6. Таюпова О. И. Современные исследования текста // Актуальные вопросы лингвистики, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков в вузе: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Екатеринбург, 9 апр. 2019 г. Екатеринбург: Уральский гос. горный ун-т, 2019. С. 387—390.
7. Цуциева М. Г. Актуализация языковой личности политика в современном немецком политическом дискурсе: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2018. 411 с.
8. Afrikas Wohl liegt in deutschem Interesse // Die Zeit. URL: <https://www.bundestkanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/afrikas-wohl-liegt-in-deutschem-interesse-605502> (дата обращения 20.02.2020).
9. Arbeite mit aller Kraft für tragfähige Lösungen // Frankfurter Allgemeine Zeitung. URL: <https://www.bundestkanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/-arbeitsmit-aller-kraft-fuer-tragfaehige-loesungen-650948> (дата обращения 20.02.2020).
10. Burkhardt A., Besch W., Betten A., Reichmann O., Sonderegger S. Deutsche Sprachgeschichte und politische Geschichte // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. Berlin; New York: de Gruyter, 1998. S. 98—122.
11. Da muss man Flagge zeigen // Wirtschaftswoche. URL: <https://www.bundestkanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/-da-muss-man-flagge-zeigen-618592> (дата обращения 20.02.2020).
12. Die Welt rückt immer näher zusammen // Bunte. URL: <https://www.bundestkanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/-die-welt-rueckt-immer-naeher-zusammen-631810> (дата обращения 20.02.2020).
13. Fleischmann C. Sie kommen trotzdem // Zeit Online. URL: <https://www.zeit.de/2016/18/schlepper-preis-griechenland-deutschland-fluechtlinge-balkanroute-passau> (дата обращения 20.02.2020).
14. Forster I. Euphemistische Sprache im Nationalsozialismus: Schichten, Funktionen, Intensität. Bremen: Hempel Verlag, 2009. 317 S.
15. Ganz Europa ist gefordert // Berliner Morgenpost. URL: <https://www.bundestkanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/-ganz-europa-ist-gefordert-628290> (дата обращения 20.02.2020).
16. Jeden Menschen als Menschen behandeln // Deutschlandfunk. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/-jeden-menschen-als-menschen-behandeln-473058> (дата обращения 20.02.2020).

17. Leinfellner E. Der Euphemismus in der politischen Sprache. Berlin: Duncker & Humblot, 1971. 177 S.
18. Luchtenberg S. Euphemismen im heutigen Deutsch. Mit einem Beitrag zu Deutsch als Fremdsprache. Frankfurt a. M.: Peter Lang, 1985. 299 S.
19. Meine Aufgabe ist es, Lösungen zu finden // Bild. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/meine-aufgabe-ist-es-loesungen-zu-finden-479000> (дата обращения 20.02.2020).
20. Rada R. Tabus und Euphemismen in der deutschen Gegenwartssprache. Mit besonderer Berücksichtigung der Eigenschaften von Euphemismen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2001. 212 S.
21. Sommerpressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/sommerpressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-848300> (дата обращения 20.02.2020).
22. Stettberger H. Frau Merkel hat mich eingeladen!? Impulse für eine offene Debatte in der Flüchtlingsfrage. Verantwortungsbewusste Empathieethik statt moralisierender Gesinnungsethik. Münster: Lit Verlag, 2017. 416 S.
23. Dijk van T. A., Zapata-Barrero R., Yalaz E. Discourse and migration // Qualitative Research in European Migration Studies. Switzerland: Springer Cham, 2018. P. 227—245.
24. Vor allem ein Satz des Anpackens // Sueddeutsche Zeitung. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/-vor-allem-ein-satz-des-anpackens-353854> (дата обращения 20.02.2020).

Сведения об авторе

Инжечик Анна Анатольевна — соискатель кафедры немецкой и французской филологии Башкирского государственного университета, Уфа, Россия. inshetschik_anna@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 7 (441). *Philology Sciences. Iss. 121. Pp. 73—80.*

FUNCTIONING OF EUPHEMISMS WITHIN THE MIGRATION DISCOURSE OF GERMAN CHANCELLOR ANGELA MERKEL'S LINGUISTIC PERSONALITY

A. A. Inzhechik

Bashkir State University, Ufa, Russia. inshetschik_anna@mail.ru

The inflow of immigrants in great numbers in Europe has activated linguistic political correctness as an instrument of language policy, contributing to the formation of non-conflict discourse between the different layers of society. The main tool of political correctness is euphemism. The article deals with some theoretical and practical aspects of political euphemisms of the language personality of the German Chancellor Angela Merkel in migration discourse as exemplified by the material of interviews. The conducted analysis allows determining the set of linguistic means, which the Chancellor uses as euphemisms. Linguistic euphemisms are actualized through metonymy, slogan, litotes, oxymoron and lexical borrowing as well as vague and general words, allowing to veil the content of statements, to avoid more specific differentiated judgments and assessments of certain facts of reality.

Keywords: *political correctness, euphemism, political euphemism language personality, migration discourse.*

References

1. Barinova A. V. (2005) Evfemizm [Euphemism]. Skovorodnikov A. P. (ed.). Enciklopedicheskij slovar-spravochnik. Vyrizitelnye sredstva russkogo yazyka i rechevye oshibki i nedochoty [Encyclopaedic dictionary-reference. Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings]. Moscow, Flinta Publ. Pp. 355—356 [in Russ.].
2. Klemperer V. (1998) LTI. Yazyk Tretego Rejha. Zapisnaya knizhka filologa [LTI. The Language of the Third Reich: A Philologist's Notebook]. Moscow, Progress-Tradicija Publ. 384 p. [in Russ.].
3. Mukomel V. I. (2005) *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no. 1, pp. 48—57 [in Russ.].
4. Tayupova O. I. (2015) *Stilistika sovremennogo nemetskogo yazyka* [Stylistics of modern German]. Ufa, Bashkir State University Publ. 132 p. [in Russ.].

5. Tayupova O. I. (2018) *Doklady Bashkirskogo universiteta* [Essays of Bashkir University], no. 1, pp. 100—104 [in Russ.].
6. Tayupova O. I. (2019) *Sovremennyye issledovaniya teksta* [Modern text studies]. Aktualnyye voprosy lingvistiki, mezhkulturnoy kommunikatsii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov v vuze: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem [Current topical issues of linguistics, intercultural communication and methods of teaching foreign languages in the university: collection of materials of All-Russian scientific-practical conference with international participation]. Ekaterinburg, Ural State Mining University Publ. Pp. 387—390 [in Russ.].
7. Cucieva M. G. (2018) *Aktualizaciya yazykovej lichnosti politika v sovremennom nemeckom politicheskom diskurse* [Actualization of the linguistic personality of a politician in modern German political discourse. Thesis]. St. Petersburg [in Russ.].
8. Afrikas Wohl liegt in deutschem Interesse. *Die Zeit*. Available at: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/afrikas-wohl-liegt-in-deutschem-interesse-605502>, accessed 20.02.2020 [in German].
9. Arbeite mit aller Kraft für tragfähige Lösungen. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. Available at: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/-arbeite-mit-aller-kraft-fuer-tragfaehige-loesungen-650948>, accessed 20.02.2020 [in German].
10. Burkhardt A., Besch W., Betten A., Reichmann O., Sonderegger S. (1998) *Deutsche Sprachgeschichte und politische Geschichte. Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*. De Walter Gruyter Verlag, Berlin; New York, Pp. 98—122 [in German].
11. Da muss man Flagge zeigen. *Wirtschaftswoche*. Available at: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/-da-muss-man-flagge-zeigen-618592>, accessed 20.02.2020 [in German].
12. Die Welt rückt immer näher zusammen. *Bunte*. Available at: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/-die-welt-rueckt-immer-naeher-zusammen-631810>, accessed 20.02.2020 [in German].
13. Fleischmann C. Sie kommen trotzdem. *Zeit Online*. Available at: <https://www.zeit.de/2016/18/schlepper-preis-griechenland-deutschland-fluechtlinge-balkanroute-passau>, accessed 20.02.2020 [in German].
14. Forster I. (2009) *Euphemistische Sprache im Nationalsozialismus: Schichten, Funktionen, Intensität*. Hempen Verlag, Bremen. 317 p. [in German].
15. Ganz Europa ist gefordert. *Berliner Morgenpost*. Available at: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/-ganz-europa-ist-gefordert-628290>, accessed 20.02.2020 [in German].
16. Jeden Menschen als Menschen behandeln. *Deutschlandfunk*. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/-jeden-menschen-als-menschen-behandeln-473058>, accessed 20.02.2020 [in German].
17. Leinfellner E. (1971) *Der Euphemismus in der politischen Sprache*. Duncker & Humblot Verlag, Berlin. 177 p. [in German].
18. Luchtenberg S. (1985) *Euphemismen im heutigen Deutsch. Mit einem Beitrag zu Deutsch als Fremdsprache*. Peter Lang Verlag, Frankfurt a.M. 299 p. [in German].
19. Meine Aufgabe ist es, Lösungen zu finden. *Bild*. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/meine-aufgabe-ist-es-loesungen-zu-finden-479000>, accessed 20.02.2020 [in German].
20. Rada R. (2001) *Tabus und Euphemismen in der deutschen Gegenwartssprache. Mit besonderer Berücksichtigung der Eigenschaften von Euphemismen*. Akadémiai Kiadó Verlag, Budapest. 212 p. [in German].
21. Sommerpressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/sommerpressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-848300>, accessed 20.02.2020 [in German].
22. Stettberger H. (2017) *Frau Merkel hat mich eingeladen!/? Impulse für eine offene Debatte in der Flüchtlingsfrage. Verantwortungsbewusste Empathieethik statt moralisierender Gesinnungsethik*. Lit Verlag, Münster. 416 p. [in German].
23. van Dijk T. A., Zapata-Barrero R., Yalaz E. (2018) *Discourse and migration. Qualitative Research in European Migration Studies*. Springer Cham Verlag, Switzerland. Pp. 227—245.
24. Vor allem ein Satz des Anpackens. *Sueddeutsche Zeitung*. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/-vor-allein-ein-satz-des-anpackens-353854>, accessed 20.02.2020 [in German].

РОЛЬ КОМПЛЕКСНЫХ МЕТАФОРИЧЕСКИХ И МЕТОНИМИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В ВЕРБАЛИЗАЦИИ АНТИНОМИЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ

Е. Н. Ковязина

Пермский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Пермь, Россия

Статья посвящена вербальной репрезентации антиномичных концептов в политическом дискурсе. В исследовании были идентифицированы сложные конструкции на основе метафор и метонимий, участвующие в вербальном воплощении политических концептов. Концепт «мировой порядок» вербализуется посредством метонимических цепей, конструирующих определенные модели мирового порядка. Концепт «чрезвычайное положение» обретает вербальное воплощение за счет метафтонимий различных типов.

Ключевые слова: *метонимическая цепь, метафтонимия, политический дискурс.*

В настоящее время особый исследовательский интерес у лингвистов, работающих в рамках когнитивной парадигмы в науке о языке, вызывают комплексные конструкции на основе метафоры и метонимии. К ним относятся метафорические и метонимические кластеры и цепи, расширенные метафоры и метонимии, а также метафтонимии. В научной литературе наибольшее количество работ посвящено метонимическим цепям, метафтонимиям и метафорическим кластерам.

Метонимические цепи на сегодняшний день являются самым исследованным феноменом среди других комплексных конструкций. Метонимическая цепь — «это серия метонимических пересечений, стоящих за семантическим сдвигом, который имеет место в процессе вербального воплощения концептов» [6]. Изучение метонимических цепей восходит к работам М. Reddy, который рассматривал их в синхроническом аспекте [15]. В. Nerlich и D. Clarke исследовали метонимические цепи в аспекте диахронии [13]. Примечательны труды М. Hilpert: так, в работе «Chained Metonymies in Lexicon and Grammar» он показывает, что в основе вербализации концепта *idea* в предложении «Bob gave an interesting paper» лежит серия метонимических пересечений *material* → *writing* → *ideas*, то есть «...a chained metonymy in which paper stands for the writing on it which in turn stands for the expressed ideas» [10. С. 77]. Кроме того, в трудах этого автора установлена роль метонимических цепей в формировании современного значения концепта «барбекю». Данный автор указывает на особую роль корпусных методов, позволяющих преодолеть

нехватку эмпирического материала, связанного с изучением метонимических цепей в дискурсах различных типов.

Метафорические кластеры были исследованы с применением методов корпусной лингвистики. Так, L. J. Cameron и H. Stelma внесли вклад в разработку методов идентификации метафорических кластеров (кумулятивные и частотные графики, статистический анализ) [7. Р. 124]. V. Koller, пользуясь корпусной методикой, проанализировала метафорические кластеры в деловом медийном дискурсе и определила их природу как полифункциональную и многоуровневую [12. Р. 128]. В исследовании V. Figar и M. Antovic, выполненном по методу Cameron и Stelma, анализируются метафорические кластеры в политическом медийном дискурсе [8. Р. 233].

Метафтонимии получили освещение в трудах L. Goossens и Ch. Denroche. Метафтонимия — это единство метафоры и метонимии на концептуальном уровне [9. Р. 350]. L. Goossens выделяет следующие типы метафтонимий: 1) интегрированный (метонимия в метафоре и метафора в метонимии) и 2) кумулятивный (метафора от метонимии и метонимия от метафоры). L. Goossens поднимает вопрос об отношениях субординации, существующих в концептуальном союзе метафоры и метонимии: выражения «метафора в метонимии» или «метонимия в метафоре» означают, что в союзе метафоры и метонимии один участник занимает более высокую позицию, чем второй. Ch. Denroche настаивает на необходимости изучать интеграцию метафоры и метонимии не только на уровне предло-

жения, как это делает L. Goussance, но и на уровне всего текста и даже нескольких текстов и вводит понятие «текстовая метафтонимия» [6. Р. 1]. Он указывает на наличие чрезвычайно малого количества исследований метафтонимий именно на уровне текста. Исследуя «метафору в метонимии», то есть разновидность интегрированной текстовой метафтонимии, Ch. Denroche обращается к поэтическому дискурсу. В поэме P. Larkin «The Witsun Weddings» метонимический кластер используется для вербализации ряда контекстов: «парк», «люди, которых можно встретить в парке в течение дня», «занятия этих людей», «офис» — и образует фрейм, внутрь которого встраиваются локальные метафоры. Например: *hare-eyed clerks with the jitters and wax-fleshed outpatients still vague from accidents*. В данном примере члены метонимического кластера *clerks* и *outpatients* являются метонимией «Часть (*clerks and outpatients*) → Целое (люди, гуляющие в парке в течение дня)». Метафоры *hare* и *wax*, используемые для описания глаз и тела, являются подчиненными в данном кластере, встраиваясь в общую структуру, заданную метонимическим кластером.

Среди исследований российских ученых, изучавших проблему взаимодействия метафоры и метонимии, внимания заслуживают труды Е. В. Падучевой. Е. В. Падучева утверждает, что «метафора часто возникает как следствие метонимии: метонимия чревата метафорой, поскольку при переносе фокуса внимания на смежный объект на месте согласованной категории оказывается несогласованная» [1. С. 194]. Так, Е. В. Падучева считает, что в примерах «левой рукой он сжимал хрустящую бумажку» и «левая рука его сжимала хрустящую бумажку» именно метонимический сдвиг мотивирует сдвиг категориальный, то есть метонимия вызывает образное отождествление [Там же. С. 175]. Е. В. Падучева вела свои исследования на русскоязычном материале. На материале английского языка в дискурсах различных типов метафтонимию анализировали О. С. Шарманова, Е. А. Трунина, С. Л. Мишланова, Д. О. Ремянникова. Вызывает интерес работа О. С. Шармановой, посвященная метафтонимии в медийном немецкоязычном дискурсе. В данном труде показана роль метафтонимий в вербализации концепта «грузино-российский конфликт 2008 года» [4]. Е. А. Трунина рассматривает метафтонимию как «концептуальную единицу, с помощью которой концептуализируют-

ся сложные элементы действительности, понимаемые во взаимосвязи художественного дискурса и дискурса реального мира» [3]. Д. О. Ремянникова и С. Л. Мишланова в своей статье рассматривают «когнитивно-семантические характеристики метафоры, метонимии и их концептуального смешения» [2. С. 274].

Актуальность нашей работы заключается в том, что она проводится на материале политической публицистики в политическом дискурсе. Более ранние исследования комплексных метафорических и метонимических конструкций проводились на материале медийного политического дискурса. Материалом послужили произведения Г. Киссинджера «World Order» и П. Бьюкенена «State of Emergency». Цель — проанализировать участие комплексных метафорических и метонимических конструкций в вербализации антиномичных политических концептов «мировой порядок» и «чрезвычайное положение». В своем исследовании мы пытаемся найти ответы на следующие вопросы: 1) На каком основании можно считать эти концепты антиномичными? 2) Какие сложные конструкции и в каком количестве задействованы в вербальной репрезентации политических концептов «мировой порядок» и «чрезвычайное положение»? Мы выдвигаем следующую гипотезу: антиномичные политические концепты концептуализируются при помощи разных и отличных друг от друга форм комплексного метафорического и метонимического мышления. В исследовании применяются следующие методы: метафорическое и метонимическое моделирование, компонентный, семантический, концептуальный и дефиниционный анализ.

Дефиниционный и компонентный виды анализа концептов «мировой порядок» и «чрезвычайное положение» показали, что они являются антиномичными. Антиномичность их обусловлена тем, что они находятся в отношениях концептуальной оппозиции или понятийной противопоставленности. Рассмотрим определения этих концептов, данные в слове. Order — a state in which everything is in its correct or appropriate place; a state in which the laws and rules regulating public behavior are observed and authority is obeyed [14]. Emergency — a serious, unexpected, and often dangerous situation requiring immediate action; a person with a medical condition requiring immediate treatment [Ibid.]. В значении первого концепта можно идентифицировать такие семантические компоненты, как «соответствие нор-

мам и правилам», «правильность», а в семантике второго — «нарушение норм и правил», «угроза существующему порядку», «хаос». Следовательно, можно говорить о том, что эти концепты актуализируют оппозицию «хаос — порядок».

А теперь перейдем к рассмотрению сложных конструкций на основе метафоры и метонимии, участвующих в вербальном воплощении данных концептов. Исследуя комплексные конструкции с участием метафор и метонимий, мы обнаружили, что в вербальной репрезентации концепта «мировой порядок» активно задействуются метонимические цепи. Все обнаруженные нами метонимические цепи репрезентируют определенную национально окрашенную модель мирового порядка. Можно выделить европейскую, российскую, китайскую, арабскую, североамериканскую модели мирового порядка. Остановимся на европейской модели. Рассмотрим такой пример:

Unlike other landmark agreements such as the Congress of Vienna in 1814—15 or the Treaty of Versailles in 1919, the Peace of Westphalia did not emerge from a single conference and the setting was not one generally associated with a gathering of statesmen pondering transcendent questions of world order [11. P. 78].

Представим перевод этого контекста на русский язык: «В отличие от прочих земельных соглашений — Венского конгресса (1814—1815) и Версальского договора (1919) — Вестфальский мир не был итогом одной встречи и не был заключен в обстановке, типичной для собрания государственных деятелей, размышляющих о трансцендентных вопросах мирового порядка» (*пер. Е. К.*). В данном контексте представлены три модели мирового порядка в его европейской интерпретации, и каждая репрезентируется метонимической цепью. Рассмотрим три метонимические цепи, смоделированные для каждой из трех версий мирового порядка:

**Метонимические цепи,
репрезентирующие концепт
«мировой порядок»**

Модель 1

Westphalian Peace → Westphalian Treaty → Westphalian System → Westphalian Concept → World Order

Модель 2

The Congress of Vienna → Vienna Treaties → Vienna System → World Order

Модель 3

The Versailles Peace → The Treaty of Versailles → The Versailles Settlement → World Order

Перед нами три метонимические цепи, в которых каждый последующий элемент репрезентирует предыдущий. Таким образом, концепт «мировой порядок» вербализуется посредством горизонтальных метонимических цепей, реализуясь в моделях, имеющих национально-специфическую окраску. Если на дискурсивном уровне мы наблюдаем ряды метонимических цепей, то на уровне социальном мы видим попытку упорядочить мир на геополитическом уровне, выстроить архитектуру мирового порядка сообразно определенной национально-культурной модели.

А сейчас рассмотрим вербализацию концепта «чрезвычайное положение», а именно ту роль, которую играют в ней комплексные конструкции на основе метафор и метонимий. Методом сплошной выборки мы обнаружили 15 контекстов, содержащих метафониими, вербализующие данный контекст. Рассмотрим следующий пример:

Economism... eventually turns everything into a commodity to be marketed at a profit. This necessarily presupposes that nothing is sacred. Driven by a craving for maximum return at lowest cost economites relentlessly dispense with any loyalty, consideration and any other restraint. If cheaper workers or suppliers appear, the existing ones are summarily dropped. Advertisers pillage music for tunes to be converted to singles. Animals are reduced to protein factories put here for our use [5. P. 76].

Приведем перевод данного контекста на русский язык: «Экономизм стремится все превратить в товар, который можно купить, продать и получить за него прибыль. Для него нет ничего святого. Движимые желанием получить максимальную прибыль с минимальными затратами, экономисты яростно расправляются со всем, что им препятствует, будь то лояльность, забота о людях и т. д. При появлении новых, более дешевых рабочих и поставщиков они немедленно разрывают отношения со старыми. Создатели рекламных роликов крадут чужую музыку и используют ее в своих целях. Животные низводятся до уровня фабрик по производству протеина для нужд людей». В данном примере можно идентифицировать метафониимию «Чрезвычайное положение как экономизм». Концепт «чрезвычайное положение» вербализуется здесь при помощи метафониими,

которая представляет собой пример метафтонимии типа «метонимия в метафоре» (по типологии L. Goussance). Доминирует здесь метафорический компонент «Всё есть Товар»: именно он мотивирует появление метонимической цепи, все компоненты которой — *loyalty, consideration, worker, suppliers, music, animals* — вербализуют концепт «объекты купли-продажи». Данная метафтонимия формирует представление о чрезвычайном положении как об экономизме, гипертрофия которого разрушает мировой порядок, построенный на традиционной системе ценностей.

Ниже мы приводим таблицу, которая демонстрирует все идентифицированные нами метафтонимии, вербализующие концепт «чрезвычайное положение»:

Таблица показывает разнообразные типы метафтонимий, которые участвуют в вербальной репрезентации концепта «чрезвычайное положение»: самым распространенным типом является «метонимия в метафоре». Встречаются также случаи, когда один и тот же вариант вербальной репрезентации воплощается при помощи разных типов метафтонимии.

Таким образом, можно сказать, что наша гипотеза оказалась верна: оба концепта, содержанием которых продиктована их антиномичность по отношению друг к другу, концептуализируются посредством разных комплексных конструкций на основе метафор и метонимий, которые

оказались весьма продуктивными в вербальном воплощении абстрактных политических концептов. Горизонтальные метонимические цепи вербализуют концепт «мировой порядок», формируя определенные модели миропорядка, имеющие национально-специфическую окраску, — так, можно идентифицировать европейскую, арабскую, американскую, китайскую и другие модели мирового порядка. Метафтонимии участвуют в вербальной репрезентации второго концепта. Метафтонимии представляют собой сложные вертикальные структуры, где есть доминирующий и подчиненный члены. В нашем исследовании именно метафора зачастую оказывается в доминирующем положении, образуя фрейм и мотивируя появление других компонентов внутри этого концептуального единства. Выделяются и другие типы метафтонимий: «метонимия в метафоре», «метафора в метонимии», «метонимия, метафора в метафоре» и т. д. Концепт «мировой порядок» репрезентирует прошлое мира с его попыткой выстроить геополитическую архитектуру мирового порядка, а концепт «чрезвычайное положение» представляет будущее мира, вынужденного отвечать на вызов, брошенный экономическими проблемами. Тот факт, что более простые структуры (метонимические цепи) концептуализируют прошлое мира, а более сложные конструкции (метафтонимии) вербализуют будущее мира, иллюстрирует динамические процессы, происходящие внутри дискурса.

Варианты вербализации концепта «чрезвычайное положение»

Вариант вербализации	Тип метафтонимий
Экономизм	Метонимия в метафоре
Поток иммигрантов	Метонимия в метафоре
Расовая дискриминация по отношению к белым	Метафора в метонимии
	Метонимия в метафоре
Трайбализм	Метонимия в метафоре
Смерть Запада	Метонимия, метафора в метафоре
Болезни	Метонимия, метафора в метафоре
	Метафора в метонимии
Этнический мазохизм	Метонимия в метафоре
Фаталистический паралич	Метонимия в метафоре
Идеология самоубийства	Метонимия, метафора в метафоре
Либеральная идеология	Метафора, метонимия в метафоре
Свободное пересечение границ	Метонимия в метафоре

Список литературы

1. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
2. Ремянникова Д. О., Мишланова С. Л. Концептуальное смешение метафоры и метонимии // Актуальные проблемы изучения иностранных языков и литератур: сб. ст. молодых ученых. Пермь: ПГНИУ, 2018. С. 274—279.
3. Трунина Е. А. Метафтонимия как средство отражения ценностных смыслов в художественном дискурсе Б. Леберта // Вестник ИГЛУ. 2013. № 2 (23). С. 109—113.
4. Шарманова О. С. Метафтонимия как концептуальное взаимодействие метафоры и метонимии // Вестник ИГЛУ. 2011. № 1. С. 194—200.
5. Buchanan P. State of Emergency. The Third World Invasion and Conquest of America. New York: St. Martin's Griffin, 2007.
6. Denroche Ch. Text metaphonymy: the interplay of metonymy and metaphor in discourse // Metaphor and the Social World. 2018. Vol. 8, is. 1. P. 1—24 DOI: <https://doi.org/10/111075/msw.16011.den>
7. Cameron L. J., Stelma H. Metaphor clusters in discourse // Journal of Applied linguistics. 2004. Vol. 1, iss. 2. P. 107—136.
8. Figar V., M. Antovic Metaphor clusters in the New York times press reports of the 2012 presidential elections in the US // Jezik, kniževnost, diskurs: conference papers. Univerzitet u Nižu. 2014. P. 233—258. URL: www.researchgate.net/publication/275465143.
9. Goossens L. Metaphonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // Metaphor and metonymy in comparison and contrast. 2003. Berlin: Mouton de Gruyter. P. 349—377.
10. Hilper M. Chained metonymies in lexicon and grammar: A cross-linguistic perspective on body part terms // Aspects of meaning and construction. 2007. № 136. P. 77—98. URL: <https://doi.org/10.1075/z.136.07hil>
11. Kissinger H. World Order. New York: Penguin press, 2014.
12. Koller V. Metaphor clusters, metaphor chains: Analyzing the multifunctionality of metaphor in text // Metaphoric.de. 2003. № 5. P. 115—134.
13. Nerlich B., Clarke D. Serial metonymy: a study of reference-based polysemisation // Journal of historical pragmatics. 2001. Vol. 2, iss. 2. P. 245—272
14. Oxford Dictionary of English. New York: Oxford University Press, 2019. URL: www.oed.com.
15. Reddy M. The conduit metaphor: a case of frame conflict in our language about language // Metaphor and thought. 1979. Cambridge: Cambridge University press. P. 164—201.

Сведения об авторе

Ковязина Елена Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин, Пермский институт (филиал) Российского государственного экономического университета им. Г. В. Плеханова. Пермь, Россия. kov_el@list.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 7 (441). Philology Sciences. Iss. 121. Pp. 81—86.

THE ROLE OF COMPLEX METAPHOR AND METONYMY STRUCTURES IN VERBAL REPRESENTATION OF ANTINOMIC POLITICAL CONCEPTS

E. N. Kovyazina

Perm Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics, Perm. Russia.kov_el@list.ru

Recently cognitive linguists have shifted the focus of their attention from studying sole metonymies and metaphors to complex metaphor and metonymy structures in discourse. Our investigation is aimed at identifying the role performed by complex metaphor and metonymy structures in verbal representation of antinomic concepts “world order” and “state of emergency” in political discourse. Both concepts are determined to be semantically antagonistic towards each other. They are categorized and conceptualized via different forms of complex metaphor and metonymy thinking. We found that complex structures are productive in verbal representation of complicated abstract concepts in political discourse. Horizontal metonymic chains conceptualize the “world order” concept forming several national-specific models of world order. The “state of emergency” concept is revealed to be represented by metaphonymies — complicated vertical conceptual superstructures with dominant members framing the conceptual unity and subordinate ones.

Keywords: *metonymic chains, metaphonymy, political discourse.*

References

1. Paducheva E. V. (2004) *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow, Yaziki slavyanskoy kul'turi. 608 p. [in Russ.].
2. Remyannikova D. O., Mishlanova S. L. (2018) *Kontseptual'noye smesheniye metafori i metonimiyi* [Conceptual mixing of metaphor and metonymy]. *Aktual'niye problemi izucheniya inostrannikh yazikov i literatur: sbornik statey molodikh uchyonikh* [Actual issues of foreign languages and literature learning: collection of papers]. Perm, Perm State University Publ. Pp. 274—279 [in Russ.].
3. Trunina E. A. (2013) *Vestnik IGLU*, no. 2 (23), pp. 109—113 [in Russ.].
4. Sharmanova O. S. (2011) *Vestnik IGLU* [Herald of ISLU], no. 1, pp. 194—200 [in Russ.].
5. Buchanan P. (2007) *State of Emergency. The Third World Invasion and Conquest of America*. New York, St. Martin's Griffin. 320 p.
6. Denroche Ch. (2018) *Metaphor and the Social World*, vol. 8 (1), pp. 1—24.
7. Cameron L. J., Stelma H. (2004) *Journal of Applied linguistics*, vol. 1 (2), pp. 107—136.
8. Figar V., Antovic M. (2014) *Metaphor clusters in the New York times press reports of the 2012 presidential elections in the US. Language, literature, discourse: collection of papers, April*, University of Nis. Pp. 233—258. Available at: <http://www.researchgate.net/publication/275465143>.
9. Goossens L. (2003) *Metaphonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action. Metaphor and metonymy in comparison and contrast*. Berlin, Mouton de Gruyter. Pp. 349—377.
10. Hilpert M. (2007) *Aspects of meaning and construction*, no. 136, pp. 77—98. Available at: <https://doi.org/10.1075/z.136.07hil>.
11. Kissinger H. (2014) *World Order*. New York, Penguin press. 432 p.
12. Koller V. (2003) *Metaphoric.de*, no. 5, pp. 115—134.
13. Nerlich B. (2001) *Journal of historical pragmatics*, 2 (2), pp. 245—272.
14. (2020) *Oxford Dictionary of English*. New York, Oxford University Press. Available at: <http://www.oed.com>.
15. Reddy M. (1979) *The conduit metaphor: a case of frame conflict in our language about language. Metaphor and thought*, Cambridge, Cambridge University press. Pp. 164—201.

СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ РОЛЕЙ АКТАНТОВ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С КОНВЕРСИВНЫМИ ПАРАМИ ЭМОТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

О. А. Кукатова

Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан

Статья посвящена рассмотрению основных способов представления семантических ролей экспериента и каузатора в высказываниях с конверсивными парами эмотивных глаголов русского языка. Наделение левостороннего актанта эмотивного глагола той или иной семантической ролью коррелирует с семантическими признаками правостороннего синтаксического актанта, а также с признаками в семантической структуре предиката.

Ключевые слова: *семантическая роль, эмотивный глагол, актант, экспериент, каузатор.*

Введение

В современном русском языке существует около ста конверсивных пар эмотивных глаголов (с учетом производных) [13; 14]. Актантная структура и семантические роли возвратных эмотивных глаголов и их конверсивных коррелятов будут рассмотрены на материале высказываний, содержащих такие пары, как *пугаться — пугать, страшиться — страшить, ужасаться — ужасать, волноваться — волновать, тревожиться — тревожить, беспокоиться — беспокоить* и др. Выбор данных глаголов обусловлен рядом факторов. Во-первых, важнейшим фактором является способность данных глаголов формировать конверсивные пары типа *удивляться — удивлять, страшиться — страшить*¹. Во-вторых, для исследования особенностей лево- и правостороннего актантов данные глаголы *наиболее репрезентативны*, так как высказывания с ними содержат семантические роли каузатора, экспериента и протагониста, являющиеся обязательными компонентами высказывания и позволяющими наиболее полно и точно описать его семантическую структуру. В-третьих, выбранные лексемы ориентированы как на выражение собственно эмоции, так и на выражение интеллектуальной оценки.

Как известно, возвратные эмотивные глаголы имеют по два обязательных актанта, первый из ко-

торых — левосторонний — является экспериентом (субъектом состояния), выражается формой именительного падежа. Правосторонние актанты, которым приписывается семантическая роль каузатора, различаются в семантическом и формальном отношениях. Конверсивные корреляты перечисленных глаголов также имеют по два обязательных актанта: экспериент (субъект эмоционального состояния) выражается формой винительного падежа; каузатор — актант, называющий причину данного эмоционального состояния, — формой именительного падежа. Например: *Поведение брата удивляет (тревожит, поражает) меня* (экспериент). Указанные актанты могут выражаться различными падежами, а также инфинитивом. Специфика инфинитива при возвратных эмотивных глаголах русского языка состоит в том, что действие, названное инфинитивом, часто предшествует тому действию, которое выражено возвратным глаголом [15. С. 7].

Основанием приписывания семантической роли актанту предиката является комплекс семантических признаков. Так, роль экспериента обладает дифференциальными семантическими признаками, позволяющими отличить ее от других семантических ролей, таких, например, как агенс. Такими дифференциальными семантическими признаками являются признаки + «одушевленность», — «активность». Ср.: 1а) *Мать* (экспериент) *беспокоится о будущем своего ребенка*, но невозможно: *1б) *Стул* *беспокоится о будущем своего ребенка*; 2а) *Сестра*

¹ По классификации В. Васильева, это глаголы эмоционального состояния, эмоционального переживания и их конверсивные корреляты.

постоянно раздражалась из-за шума за окном; *2б) *Ковер* раздражался из-за шума за окном; 3а) *Я* волнуюсь перед турниром, но невозможно; *3б) *Стол* волнуется перед турниром; 4а) *Тетя* все сердится, что ты не пишешь (А. П. Чехов); *4б) *Дом* все сердится и т. д. Во всех высказываниях замена одушевленного существительного на неодушевленное оказывается невозможной.

Такие грамматически неодушевленные существительные, как *молодежь, народ, студенчество, отряд* и т. п., сочетаются с указанными глаголами, однако переводят глаголы типа *страшиться, ужасаться, беспокоиться* в класс ментальных и получают в позиции левостороннего актанта семантическую роль протагониста¹. Например: *А тут на носу — выборы, народ волнуется, вот в Нижнем Новгороде губернатор Немцов миллион подписей против войны собрал* (В. Быков, О. Деркач. Книга века).

Семантическую роль экспериента также характеризует признак «активность». Обычно под данным семантическим признаком понимается способность субъекта инициировать и производить некоторое действие [1; 3 и др.]. Эмотивные глаголы обозначают такое действие, которое не может инициироваться субъектом, а возникает вследствие событий, существующих независимо от субъекта. Ср.: 5а) *Игорь* (эксперимент) *страшится* увольнения (*пугается* грозы) — *Увольнение* *страшит* (*Гроза пугает*) *Игоря* при невозможности *5б) *Игорь* *специально* *страшится* увольнения (*пугается* грозы). Следовательно, эмотивные глаголы русского языка характеризуются признаком «активность». Ср. 5а с 5в, где участник ситуации в субъектной позиции получает признак + «активность»: 5в) *Игорь* (агенса) *специально* *не пошел* на работу.

Вместе с тем эмоциональное состояние имеет определенную причину во внеязыковой действительности, которую отражает правосторонний актант эмотивных глаголов, получая семантическую роль каузатора [3; 16]. Например: 6а) *Он* *волнуется* *из-за* предстоящего экзамена. *Он* *раздражается* *из-за* громкой музыки; 6б) *Ужасается* той *петли*, которую сам же собирает на себя *накинуть* (В. Вересаев. К психологии Пушкинского творчества).

Семантическая роль каузатора интерпретируется как некоторое событие, ставшее причиной

¹ Протагонистом называется такая семантическая роль, которая обозначает неодушевленного участника ситуации при предикатах типа *радоваться, удивляться, страшиться* и др. [9].

определенного положения дел. Этим каузатор отличается от семантической роли экспериента. Свойство каузатора обозначать пропозицию имеет место не только в случае выражения его инфинитивом, отглагольным или отадъективным именем, но и конкретным существительным, получающим событийное прочтение. Это находит подтверждение в возможности развернуть правосторонний актант возвратного эмотивного глагола в пропозицию (так называемый сентенциальный актант).

Эмотивные глаголы русского языка формируют высказывания с сентенциальным актантом, то есть таким, который выражается придаточной частью. Сентенциальный актант чаще всего замещает объектную позицию при возвратном глаголе, присоединяясь союзами *что, ибо, так как, когда, если, где* и др. Например: 7а) *Он* *волнуется*, что брат может вернуться поздно / когда брат возвращается поздно / если брат возвращается поздно.

В высказывании с переходным глаголом левосторонний актант является каузатором, а правосторонний — экспериентом. Ср.: 8а) *Он* (эксперимент) *сам пугался* открывшихся ему обстоятельств (каузатор) — *Открывшиеся обстоятельства* (каузатор) *пугали* его (эксперимент); 8б) *Из Сан-Себастьяна, где я* (эксперимент) *любовался* морем и *ужасался* ценам (каузатор), я *приехал* в Мадрид (Л. Д. Троцкий. Моя жизнь) — *Цены* (каузатор) *ужасали* меня (эксперимент); 8в) *Нехлюдов* (эксперимент) *удивился* вопросу (каузатор) (Л. Толстой. Воскресенье) — *Вопрос* (каузатор) *удивил* *Нехлюдова* (эксперимент). Обе семантические роли — эксперимент и каузатор — являются обязательными, так как предсказываются семантикой глагола. Семантическая роль экспериента обладает признаками + «одушевленность» и — «активность», Каузатор обладает признаком + «событийность».

Особенности экспликации семантических ролей левостороннего актанта возвратных эмотивных глаголов русского языка

Особенности экспликации левостороннего актанта предикатов, выраженных возвратными эмотивными глаголами *пугаться, страшиться, ужасаться, беспокоиться, тревожиться, волноваться* и другими, зависят от реализации в высказывании одного из значений: эмотивного или значения интеллектуальной деятельности.

По нашим наблюдениям, эмотивное значение данных глаголов реализуется в том случае, если левосторонний актант представлен местоимени-

ем или именем собственным. Например: 1а) *Он беспокоится, ворчит, хватает лист, отодвигает локтем стаканы...* (Т. Толстая. Ночь). *Она (Татьяна)...тревожится, что не попадет в кадр* (С. Гандлевский. НРЗБ // Знамя. 2002). Здесь левосторонний актант получает семантическую роль эксперта.

Актуализация значения интеллектуальной деятельности имеет место при выражении левостороннего актанта родовым именем, топонимом либо эргонимом; нарицательным неодушевленным существительным, обозначающим сообщество людей типа *командование, команда, мир, бизнес, народ* и др. Ср.: 1б) *Зритель удивляется трепетному вниманию танцовщика, радующемуся не своим пируэтам, а выходам балерины* (Е. Беляева. Февраль // Линия. 2005); 1в) *Западный читатель все больше удивляется: оказывается, по сути российские истории не так уж и отличаются от тех, что он видит вокруг себя* (Н. Кац. Россия и западные бизнес-СМИ).

В примерах 1а, 1б, 1в левосторонний актант, выраженный родовым именем, топонимом, эргонимом, нарицательным неодушевленным существительным, обозначающим сообщество людей, получает семантическую роль протагониста.

При некоторых условиях семантическая роль протагониста может требовать совершенно определенного каузатора. Ср.: 2а) *Культурная общественность страшится вырождения традиций*, но неестественно: *2б) *Он (Иванов) страшится вырождения традиций*. Ср. еще: 2в) *Широкая общественность волнуется, что события, происходящие в московской энергокомпании, отразятся на работе энергосистемы* (О. Губенко. Удачное совпадение // Известия. 2001.09.10), но невозможно: *2г) *Наш сосед волнуется, что события, происходящие в московской энергокомпании, отразятся на работе энергосистемы*.

В данных примерах группа существительных, называющих культурно, политически и экономически значимые понятия типа *диссидентство, вырождение традиций, забастовка, неофашизм, антисемитизм* и другие, в субъектной позиции требует существительного с семантикой собираемости, называющего чаще всего определенные социальные круги общества, например: *электротат, бизнес, правящая элита, правительство* и др. Как видим, в таких высказываниях личные/лично-указательные местоимения, имена собственные в субъектной позиции, указывающие на конкретное лицо в конструкциях с перечис-

ленными выше типами объектов, неестественны.

Особый статус в контекстах подобного рода получают прецедентные имена, имеющие общественно значимые коннотации в сознании носителей языка. Например: 3а) *Как никто другой Достоевский страшился своеволия, революции, понимая сокрушительную мощь русской стихии* (И. Гарин. Многоликий Достоевский); 3б) *Ф. Ницше, В. Соловьев, Н. Бердяев страшились безбожной цивилизации, страшились прихода Антихриста как воплощения мирового зла* (В. Терещенко. Восток и Запад — встреча двух культур // Тезисы доклада на СНТК — 2001 в секции «Культурология»). Ср. эти примеры с 4а) *Раскольников страшится разоблачения*, который может быть прочитан двояко: *Раскольников считает возможным разоблачение* и *Раскольников испытывает страх перед разоблачением*. Предикаты в примерах 3а, 3б прочитываются только в значении интеллектуальной деятельности. В контекстах такого типа предикат *страшиться* максимально приближается к предикату *опасаться*, обозначающему интеллектуальную эмоцию, а группа однородных подлежащих в 3б называет субъект мысли. В данном случае 3а, 3б и 4а противопоставлены как совершенно разные типы контекстов.

Необходимо заметить, что имена типа *коррупция, диссидентство, фашизм, антисемитизм, нацизм, амнистия, децентрализация управления* не могут заполнять семантическую роль каузатора в высказываниях с предикатом *пугаться*. Ср. 5а) *страшиться коррупции*, но невозможно: *5б) *пугаться коррупции*. В отличие от предиката *пугаться* предикат *страшиться* может присоединять практически любое абстрактное существительное, обозначающее некую ситуацию во внеязыковой действительности. Для предиката *пугаться*¹ такая сочетаемость нехарактерна. Ср.: 6а) *Как человек образованный, он отдает справедливость французской монархии, столько совершившей для образования, и страшится приближающегося ее падения* (Ф. И. Буслаев. Письма русского путешественника), *6б) *...пугается приближающегося ее падения*; 7а) *Он страшится наркотической зависимости*, *7б) *Он пугается наркотической зависимости*. Невозможность примеров типа 5б, 6б связана со свойством эксперта предиката

¹ Замечено, что предикат *пугаться* в отличие от предиката *страшиться* «обозначает чистое переживание», тогда как *страшиться* чаще всего употребляется для обозначения интеллектуальной деятельности, приближаясь по значению к предикату *опасаться* [3. С. 62].

пугаться воспринимать каузатор непосредственно, интерпретируя его как представляющий опасность здесь и сейчас. Каузатор предиката *страшиться* не должен непосредственно восприниматься экспериментом и может быть удален от него во времени и пространстве.

Предикаты *пугаться*, *беспокоиться*, *волноваться*, *беситься* отличаются тем, что в субъектной позиции допускают название животного. Ср.: 8а) *Буланая лошадка пугалась музыки* (Н. Гончаров. Фрегат «Паллада»), 8б) *Лошадь под ним бесится и разбивает его* (А. Ф. Писемский. Люди сороковых годов).

**Особенности экспликации
семантических ролей
правостороннего актанта
возвратных эмотивных глаголов
пугаться, *страшиться*, *ужасаться*,
беспокоиться, *тревожиться*, *волноваться***

Особенности экспликации правостороннего актанта возвратных эмотивных глаголов русского языка зависят от целого ряда факторов, в частности от вхождения глагола в тот или иной синонимический ряд. Общий семантический компонент каждого синонимического ряда обуславливает наличие сходных свойств у всех членов ряда: однотипную семантическую структуру предикатов, выраженных данными глаголами, и сочетаемость, а значит, и особенности семантических ролей правого и левого актантов. В связи с этим особенности семантических ролей актантов возвратных эмотивных глаголов русского языка будут описаны с учетом включенности каждой лексемы в тот или иной синонимический ряд.

Согласно НОССРЯ 2003 [10], выделяются следующие синонимические ряды: *пугаться*, *страшиться*, *ужасаться*; *беспокоиться*, *тревожиться*, *волноваться*; *сердиться*, *злиться*, *раздражаться*, *возмущаться*, *беситься* [5. С. 26; 7. С. 1122; 8; 10. С. 1018]. Данный список синонимических рядов можно пополнить синонимическим рядом *удивляться*, *поражаться*, *изумляться* со значением «испытывать чувство, какое обычно бывает, когда субъект чувства сталкивается с тем, что выходит за рамки его привычных представлений». Этот синонимический ряд не нашел своего места в указанном источнике.

Анализ высказываний с предикатом *страшиться* показывает, что, если именная группа в позиции дополнения имеет родовой денотативный статус, то есть соотносится не с конкретной ситуацией, а с множеством ситуаций, и имеет форму мно-

жественного лица, то возвратный глагол *страшиться* получает эмотивное значение¹ (*страшиться* 1), а правостороннему актанту приписывается семантическая роль каузатора-причины. Диагностическим контекстом, подтверждающим наличие семы «эмоция» в предикате, является контекст отрицания. Например: 1а) *Государь (не) страшится бунтовщиков* = «Государь (не) испытывает страх перед бунтовщиками», но не «не считает вероятным наличие бунтовщиков».

Однако правосторонний актант может выражаться существительным в единственном числе. Например: 1б) *Он не страшится операции* = «Он не испытывает страх перед операцией» или «Он не считает возможной (как один из вариантов) операцию». В примере 1б актант *операции* имеет определенный денотативный статус. В таком контексте *страшиться* прочитывается и в эмотивном значении, и в значении интеллектуальной деятельности (*страшиться* 1 и *страшиться* 2). В данном примере в значении «интеллектуальная деятельность» правосторонний актант глагола *страшиться* получает семантическую роль каузатора-содержания. Разграничение и актуализация одного из данных значений возможны в более широком контексте. Таким образом, примеры 1а и 1б показывают, что в зависимости от того, какое значение реализуется (эмотивное значение или значение интеллектуальной деятельности), актант, выражающий причину эмоционального состояния, характеризуется такими семантическими признаками, как «причина» или «содержание», актуализация которых в высказывании напрямую связана с актуализацией в семантической структуре предиката сем «эмоция» или «интеллектуальная оценка». При актуализации признаков «причина» и «эмоция» правосторонний актант получает семантическую роль каузатора-причины; при актуализации семантических признаков «содержание» и «интеллектуальная оценка» — семантическую роль каузатора-содержания.

Что касается ролевой семантики правостороннего актанта предиката *пугаться*, она имеет ряд существенных отличий от характера каузатора при предикате *страшиться*. Семантика правостороннего актанта предиката *пугаться* определяется значением лексем, заполняющих правый актант. При этом предикате употребительны лексемы,

¹ *Ужасаться* — приходиться в ужас; *пугаться* — приходиться в состояние страха, боязни; *страшиться* — испытывать страх, опасение перед кем-, чем-либо [11. С. 762, 814; 12. С. 631, 772, 828; 18. Т. 14. С. 378—379, 1015, 1651].

называющие нечто, что воздействует на слух экспериента. Например: 2а) *...по горам или тайгой, так и то всякого шороху пугались* (В. Г. Короленко. Соколинец), а также возможны сочетания *пугаться громких (резких) звуков, шуриания пакета, резкого смеха, свиста* и т. д. Эти лексемы невозможны в высказываниях с другими предикатами, выраженными эмотивными глаголами. Ср. 2а с *2б) *страшиться (ужасаться) шороха, звука, шуриания пакетов, резкого смеха*. В тех случаях, когда взаимозамена возможна, высказывания будут по-разному интерпретированы. Ср.: 3а) *Он пугался теперь всякого неожиданного звука и крика* (Л. Н. Андреев. В тумане) или 3б) *Он страшился теперь всякого звука и крика*. В 3а — непосредственное восприятие экспериентом каузатора, в 3б субъект, скорее, считает вероятным возникновение (появление) каузатора. В примерах 2а, 3а правосторонний актант предиката *пугаться* наделяется семантической ролью каузатора-причины. Еще один пример, в котором предикат *страшиться* употребляется в значении «со страхом ожидать, считать вероятным стук»: 4а) *Я даже уже страшусь его стука* (М. Гиршин. Жили-поживали // Звезда. 2003). В позиции правостороннего актанта могут быть употреблены лексемы, называющие нечто, что воздействует на зрение экспериента: 5а) *Он пугался¹ окружающей его темноты или просто и сам не знал чего* (И. А. Гончаров. Обломов). *Он пугался ее вида (внешности)*, но невозможно: *5б) *Он страшился ее вида (внешности)*.

Что касается предиката *ужасаться*, он управляет не только формами родительного, дательного, но и творительного падежей². Ср.: 6а) *Он ужасается наказания кнутом*; 6б) *Он ужасается наказанию кнутом; ужасаться сожжению на костре*; 6в) *Он ужасается наказанием; ужасаться кровавой расправой над заключенными*. Примеры 6а—6в показывают, что различия в ролевой семантике правостороннего актанта предиката *ужасаться* связаны с выбором определенной падежной формы. В примере 6а наказание представляет непосредственную угрозу экспериенту, в 6б, 6в ситуация

наказания представляет угрозу не экспериенту, а третьему лицу, не названному в высказывании. Ср. еще: 7а) *Он по-прежнему ужасался жесткости Сталина* (В. Гроссман. Жизнь и судьба); 7б) *Он по-прежнему ужасался жесткостью*. В 7а каузатор имеет определенный денотативный статус и требует обязательного распространителя, тогда как в 7б каузатор неопределенный, то есть речь идет о жесткости вообще как о явлении и не требует обязательного распространителя.

По замечанию Ю. Д. Апресяна, существенным отличием предикатов *пугаться* и *страшиться* от предиката *ужасаться* является ориентированность последнего на оценку происходящих событий, явлений [3. С. 61]. Например: 8а) *Неподготовленный человек просто ужасается открывшейся ему информации* (Раскрытие сознания человека // metanesis.Livejournal.com/5447/html); 8б) *Ужасаться неблагодарности (высокопарности, банальности речи, несоответствию, лицемерию, необидительности доводов, ханжеству, современной моде)*. Как видим, экспериент в семантике данного высказывания характеризуется как *осознающий* происходящее (происшедшее) событие. При этом правосторонний актант предиката *ужасаться* получает семантическую роль каузатора-содержания. Если каузатор удален во времени от экспериента предиката *страшиться* либо может быть воображаемым, то каузатор предиката *ужасаться* называет такое положение дел, которое уже произошло или происходит и непосредственно воспринимается экспериентом. Значение интеллектуальной оценки в предикате *ужасаться* выявляет контекст отрицания. Например: 9а) *Суворов, встав во главе войска, ужасался духовной темноте тогдашнего русского солдата* (Ю. Богомолов. Святое дело — война); в контексте отрицания: 9б) *Суворов не ужасался духовной темноте тогдашнего русского солдата* = «Суворов не считал духовную темноту тогдашнего русского солдата ужасающим явлением»; однако невозможно высказывание, в котором данный предикат имел бы чисто эмотивное значение: *9в) «Суворов не испытывал ужаса перед духовной темнотой тогдашнего русского солдата». Однако наиболее ярко значение интеллектуальной деятельности выявляется в контексте неодушевленного субъекта. Например: 10а) *У Пушкина народ ужасается безвластием, и в этом отношении слова одного из москвичей: «О Боже мой, кто будет нами править?..»* (Ф. Раскольников. Статьи о русской литературе).

¹ Замечено, что предикат *пугаться* в отличие от предиката *страшиться* «обозначает чистое переживание», тогда как *страшиться* чаще всего употребляется для обозначения интеллектуальной деятельности, приближаясь по значению к предикату *опасаться* [3. С. 62].

² Следует отметить, что управление глагола *ужасаться* творительным падежом не фиксируется [См., напр.: 10; 17; 18 и др.]. Однако картотека примеров показывает, что данная сочетаемость является возможной.

По нашим наблюдениям, правосторонний актант предиката *ужасаться* в отличие от актантов предикатов *страшиться*, *пугаться* не имеет ограничений и допускает употребление как предметных, так и пропозитивных имен, абстрактных отадактивных существительных, абстрактных непроизводных имен, субстантивированных прилагательных, заполняющих семантическую роль каузатора. Это могут быть лексемы, называющие явление природы, явления социально-экономической жизни, а также человеческие качества и др. Например: *ужасаться состоянием местных дорог, ценам, моде, грязи, рёву машин, грохоту станков, взгляду, несовершенству человеческого бытия, невежеству, порядкам, малодушию, техническому прогрессу, отснятым кадрам, потоку рекламы, величине потерь, открывшимся способностям, отсутствию сдерживающих рамок, предательству, чудовищному парадоксу, вести, взгляду, сценкам погрома, содеянного, встрече, лицам, антисемитскими лозунгами* и т. д.

Взаимозамена предикатов *ужасаться*, *страшиться*, *пугаться* либо меняет смысл высказывания, либо делает его некорректным. Ср.: 11а) *Здесь всякий ужасается своего ничтожества и бессилия* (П. Кузнецов. Деревенский дневник // Звезда. 2002), но невозможно: *11б) *Здесь всякий страшился (пугался) своего ничтожества и бессилия*; 12а) *Константин Семеныч все ужасается бытию своему, приходит каяться, и мы ведем необыкновенно длинные, серьезные, отчаянные русские споры* (Э. Шим. Ребята с нашего двора), но невозможно: *12б) *пугался (страшился) бытия своего*; 13а) *Из Сан-Себастьяна, где я любовался морем и ужасался ценам, я приехал в Мадрид* (Л. Д. Троцкий. Моя жизнь. Гл. 21: Через Испанию); *13б) *пугался (страшился) цен*; 14а) *Видел епископ константинопольский перед собой насмерть перепуганного человека, который ужасался последствиям принятого некогда решения* (Е. Хаецкая. Ульфилла), 14б) *страшился последствий принятого некогда решения*. В примерах 14а и 14б замена предиката *ужасался* на предикат *страшился* приводит к различной интерпретации каузатора. В 14а каузатор *последствиям* непосредственно воспринимается экспериентом, а в 14б каузатор *последствий* удален во времени от экспериента. Например, еще: 15а) *Я ужасался ее взгляда, отворачивался и трепетал*, а также возможно 15б) *Он пугался ее взгляда*, 15в) *Он страшился ее взгляда*. В примерах 15а и 15б актант *взгляда*, заполняющий позицию каузатора, представляется непосредствен-

но воспринимаемым экспериентом. В примере 15в в контексте предиката *страшиться* каузатор мыслится как удаленный в будущее на оси времени от экспериента.

Также возможны высказывания, допускающие взаимозамену предикатов *ужасаться* и *страшиться* и не допускающие ее с предикатом *пугаться*. Ср.: 16а) *Ужасался подсчетам жертв* (К. Шабанова. Окно напротив), 16б) *Страшился подсчетов жертв*, но невозможно: *16в) *Пугался подсчетов жертв*; а также: 17а) *Ужасался нацистскому режиму*, 17б) *Страшился нацистского режима*, но невозможно: *17в) *Пугался нацистского режима*. В примере 16а *подсчет жертв* выступает в значении «количество», а в 16б замена предиката *ужасаться* на предикат *страшиться* приводит к иному, пропозитивному прочтению существительного, заполняющего позицию каузатора.

Актанты, выраженные формой *за* + *винительный падеж* в высказываниях с предикатом *страшиться*, наделены семантической ролью каузатора-объекта. Например, еще: 18а) *Да если бы не болезнь, я бы не страшился за будущее*¹ (каузатор-объект) (М. Булгаков. Мой дневник), 18б) *Простите великодушно, Сергей Сергеевич, волнуюсь я за старика* (каузатор-объект) *своего* (П. Галицкий. Опасная коллекция).

Каузатор-объект также следует отграничивать от семантической роли каузатора-причины. Ср.: 19а) *Пишеница погибла из-за засухи* (каузатор-причина), 19б) *Давно-давно научилась я страшиться за благополучие родного дома* (Н. Давыдова. Вся жизнь плюс еще два часа), 19в) *Вы поймете также и меня, насколько я страшусь за будущее и какие мысли владеют мною* (И. К. Коковцев. Из моего прошлого). Актанты *за будущее, за тебя, за благополучие, за сына, за старика* являются объектом и вместе с тем непосредственной причиной эмоционального состояния, названного предикатами *волноваться, страшиться, беспокоиться, тревожиться*, поэтому им приписывается семантическая роль каузатора-объекта.

Заключение

Семантические роли возвратных эмотивных глаголов и их конверсивных коррелятов обладают

¹ В связи с этим Ч. Филлмор отмечает, что данную семантическую роль также не следует смешивать с пациенсом — участником, подверженным изменению [20. С. 523]. Например: а) *читать книгу, писать письмо, держать ручку, держаться за перила* (объект). б) *выпить воды* (пациент).

дифференциальными признаками, позволяющими отграничивать одну семантическую роль от другой. Семантическая роль экспериента, заполняющая левый актант в высказывании с возвратным глаголом и правый актант в высказывании с переходным глаголом, обладает такими дифференциальными семантическими признаками, как +«одушевленность» и –«активность». Семантическая роль каузатора, заполняющая правый актант в высказывании с возвратным глаголом и левый актант в высказывании с переходным глаголом, обладает таким признаком, как +«событийность». И экспериент, и каузатор являются обязательными при предикатах, выраженных эмотивными глаголами русского языка.

Приписывание той или иной семантической роли левостороннему актанту возвратного эмотивного глагола коррелирует с семантическими

признаками правостороннего синтаксического актанта, а также с признаками в семантической структуре предиката.

Состав падежной рамки предикатов, выраженных возвратными эмотивными глаголами русского языка и их конверсивными коррелятами, определенным образом соотносится с типом предиката. Наделение правостороннего актанта предикатов, выраженных эмотивными глаголами русского языка, семантическими ролями каузатора-причины и каузатора-объекта и употребление их в эмотивном значении обуславливает их принадлежность к предикатам состояния. Правосторонние актанты предикатов *страшиться 2* и *ужасаться* наделены семантической ролью каузатора-содержания, употребляются в значении интеллектуальной деятельности и относятся к предикатам свойства.

Список литературы

1. Акмалова Ф. Ш. Семантическая и формально-структурная репрезентация категории «состояние» (на материале английского, немецкого и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2005. 234 с.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. М.: Школа «Языки русской культуры» РАН, 1995. 472 с.
3. Апресян В. Ю. Бояться, пугаться, страшиться, опасаться, трусить, дрейфить, робеть, трепетать 2, дрожать 2, трястись 2 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. С. 60—66.
4. Апресян В. Ю. Беспokoить 1, тревожить 1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. С. 22—25.
5. Апресян В. Ю. Беспokoиться 1, тревожиться, волноваться 1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. С. 26—28.
6. Апресян В. А. Сердиться, возмущаться, негодовать, взорваться 2, беситься 1, злиться, разозлиться, разъяриться // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. С. 1018—1023.
7. Апресян В. Ю. Стыдиться, стесняться 1, смущаться 1, конфузиться // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. С. 1122—1128.
8. Касевич В. Б., Храковский В. С. Общие вопросы семантики с предикатным актантом // Семантика и синтаксис конструкций с предикатными актантами: материалы Всесоюз. конф. «Типологические методы в синтаксисе разносистемных языков, 14—16 апр. 1981 г.: сб. науч. тр. Л.: АН СССР, Ин-т языкознания, Ленинградское отд., 1981. С. 7—23.
9. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М.: Изд-во МГУ, 1992. 336 с.
10. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. 1488 с.
11. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963. 900 с.
12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2005. 944 с.

13. Полежаева С. С. Комплексный анализ оппозиций эмотивных глаголов типа беспокоиться — беспокоить, радоваться — радовать: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2003. 236 с.
14. Полежаева С. С. Оппозиции эмотивных глаголов: конверсивные и каузативные отношения // II Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность»: тез. докл. М., 2004. URL: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/files/sec/10.doc>.
15. Сирота С. Сочетание глаголов с инфинитивом в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964. 17 с.
16. Скворцова Ю. С. Семантика страха и средства ее вербализации в русском и французском языках. URL: <http://www/dialog-21.ru/dialog/2006/materials/html/Skvortsova/htm>.
17. Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. М.: Русский язык, 1983. 686 с.
18. Словарь современного русского языка в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950—1965.
19. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1981. Вып. 10. С. 369—495.
20. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1981а. Вып. 10. С. 496—530.
21. Шатуновский И. Б. Пропозициональные установки: воля и желание // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов: сб. науч. тр. М.: Наука, 1989. С. 155—186.

Сведения об авторе

Кукатова Ольга Алексеевна — доцент кафедры русской филологии Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан. kukatova.olga@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 7 (441). *Philology Sciences. Iss. 121. Pp. 87—96.*

WAYS OF REPRESENTING SEMANTIC ROLES OF ACTORS IN STATEMENTS WITH CONVERSIVE COUPLES OF EMOTIVE VERBS IN RUSSIAN

O. A. Kukatova

*National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan.
kukatova.olga@mail.ru*

The article is devoted to the consideration of the main ways of representing the semantic roles of Experiencer and Causator in statements with conversive pairs of emotive verbs of the Russian language. Attributing one or another semantic role to the left-side actant of an emotive verb correlates with the semantic attributes of the right-side syntactic actant, as well as with attributes in the semantic structure of the predicate. The left-sided actant receives the semantic role of the Experiencer. The right-sided actant of reflexive emotive verbs receives the semantic roles of Causator-Cause, Causator-Content, Causator-Object. The attribution of the semantic role of Causator of one or another type is due to the pairwise correlation of the semantic features of the right actant and the features in the semantic structure of the predicate.

Keywords: *semantic role, emotive verb, actant, Experiencer, Causator.*

References

1. Akmalova F. Sh. (2005) *Semanticheskaya i formal'no-strukturnaya reprezentaciya kategorii «sostoyanie» (na materiale anglijskogo, nemeckogo i russkogo yazykov)* [Semantic and formal-structural representation of the category «state» (on the material of English, German and Russian languages). Thesis]. Izhevsk, Udmurtskij gosudarstvennyj universitet. 234 p. [in Russ.].

2. Apresyan Yu. D. (1995) *Izbrannye trudy*. T. I. *Leksicheskaya semantika*. [Selected works. Volume I. Lexical semantics]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoj kul'tury» RAN. 472 p. [in Russ.].

3. Apresyan V. A. (2003) *Boyat'sya, pugat'sya, strashit'sya, opasat'sya, trusit', drejfit', robet', trepetat' 2, drozhat' 2, tryastis' 2* [Fear, be frightened, fear, fear, coward, drift, shy, tremble 2, tremble 2, shake 2]. *Novyj ob'yasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow, Shkola «Yazyki slavyanskoj kul'tury». P. 60—66. [in Russ.].

4. Apresyan V.A. (2003) *Bespokoit' 1, trevozhit' 1* [Disturb 1, disturb 1]. *Novyj ob'yasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language / under the General guidance of academician Yu. D. Apresyan]. Moscow, Shkola «Yazyki slavyanskoj kul'tury». Pp. 22—25 [in Russ.].

5. Apresyan V. A. (2003) *Bespokoit'sya 1, trevozhit'sya, volnovat'sya 1*. *Novyj ob'yasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Worry 1, worry, worry 1. New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language] under the General guidance of academician Yu. D. Apresyan. Moscow, Shkola «Yazyki slavyanskoj kul'tury». P. 26—28 [in Russ.].

6. Apresyan V. A. (2003) *Serdit'sya, vozmushchat'sya, negodovat', vzorvat'sya 2, besit'sya 1, zlit'sya, razozlit'sya, raz»yarit'sya*. *Novyj ob'yasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Angry, indignant, indignant, explode 2, rage 1, angry, angry, furious]. New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language. Under the overall guidance of academician Yu. D. Apresyan]. Moscow, Shkola «Yazyki slavyanskoj kul'tury». Pp. 1018—1023 [in Russ.].

7. Apresyan V. A. (2003) *Stydit'sya, stesnyat'sya 1, smushchat'sya 1, konfuzit'sya*. *Novyj ob'yasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo yazyka*. Pod obshchim rukovodstvom akademika Yu. D. Apresyana. [to be Ashamed, to be shy 1, to be embarrassed 1, to be embarrassed. New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language] under the overall guidance of academician Yu. D. Apresyan. Moscow, Shkola «Yazyki slavyanskoj kul'tury». Pp. 1122—1128 [in Russ.].

8. Kasevich V. B. Hrakovskij V. S. (1981) *Obshchie voprosy semantiki s predikatnym aktantom*. *Semantika i sintaksis konstrukcij s predikatnymi aktantami: Materialy vsesoyuznoj konferencii «Tipologicheskie metody v sintaksise raznosistemnyh yazykov*. 14—16 aprelya 1981: Sb. nauch. tr. [General questions of semantics with predicate actant. Semantics and syntax of constructions with predicate actants: Proceedings of the all-Union conference Typological methods in the syntax of different-system languages. April 14—16]. Leningrad, AN SSSR, Institut yazykoznanija, Leningradskoe otdelenie. Pp. 7—23 [in Russ.].

9. Kibrik A. E. (1992) *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznanija (universal'noe, tipovoe i specifichnoe v yazyke)*. [Essays on General and applied issues of linguistics (universal, typical and specific in language)]. Moscow, Izd-vo MGU. 336 p. [in Russ.].

10. (2003) *Novyj ob'yasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language] under the overall guidance of academician Yu. D. Apresyan Moscow, Shkola «Yazyki slavyanskoj kul'tury». 1488 p. [in Russ.].

11. Ozhegov S. I. (1963) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej. 900 p. [in Russ.].

12. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. (2005) *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka*. [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Azbukovnik. 944 p. [in Russ.].

13. Polezhaeva S. S. (2003) *Kompleksnyj analiz oppozicij emotivnyh glagolov tipa bespokoit'sya — bespokoit', radovat'sya — radovat'* [Complex analysis of oppositions of emotive verbs such as worry-disturb, rejoice-please]. Moscow, MGU. 236 p. [in Russ.].

14. Polezhaeva S. S. (2004) *Oppozicii emotivnyh glagolov: konversivnye i kausativnye otnosheniya*. II Mezhdunarodnyj kongress issledovatelej russkogo yazyka «Russkij yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'» [Russian Russian language: historical destinies and modernity, II international Congress of researchers of the Russian language]. Moscow. Available at: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/files/sec/10.doc> [in Russ.].

15. Sirota S. (1964) *Sochetanie glagolov s infinitivom v sovremennom russkom yazyke* [The orphan C. the Combination of verbs with the infinitive in the modern Russian language. Abstract of thesis]. Moscow. 17 p. [in Russ.].

16. Skvorcova Yu. S. Semantika straha i sredstva ee verbalizacii v russkom i francuzskom yazykah [The Semantics of fear and the means of its verbalization in the Russian and French languages]. Available at: <http://www/dialog-21/ru/dialog2006/materials/html/Skvortsova/htm> [in Russ.].
17. Denisov P. N., Morkovkin V. V. (eds.). (1983) Slovar' sochetaemosti slov russkogo yazyka [Dictionary of combinability of words of the Russian language]. Moscow. 686 p.
18. (1950—1965) Slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Dictionary of modern Russian language] in 17 vol. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR [in Russ.].
19. Fillmor Ch. (1981) Delo o padezhe. Novoe v zarubezhnoj lingvistike [The case of the case]. Moscow, Progress. Iss. 10. Pp. 369—495 [in Russ.].
20. Fillmor Ch. (1981) Delo o padezhe otkryvaetsya vnov'. Novoe v zarubezhnoj lingvistike [The case of the case opens again]. Moscow, Progress. 10. Pp. 496—530 [in Russ.].
21. Shatunovskij I. B. (1989) Propozicional'nye ustanovki: volya i zhelanie. Logicheskij analiz yazyka. Problemy intensional'nyh i pragmaticheskikh kontekstov [Propositional attitudes: will and desire]. Moscow, Nauka. Pp. 155—186 [in Russ.].

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА В ЗАРУБЕЖНОЙ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ: ВЗГЛЯД ДИСКУРСОЛОГА

С. Л. Кушнерук, М. А. Курочкина

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия*

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «МГПИ им. М. Е. Евсевьева» по договору на выполнение НИР от 01.06.2020 г. № 16-298 по теме «Миромоделирование в англоязычном медиадискурсе на фоне вызовов времени: когнитивный, прагматический и идеологический аспекты».

Раскрываются возможности когнитивно-дискурсивного подхода к феномену информационно-психологической войны в американских медиа. Обосновано понятие дискурсивного мира, систематизированы концепты, формирующие когнитивный его остов. Охарактеризован миромоделирующий потенциал концепта DISINFORMATION по параметрам семиотической плотности, синтагматических связей имен, образно-оценочных репрезентаций, фактуальной информации. Результаты вносят вклад в развитие лингвистики информационно-психологической войны.

Ключевые слова: *информационно-психологическая война, информационная война, когнитивно-дискурсивный подход, миромоделирование, дискурсивный мир, медиалингвистика.*

Введение

Информационно-психологическая война опасна, как радиация. Ее воздействие незаметно, но эффект оказывается смертоносным. Проблема выработки мер противодействия внутренним и внешним информационным угрозам формирует одну из приоритетных государственных задач, поставленных президентом в указе об утверждении доктрины национальной безопасности [15]. В нем констатируется наращивание информационного влияния, направленного на «размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей», со стороны зарубежных медиа.

Понимание важности создания лингвистических основ защиты национальных интересов в информационной сфере стимулирует реакцию филологического сообщества на вызовы времени и обуславливает рост соответствующих научных публикаций [1; 6—8; 11—14; 18 и др.]. В ситуации тотальной медиатизации задача обеспечения информационной безопасности России, поставленная Президентом, является актуальной. Ее решение в рамках настоящего исследования видится как вклад в изучение языка информационно-психологического противостояния с учетом парадигмальной ситуации в современном языкознании. *Цель работы* — раскрыть

возможности когнитивно-дискурсивного подхода к исследованию информационно-психологической войны (ИПВ) как концептуально сложной репрезентационной структуры, объективируемой в медиадискурсе.

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужил виртуальный корпус NOW (News on the Web, <https://www.english-corpora.org/now/>). На его основе был сформирован исследовательский корпус, содержащий 101 текст (149 925 слов), извлеченный из англоязычной качественной прессы по ключевому запросу *information war* в период 01.01.2010—11.10.2019. В работе используются когнитивно-дискурсивный метод, корпусно-опосредованный метод и метод моделирования.

Лингвистика начала XXI в. ставит вопросы обусловленности ментально-языковых явлений социальными практиками. На этом фоне когнитивно-дискурсивный метод позволяет сконцентрировать внимание на координации ментальных, коммуникативных и языковых факторов в медиадискурсе и их роли в процессах миромоделирования.

Медиадискурс представляет собой «укрупненный» лингвистический контекст, который должен

анализироваться с учетом требований современной парадигмы, то есть в синтезе когнитивных и коммуникативных факторов. В широком смысле речь идет об исследовании языка в действии на фоне социального контекста, в узком — об особенностях функционирования ментально-языковой структуры ИПВ в медиакоммуникации.

Поскольку ИПВ регулярно объективируется в тематически объединенных медийных текстах в целях когнитивного воздействия на реципиентов, избранный метод позволяет установить, каким образом «упаковывается» сложная концептуальная структура, а также какова ее роль в идеологической организации медиакоммуникации, адресованной широким кругам зарубежных читателей. Применение когнитивно-дискурсивного метода вместе с тем дает возможность охарактеризовать миромоделирующий и аксиологический потенциал репрезентационной структуры с ориентацией на цели коммуникации.

Корпусный метод в сочетании общенаучным методом моделирования приобретает эвристическую ценность для дискурсологии, усиливая качественный анализ исследуемого материала. Об этом свидетельствуют зарубежные и российские публикации последнего времени [2; 4; 23]. Корпусные технологии «позволяют отслеживать активность функционирования языковых единиц на малом временном отрезке, а также сопоставлять данные разных сегментов англоязычного пространства» [4. С. 35].

Использование названных методов нацелено на реконструкцию концептуально сложной структуры на основе языковой данности, засвидетельствованной не в единичных актах коммуникации, но в широкой совокупности медиатекстов, объединенных тематикой ИПВ. Моделируемый таким образом конструкт позволяет представить специфику когнитивного содержания и сделать выводы об отношениях между его конституирующими элементами — концептами, значимыми для интенционально заданной коммуникации.

Лингвистика информационно-психологической войны на современном этапе развития

Лингвистика ИПВ — направление современного языкознания, объектом которого является использование языка как средства ведения информационного противоборства. Дисциплина зародилась в недрах политической лингвистики [7; 14; 16; 17] и получила системное обоснование в работах ученых

Сибирского федерального университета под руководством профессора А. П. Сковородникова [11; 12]. Хотя терминологическая неоднородность пока остается приметой «молодого» лингвистического направления, которое нуждается в унификации понятий для совершенствования методологического аппарата, интерес отечественных специалистов к проблемам информационной войны продолжает расти [10]. ИПВ в целом трактуется как противоборство сторон, обусловленное конфликтом интересов и/или идеологий, которое осуществляется путем языкового воздействия на сознание людей (отдельной личности, коллектива, народа) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством защиты от такого воздействия [11. С. 13].

С развитием лингвистики ИПВ углубляются представления о возможных подходах к исследованию информационного противоборства с учетом факторов, имеющих технический, экономический, аксиологический, психологический, медийный, когнитивный характер. За явным разнообразием целей и задач имеющихся публикаций лежит принципиальное единство понимания ИПВ как дискурсивного феномена. Оно отражает согласие ученых относительно того, что информационно-психологическая война имеет преимущественное распространение в дискурсе СМИ [10].

Несмотря на то что специалистами уже сделано много, вопрос языкового воздействия на когнитивные схемы интерпретации действительности остается практически не разработанным. В этой связи ключевым для авторов статьи является взгляд на ИПВ с точки зрения сознательного конструирования медиаменеджерами «особой реальности», или дискурсивного мира, в котором представлены картины фрагментов действительности, способные причинить вред индивидам и группам людей: их имиджу, репутации, коллективной идентичности.

Информационно-психологическая война как явление медиакоммуникации

ИПВ разворачивается преимущественно в медиакоммуникации и ассоциируется с борьбой за власть «определять истинное и ложное», искажением фактов и языковым воздействием на аудиторию [13. С. 19]. ИПВ ведется за общественное сознание и имеет медиадискурсивное измерение. С позиций дискурсологии СМИ рассматриваются как совокупность публикуемых текстов, распространяемых по разным каналам и предназначенных для широкого круга читателей [5]. Как отмечают

Г. А. Копнина, А. П. Сковородников, в СМИ можно почерпнуть информацию о следующих аспектах ИПВ: 1) цели и задачи; 2) объекты и мишени; 3) каналы и используемые жанры как информационно-психологическое оружие; 4) стратегии информационно-психологического нападения; 5) языковые средства; 6) способы противостояния ИПВ [8].

Наряду с названным медиатексты служат источником данных о концептуально сложных репрезентационных структурах, объективируемых в дискурсе, которые систематически конструируются для причинения урона субъекту оппозиции. В нашей терминологии, эта структура называется дискурсивным миром ИПВ.

Дискурсивный мир информационно-психологической войны как репрезентационная структура

Понятие *дискурсивного мира* используется в рамках когнитивно-дискурсивного миромоделирования. Теоретико-методологическое ядро концепции составляют российские и зарубежные работы по когнитивной семантике и дискурсивному анализу [3; 20; 21; 24; 25]. Отстаивается идея о том, что языковое явление должно рассматриваться «на перекрестке когниции и коммуникации» (Е. С. Кубрякова) с учетом содержания и экстралингвистической обусловленности избранной для него формы. Ведущими принципами являются положения об участии языка в моделировании социального взаимодействия в единстве когнитивных, социальных и прагматических факторов [9. С. 299].

Авторы исследования развивают идею о неоднородности концептуального содержания, которое предопределяет многообразие его языковых репрезентаций [3. С. 16]. В рамках структурной типологии выделяются концептуально простые и концептуально сложные единицы знания. Если структура и содержание первых может быть представлена перечнем элементарных признаков (образ, схема, представление, понятие, прототип), то вторые, как отмечает Н. Н. Болдырев, представляют собой структуры интегрированного, многоаспектного нестереотипного знания (категория, когнитивная матрица). Названные единицы являются феноменами общекогнитивного плана — гносеологическими конструктами, которые аккумулируют коллективный опыт и системно представляют концептуальную основу языка и его роль в процессах познания.

При функциональном подходе к концептуальным структурам необходимо отграничивать фено-

мены общекогнитивного и дискурсивного типов. Их общим свойством является то, что объектом концептуализации выступают характеристика, событие или фрагмент действительности. Во втором случае, однако, целью концептуализации является не «накопление знаний о мире, его объектах, событиях, свойствах» путем установления определенных концептуальных характеристик, а *репрезентация* (от англ. *represent* — *представлять, изображать*) фрагмента/фрагментов, создание конкретных смыслов с учетом условий и целей коммуникации. Речь идет об операционных (в терминологии Н. Н. Болдырева) когнитивных структурах, которые конфигурируют знания для ориентации человека в мире. Это контекстуально (ситуативно) заданные репрезентационные структуры дискурсивного уровня. Они генерируются в том или ином типе дискурса в ответ на потребности межличностного и институционального взаимодействия и рассматриваются в связи процессом и результатом миромоделирования. Концептуально сложную структуру дискурсивного типа, подчиненную целям миромоделирования, мы называем дискурсивным миром. Анализ дискурсивного мира связывается нами с изучением прагматически обусловленных механизмов формирования картины мира в реальной коммуникации.

Дискурсивный мир информационно-психологической войны трактуется как репрезентационная структура дискурса, когнитивное содержание которой объективируется в текстах, объединенных в тематическом, коммуникативном и функционально-целевом отношениях [9. С. 87]. Это ментально-языковая структура дискурса, имеющая свою онтологию. Ранее предпринимались попытки ее моделирования и параметризации на основе текстовых данных с целью установления, кого причисляют к субъектам и ключевым акторам информационно-психологической войны, каковы их задачи, какие средства ведения борьбы они используют, а также каким образом происходит структурирование информации о противостоянии оппонентов в дискурсе [12. С. 331—369].

Ключевые концепты в дискурсивном мире ИПВ

Медиаменеджеры создают дискурсивную картину мира, которая дает представление о расстановке сил в глобальной политике и особенностях реализации информационно-психологической войны. С точки зрения концептуального глобального значения дискурсивный мир ИПВ рассматривается

как макроструктура, которая определяется агентами дискурса и интерпретируется реципиентами под воздействием геополитических, социальных, идеологических, национально-культурных и иных факторов. Она выступает областью осуществления лингвоконцептов, формирующих отношение читателей к вопросам информационного противоборства. Выбор концептов, которые регулярно профилируются, или когнитивно выделяются, в пределах дискурсивного мира, отражает важнейшие идеологические установки, определяющие характер миромоделирования. Представляется, что анализ дискурсивного мира ИПВ целесообразно производить с опорой как на формальные, так и на содержательные характеристики.

Формальным параметром установления специфики дискурсивного мира ИПВ может стать географический признак. Положенный в основу, он прогнозирует результаты относительно национально-культурных особенностей репрезентационной структуры. Например, корпус NOW дает возможность создать 20 специальных выборок медиатекстов для исследования англоязычного дискурсивного мира ИПВ в зависимости от страны (Australia, Bangladesh, Canada, Great Britain, Ghana, Hong Kong, Ireland, India, Jamaica, Kenya, Malaysia, New Zealand, Nigeria, Pakistan, Philippines, Singapore, Sri Lanka, South Africa, Tanzania, Unites States). Другим ярким примером формальных показателей являются ключевые лексемы, которые принадлежат к разным частям речи (NOUN, VERB, ADJ, ADV), ключевые словосочетания (N+N, ADJ+N), относительная частота употребления лексемы в исследовательском корпусе (FREQ), количество публикаций, в которых лексема используется (TEXTS), общая

частота употребления лексемы во всем корпусе (ENTIRE CORPUS).

Согласно таблице, представленной ниже, в дискурсивном мире ИПВ регулярно объективируются концепты DISINFORMATION, PROPAGANDA, CYBER, WARFARE, COUP, CONSPIRACY, OUTLET, JOURNALIST, INTELLIGENCE, WAR, именами которых выступают соответствующие лексемы-существительные.

Учитывая многослойность семантики ключевых номинантов, выделим основные референтные блоки, представляющие системный (лексикографически закрепленный) объем знаний о фрагментах действительности, которые конституируют дискурсивный мир ИПВ [19; 22]:

Информация: предназначена для введения в заблуждение, распространяется правительственной организацией в отношении конкурирующей державы или средств массовой информации (DISINFORMATION); часто неточная, которую политическая организация публикует или транслирует с целью воздействия на людей (PROPAGANDA).

Противоборство: война, военные действия, борьба, состояние конкуренции, враждебности между людьми или группами, кампания против нежелательной ситуации или деятельности (WAR); деятельность по ведению войны, насильственная борьба или конфликт (WARFARE).

Действующие лица: журналисты, люди, чья работа состоит в том, чтобы собирать новости и писать о них для газет, журналов, телевидения или радио (JOURNALIST); информационные агентства (OUTLETS).

Средство и канал распространения: компьютерные технологии, Интернет (CYBER).

Лексемы-репрезентанты концептов в дискурсивном мире ИПВ

№	Ключевые лексемы, часть речи — существительное	Относительная частота употребления лексемы в исследовательском корпусе	Количество текстов, в которых лексема используется	Общая частота употребления лексемы во всем корпусе
1	DISINFORMATION	42	17	1447
2	PROPAGANDA	118	42	36 617
3	CYBER	80	16	36 044
4	WARFARE	35	17	24 676
5	COUP	34	13	33 633
6	CONSPIRACY	47	13	50 239
7	OUTLET	69	26	80 602
8	JOURNALIST	188	34	223 695
9	INTELLIGENCE	81	28	148 090
10	WAR	405	89	748 700

Способы борьбы: внезапный, насильственный, незаконный захват власти, переворот (COUP); тайный, преступный сговор, план группы, организации, заговор, умысел, конспирация (CONSPIRACY); сбор информации, имеющей военное или политическое значение, сбор разведывательной информации, разведка (INTELLIGENCE).

Это когнитивные опоры дискурсивного мира, которые дают общее представление о его глобальном концептуальном содержании. Чтобы получить целостную картину взаимодействия концептуальных структур и модификаций концептов в дискурсе об информационно-психологической войне, необходимо переходить к их качественному анализу.

Выделяя ключевые ментальные образования в дискурсивном мире ИПВ при помощи корпусного подхода, мы подчеркиваем значимость динамических признаков концептов в условиях медиакоммуникации. По этой причине охарактеризуем миромоделирующий потенциал занимающего первую в таблице позицию концепта DISINFORMATION через исследование векторов ассоциативно-смыслового развертывания в медиадискурсе.

Миромоделирующий потенциал концепта мы определяем как способность когнитивной единицы транслировать дискурсивно востребованные смыслы — идеологические, аксиологические, коммуникативно-прагматические и иные установки — в процессах реализации в медиатекстах. Методика анализа миромоделирующего потенциала концепта изложена в наших прежних работах [9. С. 158—167]. Она направлена на обнаружение корреляций между признаками, формирующими системный потенциал концепта, и их актуализацией в дискурсе, а также установление приобретенных признаков концепта в результате его функционирования в текстовом континууме. Анализ производится по параметрам семиотической плотности, особенностей линейной реализации, образно-оценочных и ценностный репрезентаций, а также представлений, связанных с концептом.

Опора на словарные дефиниции позволяет исследовать парадигматические связи имен концепта и представить перечень его системных (статических) признаков. DISINFORMATION: 1. *False information which is intended to mislead, especially propaganda issued by a government organization to a rival power or the media.* [22]. 2. *False information deliberately and often covertly spread (as by the planting of rumors) in order to influence public opinion or obscure the truth* [<https://www.merriam-webster.com/dictionary/disinformation>]. Статические признаки

концепта: ложная информация, умышленно распространяемая, вводящая в заблуждение, пропаганда, от государственных органов, в адрес державы-соперника, СМИ, влияние на общественное мнение, сокрытие правды.

Семиотическая плотность концепта определяется через базовые репрезентанты концепта в медиадискурсе: *disinformation, disinformation campaign, misinformation, false information, questionable information*. Особенности линейной реализации выявляются посредством анализа синтагматических отношений имен концепта. Он позволяет установить основные векторы ассоциативно-смыслового развертывания, то есть связи, в которые вовлечена концептуальная структура как элемент дискурсивного мира ИПВ. Для иллюстрации основных положений мы приводим контексты, извлеченные из американской качественной газеты The Washington Post за 2019 г.

Дезинформация представляет серьезную опасность для США. Одна из причин — ее беспрепятственное распространение. Ср.: *disinformation can spread so easily*. Это сила, способная нанести большой ущерб, которая подрывает веру американцев в политическую систему. Ср.: *disinformation that undermines our faith in our political system*. Дезинформация и шпионаж захватили коллективное сознание (американских граждан). Ср.: *Not since the 1980s have espionage and disinformation so captivated our collective mind*. Вместе с фейковыми новостями дезинформация способна разрушить основы свободного общества, которые старательно складывались в стране в течение столетий. Ср.: *the makers of disinformation and «fake news» will easily abuse our passions for their benefit, and we will allow them to undermine the free society we have painstakingly built over the past few centuries*. Требуется защита от дезинформации. Ср.: *how do we defend ourselves against disinformation*. Либеральной демократии нужно располагать средствами противостояния. Ср.: *Every individual in a liberal democracy possesses the tools to counter disinformation*.

Образные и аксиологические характеристики концепта проявляются на уровне используемых метафорических средств. Россия названа непримиримым противником Америки в «холодной войне» и виновником самых противоречивых кампаний дезинформации. Ср.: *After all, Russia, America's Cold War nemesis, is considered the primary culprit in today's most controversial disinformation campaigns*. Семантика лексемы *nemesis*, имеющей значения «a situation, event, or person which

causes them to be seriously harmed, especially as a punishment» [22]. Ситуация, событие или личность, которая причиняет субъекту серьезный вред, особенно в качестве наказания, а также *«retributive justice»* — карающее правосудие, демонстрируют негативную эмоционально-оценочную коннотативную специфику. Она усиливается в контексте актуализации значения лексемы *culprit* — *«a person who is responsible for a crime or other misdeed»* (лицо, которое несет ответственность за преступление или иное правонарушение). Неодобрительные оценочные семы способствуют формированию у читателей когнитивно-чувственного восприятия дезинформации в тесной связи с «холодной войной» и нелегитимной деятельностью России.

Криминальные метафоры используются наряду с морбиальными. Параллель с болезнью усиливает негативизацию дезинформации, для которой нужна вакцина, чтобы активизировать иммунитет общества в школах, колледжах, университетах. Ср.: *...the humanities can play a critical role in creating a modern disinformation vaccine. Schools, colleges and universities should spend more time educating future generations on the complexity of society and the various ideas and interests that shape the information we consume.*

Фактуальная информация, складывающаяся представление о дезинформации, включает сведения из истории, куда уходят корни информационной войны. Ср.: *Yet our media landscape, the breeding and feeding ground of questionable information, also has many similarities to the 18th century. The information wars of this earlier period not only provide perspective — they also provide a solution to the political divisions that disinformation campaigns seek to exploit.* Подчеркивается, что медийный ландшафт был питательной средой для распространения сомнительной информации уже в XVIII столетии. Информационные войны трехвековой давности задают перспективу и обеспечивают решение политических разногласий, которые используют кампании дезинформации в настоящее время.

Очевидно, что в условиях дискурсивной актуализации концепт наращивает часть признаков объема, которая будет варьироваться в зависимости от широкого спектра контекстуальных факторов, имеющих геополитический, социальный, идеологический, психологический, культурно-языковой характер.

Заключение

Усиление деструктивного влияния в условиях тотальной медиатизации делает насущным решение проблемы защиты национальных интересов в информационной сфере. На этом фоне стремления филологов направлены на выработку лингвистических основ противодействия информационным угрозам.

Предложенная в статье теоретико-методологическая рамка демонстрирует возможности применения когнитивно-дискурсивного подхода в сочетании с корпусным методом и методом моделирования. Доказывается, что симбиоз трех позволяет сочетать количественный анализ, основанный на данных корпуса, с качественным для выявления объемной специфики дискурсивного мира ИПВ как концептуально-сложной репрезентационной структуры.

Произведен анализ одного значимого элемента дискурсивного мира ИПВ. Он позволяет заключить, что в американской журналистике информационное сопротивление тесно ассоциируется с проблемами распространения недостоверной информации, исходящей от главного политического оппонента США — России. Миромоделирующий потенциал концепта DISINFORMATION реализуется системой дискурсивно обусловленных векторов смысловой динамики в следующих разновидностях: *disinformation* → *espionage*; *disinformation* → *fake news*; *disinformation* → *history*; *disinformation* → *Cold War*; *disinformation* → *Russia*.

Представляется, что сочетание эвристик когнитивно-дискурсивного и корпусного подхода к изучению ментально-языковых феноменов в дискурсе может оказаться перспективным для дальнейшего развития лингвистики информационно-психологической войны.

Список литературы

1. Бернацкая А. А. Симптомы информационно-психологической войны, или чем пахнет покинутая родина (на материале романа М. П. Шишкина «Венерин волос») // Экология языка и коммуникативная практика. № 1 (6). 2016. С. 239—258.
2. Богоявленская Ю. В. Репрезентативность лингвистического корпуса: метод верификации достоверности полученных данных // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 163—166.

3. Болдырев Н. Н. Типология концептов и языковая интерпретация // Новая Россия: традиции и инновации в языке: материалы междунар. науч. конф. (28—30 сент. 2016 г.). Екатеринбург, 2016. С. 16—25.
4. Борискина О. О., Шилихина К. М. Корпусные исследования политического дискурса в лингвистике // Политическая наука. 2017. № 2. С. 30—53.
5. Высоцкая И. В., Петрова Н. Е. К проблеме периодизации языка современных российских СМИ // Вопросы журналистики. № 3. 2018. С. 36—47.
6. Гаврилов Л. А. Политический дискурс в условиях информационно-психологической войны // Экология языка и коммуникативная практика. № 2. 2018. С. 89—98.
7. Иванова С. В. Лингвистическая ресурсная база информационной войны: создание эффекта демонизации // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 28—37.
8. Копнина Г. А., Сквородников А. П. Газетно-публицистические тексты как источник информации о технологии ведения современной информационно-психологической войны // Экология языка и коммуникативная практика. № 1 (8). 2017. С. 170—181. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2017/05/Kopnina-G.A.-Skovorodnikov-A.P..pdf>.
9. Кушнерук С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование: опыт сопоставительного исследования рекламной коммуникации. М.: ФЛИНТА, 2019. 368 с.
10. Кушнерук С. Л., Чудинов А. П. Развитие лингвистики информационно-психологической войны: методологическая неоднородность и первые результаты // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 4, ч. 1. С. 105—118. URL: <http://discourseworld.ru>.
11. Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Кн. I. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 340 с.
12. Бернацкая А. А., Гаврилов Л. А., Жилина В. А. [и др.]. Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Кн. 2 / под ред. проф. А. П. Сквородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2019. 488 с.
13. Асташова О. И., Булатова Э. В., Енина Л. В. [и др.]. Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война»: монография / под ред. Э. В. Чепкиной. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. 196 с.
14. Синельникова Л. Н. Информационная война ad infinitum: украинский вектор // Политическая лингвистика. № 2 (48). 2014. С. 95—101.
15. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Президент России [Официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460>.
16. Чудинов А. П. Понятийно-терминологический аппарат политической лингвистики // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 26—28 авг. 2014 г. Екатеринбург, 2014. С. 269—270.
17. Чудинов А. П. Когнитивная наука — когнитивные науки — федерация когнитивных наук (из истории российской когнитивной лингвистики) // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1 (42). 2015. С. 117—121.
18. Шулежкова С. Г. Образ России на фоне цветных революций и Крымской весны в информационной войне начала XXI века // Образ России и условиях информационной войны конца XX — начала XXI века. Тенденции обновления политического дискурса: материалы междунар. науч. конф. Магнитогорск, 23—25 нояб. 2017 г. Магнитогорск, 2017. С. 254—266.
19. Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary. New Digital Edition 2008. URL: <https://www.abyy.com/ru-ru/>.
20. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994. 240 p.
21. Gavins J. The Text World Theory: An Introduction. Edinburgh Univ. Press, 2007. 193 p.
22. Oxford Dictionary of English 2006. URL: <https://www.abyy.com/ru-ru/>.
23. Qaiwer S. N. A Corpus-based discourse study of identity construction in political discourse // International Journal of Language Academy. 2019. Vol. 7/2. June. P. 410—432.
24. Werth P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. London: Longman, 1999. 390 p.
25. World Building: Discourse in the Mind / ed. by J. Gavins, E. Lahey. Bloomsbury, 2016. 296 p.

Сведения об авторах

Кушнерук Светлана Леонидовна — доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, профессор кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. Svetlana_kush@mail.ru

Курочкина Мария Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Россия. kma1974@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 7 (441). *Philology Sciences. Iss. 121. Pp. 97—105.*

INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL WAR IN THE MEDIA: A DISCOURSE ANALYST'S PERSPECTIVE

S. L. Kushneruk

*South-Ural State Humanitarian Pedagogical University,
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. Svetlana_kush@mail.ru*

M. A. Kurochkina

South-Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia. kma1974@yandex.ru

The article is written within the research work on the topic «World-modelling in media discourse against the backdrop of global challenges: cognitive, pragmatic and ideological aspects» (research contract of 01.06.2020, № 16—298, contract owner Mordovian state pedagogical institute named after M. E. Evseviev). In the paper, information and psychological war is considered as a phenomenon of media communication. The material for the study includes 101 texts, retrieved from the English language quality press, covering the period 01.01.2010—11.10.2019. It is argued that cognitive-discursive method proves adequate for the purpose of analyzing a complex nature of information confrontation, textualized in the media. The notion of discourse-world of information war is introduced to define a representational macrostructure in the discourse of the American mass media. Key concepts constituting the macrostructure of the discourse-world are systematized: DISINFORMATION, PROPAGANDA, CYBER, WARFARE, COUP, CONSPIRACY, OUTLET, JOURNALIST, INTELLIGENCE, WAR. The notion of world-modeling potential of the concept is introduced. On the example of DISINFORMATION, it is shown that parameters of semiotic density, syntagmatic relations, evaluative representations, and factual information specify it in the media discourse. The results may encourage further development of the theory of the language of information war.

Keywords: *information and psychological war, information war, cognitive-discursive approach, world-modelling, discourse-world, media linguistics*

References

1. Bernackaja A. A. (2016) *Jekologija jazyka i komunikativnaja praktika*, no. 1 (6), pp. 239—258 [in Russ.].
2. Bogojavlenskaja Ju. V. (2016) *Politicheskaja lingvistika*, no. 4 (58), pp. 163—166 [in Russ.].
3. Boldyrev N. N. (2016) Tipologija konceptov i jazykovaja interpretacija. Novaja Rossija: tradicii i innovacii v jazyke: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (28—30 sentjabrja 2016 g.). Ekaterinburg. Pp. 16—25 [in Russ.].
4. Boriskina O. O., Shilihina K. M. (2017) *Korpusnye issledovanija politicheskogo diskursa v lingvistike. Politicheskaja nauka*, no. 2, pp. 30—53 [in Russ.].
5. Vysockaja I. V., Petrova N. E. (2018) *Voprosy zhurnalistiki*, no. 3, pp. 36—47 [in Russ.].
6. Gavrilov L. A. (2018) *Jekologija jazyka i komunikativnaja praktika*, no. 2, pp. 89—98 [in Russ.].
7. Ivanova, S. V. (2016) *Politicheskaja lingvistika*, no. 5 (59), pp. 28—37 [in Russ.].
8. Kopnina G. A., Skovorodnikov A. P. (2017) *Jekologija jazyka i komunikativnaja praktika*, no. 1 (8), pp. 170—181. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2017/05/Kopnina-G.A.-Skovorodnikov-A.P.pdf> [in Russ.].

9. Kushneruk S. L. (2019) Kognitivno-diskursivnoe miromodelirovanie: opyt sopostavitel'nogo issledovanija reklamnoj kommunikacii. Moscow, Flinta. 368 p. [in Russ.].
10. Kushneruk S. L., Chudinov A. P. (2019) Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika, no. 4. pt. 1, pp. 105—118. URL: <http://discourseworld.ru> [in Russ.].
11. Bernackaja A. A., Gavrilov L. A., Zhilina V. A. [et al.], Skovorodnikov A. P. (ed.). (2017) Lingvistika informacionno-psihologicheskoy vojny: monografija. Kniga 1. Krasnoyarsk. 340 p. [in Russ.].
12. Bernackaja A. A., Gavrilov L. A., Zhilina V. A. [et al.], Skovorodnikov A. P. (ed.). (2019) Lingvistika informacionno-psihologicheskoy vojny: monografija. Kniga 2. Krasnoyarsk. 488 p. [in Russ.].
13. Astashova O. I., Bulatova Je. V., Enina L. V. [et al.], Chepkin Je. V. (ed.). (2017) Problemy konstruirovaniya identichnosti rossijan v diskurse SMI pod vlijaniem koncepta «informacionnaja vojna»: monografija. Moscow; Ekaterinburg. 196 p. [in Russ.].
14. Sinelnikova L. N. (2014) *Politicheskaja lingvistika*, no. 2 (48), pp. 95—101 [in Russ.].
15. Ukaz 2016: Ukaz Prezidenta RF ot 05.12.2016 № 646 «Ob utverzhdenii Doktriny informacionnoj bezopasnosti Rossyskoy Federacii». Prezident Rossii. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> [in Russ.].
16. Chudinov A. P. (2014) Ponjatijno-terminologicheskij apparat politicheskoy lingvistiki. Politicheskaja kommunikacija: perspektivy razvitija nauchnogo napravlenija: materialy Mezhdunar. nauchn. konf. Ekaterinburg, 26—28 avgusta 2014 g. Ekaterinburg. P. 269—270 [in Russ.].
17. Chudinov A. P. (2015) *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, no. 1 (42), pp. 117—121 [in Russ.].
18. Shulezhkova S. G. (2017) Obraz Rossii na fone cvetnyh revoljucij i Krymskoj vesny v informacionnoj vojne nachala XXI veka. Obraz Rossii i uslovijah informacionnoj vojny konca XX — nachala XXI veka. Tendencii obnovlenija politicheskogo diskursa: materialy mezhdunar. nauch. konf. Magnitogorsk, 23—25 nojabrja 2017 g. Magnitogorsk. Pp. 254—266 [in Russ.].
19. Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary. New Digital Edition 2008. URL: <https://www.abby.com/ru-ru/>.
20. Fauconnier G. (1994) *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 240 p.
21. Gavins J. (2007) *The Text World Theory: An Introduction*. Edinburgh Univ. Press. 193 p.
22. (2006) *Oxford Dictionary of English*. URL: <https://www.abby.com/ru-ru/>.
23. Qaiwer S. N. A (2019) *International Journal of Language Academy*, vol. 7/2, June, pp. 410—432.
24. Werth P. (1999) *Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse*. London: Longman. 390 p.
25. Gavins J. & Lahey E. (eds.) (2016) *World Building: Discourse in the Mind*. Bloomsbury. 296 p.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПОВТОРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ АННЫ АХМАТОВОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «ANNO DOMINI»)

Е. В. Метлякова

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

На материале сборника «Anno Domini» Анны Ахматовой рассматриваются лексические повторы, выполняющие в стихотворениях различные функции: текстообразующую, семантическую, эмоционально-экспрессивную и интонационно-ритмическую. Повторы на всех уровнях художественного произведения позволяют расширить смысловое пространство текста, усилить его эмоциональное звучание, воспроизвести нужные интонации, тем самым объединяя текст в единое целое.

Ключевые слова: *Анна Ахматова, художественный текст, лексический повтор, функции повтора.*

Повтор традиционно называют одним из основных средств, которое появляется (и проявляет себя) на всех уровнях текстового пространства, формируя структурно-смысловое, эмоционально-экспрессивное и интонационно-ритмическое единство текста. Исключительно важную роль играет лексический повтор, наделенный в поэтическом произведении самыми разными эмоционально-экспрессивными свойствами.

Любой повтор организует текст, являясь приемом, который обеспечивает целостность художественного произведения, его связность, — другими словами, реализует в первую очередь текстообразующую функцию: лексический повтор объединяет текст в единое целое, скрепляя его, композиционная оформленность выступает в качестве критерия отграничения текста от цепочки предложений [14]; повторы «тематически и грамматически связывают компоненты высказываний, межфразовых единств» [5. С. 56]. При этом следует отметить, что только связующее значение повторы имеют редко.

Повторы неизбежно возвращают читателя к антецеденту, вынуждают соотносить те части, которые имеют в своем составе повторяющиеся элементы. Лексические повторы значительно увеличивают смысловое пространство художественного текста, так как, соединяя в произведении данную мысль с предыдущей, обогащают последнюю новыми смыслами, значениями: «Повторяющиеся слова и значения или семы, то есть компоненты значений, несут главную художественную информацию, поддерживаются разными типами выдвижения, являются ключевыми и образуют тематическую сетку» [2. С. 7].

Обычно в тексте повторно воспроизводится не случайно выбранное автором слово/словосо-

четание, а то, которое несет смысловую нагрузку, отмечено логическим ударением. Соединяя текст в единое целое, скрепляя его, повтор при этом реализует и смыслообразующую функцию: повторяемое слово заостряется, акцентируется, получает дополнительную коннотативную нагрузку, что приводит к содержательной осложненности слова [11; 15].

Повтор выполняет интонационно-ритмическую функцию: создавая особую мелодику речи и определенный ритм, данный прием содействует интонационно-смысловому членению поэтического текста и ритмо-мелодической организации его частей [8].

Кроме того, лексический повтор — проверенный временем и постоянным использованием «способ экспрессивного выделения, подчеркивания, фиксации внимания» [7. С. 126], высвечивает художественную идею текста, создает предпосылки для обнаружения индивидуально-авторских смыслов, способствует появлению подтекста, реализует «эстетическую функцию создания симметричности стиха» [17. С. 57], увеличивая эмоциональное влияние художественного произведения на читателя.

Повтор в художественном тексте нередко играет эмоционально-экспрессивную роль: он признан одним из самых постоянных *эмоционально-экспрессивных* [курсив наш. — Е. М.] средств связи, которые способствуют реализации основной — текстообразующей — роли [1. С. 22—23]. В поэтическом произведении повторенный элемент обязательно будет сильнее первого употребления в тексте.

Таким образом, лексические повторы, которые встречаются в художественном (в частности, поэтическом) произведении, могут реализовывать в нем следующие задачи:

1) текстообразующая, или композиционная; лексические повторы в этом случае служат внешним показателем проявления внутренней связности речи [10]. В некоторых примерах повтор как реализует связи внутри конкретного произведения, так и участвует в создании межтекстовых связей внутри сборники, цикла, между текстами разных авторов;

2) смыслообразующая, или семантическая, которая проявляется в уточнении антецедента. Данная первичная, по мнению В. Г. Гака, функция [6. С. 26] дает возможность автору выбрать нужное слово: «кажущееся повторение одного и того же смысла, в действительности же развитие первоначальной идеи» [16. С. 45]. Автор, ищущий возможность свети к минимуму однообразию, начинает употреблять повторы с целью привнести в текст необходимые пояснения. Лексическим повтором можно отметить значимое для текста слово/словосочетание, заострить на них внимание: «Повторы разного типа — это смысловая ткань большей сложности, которая накладывается на общеязыковую ткань, создавая особую, присущую лишь стихам концентрацию мысли» [12. С. 135—136];

3) интонационно-ритмическая: повторы моделируют и воспроизводят разговорные, ораторские, публицистические интонации, проецируются в смысловую плоскость художественного произведения, сдерживая или ускоряя темп, мелодию стиха;

4) эмоционально-экспрессивная, или усилительная-выделительная; Н. Ф. Пелевина считает данные повторы повторами в эмфатических целях (для эмоциональной напряженности, выразительности речи) [16. С. 45], они являются одним из главных стилистических приемов для достижения экспрессивности речи.

Следует обозначить, что текстообразующую функцию лексические повторы реализуют постоянно. Данная функция признается центральной, главной. Однако в поэтическом произведении на эту функцию наслаиваются остальные: пространство художественного текста сжато — текстообразование осуществляется через смысл, интонации, эмоции. Поэтому композиционная функция начинает реализовываться в смыслообразующем, эмоционально-экспрессивном и интонационно-ритмическом значениях.

Таким образом, лексический повтор — это «функционально обусловленное (намеренное) тождественное или противоположное воспроизведение употребленного в тексте слова или кон-

струкции, которое связывает текст в единое целое и служит средством расширения смыслового, эмоционального и интонационного пространства текста» [13. С. 42], это «способ экспрессивного выделения, подчеркивания ключевых слов, фиксации внимания, прием яркого градационного эффекта» [Там же. С. 41].

Обратимся к сборнику А. А. Ахматовой «Anno Domini» и рассмотрим, как названные выше функции лексических повторов проявляют себя в стихотворениях поэта.

Повторы могут интонационно поддерживать содержание стихотворения, имитируя интонации некоторых фольклорных жанров, в частности молитвы или колыбельной.

Далеко в лесу огромном,
Возле синих рек,
Жил с детьми в избушке темной
Бедный дровосек.
Младший сын был ростом с пальчик, —
Как тебя унять,
Спи, мой тихий, спи, мой мальчик,
Я дурная мать.
Долетают редко вести
К нашему крыльцу,
Подарили белый крестик
Твоему отцу.
Было горе, будет горе,
Горю нет конца,
Да хранит святой Егорий
Твоего отца.

[3. С. 173]

Стихотворение «Колыбельная» композиционно делится на две части: 1 — собственно колыбельная маленькому сыну лирической героини (ЛГ), 2 — размышления ЛГ о ее муже, отце ребенка. Первая часть отвечает всем канонам этого фольклорного жанра: мать рассказывает ребенку сказку, чтобы он быстрее заснул. Здесь можно заметить характерные особенности фольклорного жанра колыбельной: особая ритмичность, лексические повторы, убаюкивающие ребенка: спи — спи.

Эта сказка — литературная обработка известной сказки Ш. Перро «Мальчик-с-пальчик». Несмотря на то что критиками отмечено существенное влияние русского фольклора на творчество Анны Андреевны, жанр колыбельной нехарактерен для поэтессы. Возможно, потому что для А. Ахматовой оказалось трудным совмещать роли поэта и матери. И она этого не скрывает: «Я дурная мать». По воспоминаниям современников, сын А. Ахматовой и Н. Гумилева почти сразу после рождения был отдан на попечение матери Н. Гумилева Анне

Ивановне. Именно фразой «Я дурная мать» знаменуется переход ко второй части. Сказка кончилась, лирическая героиня не может отвлечься от реальности, мысли ее обращаются к отцу ребенка, ее мужу, ушедшему на войну.

О нелегкой судьбе мужа-воина говорят последние две строки третьей строфы: «Подарили белый крестик». Учитывая ссылку на святого Егория (Георгия) в конце стихотворения, можно сделать вывод, что белый крест — это описание ордена Георгия Победоносца (святого Георгия) — покровителя воинов, защитников Родины. Три из четырех степеней этого ордена имели отличительный знак: крест, покрытый белой эмалью и обрамленный золотом. Как известно, первый муж А. Ахматовой Н. Гумилев в 1915 г. был награжден орденом Георгия Победоносца 3-й степени, знак (белый крест) этой степени носили на шее на георгиевской ленте. В таком виде он действительно мог напоминать ЛГ нательный православный крест.

Лирическая героиня просит святого Георгия уберечь мужа от опасности. Тройной повтор слова «горе» указывает на отчаяние ЛГ, которое сильнее ее любви к сыну, потому что заставляет ее прервать сказку-колыбельную, поэтому она полна раскаяния («Я дурная мать»), но страх за мужа оказывается сильнее. Однако употребление эпитеты — практически идентичных повторов в двух последних строфах «Твоему отцу — Твоего отца» — говорит, что лирическая героиня все же надеется увидеть мужа живым.

Вторая часть стихотворения по форме далека от колыбельной, это, скорее, молитва. В этом случае отсылка к кресту Святого Георгия как к нательному кресту приобретает иной, не связанный с войной смысл. Молитва — шаблонный, принятый за образец канон, который произносится, когда нужно обратиться за поддержкой или защитой к Богу и другим личностям, чтимым за праведность, святость. Так как молитва является традиционным, общепринятым текстом, то для ее частного воспроизведения необходимо было обеспечить ее запоминаемость даже в минуты душевной тревоги, страха, отчаяния. Поэтому молитва, как и колыбельная, отличается особым ритмом. Ритмизацию прежде всего обеспечивают лексические и синтаксические повторы.

В августе 1921 г. Анна Ахматова пишет стихотворение «Тебе покорной?». Биографически оно относится к отрезку жизни, когда поэтесса была замужем за ученым-востоковедом В. К. Шилейко,

обладавшим нелегким характером. Именно Владимиру Казимировичу и посвящено данное стихотворение.

Тебе покорной? Ты сошел с ума!
 Покорна я одной Господней воле.
 Я не хочу ни трепета, ни боли,
 Мне муж — палач, а дом его — тюрьма.
 Но видишь ли! Ведь я пришла сама...
 Декабрь рождался, ветры выли в поле,
 И было так светло в твоей неволе,
 А за окошком сторожила тьма.
 Так птица о прозрачное стекло
 Всем телом бьется в зимнее ненастье,
 И кровь пятнает белое крыло.
 Теперь во мне спокойствие и счастье.
 Прощай, мой тихий, ты мне вечно мил
 За то, что в дом свой странницу пустил.

[З. С. 148]

Уникальность стихотворения заключается в том, что, будучи по форме сонетом, оно прямо противоположно по содержанию его традиционной тематике (можно вспомнить наиболее ярких поэтов, отдавших дань классической литературной форме: Шекспира, Данте, Петрарку, Мильтона, Вордсворта и др.). Исследователи этого жанра выделяют основные признаки сонета:

1) строгая структура: 14 строк — первыми идут два четверостишия (катрена), потом два трехстишия (терцета);

2) сохранение одного эмоционального тона на протяжении всего сонета;

3) трагизм, отмечавшийся И. Р. Бехером в качестве важной характеристики содержания сонета: «Сонет потому является трагической формой поэзии, что он каждый раз снова и снова противоречит себе и опровергает себя в четырнадцатистрочнике» [4. С. 416];

4) отсутствие повтора слов — это практически каноническое требование отмечают сразу несколько исследователей [9; 18].

Классический сонет не только по своей структуре, но и по содержанию делится на две части: два катрена — завязка и кульминация, два терцета — развязка и эпилог. При этом эмоциональная напряженность сонета нарастает к его концу и разрешается в развязке, чаще драматической или трагической.

Несмотря на формальное соблюдение структуры сонета, стихотворение «Тебе покорной?» по содержанию прямо противоположно традиционным требованиям к этому жанру: драма развивается в первых трех строфах, последняя строфа —

неожиданной встречи с Ним. Таким образом, композиционно его можно разделить на две части по содержанию.

Осень в описании лирической героини больше похожа на весну: чистое безоблачное небо («купол высокий», «приказ облакам этот купол собой не темнить»), сладко пахнущая крапива, яркое, совсем не осеннее солнце. Этим удивлены все, не только ЛГ. Казалось бы, такая «небывалая осень» — это чудо, подарок судьбы. Однако это радостное ощущение содержится только в первых шести строках. Описание природы в следующей половине стихотворения создает тревожное чувство: зори нестерпимые и бесовские, солнце как мятежник, вошедший в столицу, униженно и жадно ласкающаяся к нему осень. Так нарастает напряжение не избалованной подарками судьбы лирической героини. Чего ей ждать: чуда, счастливой встречи или снова удача и страданий?

Дистантный повтор слова «осень» — в начале и конце описания природы — позволяет предположить, что это не только время года как природное явление, но и закат молодости героини, которая пережила не одну личную драму, но искренне и робко снова надеется на весенний расцвет, встречу с любимым человеком, несмотря на тревожащие отголоски прошлых потерь.

Именно поэтому в последнем повторе осень весенняя. Употребление оксюморона не случайно: новая встреча может обернуться и нежной весной, и холодной ненастной осенью. Лирическая героиня достаточно перенесла, ее сердце жаждет покоя. В свете всего этого, вероятно, купол — это не только небо, но и некая твердь, защита, в которой нуждается ЛГ. Употребление повтора слова «купол» в двух соседних строках это только подтверждает.

В описании природы трижды встречается повтор: был — было — было. Употребление этого глагола в прошедшем времени, да еще неоднократно, на наш взгляд, говорит о том, что лирическая героиня хочет забыть прошлые потери, то, что было, повторяя, как заклинание: это

«было-было». ЛГ искренне хочет возродиться к новой, счастливой жизни. Данная смыслообразующая функция повтора усиливается в последней строке описания природы: «сейчас забелеет прозрачный подснежник». Первый весенний цветок — символ хрупкой («прозрачной») надежды на лучшее будущее.

И именно в этот момент, когда измученная душа лирической героини открыта, к ее крыльцу подходит долгожданный герой. Его внешность, внутренние качества не так значимы для ЛГ, он описан единственным словом «спокойный» — это очень важно для лирической героини, ищущей покоя и счастья. Следовательно, повторы в стихотворении «Небывалая осень построила купол высокий...» фокусируют внимание на важных смысловых точках стихотворения: героиня, желающая оставить в прошлом потери и удары судьбы, ждет встречи, которая подарит ей спокойствие и защиту.

Таким образом, в сборнике А. А. Ахматовой «Anno Domini» повторы играют текстообразующую роль, которая проявляет себя в трех функциях: смыслообразующей, эмоционально-экспрессивной и интонационно-ритмической. Повторы интонационно поддерживают содержание стихотворения, обеспечивая его ритмизацию, указывают на эмоции лирической героини (например, ее отчаяние), аккумулируют смысловые центры стихотворения. Нередко в одном произведении повторы выполняют сразу две функции.

Лексические повторы можно считать одним из главных способов создания целостного текста, в том числе художественного, а конкретное смысловое и экспрессивное содержание, необычные интонация и ритм оказываются немаловажным стилистическим приемом, который может воплотить индивидуально-авторские замыслы.

Повторяющиеся слова являются важнейшим структурным средством организации текста, а семантическое и эмоциональное наполнение, особая интонация — важнейшим стилистическим средством, реализующим индивидуально-авторские особенности.

Список литературы

1. Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса (на материале английского языка). М.: Высш. шк., 1984. 212 с.
2. Арнольд И. В. Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка // Текст как объект комплексного анализа в вузе: сб. ст. / Ленинград. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена; редкол.: И. В. Арнольд, В. К. Тарасова. Л., 1984. С. 3—11.

3. Ахматова А. А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1990. 448 с.
4. Бехер И. Р. О литературе и искусстве. М.: Худож. лит., 1981. 527 с.
5. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2004. 280 с.
6. Гак В. Г. Повторная номинация, ее структурно-организующие и стилистические функции в тексте // Лингвистические и методические проблемы преподавания русского языка как неродного: сб. ст. / редкол.: А. М. Шахнарович, Н. В. Мощинская. М., 1987. С. 24—33.
7. Иванчикова Е. А. Лексический повтор как экспрессивный прием синтаксического распространения // Мысли о современном русском языке: сб. ст. / под ред. А. А. Виноградова; сост. А. Н. Кожин. М., 1969. С. 126—139.
8. Иванчикова Е. А. Об изобразительных возможностях синтаксических средств в художественном тексте // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография: Виноградовские чтения IX—X / редкол.: Н. Ю. Шведова, В. В. Иванов, М. В. Ляпон. М., 1981. С. 92—110.
9. Квятковский А. П. Поэтический словарь. М.: Совет. энцикл., 1966. 376 с.
10. Ключкова Е. А. Стилистические функции повторной номинации в структуре художественного текста (на материале двух рассказов В. М. Шукшина) // Слово в художественной речи: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. Д. Пятницкий. Владимир, 1985. С. 63—70.
11. Купина Н. А. Структурно-смысловой анализ художественного произведения. Свердловск: УрГУ, 1981. 92 с.
12. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПБ., 2000. 704 с.
13. Метлякова Е. В. Лексический повтор как семантико-стилистика категория организации лирического текста в раннем творчестве Анны Ахматовой: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2011. 230 с.
14. Москальская О. И. Грамматика текста. М.: Высш. шк., 1981. 183 с.
15. Некрасов А. С. Повторная номинация как средство создания символа в структуре художественного текста (на материале повести Н. В. Гоголя «Невский проспект») // Проблемы русского языка и методики его преподавания: межвуз. сб. науч.-метод. ст. / под общ. ред. А. Ф. Калинина. Балашов, 2004. С. 49—52.
16. Пелевина Н. Ф. Стилистический анализ художественного текста. Л.: Просвещение, 1980. 272 с.
17. Соколова Н. К. Слово в русской лирике начала XX века: из опыта контекстологического анализа. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. 160 с.
18. Холшевников В. Е. Основы стиховедения: Русское стихосложение. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2001. 208 с.

Сведения об авторе

Метлякова Елена Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики Удмуртского государственного университета, Ижевск, Россия. mev.77@mail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 7 (441). *Philology Sciences. Iss. 121. Pp. 106—113.*

REITERATION IN ANNA AKHMATOVA'S WORKS (A CASE STUDY OF THE ANNO DOMINI COLLECTION)

E. V. Metlyakova

Udmurt State University, Izhevsk, Russia. mev.77@mail.com

This article based on Anna Akhmatova's collection *Anno Domini* considers reiteration that performs various functions in a poem, such as text-forming, semantic, emotionally expressive and intonational-rhythmic ones. Repetitions at all levels of the work of art provide a means to expand the semantic space of a text, to enhance its emotional sound, to reproduce the right intonations thereby combining the text into an integral whole. Reiteration is traditionally considered to be one of the key means that appears (and manifests itself) at all levels of the text space. Repetitions intonationally entrench the content of the poem ensuring its rhythmicity, indicate

emotions of the lyrical heroine (for example, her despair), as well as accumulate semantic centers of the poem. Repeating words is the most important structural means of the text organization whereas a specific semantic and emotional content along with a special intonation are the most important stylistic means that implement the author's writing specifics.

Keywords: *Anna Akhmatova, literary text, reiteration, reiteration functions.*

References

1. Aleksandrova O. V. (1984) Problemy ekspressivnogo sintaksisa (na materiale angliyskogo yazyka) [Issues of Emphatic Syntax (on the Material of the English language)]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ. 212 p. [in Russ.].
2. Arnold I. V. (1984) Leksiko-semanticheskoye pole v yazyke i tematicheskaya setka teksta [The Lexical and Semantic Field in the Language and the Thematic Net of the Text]. Arnold I. V., Tarasova V. K. (eds.) Tekst kak objekt kompleksnogo analiza v vuze [Text as an Object of Complex Analysis at University. Collected Papers]. Leningrad, Leningrad State Pedagogical Institute named after Herzen Publ. Pp. 3—11 [in Russ.].
3. Akhmatova A. A. (1990) Sochineniya v 2 t. T. 1 [Written Works in 2 vol. Vol. 1]. Moscow, Pravda Publ. 448 p. [in Russ.].
4. Bekher I. R. (1981) O literature i iskusstve [About Literature and Art]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ. 527 p. [in Russ.].
5. Valgina N. S. (2004) Teoriya teksta [Text Theory]. Moscow, Logos Publ. 280 p. [in Russ.].
6. Gak V. G. (1987) Povtornaya nominatsiya, eyo strukturno-organizuyushchiye i stilisticheskiye funktsii v tekste [Secondary Naming, its Structurally-Organizing and Stylistic Functions in the Text]. Shakhnarovich A. M., Moshchinskaya N. V. (eds.) Lingvisticheskiye i metodicheskiye problemy prepodavaniya russkogo yazyka kak nerodnogo [Linguistic and Methodological Issues of Teaching Russian as a Second Language. Collected Papers]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ. Pp. 24—33 [in Russ.].
7. Ivanchikova E. A. (1969) Leksicheskiy povtor kak ekspressivnyi priyem sintaksicheskogo raspredeleniya [Reiteration as an Expressive Technique of Syntactic Distribution]. Vinogradov A. A. (ed.) Mysli o sovremennom russkom yazyke [Thoughts on the Modern Russian Language. Collected Papers]. Moscow. Pp. 126—139 [in Russ.].
8. Ivanchikova E. A. (1981) Ob izobrazitelnykh vozmozhnostyakh sintaksicheskikh sredstv v khudozhestvennom tekste [On Visual Possibilities of Syntactic Means in a Literary Text]. Shvedova N. Yu., Ivanov V. V., Lyapon M. V. (eds.) Russkiy yazyk. Problemy khudozhestvennoy rechi. Leksikologiya i leksikografiya: Vinogradovskiy chteniya IX—X [The Russian Language. Issues of the Art Speech. Lexicology and Lexicography. Vinogradov Readings IX — X]. Moscow. Pp. 92—110 [in Russ.].
9. Kvyatkovsky A. P. (1966) Poeticheskiy slovar' [Poetic Dictionary]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ. 376 p. [in Russ.].
10. Klochkova E. A. (1985) Stilisticheskiye funktsii povtornoj nominatsii v strukture khudozhestvennogo teksta (na materiale dvukh rasskazov V. M. Shukshina) [Stylistic Functions of the Secondary Naming in the Structure of the Literary Text (on the material of two stories by Shukshin V. M.)]. Pyatnitsky V. D. (ed.) Slovo v khudozhestvennoy rechi [A Word in the Art Speech. Interuniversity Collected Papers]. Vladimir, Vladimir State Pedagogical Institute named after Lebedev-Polyansky. Pp. 63—70 [in Russ.].
11. Kupina N. A. (1981) Strukturno-smyslovoy analiz khudozhestvennogo proizvedeniya [Structural and Semantic Analysis of the Work of Art]. Sverdlovsk, Ural State University Publ. 92 p. [in Russ.].
12. Lotman Yu. M. (2000) Ob iskusstve [About Art]. St. Petersburg, Iskustvo St. Petersburg Publ. 704 p. [in Russ.].
13. Metlyakova E. V. (2011) Leksicheskiy povtor kak semantiko-stilisticheskaya kategoriya liricheskogo teksta v rannem tvorchestve Anny Akhmatovoy [Reiteration as a Semantic-Stylistic Category of the Lyrical Text Organization in the Early Works of Anna Akhmatova. Thesis]. Izhevsk. 230 p. [in Russ.].
14. Moskalskaya O. I. (1981) Grammatika teksta [Grammar of the Text]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ. 183 p. [in Russ.].
15. Nekrasov A. S. (2004) Povtornaya nominatsiya kak sredstvo sozdaniya simvola v strukture khudozhestvennogo teksta (na materiae povesti N. V. Gogolya «Nevsky Prospekt») [Secondary Naming as a Means of Cre-

ating a Symbol in the Structure of the Literary Text (on the material of N. V. Gogol's Work 'Nevsky Prospect')). Kalinina A. F. (ed.). Problemy russkogo yazyka i metodiki ego prepodavaniya [Issues of the Russian Language and its Teaching Methods. Interuniversity Collected Paper Works]. Balashov, Saratov State University named after Chernyshevsky. Pp. 49—52 [in Russ.].

16. Pelevina N. F. (1980) Stilistichesky analiz khudozhestvennogo teksta [Stylistic Analysis of the Literary Text]. Leningrad, Prosveshcheniye Publ. 272 p. [in Russ.].

17. Sokolova N. K. (1980) Slovo v russkoy lirike nachala XX veka: iz opyta kontekstologicheskogo analiza [A Word in the Russian Lyrics of the Early Twentieth Century: Based on the Experience of the Contextual Analysis]. Voronezh, Voronezh University Publ. 160 p. [in Russ.].

18. Kholshevnikov V. Ye. (2001) Osnovy stikhovedeniya: Russkoye stikhoslozheniye [Fundamentals of Poetry: Russian Versification]. St. Petersburg, Philological Department of St. Petersburg State University Publ. 208 p. [in Russ.].

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНЫХ КАЧЕСТВ ВЕРБАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ «ПАНТЕОНА АВТОРОВ» «ВКОНТАКТЕ»)

А. А. Морозова¹, С. Н. Попова²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

²Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия

Исследование выполнено за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук МК-1684.2020.6.

Определяются коммуникативные качества вербальных текстов сообществ социальной сети «ВКонтакте», отмеченных искусственным интеллектом «Прометей». Материал исследования составили 1350 публикаций (45 сообществ в 15 тематических разделах). На основании содержательных критериев текста определено преобладание функциональных коммуникативных качеств речи (логичность, доступность, уместность, выразительность, точность, действенность) над структурными (правильность, чистота, богатство).

Ключевые слова: коммуникативные качества, вербальный текст, социальная сеть, «ВКонтакте», «Прометей», «Пантеон авторов», искусственный интеллект.

Введение

Искусственный интеллект сегодня полноценно внедрен в сферу массовых коммуникаций, и представители медиасреды активно применяют его возможности на своих интернет-площадках. Особенно часто используют в качестве эффективного инструмента для распространения информации и поиска аудитории, заинтересованной в контенте, предоставляемом СМИ.

Н. Ньюмен выделил три основных направления в использовании искусственного интеллекта для журналистских редакций:

- 1) персонализация контента и создание рекомендаций для аудитории;
- 2) автоматизация историй и видео (так называемая робожурналистика);
- 3) инструменты, которые помогут журналистам в борьбе с информационной перегрузкой [13].

В ряде международных изданий кибержурналисты уже учатся самостоятельно находить и обрабатывать информацию [6], обходясь без помощи человека. Такой способ получения, обработки и публикации данных пока доступен только для узкого круга передовых изданий, в то время как использование искусственного интеллекта в сфере персональных рекомендаций к 2020 г. актуально для большинства интернет-платформ.

Tow Center for Digital Journalism представил общественности отчет о том, как искусственный интеллект может быть использован в редакциях.

Один из очевидных вариантов применения — учет лайков и предпочтений конкретного читателя для создания текстов, интересных именно этому читателю. То есть создание своего рода «контекстной журналистики»: что человек лайкает или ищет — про то ему и пишут. Также можно использовать лингвистические процессоры, которые запомнили бы заголовки, фразы и слова, гарантированно вызывающие у читателя нужную реакцию, на основании анализа его предыдущих реакций на тексты. Однако эксперты замечают, что в долгосрочной перспективе такая персонализация создает для читателя кокон предпочтений (filter bubble) и превращает журналистику в маркетинг [7].

Социальные сети, являясь полноценными современными медиаресурсами, также не отстают от тенденций времени и отдают предпочтение технологиям искусственного интеллекта для конструирования персональных лент пользователей.

Исследователи Г. Х. Сальманова и др. отмечают, что социальные медиа имеют возможность выбирать различные формы контента. Традиционным форматом является текст, в котором заключается небольшая предыстория, пояснение к изображению или прикрепленному под ним видео [11]. Формат, сочетающий в себе вербальный и визуальный компоненты, чаще всего имеет спрос у пользователя.

Постановка проблемы. Вследствие широкого применения искусственного интеллекта для конструирования информационной ленты социальной

сети в поле зрения пользователей сегодня оказывается не столько контент, выбранный самими представителями аудитории, сколько публикации, подобранные для чтения механизмами с использованием машинного обучения и нейронных сетей. На повестку дня встает вопрос качества данного контента, в том числе в аспекте влияния на языковую культуру пользователей социальных сетей, которая отчасти формируется посредством данных медиаресурсов.

Цель исследования — определить коммуникативные качества письменной речи контента (текстов социальных сетей), рекомендуемого пользователям социальной сети алгоритмами искусственного интеллекта.

В качестве **материала исследования** было выбрано по три сообщества / страницы автора из 15 тематических разделов («Пантеон авторов»), отмеченных искусственным интеллектом «Прометей». В каждом сообществе или на странице автора было проанализировано по 30 последних публикаций, начиная с верхней. Хронологические рамки исследования: 1—10 января 2020 г. В общей сложности для проведения исследования было рассмотрено 1350 публикаций в 45 сообществах / на страницах автора.

Методология исследования

Количественный анализ. Каждое сообщество / каждая страница автора оценены по девяти критериям объективных (содержательных и дополнительных) показателей качественного контента. Знак «+» ставился, если не менее 80% общего количества публикаций трех сообществ / страниц автора в каждом разделе соответствовали данному критерию, знак «±» ставился в том случае, когда критерию соответствовали от 30 до 80% публикаций. Знаком «-» был обозначен критерий, который реализован менее чем в 30% публикаций трех сообществ / страниц автора в каждом тематическом разделе.

Содержательный (качественный) анализ текстов. Все публикации проанализированы по следующим критериям, отражающим коммуникативные качества письменной речи:

1. Внутренняя структура текста.
2. Логичность изложения.
3. Грамотность текста.
4. Информационная насыщенность текста:
 - использование терминологии;
 - наличие фактов;
 - скрытый смысл текста;
 - авторская позиция;

- наличие статистики/экспериментов/опыта;
- наличие мнений различных представителей аудитории в рамках темы;
- раскрытие одной тематики в рамках всего текста.

Результаты исследования

1. Социальная сеть «ВКонтакте» и алгоритм искусственного интеллекта «Прометей»

В России одной из самых популярных социальных сетей является «ВКонтакте»: 97 млн пользователей за месяц посещают данную сеть, 9 млрд записей и 650 млн видеозаписей просматриваются на ресурсе за сутки [2].

Социальная сеть была запущена 10 октября 2006 г. и с тех пор претерпела множество изменений. Так, в 2016 г. у пользователей появилась возможность включить «умную» ленту новостей, когда специально созданный программный алгоритм меняет порядок постов и новостей, поднимая вверх наиболее интересные записи.

В сентябре 2017 г. был внедрен механизм поиска и поддержки интересных авторов и сообществ «Прометей». Это искусственный интеллект, позволяющий увеличить заинтересованность пользователей в создании нового контента и предложить аудитории новых, молодых авторов, которые неизвестны публике. С помощью технологий машинного обучения и нейронных сетей «Прометей» находит создателей интересного контента и выделяет на семь дней их знаком огня, который появляется рядом с именем или названием сообщества. Такую метку можно получить неограниченное количество раз.

Вследствие получения метки у автора или сообщества резко возрастает охват аудитории (тысячи человек на неделю). «Прометей» ориентирован на выделение творческих сообществ: писателей, иллюстраторов, фотографов, чаще всего имеющих некоммерческие проекты, но данные тематические направления не являются исключительными.

Также страница сообщества или автора попадает в список приложения «Пантеон авторов» [9], находящийся на публичной странице «ВКонтакте с авторами» (собственное сообщество «Прометей») [3]. В приложении собраны лучшие страницы, отмеченные «Прометеем» за последние четыре недели, при этом данные обновляются один раз в день. Все авторы разделены на 15 разделов: «Новые авторы», «Художники», «Путешествия», «Всё об играх», «Фотографы», «Музыка», «Образование», «Театр и кино», «Юмор», «Блогеры», «Литература»,

«Спорт и здоровье», «Дом и красота», «Хэндмейд» и др.

Существует ряд критериев, которые описаны разработчиками и по которым «Прометей» отбирает авторов:

— Уникальный контент, который может быть представлен в виде оригинального текста и авторских изображений, а также отсутствие большого числа ссылок и репостов.

— Использование функциональных возможностей при публикации материала.

— Оформление страницы или сообщества, уникальное и грамотно реализованное с точки зрения дизайна. Например, наличие аватара, шапки (для сообществ), подробного описания и информации о себе, отсутствие большого количества смайлов. При этом чем оригинальнее и стилистически грамотнее будет выглядеть страница, тем большее количество потенциальной аудитории она сможет привлечь.

— Этичность автора и публикации. Например, вся реклама должна быть отмечена специальной меткой (для сообществ) и не нарушать правила сайта.

— Регулярность публикуемого контента, где учитывается оптимальность количества публикаций — до пяти записей в день.

— Умение «оставаться собой» (разработчики призывают не бояться быть тем, кем на самом деле

является талантливый автор. Необязательно следовать чьим-то правилам — алгоритм искусственного интеллекта «Прометей» поддержит любого в его творческих начинаниях) [8].

Поскольку данные критерии не являются определяющими характеристиками и носят лишь рекомендательный характер, в предыдущих исследованиях на основании анализа научных трудов отечественных и зарубежных авторов, а также практических инструкций для специалистов сфер маркетинга и SEO-продвижения нами были обозначены признаки качественного контента (см. рисунок ниже). Данные объективные критерии (содержательные и дополнительные) легли в основу анализа коммуникативных качеств письменной речи контента, рекомендуемого пользователям социальной сети искусственным интеллектом.

2. Особенности коммуникативных качеств вербальных текстов социальной сети «ВКонтакте», рекомендуемых пользователям при помощи алгоритмов искусственного интеллекта

2.1. Результаты количественного анализа

По результатам проведенного количественного анализа исходя из объективных показателей критериев качества представлена общая, сводная таблица (с. 117).

СУБЪЕКТИВНЫЕ	ОБЪЕКТИВНЫЕ
<ul style="list-style-type: none"> - актуальность, информативность, - полезность/ практичесность, - эмоциональность, - этичность автора текста и непосредственно самого текста, - доступность и понятность. 	<p>Структурные (внешние):</p> <ul style="list-style-type: none"> - внешняя структура текста, - форматирование текста, - визуальность. <p>Содержательные (внутренние):</p> <ul style="list-style-type: none"> - внутренняя структура текста, - логичность изложения, - грамотность, - уникальность, - информационная насыщенность текста, - раскрытие одной тематики в рамках всего текста. <p>Дополнительные:</p> <ul style="list-style-type: none"> - наличие статистики/экспериментов/опыта, - наличие авторской позиции (мнение автора), - наличие мнений различных представителей аудитории в рамках темы.
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ	
<ul style="list-style-type: none"> - виральность (репост/расшаривание контента), - интерактивность, - сервисные возможности (постер, граффити, геолокация/карта, опрос, товар), - мультимедийность. 	

Критерии качественного контента в социальной сети

**Ключевые показатели результата анализа публикаций «Пантеона авторов»
исходя из объективных критериев качества контента**

Объективные критерии качества контента социальной сети	Новые авторы	Художники	Путешествия	Все об играх	Фотографы	Музыка	Образование	Театр и кино	Юмор	Блогеры	Литература	Спорт и здоровье	Дом и красота	Хендмейд	Другое	Общее значение по разделам, %
<i>Содержательные</i>																
Внутренняя структура текста	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	+	-	+	-	-	26,7
Логичность изложения	-	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	80
Грамотность	-	+	-	+	+	+	+	+	-	+	-	-	+	+	+	66,7
Уникальность	+	+	+	-	+	-	+	-	+	+	+	-	+	+	+	73,3
Информационная насыщенность текста	-	-	+	-	-	-	+	+	+	+	-	+	+	-	+	53,3
Раскрытие одной тематики в рамках всего текста	+	-	+	+	+	-	+	+	+	+	-	+	+	+	+	80
<i>Дополнительные</i>																
Наличие статистики/ экспериментов/ опыта	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0
Наличие авторской позиции	+	+	+	-	-	-	+	-	-	+	+	-	+	-	+	53,3
Наличие мнений различных представителей аудитории	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	13,3
Кол-во + по всем критериям в совокупности, %	44,4	44,4	66,6	33,3	33,3	22,2	77,7	55,5	55,5	77,7	44,4	22,2	88,8	33,3	55,5	

Выделенные нами содержательные признаки текста отражают не только его внутреннюю организацию, но и смысловую, идейную нагрузку. Опираясь на них, можно охарактеризовать основные коммуникативные качества письменной речи контента, отмеченного знаком искусственного интеллекта.

*2.2. Результаты
качественного анализа текстов*

При проведении качественного анализа текстов помимо разработанных нами критериев мы также опирались на труды известных исследователей по русскому языку и культуре речи [1;

5; 10; 12]. В лингвистике коммуникативные качества речи — это объективно существующие свойства и признаки, определяющие степень ее коммуникативного совершенства. Все коммуникативные качества речи можно разделить на структурные и функциональные. К структурным относятся правильность, богатство и чистота. Функциональные включают в себя точность, логичность, выразительность, доступность, действенность и уместность [4]. В целом критерии качества медиатекста совпали с критериями, традиционно используемыми учеными-лингвистами. Несмотря на различия в принадлежности некоторых характеристик к разным типам классификации, базовые признаки как качественного контента, так и коммуникативного качества речи являются во многом идентичными.

Ниже представлены отдельные примеры, демонстрирующие результаты исследования. В скобках указаны названия сообществ или имена авторов аккаунта, откуда приводится пример. Орфография и пунктуация авторов сохранены.

Критерий «*внутренняя структура текста*» показывает наличие основных частей: введения / вступительной части, главной части, раскрывающей основную мысль, и заключения, содержащего выводы. Все анализируемые тексты отличаются наличием креолизованного компонента, и относительно полноценно вербальная часть представлена лишь в четырех тематических блоках из пятнадцати. Поэтому данный критерий частично соблюден лишь в 26% материалов. В них можно условно выделить внутреннюю структуру с урезанием того или иного компонента. В подавляющем большинстве проанализированных постов вербальная часть либо отсутствует, либо отличается предельной краткостью, когда публикация состоит из двух-трех слов и фотографии: «*Рождение авиадвигателя*» (Урбантуризм); «*Ребята мои хорошие*» (Ну, посмотрим).

Логичность изложения отличаются 80% материалов. Это коммуникативное качество речи предполагает понятное и непротиворечивое высказывание. Следует отметить, что публикации в целом не содержат в себе противоположных по смыслу умозаключений. Не отмеченным этот критерий оказался в блоках «*Фотографы*», «*Новые авторы*» и «*Хендмейд*» из-за отсутствия вербального текста и наличия постов, не соответствующих общей тематике страниц. Коррелирующий с логичностью изложения критерий *раскрытия одной тематики*

в рамках всего текста имеет такой же высокий процент реализации (80%).

Грамотность — признак текста, который подразумевает отсутствие ошибок орфографического, пунктуационного, лексического и грамматического характера. Грамотностью отличаются больше половины анализируемых материалов (66,6%). Нарушения выражаются преимущественно пунктуационными ошибками: «*Будем делиться важными новостями собственными видео со зверями возможно обзорами на местных котов господи у нас вообще очень много планов*» (Хорошие малоизвестные зверята); «*Маша абсолютно точно раздвинула мои горизонты и я вошла в 2020 шире глядя на мир*» (Оксана Никитина).

Или заведомо неправильным написанием слов: «*Записывайте прям щас: Орбитур*» (Оксана Никитина).

Также следует отметить нарушение чистоты литературного языка в виде просторечий: «*Других способов чувствовать радость Вася не знает. А если и знает, то они всяко сложнее чем поесть вкусняшек*» (Манго); «*Наша предложка открыта для ваших заброшек*» (Урбантуризм).

Встречается вульгарная грубая лексика: «*В жопу снег. Люди рождаются голенькими*» (Бредовый заяц).

Критерий «*уникальность*» обозначает отсутствие копий этого контента в других источниках. Ему соответствует 73,3% материалов. Исключения составляют публикации в разделах «*Музыка*», «*Театр-кино*» и «*Спорт*». Они состоят из заимствованных фотографий и музыкальных треков.

Информационная насыщенность текста — критерий, отражающий общее количество информации, которая может быть полезна представителю аудитории. Он проявляется в 53,3% материалов и включает в себя, например, *использование терминологии*, которое в анализируемых публикациях часто отрицательно влияет на восприятие текста читателем из-за отсутствия пояснений и определений: «*Тайлы будут в таком стиле и расцветке, но более однородные*» (Спасатель котят); «*Профилактика алалии у детей — фрагмент семинара Марианны Лынской*» (Путь родителя).

Также встречается использование *фактических числовых данных*, как правило, это указание точных дат, времени, стоимости, количества и т. д.: «*С 9 января работаем в обычном графике с 10:00 до 22:00 каждый день*» (БИРО. Библиотека для роста и карьеры); «*Только до 22 МСК 28 декабря*

у Вас есть время, чтобы выбрать что-то на свой вкус из более чем 165 часов материалов, и на любой бюджет от 70 рублей» (Путь родителя).

Скрытый смысл текста, который тоже характеризует общую информационную насыщенность, чаще всего проявляется через рекламную информацию, удерживающую смысл и интригующую читателя: «Ребята! Если что я не пропала, я занимаюсь крутым проектом! Дело скорее всего долгое, но жуть какое интересное. Соберу кучу талантливых людей вместе!» (Ну, посмотрим); или через образные выражения: «Благо несущий районам, в бездне колодцев чарован, К водам примкнувши обводным, спич посвятит себя волнам» (Манускрипт Алли).

Критерий «авторская позиция», или установки, выраженные через систему мыслей и чувств автора, мы рассмотрели отдельно, ему соответствуют 53,3 % публикаций. В них авторы выражают свое субъективное мнение как пассивно: «Кот манул хороший, и все в нем говорит об этом, хочется вам или нет» (Хорошие малоизвестные зверята), так и активно, призывая читателя к действию: «Вот и подходит к концу этот год. Надо расписать достижения и поставить новые цели, настроиться на добрый лад и ответить себе на несколько важных вопросов (здесь каждый решит сам, что для него важно)» (БИРО. Библиотека для роста и карьеры).

Дополнительные содержательные признаки текста, как и авторская позиция, являются вспомогательными факторами для формирования большего доверия аудитории к материалам. Но эти признаки имеют достаточно низкие проценты реализации. Наличие мнений различных представителей аудитории в рамках темы содержится только в двух разделах («Дом и красота», «Образование»). Наличие статистики/экспериментов/опыта не представлено ни в одном.

Структурные коммуникативные качества речи в исследуемых материалах представлены слабо, лишь частично проявляется качество *правильности* речи. Качества *чистота* и *богатство* (разнообразие) речи в целом для публикаций «ВКонтакте» «Пантеона авторов» нехарактерны.

Функциональные коммуникативные качества в анализируемых материалах представлены наиболее широко. *Логичность изложения* является самым характерным из них. Также тексты страниц, отмеченных «Прометеем», отличаются *доступностью* для восприятия; *уместностью* и близостью к интересам читателя; достаточной *выразительностью*, представленной в основном визуальной частью контента; *точностью* и предельной лаконичностью и, наконец, *действенностью*, поскольку эффективность данных текстов подтверждается большим интерактивным откликом пользователей — каждая публикация сопровождается комментариями, репостами и лайками аудиторией подписчиков.

Выводы

Таким образом, критерии качественного контента социальной сети «ВКонтакте», которые во многом коррелируют с коммуникативными качествами речи, не полностью соблюдаются в публикациях, рекомендуемых искусственным интеллектом «Прометей». Проблемы недостаточной информационной насыщенности текста наряду с использованием весьма посредственных способов выразительности во многом обусловлены спецификой социальных сетей, где тексты создают рядовые пользователи, а лента новостей скорее предполагает необъемные публикации. Тем не менее традиционно полноценный текст обладает рядом необходимых характеристик, которые, на наш взгляд, должны быть свойственны и текстам социальных сетей, в частности представителей «Пантеона авторов».

Список литературы

1. Введенская Л. А., Павлова Л. Г., Кашаева Е. Ю. Русский язык и культура речи: учеб. пособие для вузов. Ростов н/Д: Феникс. 2001. 540 с.
2. ВКонтакте. URL: <https://vk.com/about> (дата обращения 11.01.2020).
3. ВКонтакте с авторами. URL: <https://vk.com/authors> (дата обращения 11.01.2020).
4. Головин Б. Н. Основы культуры речи: учеб. для вузов по специальности «Рус. яз. и лит.». 2-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1988. 320 с.
5. Голуб И. Б. Русский язык и культура речи: учеб. пособие. М.: Логос, 2003.
6. Иванов А. Д. Роботизированная журналистика и первые алгоритмы на службе редакций международных СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2015. № 2 (16). С. 32—40.

7. Искусственный интеллект для СМИ: страхи больше надежд. URL: <https://jrnlst.ru/robots-threat> (дата обращения 11.01.2020).
8. Как вести свою страницу, чтобы ее заметил Прометей. URL: <https://vk.com/@authors-kak-vesti-svou-stranicu-chtoby-ee-zametil-prometei> (дата обращения 11.01.2020).
9. Пантеон авторов. URL: <https://vk.com/app6299850-76477496> (дата обращения 11.01.2020).
10. Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика. М., 2001.
11. Сальманова Г. Х., Сахаутдинова Е. Т., Хамитова Ю. Ф., Курманова Л. Р. Маркетинг в социальных сетях — продвижение бренда компании, сайта через социальные сети // Бенефициар. 2016. № 3 (3). С. 23—28.
12. Штрекер Н. Ю. Русский язык и культура речи: учеб. пособие для студентов вузов. М., 2003.
13. Newman N. Journalism, Media, and Technology Trends and Predictions. University of Oxford, 2019. 48 p.

Сведения об авторах

Морозова Анна Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций, директор Учебно-научного центра медиаобразования факультета журналистики Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. goxfan@rambler.ru

Попова Светлана Николаевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры режиссуры кино и телевидения Челябинского государственного института культуры. Челябинск, Россия. snpk88@bk.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 7 (441). *Philology Sciences. Iss. 121. Pp. 114—121.*

PECULIARITIES OF COMMUNICATIVE CHARACTERISTICS IN VERBAL TEXTS OF SOCIAL NETWORKS (BY THE EXAMPLE OF «AUTHORS' PANTHEON» IN VKONTAKTE)

A. A. Morozova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. roxfan@rambler.ru

S. N. Popova

Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia. snpk88@bk.ru

The article defines the communicative characteristics of verbal texts in the social network VKontakte, marked by the artificial intelligence «Prometheus». The research material includes 11350 publications (45 communities in 15 thematic sectors). The content textual criteria helped to define the domination of functional communicative speech characteristics (logic, availability, aptitude, expressiveness, accuracy, efficiency) over structural ones (correctness, clearness, richness). The criteria for the quality content of the VKontakte social network, which in many respects correlate with the communicative qualities of speech, are not fully met in publications recommended by «Prometheus» artificial intelligence. The problems of insufficient information richness of the text along with the use of very mediocre expressive methods are largely due to the specifics of social networks, where texts are created by ordinary users, and the news feed most likely involves voluminous publications.

Keywords: *communicative characteristics, verbal text, social network, VKontakte, «Prometheus», «Authors' pantheon», artificial intelligence.*

References

1. Vvedenskaya L. A., Pavlova L. G., Kashaeva E. Yu. (2001) *Russkij yazyk i kul'tura rechi* [Russian language and culture of speech]. Rostov-on-Don. 540 p. [in Russ.].
2. VKontakte [VKontakte], available at: <https://vk.com/about>, accessed 11.01.2020.
3. VKontakte [VKontakte with authors], available at: <https://vk.com/authors>, accessed 11.01.2020.
4. Golovin B. N. (1988) *Osnovy kul'tury rechi* [Basics of culture of speech]. Moscow. 320 p. [in Russ.].

5. Golub I. B. (2003) *Russkij yazyk i kul'tura rechi* [Russian language and culture of speech]. Moscow [in Russ.].
6. Ivanov A. D. (2015) *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, no. 2 (16), pp. 32—40 [in Russ.].
7. *Iskusstvennyj intellekt dlya SMI: strahi bol'she nadezhd* [Artificial intelligence in mass media: fears over hopes], available at: <https://jrn1st.ru/robots-threat>, accessed 11.01.2020 [in Russ.].
8. *Kak vesti svoyu straniczu, chtoby eyo zametil Prometej* [How to manage your web page so Prometheus notices it], available at: <https://vk.com/@authors-kak-vesti-svou-stranicu-htoby-ee-zametil-prometei>, accessed 11.01.2020 [in Russ.].
9. *Panteon avtorov* [Authors' Pantheon], available at: <https://vk.com/app6299850-76477496>, accessed 11.01.2020 [in Russ.].
10. Rozenthal D. E. (2001) *Spravochnik po russkomu yazyku. Prakticheskaya stilistika* [Handbook of the Russian language. Practical styling]. Moscow [in Russ.].
11. Salmanova G. H., Sahautdinova E. T., Hamitova Yu. F., Kurmanova L. R. (2016) *Beneficiar* [Beneficiar], no. 3 (3), pp. 23—28 [in Russ.].
12. Shtreker N. Y. (2003) *Russkiy yazik i kul'tura rechi* [Russian language and culture of speech]. Moscow [in Russ.].
13. Newman N. (2019) *Journalism, Media, and Technology Trends and Predictions*. University of Oxford. 48 p.

К ВОПРОСУ О ПРИЕМАХ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ

С. А. Никаноров

Шадринский государственный педагогический университет, Шадринск, Россия

Предпринята попытка анализа наиболее интересных приемов языковой игры, встречающихся в произведениях отечественной и переводной художественной литературы XX в. (прозаических и стихотворных), адресованных детям. Анализ приемов строится на основе классификации авторских игровых новообразований (игрем), представленной ранее в авторской монографии.

Ключевые слова: *языковая игра, игрема, «игровая трансформа», игровой «код».*

В последние несколько десятилетий теория языковой игры нашла очень яркое выражение в трудах отечественных лингвистов. Это утверждение основано на исследованиях Б. Ю. Нормана, В. З. Санникова, Т. А. Гридиной и значительного числа их последователей. В основе понимания этого феномена, по Б. Ю. Норману, кроется понимание того, что «языковая игра начинается там, где есть заведомое нарушение заданных и усвоенных правил... В целом языковая игра представляет собой запредельное использование языковых единиц. Язык при этом является полигоном для моделирования и своего рода познания объективной действительности» [5]. Как считает Т. А. Гридина, «языковая игра должна быть охарактеризована как форма лингвокреативного мышления, которое основано на ассоциативных механизмах и проявляет способность говорящих к намеренному использованию нестандартного языкового кода в разных ситуациях речевой деятельности» [3. С. 4]. Реализуется языковая игра через «игрему», «игровую трансформу» (термин Т. А. Гридиной), которая является ее выражением. *Игрема* — это объект с опознаваемыми параметрами прототипа; она возникает «в результате взаимодействия стимула и аттрактантов, составляющих необходимый для выявления парадокса употребления знака ассоциативный контекст» [2. С. 9—10]. Мы принимаем указанное определение и считаем, что *игрема* — это слово, словосочетание (а может быть, и предложение), представляющее собой окказиональное образование, практически всегда ориентированное на комический эффект при его восприятии, которое появляется в речи автора произведения с целью воздействия на языковую рефлексию маленького читателя, попытки «ввести» его в процесс порождения новых форм и смыслов [4. С. 59].

Актуальность работы видится нам в том, что она соответствует тематике современных исследований по детской речи, в основе которых лежит обращение к «картине мира» языкового сознания ребенка, отражающейся в его языке. Заметим, что основным направлением в отечественной лингвистике современности стало обращение к проблеме *знания языка и владения им* (к проблемам речевой активности и творческого начала, в том числе в речевой деятельности ребенка и явлениях, влияющих на развитие такого творческого начала).

О языковой игре в художественном тексте необходимо говорить особо. «В художественном тексте языковая игра принимает разнообразные формы, вырабатывает собственную сложную «технику», связанную с эстетической сущностью произведения искусства и индивидуальностью творческого почерка его создателя» [3. С. 5]. На наш взгляд, именно в детской литературе отражается выделяемый Т. А. Гридиной имитативный признак языковой игры, проявляющийся «в установке на “опознаваемость” прототипных черт в используемом автором речевом коде текста» [Там же. С. 118]. Необходимо иметь в виду, что «любая имитация в художественном тексте “пропущена” через призму социально-культурных оценок того или иного типа речевого поведения» [Там же]. Как нам видится, погружаясь в живую стихию детской речи, писатель, стремясь максимально сблизиться с ребенком-читателем, сознательно задает тот «код» общения, который, с его точки зрения, понятен детям; далеко не последнюю роль играют при этом особенности языка, так называемые речевые неправильности, легко узнаваемые маленькими читателями и, что особенно важно, побуждающие их к дальнейшему тиражированию последних. Таким образом ребенку прививается

желание быть «сотворцом» писателя, развиваются его лингвокреативные способности.

Обратим, таким образом, внимание на авторские неузуальные новообразования (игремы) в произведениях художественной литературы, адресованных детям, и на особенности их употребления. В качестве их классификации предлагаем свою, нашедшую отражение в авторской монографии [4. С. 60—71].

Игремы, ориентированные на семантические механизмы языковой игры

1. Прежде всего обращает на себя внимание употребление игрем, основанных на ложноэтимологической реноминации, которая связана с эксплицитным выражением мотивировочного признака во внутренней форме слова. Такие игровые образования актуализируют внимание читателя на одном из самых важных признаков обозначаемого, в чем, по нашим наблюдениям, велика роль образных аналогий. См., напр., *свинютины глазки, гладиолухи: Такли ткнул пальцем... в сторону грядок с самыми разными цветами. — Там, это где? — уточнил Дэвид. — Под гладиолухом. — Не под гладиолухом, а под свинютиными глазками* (С. Таск. Тайна рыжего кота). (Ср. с узуальными *анютины глазки, гладиолусы*). Используя в произведении подобные игремы, писатель, конечно, преследует цель добиться эффекта узнавания ребенком-читателем образного прототипа в наименовании, так как схожие игровые преднамеренные номинации весьма характерны для детской речи.

2. Ситуативно восполняющие игремы, которые также представляют собой имитацию писателем образования схожих единиц в речи ребенка. См., напр., *ножные лапы, ручные лапы: Бада смотрит, а у них лапы грязные. — Мыли? — спрашивает. — Мыли, — отвечают. — А почему лапы грязные? — Да мы другие лапы мыли, ножные. — Нет, так дело не пойдет, идите, мойте ручные* (И. и Л. Тюхтяевы. Зоки и Бада). Как видно, в данном контексте, лапы сказочных персонажей разделяются по «предназначению»: «ручными» в данном случае едят, а на «ножных» ходят. Указанный пример есть не что иное, как уточняющая ситуативная номинация с использованием имеющихся в языке прилагательных в буквализирующем контексте.

3. Использование писателями игровых именованных, как неоднократно отмечалось разными исследователями, нацелено на создание комического эффекта при их восприятии, в данном случае — детьми. Игремы же, ориентированные на семантические

механизмы языковой игры, в этом отношении самые «востребованные». По нашему мнению, наиболее яркий такой прием — вид языковой игры, ставший «классическим», — каламбур, который «сталкивает» разные значения полисемичных лексем или омонимов в одном смысловом контексте. См., напр., умышленное «неразличение» разных значений лексемы *пронести: Хлопу стало совестно. Он сказал: — А может быть, вызвать платного врача? — Нет уж, сиди и страдай, — велел атаман Таракан. — У нас нечем платить платному врачу. Не станешь же ты платить ему шоколадом. Терпи! Авось пронесет!* (Э. Успенский. Крокодил Гена — лейтенант милиции). В данном примере, как видно, преднамеренно сталкиваются разные значения многозначной лексемы *пронести: пронести* — «миновать», перен., разг. об опасности, беде, и *пронести* — прост., то же, что «прослабить» (вызвать ускоренное действие кишечника у кого-нибудь). Конечно, использование в тексте произведения, адресованного детям, просторечного значения многозначного слова должно быть подчинено особым авторским целям, оправдывающим такое употребление, которые, на наш взгляд, очевидно просматриваются: анализируемое выражение принадлежит бандиту (отрицательному персонажу произведения), «пострадавшему» за ограбление склада (он и его сообщники украли двадцать тонн шоколада торговой марки «Славный», изначально названной «Слабительный», в котором используется чернослив, и употребили часть его в пищу). Здесь, как думается, помимо игрового наполнения содержания повествования, присутствует и воспитательное (запрет брать чужое без спроса).

Кроме того, нередко в произведениях детской литературы каламбур основан на омофонии. В творчестве известного детского писателя Я. А. Козловского, например, можно наблюдать приемы *омофонического переразложения* — «перехода» слова в предложно-падежную форму, другие игровые приемы. Нужно иметь в виду, что подавляющее большинство стихотворных произведений художника состоят из одиночных рефренов, которые рифмуются чаще всего перекрестно. Особенность этой рифмы в том, что именно она и содержит игровое начало: попарно «сталкиваются», например, приемы омофонического переразложения и «неразличения» слов-омонимов и др.

Рассмотрим некоторые из них.

Так, нередко в творчестве поэта встречаются:

а) намеренно употребляющиеся в одном контексте слова-омонимы + приемы омофонического переразложения. См., напр., *коса — коса, по косу —*

к покосу: *Хороша у Алены коса, / И трава на лугу ей по косу. / Скоро лугом пройдетя коса: / Приближается время к покосу* («Хороша у Алены коса»). Ср. омонимы *коса* — «несколько длинных прядей волос, сплетенные в виде жгута», и *коса* — «ручное сельскохозяйственное орудие для скашивания травы и злаков»; прием омофонического переразложения *по косу* — «высота травы на лугу достигает нижнего уровня косы Алены», и *к покосу* — форма дательного падежа существительного *покос* в значении «процесс кошения травы»;

б) разные значения многозначных слов + омоформы. См., напр., *кошки — кошки, ей — ей-ей: Был кот в гостях у кошки, / Сказал с тревогой ей: / — Нужны монтеру кошки, / Слыхал я сам, ей-ей!* («В гостях»). Ср. разные значения лексемы: *кошка* — «домашнее животное с повадками хищника; самка кота», и *кошка* — «род железных шипов, надеваемых на обувь для лазания по отвесным местам»; *ей* — форма личного местоимения «она» в дательном падеже, и *ей-ей* — междометие, выражающие эмоциональную характеристику, оценку обстановки и т. д.; ср. также *пяточок — пяточок, пожалуй — пожалуй: Опустись в щелку пяточок, / — И к лестнице метро пожалуй. / — Стой, поросенок! Твой, пожалуй, / Не подойдет здесь пяточок!* («Поросенок в метро»). Ср. *пожалуй* — форма повелительного наклонения глагола «пожаловать» в значении «вежливое приглашение», и *пожалуй* — вводное слово, выражающее допущение какой-либо возможности; разные значения лексемы: *пяточок* — «круглое рыло у свиньи», разг., и *пяточок* — уменьшительное от *пятак* («монета или сумма в пять копеек»; лексема *пяточок* в этом значении была актуальна в употреблении в СССР, в частности во второй половине XX в., до 1992 г., тогда, когда создавалось стихотворение; проезд в метро в это время стоил пять копеек — *пяточок*);

в) пары омоформ. См., напр., *стаю — стаю, голубей — голубей: Снег сказал: — Когда я стаю, / Станет речка голубей, / Потечет, качая стаю / Отраженных голубей* («Март»). Ср.: *стаю* — форма единственного числа первого лица глагола *стать* («растаяв, исчезнуть, сойти с поверхности (о снеге, льде)»), и *стаю* — форма винительного падежа существительного «стая» («группа мелких животных одного вида, преимущественно птиц»); *голубей* — форма сравнительной степени прилагательного *голубой* (здесь — в значении «ярче», «чище»), и *голубей* — форма родительного падежа множественного числа лексемы *голуби*. См. также *три — три, сев — сев: — Эй, скворец, начинается*

сев, / Даром клюв о сучок ты не три. / Время за-тракать. / На поле сев, / Слопай гусениц дюжины три («Начинается сев»). Ср. *сев* — «процесс посева семян», и *сев* — деепричастная форма от глагола *сесть*; *Люда — люда, Сани — сани* (в данном случае собственные имена существительные с одной стороны и нарицательные — с другой: *Слышен смех честного люда: / Трусит с горки съехать Люда, / А у Сани, а у Сани / С горки сами мчатся сани* («Слышен смех честного люда»). Ср. *люда* — форма родительного падежа лексемы *люд* (устар. «люди, группа людей»), и *Люда* — женское имя; *Сани* — короткое значение имени Александр в форме родительного падежа, и *сани* — «зимняя повозка на двух полозьях»;

г) часть фразеологического выражения + лексема со свободным значением и прием омофонического переразложения. См., напр., *с ноготок — ноготок, чемпион — чем пион: Хоть ростом я не с ноготок, / Мне имя дали: ноготок. / По красоте не чемпион, / Куда скромней я, чем пион* («Скромный цветок»). Ср.: *с ноготок* — фразеологизм, прост.-шутл. «очень маленький, низкорослый, крошечный», и *ноготок* — однолетнее растение с желтыми цветками, разводимое в садах; *чемпион* — «спортмен... победитель в соревнованиях по какому-нибудь виду спорта на первенство города, страны и т. д.», и *чем пион* — результат сравнения с цветком *пиона* (декоративного растения), и т. д.

Таким образом, находя выражение в случаях отождествления разных значений одной лексемы, использовании приемов омофонии и омофонического переразложения, в текстах детской художественной литературы подобные игровые номинации выражают, по нашему мнению, желание авторов показать (отразить) особенности мышления ребенка младшего школьного возраста, направленные на запоминание или выяснение лексического значения слова.

4. В этом же контексте следует рассматривать ситуативно «восполняющие» именованья, которые представляют собой имитацию писателем создания подобных единиц в детской речи. В них отчетливо прослеживается актуализация ассоциативного потенциала их внутренней формы в игровом контексте. Особенно ярко это проявляется, по нашему мнению, в повестях-сказках Э. Успенского. Рассмотрим, например, ситуативно «восполняющие» номинации писателя, в основе характеристики которых — принадлежность предмета кому-либо. См., напр., *дружинническая повязка: — Значит, будем их брать? — сказал Чебурашка, собираясь*

надеть *дружинническую повязку* (Э. Успенский. Крокодил Гена — лейтенант милиции). Авторское новообразование, отсутствующее в узусе, актуализирует значение «повязка, принадлежащая дружиннику», которая надевается на руку и тем самым его обозначает, является *главным атрибутом* представителя охраны общественного порядка. См. также *водопроводческая телогрейка: У меня есть потрясающий план, — ответил Гена. — Хороший? — спросил Чебурашка. — Очень потрясающий? — Замечательный, — сказал Гена. — Мне для плана нужна плоская тележка на колесиках, водопроводческая телогрейка* (Э. Успенский. Там же). По мысли автора, телогрейка — необходимый атрибут водопроводчика, в данном случае один из главных, необходимый, «представляющий» эту профессию.

Игры, ориентированные на фонетические механизмы языковой игры. Игра-отзвучие

Несомненный интерес вызывают приемы языковой игры, построенные на актуализации звукового образа слова (как показывают наблюдения, в художественной литературе, адресованной детям, находит отражение предрасположенность ребенка к рифмовке). Еще К. И. Чуковский отмечал, что «всякая рифма доставляет ребенку радость» [10. С. 310]; она представляет собой «побочный продукт этой неутомимой работы ребенка над своим голосовым аппаратом, и продукт чрезвычайно полезный: благодаря ему тяжелая работа ощущается ребенком как игра» [Там же. С. 317]. Как исследователи речи ребенка, так и писатели, работающие для детей, знакомы с тем, что «едва ли встретится какой-нибудь приметный случай, подходящий повод, который затруднит ребенка найти бойкое словцо, легкую рифму, вряд ли выищется интересное ребят событие, для отражения которого не нашлось бы готовой песенной формы и не родилась бы новая» [1. С. 664], поэтому в текстах художественной литературы, адресованной детям, весьма немало игровых рифмованных строк, которые зачастую заимствуются авторами непосредственно из детской речи. Несомненно, что писатели берут в расчет различные виды детской мотивации, взятые в основу создания данных игровых номинаций. В то же время ребенок, находящийся в процессе «постижения» слова (через чтение), со временем учится постигать и «чужую» рифму, в том числе игровую, что может доставлять ему немало приятных минут от реализации в его сознании заключенного в этой рифме комического эффекта.

Игровые номинации указанного типа можно разделить: а) на рифмовки-отзвучия, созданные с опорой на звукоподражательную мотивацию, и б) рифмовки-отзвучия, созданные с опорой на звукосимволическую (фонетическую) мотивацию. К играм первой группы отнесем рифмовки типа: *пакля, макля, бакля, вакля, гакля, рвакля, дракля, шпакля* (Н. Носов. Приключения Незнайки и его друзей). Как видно, автор предлагает маленькому читателю поиграть, то есть вместе с Незнайкой подобрать рифму к лексеме *пакля*, задает специальный игровой «код». По заданной автором модели *пакля* им же создается целый тематический ряд аналогичных слову-прототипу игровых номинаций, связанных по характеру внутренней формы, тем самым показывая ребенку пример. Лишь формальное совпадение их финальных частей — отличительная черта лексем, которые составляют этот ряд. Как показывают наши наблюдения над детской речью, маленькие читатели охотно «отзываются» на подобные авторские «приглашения» к сотворчеству. Ко второму типу рифмовок-отзвучий отнесем авторские рифмованные новообразования типа: *фигура — кура — багура — вагура: Маша лепила коня, / А получилась свинья. / Наташа лепила свинью, / А получила ладью. / А у Коли фигура — / КУРА — БАГУРА — ВАГУРА* (Э. Мошковская. Митя лепит). На наш взгляд, здесь, помимо авторского «призыва» к сотворчеству, описанного выше, налицо субституция звуков и присоединение рифмовок-отзвучий к «опорному» слову. В подобных играх может проявляться фоносемантика оценки, которая представляет «чувственно ощутимую реальность» для восприятия ребенка. Согласимся, что звуковой образ может заключать в себе положительные или отрицательные коннотации: как думается, (*фигура*) — *кура — багура — вагура* — фоносимволический образ фигуры, «качественно не удавшейся».

Игры, ориентированные на словообразовательные механизмы создания языковой игры

Указанный тип игр, пожалуй, самый распространенный в представляемом нами материале. Так, например, в рассматриваемом ключе представляют интерес образные наречные сравнения. См., напр., *по-свински, по-гусятски: Малышки Гусишки, если вы увидите острые травинки и тонкие тростинки, делите их по-братски, по-гусятски. Ребятки Совятки, если вам встретится множество мошек, немисливо мышек, делите их не по-свински,*

а *по-свински* (Э. Лир). Игремы *по-гусятски* и *по-свински* наделены «контекстуальным» значением «поступать соответствующим образом». В первом случае показано авторское стремление уподобить чьи-либо поступки действиям, свойственным человеку (*по-гусятски* — так же как по-товарищески — «справедливо, честно»), во втором — действиям человека, которые подаются через экспрессивную оценку («по-свински»).

Как наиболее продуктивные (часто употребляемые писателями) типы подобных игровых номинаций в произведениях детской литературы выделяем игремы, которые образованы от основ с оценочной («эмоциональной») семантикой, одновременно обобщенно представляющие и «увеличивающие» характерный признак, который находится в основе наименования и указывает на отличительные особенности персонажа или его поведения. См., напр., 1) игремы, которые представляют собой лексемы-потенциалы со значением «исполнитель действия», обозначающие в герое произведения склонность к какому-либо действию, род его занятий, увлечений, которые могут быть образованы с помощью суффикса -тель — *запускатель*: *Тогда я сказал: «Костик назначается Главным Зажигателем!» Мишка добавил: «А Андрюшка назначается Главным Запускателем!»* (В. Драгунский. Удивительный день); процесс расширения лексического наполнения подобных игрем, на наш взгляд, не может не создавать их экспрессию, заключающуюся в актуализации ситуативно значимых параметров игровых номинаций *лица* по совершаемому им действию; 2) отвлеченные отглагольные существительные, которые образованы с помощью суффиксов -ниј и -ениј со значением опредмечивания действия или его результата. См., напр., *обмочение*: — *Вот беда-беда-огорчение!* — *пожаловался кикиморам Кузька.* — *Вот вода-вода-обмочение!* *Вот еда-еда-угощение!* — *подхватили веселые голоса* (Т. Александрова. Домовенок Кузя). В рассматриваемом произведении представлены авторские синонимические характеристики к лексемам, существующим в узусе (ср. «беда-огорчение»); 3) эмоционально-экспрессивные игремы с оценочными суффиксами увеличения -ищ и -ин. См., напр., *удодина*: *Удод, удод, удодина, / Удодливый удод, / В твоём гнезде удодовом / Удобно ли, удод?* (М. Яснов. Приставалка к удоду). Игрема *удодина* обладает коннотацией, свойственной прозвищам-дразнилкам в детской речи. Интересно, что игровой «код» писателя,

направленный на максимальную заинтересованность читателя, выстраивается им уже в названии стихотворения (играма *приставалка*); обратив на него внимание, маленький читатель может «спрогнозировать» для себя, что авторский настрой на игру ждет его и далее в тексте. См. также *Тамарище*: *Особенно старалась, конечно, тетя Тамара: «Да что это у тебя в голове — песок или опилки?» Я сказал: «Это у тебя в голове опилки, Тамарище семипудовое». Сказал, конечно, в мыслях* (В. Драгунский. Денискины рассказы). Как представляется, суффикс -ищ, характерный для дразнилок в детской речи, придает имени *Тамара* весьма вескую отрицательно-оценочную коннотацию.

Особо в этом плане выделим группу имен существительных, обозначающую детенышей животных (именования со значением «невзрослости»). В них с помощью использования суффиксов субъективной оценки -онок/-енок/-ят повторяется характерное для речи ребенка стремление к выстраиванию оппозиций в словообразовании по признаку «ребенок — взрослый (родитель)». См., напр., *цапленок* (А. Шлыгин. Цапля); *мартышонок* (Я. Аким. Всех угостил) и подобные.

Особую группу авторских образований представляют собой приемы ономастической языковой игры (создание «говорящих» фамилий и имен). Использование «говорящих» имен, как давно известно, весьма популярно в литературе, причем не только в детской. В детской же литературе подобные имена чаще имеют именно ярко выраженную игровую направленность; подобные игремы создаются с целью актуализации в сознании ребенка алгоритма семантизации имени, стремления увидеть в нем указание на характеристику его носителя. Особенностью игрем — «говорящих имен» является то, что они показывают некоторые особенности мировоззрения ребенка, нацелены на выявление важных для сознания детей ассоциаций. Так, например, в трилогии Н. Носова о Незнайке имена многих персонажей-коротышек представляют собой «говорящие» прозвища. См., напр., *Авоська, Небоська, Торпыжска, Пончик, Растеряйка, Ворчун, Незнайка* («Приключения Незнайки и его друзей»). В основе подобных прозвищ — номинация по одному из характерных признаков носителей имен (оценка «ума», «знаний»; склонность к изобретательству (Знайка), полнота как следствие любви к еде (Пончик), пристрастие к газированной воде с сиропом (Сиропчик) и т. д.). Данный прием охотно используют и дру-

гие писатели. См., напр., *Неумейка: Сказал почтальон: «Неплохая семейка! / Не здесь ли живет Гражданин Неумейка?»* / (Я. Аким. Неумейка). Здесь на явно неодобрительном отношении к его обладателю основано экспрессивно-оценочное наполнение имени. Прием, во многом схожий с именем *Незнайка* (ср.: *Незнайка — Неумейка*: первый ничего не знает, второй ничего не умеет). Наличие подобных игрем можно наблюдать в произведениях Э. Успенского, Т. Александровой, Г. Остера и других писателей. Такие игремы-имена напоминают особенность детей «присваивать» ровесникам (а иногда и старшим, учителям) различные прозвища. Такие игровые номинации почти всегда обладают эмоционально-оценочной (положительной или отрицательной) коннотацией. Эти игремы обладают особой (высокой) степенью выраженной в них экспрессии, что достигается использованием суффиксов субъективной оценки, характерных для образования уменьшительных («неофициальных») форм имен, что весьма показательно для детской речи. См., напр.: *Агапчик, Поплеша, Петряй, Амфилаша, Тухляшка, Афонька, Адонька, Вуколочка, Сосипатрик, Лутонюшка, Понька, Сюр, Пармеша, Куковьяка, Пафнутий, Фармуфий, Пантя, Славуся, Веденей, Буян, Смеяка, Бутеня, бедненький Кувыка* (Т. Александрова. Домовенок Кузя). Названные ономастические ряды состоят, как видно, из имен стилистически нейтральных (*Авудий, Теря, Веденей*) и выражающих конкретную оценку, отношение к персонажам сказочного произведения (домовятам). В них также присутствует положительная или отрицательная оценочность, выражающаяся, кроме актуализирующегося семантического наполнения, с помощью уменьшительно-ласкательных или уменьшительных суффиксов, которые свойственны некоторым из упомянутых имен. Если, как нам представляется, положительная оценка свойственна обладателям имен с суффиксами -очк, -ик, -чик, -ш и др. (*Агапчик, Лутонюшка, Вуколочка, Сосипатрик, Поплеша, Амфилаша, Пармеша*), то в номинациях с суффиксом -к (*Адонька, Афонька*) ощущается особая стилистическая сниженность. Максимально же негативная характеристика персонажа представлена в игре *Тухляшка*, в которой кроме суффикса об «отрицательном наполнении» имени говорит мотивация его появления (лексемой *тухлый*).

По нашим наблюдениям, подобные «говорящие» имена присутствуют и в переводной детской литературе. Конечно, в таком случае уровень интерпретации авторского замысла, степень его воздействия

на маленького читателя передается переводчиком, «соучастником» в данном случае игровой ситуации. Так, например, весьма живо экспериментирует с возможностями языковой игры Дж. Ривз через переводчика М. Богородицкую. Речь идет об играх-фамилиях в стихотворении указанного автора «Ворчуны из Уныллоу»: *Хворроу, Хиллоу, Недуглас, Чахли: У мистера Хворроу снова простуда, / У мистера Хиллоу — радикулит, / Супругам Недуглас по-прежнему худо, / У старого Чахли все тело болит*. Фамилии-имена персонажей стихотворения образуют тематическую группу, общее значение номинаций, которые его составляют, — «нездоровое состояние человека». Выведенные автором герои проживают в деревне с говорящим названием *Уныллоу*, откуда и подобное («унылое») наполнение их имен. Подобные игровые номинации присутствуют в произведении известного чешского поэта Й. Кайнара «Доброй ночи» (перевод А. Эппеля): (Названия населенных пунктов): *Засыпань, Зевота, Дремалы, Дремота*.

Еще один вид авторских новообразований подобного типа — игремы-антропонимы. Учитывая то обстоятельство, что нередко в художественной литературе, адресованной детям, явления живой и неживой природы наделяются человеческими свойствами или признаками, оригинальным игровым приемом выступает «перевод» номинаций из разряда нарицательных в разряд имен собственных, имен существительных. См., напр., *Весна Мартовна Подснежникова, Весна Апрельевна Скворешникова, Весна Маевна Черешникова* (Ю. Мориц. Идет весна по городу). В стихотворении Ю. Мориц используются игровые индивидуально-авторские образования; художник слова актуализирует ассоциации, связанные с чередой весенних месяцев: март ассоциируется с появлением подснежников, апрель — с появлением скворцов, май — с цветением черешни. Общее (родовое) именование времени года («весна») выступает в функции личного имени, а видовые понятия *март, апрель, май* являются основой для образования «отчеств», которые в сознании автора ассоциируются с человеческими отчествами; в качестве фамилий выступают дериваты от ассоциативов *подснежник, черешня, скворечник*, которые подражают одной из моделей антропонимов. В наделении весны способностью «идти по городу» проявляется антропоморфизм — в контексте стихотворения «оживляется» стертая метафора («весна идет»). Вызывает интерес использование схожего приема «олицетворения» лексемы *непогода*

И. Шевчуком: *Потому что **Непогоде** от рождения только год, / И она еще не ходит в детский сад для **Непогод*** (И. Шевчук. Непогода). *Непогода* представляется автором как ребенок дошкольного возраста, который еще не посещает детский сад. В игровой номинации наблюдается образное наполнение, которое сочетается с антропоморфной характеристикой именованного состояния погоды (скорее всего, долгого ненастья).

Авторские игровые номинации с суффиксом -лк, которые называют опредмеченные действия, состояния, — еще один «продуктивный» авторский прием создания игровых номинаций. См., напр., *хохоталки* (С. Таск. Тайна рыжего кота). Игрема *хохоталки*, конечно, формально соотносима с детскими инновациями, *дразнилками-смишилками* (так называемыми смеховыми жанрами детской речи), и называет сказочные живые существа. См. подобный пример: *Мирилки, Дразнилки, Разнималки* (М. Яснов). Речь идет о существах, поступающих соответствующим образом. В стихотворных строчках М. Яснова игровые номинации с суффиксом -лк называют неизвестные олицетворенные существа с точки зрения действий и функций, присущих им. Как показал анализ материала, подобные приемы олицетворения используются как известные способы достижения контакта с ребенком-читателем в целях появления особого эстетического впечатления от прочитанного.

В этом разделе мы выделяем также приемы а) игровой контаминации (скрещивания) слов и б) словосложения, многократно встречающиеся в произведениях художественной литературы для детей. Подобные игровые номинации, по нашему мнению, дают, с одной стороны, обширные возможности для детского игрового словотворчества. С другой стороны, опираясь на конкретные примеры детских контаминационных образований, писатель легко проникает в живую стихию детской речи. Получается, что представленный процесс имеет двустороннюю направленность. Необходимо также отметить, что некоторые писатели, хотя их меньшинство, считают «своим долгом» «расшифровать», «прокомментировать» представленные в тексте контаминационные образования, указать читателю на их составляющие, что облегчает ребенку процесс их восприятия. В подтверждение этих слов необходимо сослаться на Л. А. Кассиля, практиковавшего подобные методы работы с читателем.

По нашим наблюдениям, в текстах художественной литературы скрещению могут подвергаться

лексемы, представляющие собой, как правило, единицы одного тематического ряда. Говоря об этом, нельзя не вспомнить пример стихотворения, ставшего классическим образцом использования в тексте контаминационных (гибридных) игровых новообразований. Мы говорим об овощах-гибридах, появившихся в воображении Н. П. Кончаловской в середине XX в.: *огурбузы, помидыни, редисвекла, чеслук, репуста* и др. (Н. Кончаловская. «Про огород»). Как видно, скрещиваются единицы одного тематического ряда — «овощи»: *помидыни* = *помидоры* + *дыни*, *огурбузы* = *огурцы* + *арбузы*, *чеслук* = *чеснок* + *лук*, *редисвекла* = *редька* + *свекла* и т. д.

Кроме того, контаминационные игры могут представлять собой соединение лексем разных тематических групп, что, конечно, усиливает экспрессивное восприятие при чтении. Ср., напр., *шваброза* = *швабра* + *роза* (С. Таск. Тайна рыжего кота); *джентльдог* = *джентльмен* + *бульдог* (В. Семенов. Джентльдог). Восприятие этих игровых номинаций основано на оценочном контрасте совмещаемых слов и признаков, ассоциативно сближаемых во внутренней форме игры.

Игровое наполнение имеют также разнообразные приемы словосложения, представленные в детской литературе (данная инновационная группа слов довольно широко в ней распространена). В итоге получаются абсолютно новые ассоциативные цепочки. См., напр., игры — сложные имена существительные, созданные на базе: а) двух и более основ с привлечением узуальных аффиксов — *посудовытиратель, осколкоподбиратель*: — *Посуду будет вытирать Посудовытиратель. / — А кто осколки подбирать? — Осколкоподбиратель!* (А. Шибаяев); *настолонакрыватель, обедоподаватель*: — *Для мамы я изобрету Настолонакрыватель. / — А что еще изобретешь? / — Обедоподаватель* (А. Шибаяев) и т. д.; б) сложения — *стукофон*: *Даже Шарик растерялся, / Зарычал на двери он. / И тогда я им признался: / — Я придумал стукофон* (В. Шульжик. Веселый мастерок). К этой же категории игровых номинаций можно отнести так называемые адъективные именованья, представляющие собой случаи сложения в одной лексеме нескольких, которые объединены общим смыслом. См., напр. (настроение у членов семьи): *завтракомчитальное, напупобижальное, кричальнопогремучее, покомнатампрыгучее* (В. Лунин. Радость). Как представляется, в рассматриваемых играх выстроен своеобразный слово- и смыслокомплекс, который,

без сомнения, имеет целью создание комического эффекта при восприятии текста.

В представленной работе мы рассмотрели лишь небольшую часть игровой составляющей художественной литературы для детей. Однако, на наш взгляд, уже этого материала достаточно для того, чтобы сделать вывод, что игра с внутренней формой слова характерна для творчества многих отечественных художников слова XX в. В этой связи необходимо назвать имена Я. Акима, Т. Александровой, Б. Заходера, В. Губарева, В. Драгунского, Л. Касиля, Я. Козловского, В. Лунина, С. Маршака, Э. Мошковской, Г. Остера, Г. Сапгира, С. Таска, И. и Л. Тюттяевых, Э. Успенского, К. Чуковского, А. Шibaева, А. Шлыгина, В. Шульжика и многих других писателей, чье творчество адресовано детям. Одни из них использовали игровые номинации довольно часто; это в первую очередь касается языка произведений Э. Успенского (по нашим наблюдениям, он безусловный «лидер»; рассмотрению его игрового творчества была посвящена наша отдельная статья [8]), Я. Козловского, Г. Остера, И. и Л. Тюттяевых, Т. Александровой). Другие (Я. Аким, Э. Мошковская, В. Шульжик) пользовались приемами языковой игры лишь изредка.

Как нам представляется, важно отметить, что существеннейшее влияние на авторские «предпочтения» (использование тех или иных приемов игровых номинаций конкретными писателями и желание вообще их употреблять) оказывает жанр произведения. Основываясь на анализе материала, заключаем, что жанрами, наиболее «близки-

ми» ребенку-читателю, являются повесть-сказка и стихотворные произведения (детям более раннего возраста). Доминирование повести-сказки подтверждается и тем, то такой жанр предпочитают и многие-многие писатели для общения с ребенком-читателем; с точки зрения использования в тексте произведения авторских игровых номинаций он выступает основным (Н. Носов, В. Губарев, Е. Велтистов, Э. Успенский и др.). Произведения, созданные в этом жанре, достаточно легко и быстро воспринимаются детьми, потому что теснейшим образом соприкасаются с жанром сказки *народной*, столь популярной в дошкольном возрасте (стилистическим оформлением, возможными «заимствованиями» из народной сказки самых известных персонажей, схожими особенностями построения повествования и т. д.). Кроме того, весьма любимым у детей является стихотворный жанр: понравившиеся «игровые строчки» можно довольно быстро выучить и надолго сохранить в памяти, при случае ими «пользоваться» (Я. Козловский, С. Маршак, А. Шibaев, М. Яснов).

По нашему убеждению, анализ материала показывает, что во всех произведениях, нами рассмотренных, приемы языковой игры довольно уместно используются их создателями, в некоторой степени даже формируя авторский стиль повествования. В этом отношении переоценить значимость использования игровых номинаций весьма трудно. Кроме того, принципы языковой игры, конечно, являются для писателей одним из средств творческого самовыражения.

Список литературы

1. Виноградов Г. С. Детская сатирическая лирика // Русский школьный фольклор. М., 1998. С. 656—711.
2. Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явления языковой игры): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 563 с.
3. Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте. Екатеринбург, 2008. 165 с.
4. Никаноров С. А. Ментальные ориентиры языковой игры в детской художественной литературе. Шадринск, 2013. 132 с.
5. Норман Б. Ю. Языковая игра как вид познавательной деятельности // Ребенок в современном мире: тез. междунар. конф.: в 3 т. Т. III. Мир ребенка и его язык. СПб., 1993. С. 39—40.
6. Ретюнских Л. Т. Философия игры. М., 2002. 256 с.
7. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999. 542 с.
8. Суворова С. Л., Никаноров С. А. Приемы языковой игры в творчестве Э. Н. Успенского // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 10 (420). Филологические науки, вып. 114. С. 240—245.
9. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. М., 1992. 464 с.
10. Чуковский К. И. От двух до пяти // Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 73—404.

Сведения об авторе

Никаноров Сергей Анатольевич — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии и социогуманитарных дисциплин Шадринского государственного педагогического университета, Шадринск, Россия. nikanorov-70@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 7 (441). *Philology Sciences. Iss. 121. Pp. 122—130.*

ON THE ISSUE OF LANGUAGE PLAY TECHNIQUES IN FICTION FOR CHILDREN

S. A. Nikanorov

Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia. nikanorov-70@mail.ru

The article attempts to analyze the most interesting methods of language game found in the works of Russian and translated fiction of the 20th century (prose and verse), addressed to children. The analysis of techniques is based on the classification of author's language game transforms ("igrem"), presented earlier in the author's monograph. The paper develops the idea of Russian linguists (for example, T. A. Gridina) that the author's game transforms are often based on the imitative principle of language game; they are skillfully interpreted (processed) by the artists of the word featuring the child's language. The paper discusses the "igrem" focused on the phonetic, word-formative, semantic mechanisms of a language game. With the help of specific examples, the authors' desire to find the most understandable code for communicating with a small reader, which is necessary to achieve creative contact with the latter, is shown.

Keywords: *language game, playable, game transform, game code.*

References

1. Vinogradov G. S. (1998) *Detskaya satiricheskaya lirika* [Children's satirical lyrics]. *Russkiy shkolnyy folklore* [Russian school folklore]. Moscow, Ladimir. Pp. 656—711 [in Russ.].
2. Gridina T. A. (1996) *Assotsiativnyy potentsial slova i ego realizatsiya v rechi (yavleniya yazykovoy igry)* [The associative potential of a word and its implementation in speech (phenomena of a language game). Thesis]. Moscow. 563 p. [in Russ.].
3. Gridina T. A. (2008) *Yazykovaya igra v khudozhestvennom tekste* [Language game in fiction]. Ekaterinburg. 165 p. [in Russ.].
4. Nikanorov S. A. (2013) *Mentalnyye oriyentiry yazykovoy igry v detskoj khudozhestvennoy literature* [Mental landmarks of the language game in children's fiction]. Shadrinsk. 132 p. [in Russ.].
5. Norman B. Yu. (1993) *Yazykovaya igra kak vid poznavatelnoy deyatel'nosti* [Language game as a form of cognitive activity]. *Rebenok v sovremennom mire* [A child in the modern world] in 3 vol. Vol. 3. St. Petersburg. Pp. 39—40 [in Russ.].
6. Retyunskikh L. T. (2002) *Filosofiya igry* [Game philosophy]. Moscow. 256 p. [in Russ.].
7. Sannikov V. Z. (1999) *Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry* [Russian language in the mirror of the language game]. Moscow. 542 p. [in Russ.].
8. Suvorova S. L., Nikanorov S. A. (2018) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10 (420). *Filologicheskiye nauki. Iss. 114*, pp. 240—245 [in Russ.].
9. Kheyzinga Y. (1992) *Homo ludens. Chelovek igrayushchiy* [Homo luders. Man playing]. Moscow. 464 p. [in Russ.].
10. Chukovskiy K. I. (1990) *Ot dvukh do pyati. Sobraniye sochineniy: v 2 t. T. 1* [Collected works in 2 vol. Vol. 1]. Moscow, Pravda. Pp. 73—404 [in Russ.].

ПОСТБРЕКСИТ-ПАРАДОКС

Р. М. Салимова

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

Рассматривается образ Великобритании, формирующийся на страницах англоязычного медиа-пространства. Эмпирическую базу исследования составляют статьи из bbc.com/news, theatlantic.com, inosmi.ru, вышедшие в свет в начале 2020 г. Цель статьи в том, чтобы выявить, как взаимосвязь состоявшегося брексита и стремительно развивающейся пандемии сказалась на категоричности суждений, вызвав негативные оценки в политическом дискурсе.

Ключевые слова: *брексит, переходный период, пандемия, политический дискурс, оценочность.*

Британцы ушли по-английски. На горячем новостном фоне, насыщенном политическими событиями, а также известиями о стремительно распространяющемся по всему миру новом вирусе, почти незамеченным прошло событие, которое на протяжении более трех лет будоражило умы политиков и сотрясало финансовые рынки, а именно выход Великобритании из состава ЕС. К этому событию Лондон мучительно шел с июня 2016 г., когда состоялся референдум, и почти каждый месяц оно сопровождалось громкими заявлениями, которые вызывали жесткие дебаты в Британском парламенте и стоили отставки Т. Мэй.

В действительности алгоритм де-юре выхода из Евросоюза сложен и чреват рисками. Во избежание потенциально драматичного для экономики «обвального брексита»¹ перед Британией стоит нетривиальная задача: утвердить новые торговые договоренности с ЕС за короткий 11-месячный переходный период [6]: *The idea behind the transition period is to give some breathing space to allow new UK-EU negotiations to take place... Top of the to-do list will be a UK-EU free trade deal. This will be essential if the UK wants to be able to continue to trade with the EU with no tariffs, quotas or other barriers after the transition*² [14].

Среди приоритетных направлений внешнеэкономической политики аналитики выделяют США,

¹ Синоним: жесткий брексит / *hard brexit, no deal*. В этом случае Британия будет вынуждена мгновенно начать обмениваться товарами, капиталом и услугами с Евросоюзом на общих условиях Всемирной торговой организации, с пошлинами, тарифами и погранично-таможенным контролем.

² Предложенные в статье английские примеры призваны отразить ключевые идеи и направления противоречивого дискурса о брексите, бытующего в Великобритании

Канаду, Австралию, Индию, Японию [2]. Не исключено, что в свете последних трагических для глобальной экономики событий будут пересмотрены отношения с Китаем и Гонконгом.

Оптимизм брекситеров, продиктованный лозунгами «вернуть контроль» (*take back control*), «настоящему глобальная Британия» (*a truly global Britain*) и «довести брексит до конца» (*to get Brexit done*) подразумевает, что вне состава ЕС Британия сможет вести самостоятельную политику во всем мире. Смело, но анализ многочисленных статей показывает обратное: *The country has little idea where it is leaping... Brexit is essentially an aberration, a decision of epic stupidity, which, at its heart, seeks to reverse the tide of history pushing midsize countries into multinational blocs in order to compete in a world of superpowers. It is a story of a country that has lost control of who it is and where it is going* [18].

Известный российский журналист в статье «Лондонский глас народа» остро подметил по поводу утраченных сожалений и ложных иллюзий: «Великобритания должна очистить помещение. Из чего делается вывод: давайте мы проведем новый референдум, который установит, что с выходом из ЕС мы просто пошутили. Брексит забудется, как дурной сон, и все останется по-прежнему. Желание понятное. В шахматах и в картах игрок тоже часто желает переходить, сообразив, что сделанный им ход не сулит ему ничего хорошего. Правда, правила игры этого не позволяют» [12].

«Постбрексит синдром» предполагает обострение ситуации и в академической сфере. Е. Небольсина отмечает, что существует не только определенный риск утечки «академических кадров», но есть непосредственная угроза научному знанию в Великобритании. Если ранее в сфере ее прерогатив была открытая возможность использовать

материальные ресурсы Евросоюза для исследований в виде «научных грантов в рамках самых престижных программ и профинансированных проектов», то сейчас в стране участие британцев в международных научных проектах сводится к минимуму [3. С. 24].

Осуществление проекта выхода Британии из ЕС натолкнулась на сложные внутривнутриполитические подводные камни, вызванные самим устройством квазиунитарного государства, в котором Соединенное Королевство управляется вестминстерским парламентом, однако Шотландия имеет свой собственный парламент, а в Северной Ирландии и Уэльсе функционируют ассамблеи, уполномоченные решать мелкие социально значимые вопросы, «обладающая правами ограниченной автономии» [13. Р. 117].

Британии, раздираемой внутренними противоречиями, все труднее удержать в своем составе Северную Ирландию. И тут актуален вопрос «*Сохранить нельзя отдавать*», суть которого сводится к межконфессиональному противостоянию католиков в Ирландии и протестантов в Северной Ирландии [10].

Брексит предусматривает установление четкой границы с пропускными пунктами, таможней и военным контингентом между Северной Ирландией и Ирландией, поскольку Ирландия по-прежнему входит в состав Евросоюза, а Северная ее часть уже нет, однако это единственный в Соединенном Королевстве регион, который де-факто претендует на временные экономические привилегии в отношениях с общим европейским рынком и Таможенным союзом: *The key change is that under Mr. Johnson's deal, a customs border will effectively be created between Northern Ireland and Great Britain. Some goods entering Northern Ireland from Great Britain will be subject to checks and will have to pay EU import taxes (known as tariffs). These would be refunded if goods remain in Northern Ireland (i. e. are not moved to the Republic of Ireland [14].*

Существует много подводных камней даже на этапе свершившегося брексита. Для Британии «граница по Ирландскому морю может привести к осложнению отношений с Шотландией, которая не желает покидать Евросоюз» [1. С. 272]. Лидер Шотландии Никола Стерджен уже заявила, что независимая Шотландия стремится к полному членству в ЕС, что еще раз подчеркивает, что большой вопрос брексита не закрыт. Самым тяжелым ударом для положения Британии в перспективе может стать отделение Шотландии. Это, собственно, может означать конец страны под названием

Великобритания, потому что государство Great Britain — это именно союз Англии и Шотландии, созданный в 1707 г. [7]. И здесь таится еще один ящик Пандоры. Бурение нефти из шельфовых скважин в Северном море с 1975 г. делает Британию самодостаточной, независимой от мировых нефтяных магнатов и очень уязвимой в случае эскалации напряжений между Шотландией и Англией, ибо встанет уже совсем не деликатный и острый вопрос, как делить нефть и где проводить границу по Северному морю.

Премьер-министр Великобритании Б. Джонсон, как и обещал перед назначением, осуществил брексит без повторного референдума и без потрясений, и теперь в контексте пандемии поиски и решения проблем переходного периода представляют интерес, хотя они и утратили новизну и актуальность, о чем свидетельствуют многочисленные аутентичные источники. Теперь брексит нивелировался до уровня регионального спора, тесно связанного с вопросами власти и истории, а также территориального спора, где замешаны гордость, принципы и идеалы, однако данная проблема кажется ничтожно малой, когда речь идет о гибели людей и грядущих глобальных экономических потрясениях: *Ultimately, Brexit is a regional argument wrapped up in power and history, territorial disputes and pride, principles and high ideals. Ultimately, Brexit is not a matter of life or death, literally or economically. The coronavirus, meanwhile, is killing people and perhaps many businesses [19]. The coronavirus has exposed the utter smallness of Brexit. With the global economy heading for potentially the greatest shock since the supposedly once-in-a-century crash of 2008, the costs and opportunities of Britain's exit from the European Union boggle the mind [20].*

До середины марта 2020 г. настоящих draconовских мер и запретов было мало. Коронавирус был реальностью в цукербергском смысле слова — некой пресловутой «дохлой белкой»: *A squirrel dying in front of your house may be more relevant to your interests right now than people dying in Africa [21].*

Правительство Б. Джонсона пыталось проводить политику, предусматривающую продолжение брексита: вы вот так, а мы сделаем совсем другому — мы дадим народу спокойно заразиться, начнет вырабатываться так называемый стадный иммунитет, когда у большого числа людей уже возникнет иммунитет, вирусу уже трудно будет передвигаться, размножаться дальше, и эпидемия начинает стихать [9]: *The U. K. is different. We're at the beginning of a long process, and we're working out*

the best way to get there with the least public-health impact... and that means not rushing into panicked decisions... The U. K. *would suppress the virus but not get rid of it completely, while focusing on protecting vulnerable groups, such as the elderly. In the meantime, other people would get sick. But since the virus causes milder illness in younger age groups, most would recover and subsequently be immune to the virus. This herd immunity would reduce transmission, probably about 60 percent of people would need to be infected to achieve herd immunity* [22]. Критика общественности была жесткой, ибо в призыве звучала типичная британская горькая ирония «Keep calm and carry on... and get COVID-19», словно цель правительства заключалась в том, чтобы 60% населения заразилось.

Фраза Keep Calm and Carry on, имеющая почти вековую историю и тесно связанная с Уинстоном Черчиллем и его руководством в период Второй мировой войны, как будто написана несмысленными чернилами; она звучит как призыв не действовать опрометчиво, не устраивать сцен, а заниматься повседневными делами, как если бы ничего не произошло. В своей книге «Stuff Brits Like: A Guide to What's Great About Great Britain» известный британский писатель Fraser McAlpine развивает теорию, почему эта фраза не утрачивает популярности по сей день, причиной чему — британский стоицизм, *the stiff upper lip*, самодисциплина, стойкость и сила духа, сохранение спокойствия в тяжелые времена и в критических ситуациях. На эту коммуникативно релевантную черту английского менталитета и национального характера указывали и известные российские исследователи в области межкультурной коммуникации И. А. Стернин, Т. В. Ларина, М. А. Стернина [5. С. 32].

Сторонники выхода Британии из ЕС (а их обладающее большинство — 52% англичан и валлийцев) не видят такой черты характера в молодом поколении и используют осуждающую характеристику для обозначения чувствительности, характерной для него: *snowflakes, generation of snowflakes*, что значит «неженка», «хрупкое создание»: *We need to return to the days when milkmen cheerily continued their rounds through the bombed-out rubble of London's East End during the Second World War... Over the past two decades, as Islamic and far-right terrorism have led to occasional violence, the advice has been: Go about your daily life, free from fear, or the terrorists have won. After the financial crisis, the official advice was similar: Keep spending, keep traveling,*

keep living. Don't let the economy seize up [15]. Миф о невозмутимости льстит старшему поколению — *the Blitz spirit people*, — закаленному трудностями, со сложившимся иммунитетом к излишествам государства-няньки, считающим любые посягательства на личное пространство чрезмерной реакцией. Но в контексте пандемии подобная иллюзия может оказаться опасной. Скорее, уместным является лозунг *keep calm and don't carry on...*

В психологии принято выделять синдром усталости от вмешательства, при котором эффективность социальной изоляции падает. Новость, что у наследника британского престола принца Чарльза, а впоследствии у премьер-министра Б. Джонсона, министра здравоохранения М. Хэнкока обнаружили коронавирус, ускорила нарастающее чувство усталости: *Harsh as it may sound, when the coverage moves to recording that there are still deaths, still intensive-care shortages, still lockdowns, some people will tune out. Behavioral scientists are worried that populations may succumb to a phenomenon known as «intervention fatigue»,» reducing the effectiveness of social distancing* [16]. Б. Джонсона и его советников в свое время беспокоило то, что, если ограничения и режим самоизоляции ввести слишком рано, люди не будут настроены на взаимодействие и потеряют бдительность, когда пандемия действительно достигнет точки апогея: *Put simply, people need to be anxious enough about the coronavirus to obey the rules, and if the government can expect only a few weeks of compliance, it needs to time that window for maximum effect* [22].

Отдельно — о панической покупке продуктов питания в супермаркетах и о пустых полках. Автор английской статьи Хелен Льюис объясняет это с точки зрения экономической эффективности функционирования социума. В отсутствие привычных условий, а именно: эффективности затрат, рациональности и практичности — людьми движет потребность запастись, при этом нарушается система своевременных поставок: *Temporary shortages are being caused by people adding just a few extra items and shopping more often... We have been trained to see efficiency as a desirable goal. However, that very efficiency makes it less robust. Highly efficient systems have no slack, no redundancy, and therefore no resilience and no spare capacity... All of these changes, carried out in the name of efficiency, have made our society more fragile: tired doctors, overstretched police officers, families forced to live in cramped homes. People living highly-tuned lives have faced more disruption as the system overheats* [17].

Возвращаясь к теме 11-месячного переходного периода, пандемия как «обстоятельство непреодолимой силы» может послужить условием продления переходного периода сроком до 12 и даже 24 месяцев: London and Brussels have not accepted that *the world has changed* since Britain exited... Britain and the European Union begin negotiations over a new trading relationship today, but *like in Willy Wonka's chocolate factory, a strange unreality hangs over everything* [20].

«Современная система информации, несущая в себе негативный потенциал, оказывает непосредственное воздействие на человеческое сознание» [4. С. 71]. Очевидно, что некоторые повороты и аспекты свершившегося брексита сейчас рассматриваются через призму злободневного коронавирусного кризиса, *последствия которого во всей полноте могут сказаться неблагоприятно на экономике Соединенного Королевства*. Аналитики уже отмечают, что «*уход с общего европейского рынка усугубится снижением потребления и инвестиций из-за вспышки коронавируса*» [11].

Итак, на страницах британского bbc.com/news, американского издания theatlantic.com и inosmi.ru (интернет-портала, где статьи переведены на русский язык из зарубежных СМИ) брексит представлен как заблуждение, решение, потерявшее свою значимость в контексте сложного статус-кво. Анализ эмпирического материала свидетельствует, что эксплицитная и имплицитная отрицательная оценочность в современных массмедийных текстах достигается за счет использования:

- отдельных лексем (*less robust, more fragile, an aberration, disruption, no resilience, harsh* и др.);
- экспрессивных синтаксических моделей, а именно: субстантивных фраз (*a decision of epic stupidity, the utter smallness of Brexit, generation of snowflakes, a more fragile society, a strange unreality* и др.), придаточных/инфинитивных конструкций с отрицательной оценочностью (*heading for potentially the greatest shock, to boggle the mind*). Не исключается и положительная оценка общепризнан-

ных достижений. Например: *working out the best way to suppress the virus, a truly global Britain, don't let the economy seize up*;

- метатекстовых маркеров, служащих для переключения внимания реципиента на наиболее существенные, с позиции автора, фрагменты текста, придающие особую стилистическую окраску и тональность (*essentially, at its heart, ultimately, meanwhile, in the meantime, put simply*);

- а также среди экспрессивно-оценочных средств влияния можно выделить стилистические приемы, помогающие создать более четкий образ и оказывающие манипулятивное действие на реципиента текста. Например: имплицитно и эксплицитно представленные сравнения (*a squirrel dying in front of your house, like in Willy Wonka's chocolate factory*), эпитет (*the Blitz spirit people*), ирония (*Keep calm and carry on... and get COVID-19*), метонимия (*the «stiff upper lip»*), повторы (*still... still*).

Данное исследование, лингвосоциологический обзор, дает право сделать вывод, что как британские, так и американские СМИ, являясь одним из каналов влияния на формирование общественного мнения, занимают предельно жесткую позицию, не скупясь на контекстуальные маркеры с отрицательной семантикой. Зачастую сложившаяся конъюнктура демонстрируется с позиций разных участников политического дискурса, при этом мнение автора может не совпадать с позицией редакции.

Правит бал не столько политическая накаленность, проявляющаяся в виде агрессивности оценок и негативно-оценочных реплик в политическом диалоге, сколько социальная нервозность в обществе. Отмечается, что проблемы внешней политики Британии тесно переплетаются с проблемами внутривнутриполитическими. Электризация тенденций к автономии и их проблематизация тоже естественны, и обсуждаемые вопросы требуют множественного толкования. Учитываются не только перемены в жизни общества, но и быстрая смена событий и мнений в глобальном мире.

Список литературы

1. Антропова С. Ю., Красина Е. А. Брексит: закономерная случайность // Политика в фокусе. 2019. № 1. С. 267—273.
2. Искендеров П. Brexit: есть ли свет в конце туннеля? // Международная жизнь. 2019. № 4.
3. Небольсина Е. Брексит: риски для науки в Великобритании // Управление риском. 2017. № 3 (83). С. 22—28.

4. Салимова Р. М. Лингвopsихологический аспект модальности в современном политическом дискурсе // Вестник Башкирского Университета. 2010. Т. 15, № 1. С. 67—71.
5. Стернин И. А., Ларина Т. В., Стернина М. А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж: Истоки. 2003. 185 с.
6. Вендик Ю. День брексита: Британия наконец выходит из ЕС. Что теперь?. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-51213203>.
7. Вендик Ю. Прощай, великая Британия? Каким будет место страны в мире после брексита. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-51274232>.
8. Гузь С. Пандемия как форс-мажор: как бороться с коронавирусом в судах и арбитражах. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/395441-pandemiya-kak-fors-mazhor-kak-borotsya-s-koronavirusom-v-sudah-i-arbitrazhah>.
9. Косенок А. По-прежнему нет драконовских мер. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4293042>.
10. Краев А. Удержать Белфаст: почему Британии все труднее сохранить в своем составе Северную Ирландию. URL: <https://www.inosmi.ru/politic/20200322/247085420.html>.
11. Мондерер М. Stratfor (США): пересмотр глобальных экономических последствий пандемии Covid-9 // Stratfor. URL: <https://inosmi.ru/economic/20200328/247139204.html>.
12. Соколов М. Лондонский глас народа // RT на русском. URL: <https://russian.rt.com/opinion/567086sokolov-referendum-breksit-dva>.
13. Applegarth J., Brazier J., Broadbent J. Life in the UK. Complete study and practice. Newcastle upon Tyne: Coordination Group Publications Ltd., 2015. 232 p.
14. Edgington T. Brexit: What is the transition period?. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-32810887>.
15. Lewis H. The «Blitz Spirit» Won't Protect Britain From the Coronavirus. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2020/03/britain-coronavirus-boris-johnson/607879/>.
16. Lewis H. Prince Charles Is the New Face of the Coronavirus. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2020/03/prince-charles-positive-coronavirus-covid19/608716/>.
17. Lewis H. How Panic-Buying Revealed the Problem With the Modern World. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2020/03/coronavirus-panic-buying-britain-us-shopping/608731/>.
18. McTague T. Britain's Brexit struggle was balancing influence and control. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2020/01/britain-brexit-boris-johnson-influence-control/605734/>.
19. McTague T. The Coronavirus Brings Political Perspective. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2020/03/coronavirus-covid19-brexit-united-kingdom-politics/607687/>.
20. McTague T. The Unreality of the Next Stage of Brexit. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2020/03/britain-eu-brexit-trade-negotiations-unreality/607282/>.
21. Stone Z. 11 Times Mark Zuckerberg Kept It Real //Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/zarastone/2016/10/10/11-times-mark-zuckerberg-kept-it-real/#54f9137335d4>.
22. Yong E. The U. K.'s Coronavirus 'Herd Immunity' Debacle. URL: <https://www.theatlantic.com/health/archive/2020/03/coronavirus-pandemic-herd-immunity-uk-boris-johnson/608065/>.

Сведения об авторе

Салимова Римма Мидхатовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета, Уфа, Россия. risal@list.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 7 (441). Philology Sciences. Iss. 121. Pp. 131—137.

POST-BREXIT PARADOX

R. M. Salimova

Bashkir State University, Ufa, Russia. risal@list.ru

The article reveals Britain's image formed in and by the English printed media sphere. Articles from bbc.com/news and theatlantic.com and translations at inosmi.ru, which came out early in 2020, make up the empirical basis of the research. The choice of the given period is accounted for by two crucial events, namely "Brexit done" and rapidly evolving COVID-19 pandemic. These caused immediate resonance, and, respectively, obvious changes in representing Britain in media space. The article aims at revealing of how the correlation of the events affected harshness and finality of the judgement with the further surge of negative evaluation in political discourse. The empirical material testifies to the fact that explicit and implicit negative evaluation in mass-media texts is achieved through special units, expressive syntactic models, such as nominal and verbal phrases, and metatext markers.

Keywords: *Brexit, transition period, pandemic, political discourse, evaluation.*

References

1. Antropova S. Y. (2019) *Politika v fokuse*, no. 1, pp. 267—273 [in Russ.].
2. Iskenderov P. (2019) *Mezhdunarodnaia zhizn'*, no. 4 [in Russ.].
3. Nebol'sina E. (2017) *Upravlenie riskom*, no. 3 (83), pp. 22—28 [in Russ.].
4. Salimova R. M. (2010) *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, vol. 15, no. 1, pp. 67—71 [in Russ.].
5. Sternin I. A., Larina T. V., Sternina M. A. (2003) Oчерk angliyskogo kommunikativnogo povedeniya [The outline of English communicative behaviour]. Voronezh, Istoki Publ. 185 p. [in Russ.].
6. Vendik Y. Den' Breksita: Britaniya nakonets vyhodit iz Yees. Shto teper' [Brexit Day: Britain is leaving the EU at last. What's next]. Available at: <https://www.bbc.com/russian/features-51213203>, accessed 12.04.2020 [in Russ.].
7. Vendik Y. Proshchaj, velikaya Britaniya? Kakim budet mesto strany v mire posle Breksita [Farewell, Great Britain? What will the global place of the country be like after Brexit?]. Available at: <https://www.bbc.com/russian/features-51274232>, accessed 12.04.2020 [in Russ.].
8. Guz' S. Pandemiya kak fors-mazhor: kak borot'sya s koronavirusom v sudah i arbitrazhah [Pandemic as act of providence: how to fight coronavirus in courts and arbitration tribunals]. Available at: <https://www.forbes.ru/biznes/395441-pandemiya-kak-fors-mazhor-kak-borotsya-s-koronavirusom-v-sudah-i-arbitrazhah>, accessed 12.04.2020 [in Russ.].
9. Kosenok A. Po-prezhnemu net drakonovskikh mer [Draconian laws still absent]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4293042>, accessed 12.04.2020 [in Russ.].
10. Krayev A. Uderzhat' Belfast: pochemu Britanii vs'о trudnee sohranit' v svojom sostave Severnuyu Irlandiyu [Belfast: more difficulty in keeping Northern Ireland for Britain]. Available at: <https://www.inosmi.ru/politic/20200322/247085420.html>, accessed 12.04.2020 [in Russ.].
11. Mondere M. Stratfor (SShA): peresmotr global'nyh ekonomicheskikh posledstvij pandemii Kovid-10 [Stratfor (USA) revision of global economic impact of pandemic Covid-19]. Stratfor [Stratfor]. Available at: <https://inosmi.ru/economic/20200328/247139204.html>, accessed 12.04.2020 [in Russ.].
12. Sokolov M. Londonskij glas naroda [London's popular cry]. AT na russkom [Russian RT]. Available at: <https://www.russian.rt.com/opinion/567086-sokolov-referendum-breksit-dva>, accessed 12.04.2020 [in Russ.].
13. Applegarth J, Brazier J. Broadbent J. Life in the UK. Complete study and practice. Coordination Group Publications Ltd., Newcastle upon Tyne, 2015, 232 p.
14. Edgington T. Brexit: What is the transition period? Available at: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-32810887>.

15. Lewis H. The «Blitz Spirit» Won't Protect Britain From the Coronavirus. Available at: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2020/03/britain-coronavirus-boris-johnson/607879/>.
16. Lewis H. Prince Charles Is the New Face of the Coronavirus. Available at: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2020/03/prince-charles-positive-coronavirus-covid19/608716/>.
17. Lewis H. How Panic-Buying Revealed the Problem With the Modern World. Available at: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2020/03/coronavirus-panic-buying-britain-us-shopping/608731/>.
18. Mctague T. Britain's Brexit struggle was balancing influence and control, <https://www.theatlantic.com/international/archive/2020/01/britain-brexite-boris-johnson-influence-control/605734/>.
19. Mctague T. The Coronavirus Brings Political Perspective. Available at: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2020/03/coronavirus-covid19-brexite-united-kingdom-politics/607687/>.
20. Mctague T. The Unreality of the Next Stage of Brexit. Available at: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2020/03/britain-eu-brexite-trade-negotiations-unreality/607282/>.
21. Stone Z. 11 Times Mark Zuckerberg Kept It Real. *Forbes*. Available at: <https://www.forbes.com/sites/zarastone/2016/10/10/11-times-mark-zuckerberg-kept-it-real/#54f9137335d4>.
22. Yong E. The U. K.'s Coronavirus 'Herd Immunity' Debacle. Available at: <https://www.theatlantic.com/health/archive/2020/03/coronavirus-pandemic-herd-immunity-uk-boris-johnson/608065/>.

МИССИЯ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА «ИДЕАЛЬНОГО» УНИВЕРСИТЕТА (НА ПРИМЕРЕ МИССИЙ КАЗАХСТАНСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ)

О. В. Свиркович

*Челябинский государственный университет, Костанайский филиал,
Костанай, Казахстан*

Статья посвящена исследованию способности миссии университета выступать в качестве одного из средств формирования образа «идеального» университета в языковом сознании населения. Рассматривается процесс реализации прагматических установок университетов Республики Казахстан в аспекте базовых концептов, выявленных на основе анализа текстов их миссий

Ключевые слова: миссия, университет, «идеальный» университет, концепт.

Введение

Университет, функционирующий на территории современного Казахстана — это учебное заведение, которое, под влиянием мировых процессов глобализации стремится стать частью международного образовательного пространства. Официально данная позиция была обозначена в 2010 г., когда Казахстан, так же как и Российская Федерация, перешел на систему трехступенчатого образования и подписал Болонскую декларацию. С этого момента общей целью образовательных реформ в Казахстане стала адаптация системы образования к новой социально-экономической среде.

Совершенствование системы образования явилось одним из инструментов, способствующих решению задачи, поставленной Н. А. Назарбаевым: вхождение республики в число 50 наиболее конкурентоспособных стран мира [5]. В настоящее время закономерным результатом этого процесса стала активная деятельность государства по оптимизации высших учебных заведений. Согласно данным Комитета по статистике, количество вузов в Республике Казахстан с 2003 г. сократилось со 180 до 125 [12]. Очевидно, что в сложившейся ситуации высшим учебным заведениям Казахстана необходимо активно включаться в конкурентную борьбу и вести работу по формированию благоприятного имиджа, особую роль в процессе создания которого сегодня играет миссия.

Миссия как выражение предназначения университета и средство формирования образа «идеального» университета

В интересующем нас значении слово «миссия» характеризуется как задание, поручение [13. С. 427], предназначение к чему-либо важному, ответственная роль кого-либо, чего-либо [3. С. 546].

В современном русском языке наиболее близкими к слову «миссия» по значению являются слова «назначение», «цель», «предназначение». Однако отождествление данных понятий не представляется возможным. Слово «цель» имеет значение — «то, к чему стремятся, чего хотят достичь; главная задача, основной замысел» [Там же. С. 1460], «назначение» толкуется как «основная функция чего-либо, предназначенность для чего-либо» [Там же. С. 581] или «цель, задача, миссия (книжн.)» [14. С. 328], а «предназначение» — как «определенное назначение, смысл существования кого-либо, чего-либо» (высок.) [3. С. 959]. Как видим, толкования рассматриваемых понятий достаточно близки в семантическом отношении. Однако если термины «миссия» и «цель» являются установленными номинациями конкретных понятий в сфере управления организацией, хотя и различаются на основании временного критерия (цели предполагают сроки, миссии — нет), особенностей формулировки (цели имеют конкретное выражение результатов деятельности, миссии — нет),

способности быть измеримыми (цели способны быть измеримыми, миссии — нет) [4. С. 27], то слова «назначение» и «предназначение» не обладают подобной четкой терминологической закрепленностью, зато имеют яркую стилистическую окрашенность.

Первоначально употребление слова «миссия» было связано, как правило, с бизнесом: коммерческие организации, не афишируя стратегических целей, открыто формулировали смысл своей деятельности перед общественностью. В результате сформировалось определение миссии организации как некоего сообщения об основной цели, базовой функции социотехнической системы, дающего представление о том, что она производит, зачем она нужна обществу, государству, людям [8. С. 109]. По сути, декларирование миссии стало способом, позволяющим доносить до социума информацию о смысле существования организации, не открывая при этом ее стратегических целей, связанных с прибылью, а также способом, позволяющим вдохновлять ее сотрудников. Именно поэтому в сфере управления организациями принято достаточно четко разделять понятия «миссия» и «цель», вкладывая, как было сказано выше, в первое философский, «высший» смысл, а второе рассматривать более прагматично.

Миссия объясняет сущность и предназначение образовательного учреждения, определяет цели и средства их достижения, ориентирует поведение сотрудников и объединяет их в единое целое, устанавливает определенный психологический климат, формирует корпоративный дух, доводит основные ценности, определяет имидж и бренд университета и, соответственно, отношение общества к нему [9. С. 38].

Миссия университета, помимо высшей цели — объяснения сущности и предназначения образовательного учреждения, — способна благоприятным образом влиять на его корпоративную культуру и, безусловно, выступать в качестве средства целенаправленного формирования образа университета в сознании носителей языка. Именно поэтому в данной работе преследуется цель, связанная с выявлением прагматических установок и эксплицирующих их языковых концептов, с помощью которых тексты миссий формируют образ «идеального» университета в сознании населения Республики Казахстан.

Прагматические установки университетов Казахстана и эксплицирующие их языковые концепты

Для реализации поставленной цели семантическому анализу были подвергнуты тексты миссий 80 высших учебных заведений Республики Казахстан, имеющих статус университета. Пятьдесят процентов материалов составили тексты «столичных» университетов, к категории которых мы отнесли учебные заведения, расположенные в Нур-Султане (Астане), Алматы, а также на территории Алматинской области. Оставшиеся 50 % текстов миссий принадлежали провинциальным университетам, расположенным в областных центрах и городах областного подчинения Казахстана (Костанай, Семей, Караганда, Усть-Каменогорск, Талдыкорган, Актобе, Кызылорда, Актау и др.).

Как отмечено выше, на сегодняшний день с помощью миссии университеты стремятся целенаправленно влиять на формирование положительного образа, выставляя в выгодном свете наиболее существенные характеристики своей деятельности. Именно поэтому о миссии своего учреждения сейчас принято заявлять открыто: посредством размещения ее на официальном сайте.

В качестве основной прагматической установки казахстанских университетов, на наш взгляд, следует признать стремление позиционировать себя как организацию, способную готовить компетентных, конкурентоспособных, востребованных специалистов, предоставляя качественные образовательные услуги, играющую значительную роль в развитии региона или страны, а также нацеленную на развитие науки. Реализация перечисленных интенций осуществляется посредством создания текстов, ориентированных в первую очередь на потенциальных потребителей услуг высшего образования — абитуриентов и их родителей. К числу источников таких текстов можно отнести рекламные материалы и PR-материалы, которые в силу жанровой специфики призваны осуществлять конкретную установку — способствовать продвижению на рынке товаров и услуг. Миссию, занимающую особое место в коммуникативном пространстве современного университета, как правило, в лингвистике принято рассматривать в рамках делового [15], виртуального корпоративного [1] или научно-

образовательного [11] дискурса. Однако, на наш взгляд, в процессе описания миссии как коммуникативного явления целесообразно учитывать и ее очевидные связи с рекламным дискурсом и PR-дискурсом. Объясняется данное утверждение общедоступностью, языковым и функциональным сходством таких текстов с рекламными и PR-текстами, а также их ориентацией зачастую на одного и того же адресата — будущего студента. В связи с этим интерес вызывает исследование языковых концептов, позволяющих казахстанским университетам через миссии демонстрировать свои прагматические установки.

Назначением любой образовательной организации, безусловно, является предоставление образовательных услуг. В условиях конкуренции современные вузы стремятся обращать внимание общественности, что именно в их заведении можно получить такое образование, которое позволит не просто стать обладателем диплома, но и приблизиться к одному из идеалов современного общества — идеалу успешного и востребованного специалиста. Языковая реализация этих установок осуществляется посредством соответствующих концептов: *образование* (44), *знания* (21), *инновация* (48), *международный* (24), *качество* (26), *специалист* (38), *конкурентоспособный* (37), *кадры* (22), *профессиональный* (15).

Концепты *образование*, *знания* способствуют университетам позиционировать культ знаний, а с помощью концептов *инновация*, *качество*, *профессиональный* с положительной стороны характеризуются оказываемые ими образовательные услуги. В текстах миссий концепты *образование* и *знание* чаще всего встречаются в сочетаниях с прилагательными, имеющими яркое оценочное значение (*доступное, высококачественное, непрерывное, немецкое, целостное, инновационное, современное, классическое, мировое, отечественное, достойное образование; передовые, новые, научные, фундаментальные, профессиональные знания*). Реже можно встретить рассматриваемые концепты в окружении единиц с констатирующим значением (*многопрофильное, высшее, послевузовское образование; полученные, технические, технологические знания*). Наибольший интерес представляют единицы первой группы, так как именно с их помощью реализуется воздействующая функция текстов речевого жанра миссия и с наиболее привлекательной стороны характеризуется деятельность университета. Построенные на основе ключевой

единицы концепта *образование* прилагательные в контекстах миссий казахстанских университетов, как правило, способствуют реализации информативной функции (*образовательный центр, комплекс; образовательная среда, деятельность, инфраструктура, политика; образовательное пространство; образовательные технологии и программы, услуги*). И только некоторые из них (*образованные специалисты, высокообразованные граждане*), обладая оценочностью, употребляются с целью воздействия. Прагматический потенциал сочетаний с концептом *образование* в начальной его форме без зависимого прилагательного реализуется, как правило, за счет оценочного значения слов, образующих его контекст (*лучшие практики образования; развитие образования; воспитание, образование и наука во благо общества; современная система образования; стандарты образования; мировая практика образования; внедрение инноваций в образование; образование через инновации и международное сотрудничество*).

Следует отметить, что, несмотря на тенденцию к позиционированию компетентностного подхода в современной системе высшего образования, концепт *компетенция* нельзя назвать ключевым в текстах миссий казахстанских университетов, так как использовался он лишь в четырех случаях. Еще в четырех текстах употреблялся его дериват *компетентный*.

Обращает на себя внимание тот факт, что наиболее распространенным по количеству воспроизведений (выявлено 48 случаев) в отобранных текстах миссий университетов Казахстана стал концепт *инновация*. Реализация данного концепта в рамках исследуемого материала осуществлялась на основе лексического значения «нововведение, новшество» [3. С. 393]: *инновационное развитие общества, инновационные технологии, инновационно-ориентированный университет, инновационное пространство, центр инноваций, инновационное образование, инновационные преобразования, инновационное развитие, инновационно мыслящие специалисты* и пр. Следует отметить, что близкие в семантическом отношении концепту *инновация* концепты *новый* и *современный* в исследуемом материале встретились значительно реже: всего 10 и 16 раз соответственно: *новые знания, поколения, формации; современные требования, стандарты, критерии, технологии, компетенции; современный университет; современное образование; современная система образования*.

Значимость в текстах миссий концепта *международный* объясняется стремлением казахстанских университетов стать частью международного образовательного пространства: *международные критерии, стандарты, требования; границы знаний, связи, профессионалы; международный рынок труда, уровень; международное сотрудничество, взаимодействие.*

Концепт *качество*, являясь одним из ведущих в текстах современного рекламного дискурса, обладает широкой сферой использования и в рамках текстов миссий университетов. Е. П. Башминова, перечисляя основные компоненты, составляющие имидж высшего учебного заведения, первым называет качество образования, под которым подразумевает соотношение цели и результата, меру достижения целей [2. С. 540]. Высокая степень достижения поставленных целей конкретных университетов транслируется в текстах миссий, в которых концепт *качество* встречается в словосочетаниях в роли управляемого слова (*улучшение качества жизни, международные стандарты качества, обеспечение качества непрерывного образования, повышение качества человеческого капитала, реализация современных стандартов качества, улучшение качества образовательных услуг*), а также в словосочетаниях с использованием деривата *качественный* (*качественная подготовка специалистов, обеспечение качественного образования, оказание качественных услуг, обеспечение качественной подготовки, качественного роста человеческого капитала, доступного образования для качественной жизни*).

Семантическое наполнение концепта *профессиональный* в текстах миссий казахстанских университетов реализуется посредством двух значений лексемы «профессиональный»: 1 — относящийся к профессии (*профессиональная деятельность, профессионально-практическая деятельность, профессиональная среда региона, профессиональный рост, профессиональные знания, личностно-профессиональные компетенции*), 2 — относящийся к профессионализму (профессиональному мастерству) (*профессиональный вклад, профессиональные выпускники*), а также с помощью значения лексемы «профессионал» («хороший специалист») (*международные профессионалы, профессионалы мирового уровня, подготовка профессионалов*) [3. С. 1035].

Для обозначения своих выпускников казахстанские университеты в миссиях предпочитают

использовать концепты *специалист* (38) и *кадры* (24). Семантическое наполнение данных концептов (*специалист* — человек, профессионально владеющий какой-либо специальностью [Там же. С. 1247]), *кадры* — основной подготовленный состав работников какого-либо предприятия, учреждения, партийной или профессиональной организации [Там же. С. 408]) дают основания предполагать, что функциональная основа данного факта связана со стремлением указать на готовность выпускников данного университета вести профессиональную деятельность. Контекст, сопровождающий данные концепты, зачастую представлен прилагательными с ярким оценочным значением: *интеллигентные, высокоинтеллигентные, обладающие современными компетенциями, высококвалифицированные, полиязычные, конкурентоспособные специалисты; высококвалифицированные, квалифицированные, полиязычные, конкурентоспособные, социально ответственные, востребованные, научные кадры.* Наиболее значимым концептом, посредством которых в миссиях казахстанских университетов дается высокая оценка выпускников, является концепт *конкурентоспособный*.

Университет в педагогике высшей школы принято рассматривать как «учебное заведение, которое... осуществляет научную и педагогическую деятельность... и является ведущим научным и методическим центром в своей области деятельности» [10. С. 19]. Анализ отобранного материала позволил подтвердить этот факт: большинство современных казахстанских университетов действительно позиционируют себя как образовательные организации, нацеленные на развитие науки. Данная прагматическая установка репрезентуется с помощью языковых концептов *наука* (41) и *исследование* (10): *наука во благо общества; в перспективных областях науки, социальных наук, развитие лучших практик науки, путем интеграции образования и науки, реализации полученных знаний в науке, в системе высшего образования и науки; ведение передовых исследований, проведение исследований, продвижение инновационных технологий и исследований, научные исследования.*

Мысль о единстве преподавания и исследования среди основополагающих принципов деятельности университета одним из первых была высказана в 1809 г. В. фон Гумбольдтом, который отметил, что назначение университета — это «занятие наукой в самом глубоком и широком смысле этого

слова и разработка учебного материала, не специально подобранного, но по самой своей природе пригодного для духовного и нравственного образования» [6]. Данный факт подтверждается и современным пониманием смысла существования университета: «Университет по самой своей природе может быть только академическим, то есть прежде всего научным учебным заведением, но ни в коем случае не может быть просто учебным заведением для получения той или иной специальности» [7. С. 17].

Наконец, еще одной существенной, на наш взгляд, прагматической установкой, характеризующей деятельность современных казахстанских университетов, выявленной на основе анализа текстов миссий, является стремление позиционировать себя как организацию, играющую значительную роль в развитии региона или страны. Данная установка в исследуемом материале реализовалась посредством концептов *развитие* (39), *регион* (23), *страна* (21), *государство* (11): *развитие региона, страны, государства, Республики Казахстан, Казахстана,*

Центральной Азии; развитие человеческого капитала, общества, образования, культуры, экономики.

Заключение

Таким образом, миссия как текст, объясняющий сущность и предназначение образовательной организации, способна выступать средством репрезентации образа «идеального» университета. Основные прагматические установки, формирующие образ «идеального» университета в сознании казахстанцев: стремление университетов Республики Казахстан позиционировать себя как учебные заведения, предоставляющие качественные образовательные услуги, выпускающие востребованных специалистов, нацеленные на развитие науки и играющие значительную роль в развитии региона, государства, — реализуются с помощью концептов *образование, знание, инновация, международный, качество, специалист, конкурентоспособный, кадры, профессиональный, наука, исследование, развитие, регион, страна, государство.*

Список литературы

1. Абдулкадыров М. М. Коммуникативные стратегии и тактики в речевом жанре «миссия организации» (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8 (86), ч. 1. С. 65—68.
2. Башминова Е. П. Оценка имиджа Пермского национального исследовательского политехнического университета // Master's Journal. 2016. № 2. С. 536—547.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
4. Горемыкин В. А., Богомолов А. Ю. Бизнес-план: методика разработки. М.: Ось-89, 2002. 864 с.
5. Государственная программа развития образования Республики Казахстан на 2011—2020 годы. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1000001118> (дата обращения 10.03.2020).
6. Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации научных учреждений в Берлине. URL: <http://ecsocman.hse.ru/univman/msg/144983.html> (дата обращения 15.03.2020).
7. Жуков В. Н. О вечных и временных ценностях университетского образования // Вестник высшей школы. Сер.: Философия и социология. 2015. № 7. С. 15—19.
8. Иванов М. А., Шустерман Д. М. Организация как ваш инструмент. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. 392 с.
9. Мешков А. Ю. Проблема определения миссии университета как организации // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 41. С. 36—41.
10. Мынбаева А. К. Основы педагогики высшей школы: учеб. пособие. Алматы, 2008. 144 с.
11. Найден Е. В. Жанр «миссия» в контексте научно-образовательного дискурса современного университета: сопоставительный аспект (на материале русского и английского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 9 (27), ч. 1. С. 134—137.
12. Официальный сайт Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. URL: <http://stat.gov.kz/> (дата обращения 20.03.2020).

13. Словарь иностранных слов современного русского языка / сост. Т. В. Егорова. М.: Аделант, 2014. 800 с.
14. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013. 800 с.
15. Ширяева Т. А., Денисламова Д. М. Миссия организации как объект лингвистического изучения (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 7 (37), ч. 2. С. 211—214.

Сведения об авторе

Свиркович Олеся Владимировна — старший преподаватель кафедры филологии Челябинского государственного университета, Костанайский филиал, Костанай, Казахстан. lesyash_86@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 7 (441). *Philology Sciences. Iss. 121. Pp. 138—144.*

MISSION AS A MEANS OF REPRESENTATION OF THE IMAGE OF IDEAL UNIVERSITY (BY THE EXAMPLE OF MISSIONS OF KAZAKHSTAN UNIVERSITIES)

O. V. Svirkovich

Chelyabinsk State University, Kostanay branch, Kostanay, Kazakhstan.
lesyash_86@mail.ru

The article is devoted to the study of the ability of the university mission to act as one of the means of forming the image of an ‘ideal’ university in the linguistic consciousness of the population. The process of the realization of pragmatics of the universities of the Republic of Kazakhstan revealed through the analysis of their missions is considered. We conclude that through the concepts of *education, knowledge, innovation, international, quality, specialist, competitive, personnel, professional, science, research, development, region, country, state* such pragmatic settings of Kazakhstan universities as the desire to position themselves as organizations providing quality educational services, producing demanded specialists, aimed at the development of science and playing a significant role in the development of the region and the state are realized.

Keywords: *mission, university, “ideal” university, concept.*

References

1. Abdulkadyrov M. M. (2018) *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 8 (86), pp. 65—68 [in Russ.].
2. Bashminova E. P. (2016) *Master’s Journal*, no. 2, pp. 536—547 [in Russ.].
3. Kuznecov S. A. (ed.). (2000) *Bol’shoj tolkovyj slovar’ russkogo jazyka* [The large explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ. 1536 p. [in Russ.].
4. Goremykin V. A., Bogomolov A. Ju. (2002) *Biznes-plan: Metodika razrabotki* [Business Plan: Development Methodology]. Moscow, Os’-89 Publ. 864 p. [in Russ.].
5. Gosudarstvennaja programma razvitija obrazovanija Respubliki Kazahstan na 2011—2020 gody [The state program for the development of education of the Republic of Kazakhstan for 2011—2020]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1000001118> (accessed 10.03.2020) [in Russ.].
6. Gumbol’dt B. O vnutrennej i vneshnej organizacii nauchnyh uchrezhdenij v Berline [On the internal and external organization of scientific institutions in Berlin]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/univman/msg/144983.html> (accessed 15.03.2020) [in Russ.].
7. Zhukov V. N. (2015) *Vestnik vysshej shkoly*, no. 7, pp. 15—19.

8. Ivanov M. A., Shusterman D. M. (2006) *Organizacija kak vash instrument* [Organization as your tool]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ. 392 p. [in Russ.].
9. Meshkov A. Ju. (2012) *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 41 pp. 36—41 [in Russ.].
10. Mynbaeva A. K. (2008) *Osnovy pedagogiki vysshej shkoly* [Fundamentals of Higher Education Pedagogy]. Almaty. 144 p. [in Russ.].
11. Najden E. V. (2013) *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 9 (27), pp. 134—137 [in Russ.].
12. Oficial'nyj sajt Komiteta po statistike Ministerstva nacional'noj jekonomiki Respubliki Kazahstan [Official website of the Committee on Statistics of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan] URL: <http://stat.gov.kz/> (accessed 20.03.2020) [in Russ.].
13. Egorova T. V. (ed.). (2014) *Slovar' inostrannyh slov sovremennogo russkogo jazyka* [Dictionary of foreign words of the modern Russian language]. Moscow, Adelant Publ. 800 p. [in Russ.].
14. Ushakov D. N. (2013) *Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka* [Explanatory dictionary of modern Russian language]. Moscow, Adelant Publ. 800 p. [in Russ.].
15. Shirjaeva T. A. (2014) *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 7 (37), pp. 211—214 [in Russ.].

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ АВИАЦИИ

А. Ж. Суюмбаева

Военный институт Сил воздушной обороны им. Т. Я. Бегельдинова, Актобе, Казахстан

Рассматриваются особенности и значимость языковой политики государства, которая определяет многокомпонентную структуру языка, обслуживающего сферу авиации в полиязычном социуме. Автор анализирует существующие определения термина, выделяет особенности реализации языковой политики в области авиационной терминологии. На материале законодательных, нормативных и правовых документов Республики Казахстан характеризуются социолингвистические факторы и аспекты, касающиеся языковой политики в области авиации.

Ключевые слова: *языковая политика, полиязычие, социум, трехязычие, авиационный английский язык, фразеология радиообмена.*

Под термином *языковая политика* принято понимать «совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве» [6. С. 616]. В общем смысле языковая политика — это «система мероприятий и законодательных актов, проводимая властями и/или общественными институтами страны, которые ставят перед собой определенные социально-языковые цели» [2].

В советское время вопросы языкового строительства и языковой политики были обусловлены прагматикой. Как отмечает В. Г. Гак, «возникла необходимость создания алфавитов и литературных норм для многих языков нашей страны», сама проблематика языковой политики оформилась «в особый раздел языкознания (а именно социолингвистики) со своими универсалиями и фреквенталиями, со своими закономерностями и импликациями» [4. С. 104].

Языковая политика — это непростая деятельность, соответственно, в нынешних многонациональных странах она предусматривает большое число разнообразных условий: многоязычность, особенность национального состава и межэтнических взаимоотношений, значение самостоятельно взятых языков и их носителей в среде. По мысли В. М. Алпатовой, «в любом государстве сознательно или стихийно ведется та или иная языковая политика, влияющая на соотношение двух естественных потребностей человека: потребности идентичности и потребности взаимопонимания» [1. С. 7]. Языковая политика в Республике

Казахстан — это путь интеграции Республики Казахстан в международное сообщество. Сегодня в социуме государства непосредственно действует политика трехязычия, которая нацелена на развитие преподавания казахского, русского и английского языков.

Основным из инструментов языковой политики являются законы о языках. Следуя основополагающему законодательству — Конституции Республики Казахстан, статья 2 Закона «О языках в Республике Казахстан» формулирует положения, касающиеся, например, статуса государственного языка и его функций, использования государственного языка в наиболее важных социальных сферах, регламентации применения «местных» языков и т. п. [6]. Создание лингвистически грамотных законов о языке требует всестороннего изучения функциональных свойств языка, степени разработанности в нем тех или иных систем (например, системы терминологии, научного языка, языка дипломатических документов, официально-делового общения и т. п.), меры компетентности данного языка, в разнообразных социальных и ситуативных условиях его использования.

В современном «индустриальном обществе, как правило, доминирует жесткая языковая политика, которая направлена исключительно на удовлетворение потребности взаимопонимания. Зачастую государственная языковая политика не предполагает проведения специальных мероприятий, направленных напрямую на решение языковых проблем» [7. С. 25].

Однако, несмотря на этот факт, современная языковая политика все равно реализуется «без прямого вмешательства государства, как бы сама собой через систему образования, бизнес, средства массовой информации, человеческие контакты и т. д.» [2. С. 8]. На это ранее указывал В. Г. Гак: «Языковая политика стремится охватить прежде всего три сферы: администрацию, образование, средства массовой информации» [4. С. 105].

Согласно Концепции языковой политики в Республике Казахстан, главная трудность в проведении сбалансированной языковой политики в Республике Казахстан заключается в «создании рационального языкового пространства государства», призывающего к четкому установлению многофункционального соответствия языков, при котором общегосударственный язык должен занять заслуживающее место.

Проблема в том, что реальность практического применения русского и казахского языков не отвечает представленному требованию. В целом действительный показатель применения русского языка отвечает степени использования официального языка, а казахского языка — государственного языка, однако в некоторых высокотехнологических сферах последний не используется в связи с ограничениями своих функциональных возможностей. С целью перемены сформировавшейся языковой ситуации необходимо осуществление широкомасштабной общегосударственной политики по расширению функциональных областей казахского языка согласно фактическому наделению его статусом государственного.

Языковая политика в области терминологии авиации — одна из частных форм выражения языковой политики государства, которая реализуется согласно Закону Республики Казахстан «О языках в Республике Казахстан», устанавливающему юридические основы функционирования языков в Республике Казахстан, а также государственные обязанности в формировании условий для их непосредственного изучения и развития.

В своей рабочей деятельности авиация руководствуется нормативно-законодательными актами Республики Казахстан. Это прежде всего Закон Республики Казахстан «Об использовании воздушного пространства Республики Казахстан и деятельности авиации» [18] и другие нормативно-правовые акты, такие как Правила радиотехнического обеспечения полетов и авиационной электросвязи в гражданской авиации (приказ Министра по инвестициям и разви-

тию Республики Казахстан от 29 июня 2017 г. № 402) [23] и др.

Термин «авиационный язык» включает сравнительно обширную сферу, он содержит в себе огромный спектр лексики, сопряженной с различными сферами в авиации (самолетостроение, технический сервис воздушных судов, полетная активность, руководство воздушным движением, организация полетов, использование аэродромов, сервис пассажиров, авиационная деятельность экипажей воздушного судна). При этом важным обстоятельством получения возможностей в профессиональной карьере для выпускников авиационных учебных учреждений и уже специалистов в области авиации считается качественная языковая подготовка, главным образом подготовка по авиационному английскому языку. Получение языковых знаний, умений и навыков преследует определенную задачу — обеспечение безопасности полетов. Расхождение между обыкновенными разговорами и радиообменом состоит в том, что нарушение при ведении радиотелефонной связи или неправильная интерпретация информации представляют реальную опасность для жизнедеятельности людей. Различного рода неточности в коммуникации между авиадиспетчером и авиационным экипажем могут служить причиной таких серьезных результатов, как, например, занятие не того эшелона, а вследствие этого — сближение самолетов в атмосфере, конфликт или даже авиакатастрофа.

В соответствии с документом ICAO¹ 9835 языковой фактор способен оказаться фактором инцидентов на земле и в атмосфере в случаях низкого уровня обладания разговорным английским языком либо употребления более чем одного языка при радиообмене [24].

Главным документом, регламентирующим применение языка для специализированных целей в штатных моментах полета, считается гл. 12 руководства ИКАО «Организация воздушного движения» [25]. В документе рассмотрена инструкция ведения радиообмена (фразы и примеры предложений), а также то, как правильно использовать эту фразеологию. Таким образом, в основной массе обстановок стандартная фразеология ИКАО гарантирует средства коммуникации, с которыми сталкиваются в обыденной практике диспетчеры управления воздушным движением и пилоты.

¹ ICAO — ИКАО — Интернациональная организация гражданской авиации.

На сегодняшний день термины представляются главным элементом различных специальных языков. Авиационный английский подъязык не является исключением.

Специалисты по безопасности постоянно ищут пути роста безопасности полетов, чтобы гарантировать последующее сокращение числа авиационных несчастных случаев. На фоне уменьшения количества авиационных несчастных случаев вследствие механических поломок в последние годы стало уделяться повышенное внимание человеческим обстоятельствам, которые содействуют появлению аварий и крушений. Одним из человеческих факторов, вызывающих интенсивный интерес, является вопрос коммуникации. Реальность такова, что для полноценной коммуникации при выполнении международных полетов требуется владение авиационным английским языком.

Авиационный английский язык содержит свой алфавит, это слова, а не из буквы (Alfa, Bravo, Charlie и т. д.). Фонетический алфавит применяется с целью произнесения по буквам той составляющей сообщений, которая включает буквы и числа, для того чтобы исключить путаницу вследствие того, что звуки многих букв аналогичны друг другу. Его применимость повышается в случае, если присутствуют шумы или прочие препятствия.

Как отмечает Л. В. Шавкунова, языковые и грамматические структуры должны соответствовать необходимости и частотности их использования в авиационной отрасли. С этой целью для наиболее комплексного решения всех упомянутых вопросов применяются специальные комплекты, такие как: Aviation English Macmillan, Air Speak Robertson, Air Force Career Paths, English for Aviation Oxford [11. С. 125].

В авиационном языке применяется особенная терминология — фразеология радиообмена. Порядок ведения стандартной фразеологии радиообмена на английском языке при выполнении международных полетов в воздушном пространстве Республики Казахстан устанавливаются Правилами, рекомендованные ИКАО. Английский язык должен применяться для связи между воздушными судами и диспетчерскими пунктами постоянно, когда взаимодействуют представители двух государств, вне зависимости от их родных языков [25. С. 85].

Специфика радиообмена предусматривает применение формата высказывания, предполагающего определенный порядок вхождения

в радиосвязь, ведения тематического диалога или монолога и выхода из связи. Язык международного обмена должен использоваться только в том виде, в котором он приведен в соответствующих регламентирующих документах ИКАО. Благодаря этому достигаются три основных качества радиообмена: понятность, однозначность и краткость.

С социолингвистической точки зрения «дискурс радиообмена, состоящий в основном из запросов и команд, является кодифицированным, поскольку формы речи в жанре команд обладают сигнальной функцией» [14. С. 318]. Данные формы речи фиксируются в письменных источниках и воспроизводятся в устной речи стандартизированно, без изменений. Речевое взаимодействие собеседников представляет собой, с одной стороны, «свернутую когнитивную модель (схему) речевого поведения, хранящуюся в долговременной памяти, с другой стороны, словесную материализацию этой модели собеседниками» [13. С. 200].

Сфера применения подъязыка радиообмена — профессиональные отношения, в которые вступают летчик и авиадиспетчер при выполнении ими своих служебных обязанностей. Участники общения в данной ситуации выступают в качестве официальных представителей государственных структур (поскольку правила радиообмена издаются от имени государства), имеющих определенный круг обязанностей, наделенных четкими полномочиями и несущих ответственность за точное исполнение этих обязанностей, так как от этого зависит безопасность и жизнь людей. Действия участников коммуникации регламентированы государственными документами (инструкциями, правилами, рекомендациями).

По наблюдению исследователей, в Республике Казахстан «имеются области авиационной деятельности, в которых казахский язык выступает как равноправный международный язык (международные двухсторонние договоры о воздушных перевозках, например Протокол о развитии сотрудничества в области транспорта между Исламской Республикой Иран и Республикой Казахстан¹, Тегеран, 2 ноября 1992 г., на казахском и персидском языках» [9. С. 105].

Вместе с тем «имеются области авиационной деятельности, в которых казахский язык не применяется вследствие соблюдения обязательств

¹См.: Декларация о взаимопонимании и сотрудничестве между Республикой Казахстан и Исламской Республикой Иран (Тегеран, 2 ноября 1992 г.) [27].

в рамках воздействия интернациональных конвенций, уставов и соглашений (например, Соглашение по открытому небу¹, принятое в Хельсинки 24 марта 1992 г., в котором в качестве рабочих языков Консультативной комиссии закреплены русский, английский, испанский, итальянский, немецкий и французский [27])» [9. С. 105].

Согласно суждению исследователя И. В. Асмуковича, авиационная терминосистема складывается уже более двухсот лет и демонстрирует полный сложный процесс развития авиационной техники и науки — от запуска первых воздушных шаров до полетов космических судов и ракет [3]. Л. Б. Ткачева отмечает, что непосредственно XX столетие можно расценивать главным в истории развития авиационной терминологии, вследствие того что непосредственно в данный период «зародилась, окрепла и приобрела бурное формирование сама авиация». Помимо этого, по суждению исследователя, ни одна другая терминосистема не вобрала в себя такое количество терминов из остальных сфер знаний, как авиационная [8. С. 159].

В Республике Казахстан «существуют области авиационной деятельности, где отсутствуют какие-либо уставные ограничения, но государственный язык (в данном случае казахский язык) не применяется. На наш взгляд, это объясняется двумя факторами: отсутствием научно-технической терминологической базы на казахском языке в период 1930—70-х гг., а в дальнейшем мощным воздействием русской технической терминологии, что сдерживало рост надлежащего раздела казахского

¹См.: Договор по открытому небу (Хельсинки, 24 марта 1992 г.) [28].

языка» [10. С. 255]. Перспективы расширения функциональных возможностей данного языка внутри страны зависят от языковой политики государства, определяющей его внедрение в высокотехнологичные области деятельности.

Потребность в укреплении позиций государственного языка в специальных сферах деятельности реализуется через разработку национальных терминологий и создание двуязычных (трехязычных) терминологических словарей. Активное создание таких словарей свидетельствует о влиянии на этот процесс как экстралингвистических, так и собственно лингвистических факторов.

Таким образом, единые закономерности и принципы, которые могут быть характерны для терминов и словообразовательных процессов в современном английском и русском языках, представляются основанием при разработке авиационной терминологической концепции. Являясь значительной составляющей специальных языков, термины языка в значительной степени представлены и в авиационном языке. За свое более чем двухвековое развитие авиационная языковая политика, вобрав достижения иных сфер познания, претерпела как семантические перемены, так и формирование новых лексических единиц, что стало фактором ее многообразия.

Исходя из вышеизложенного можно сформулировать вывод, что языковая политика в области терминологии авиационной деятельности базируется на достаточно массивной и сложной системе международных актов, законодательных и нормативно-правовых документов, которая постоянно совершенствуется в целях унификации, кодификации и упорядочения.

Список литературы

1. Алпатов В. М. О языковой политике // Этнографическое обозрение. 2016. № 3. С. 7—15.
2. Алпатов В. М. Языковая политика в современном мире // Научный диалог. 2013. № 5 (17). С. 8—28.
3. Асмукович И. В. Формирование и развитие английской авиационной терминологии. Киев, 2011. 21 с.
4. Гак В. Г. К типологии форм языковой политики // Вопросы языкознания. 1989. № 5. С. 104—133.
5. Голикова Т. А. Введение в языкознание. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 369 с.
6. Дешериев Ю. Д. Языковая политика // Лингвистический энциклопедический словарь / под. ред. В. Н. Ярцевой. М.: Совет. энциклопедия, 1990.
7. Зайцева А. С. Специальная лексика чрезвычайных ситуаций: структурные и функциональные тенденции в новейших терминологиях: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 187 с.
8. Ткачёва Л. Б. Основные закономерности английской терминологии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 200 с.
9. Суюнбаева А. Ж. Языковая ситуация как фактор функционирования языка для специальных целей // Научный диалог. 2016. № 5 (53). С. 97—109.

10. Суюнбаева А. Ж. К вопросу о выявлении областей эффективного применения государственного языка в свете международных авиационных обязательств // Инновационная модель образования: тенденции и перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф. Актобе: Актюбинский педагогический ин-т, 2007. С. 254—256.

11. Шавкунова Л. В. Авиационный английский: учеб. пособие по изучению дисциплины «Профессионально ориентированный английский язык» для курсантов средних и высших летных училищ. Ульяновск: УВАУ ГА, 2004. 159 с.

12. Шарафутдинова Н. С. К вопросу о типологии специальной лексики // Современные технологии обучения иностранным языкам: сб. науч. тр. Ульяновск, 2015. С. 151—158.

13. Шляхов В. И. Речевая деятельность: феномен сценарности в общении. 2-е изд., испр. М.: Либроком, 2010. 200 с.

14. Щетинина Н. А. Стандартизированная лексика англоязычного радиообмена гражданской авиации // Молодой ученый. 2012. № 5. С. 316—321.

Правовые источники

15. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.03.2019 г.).

16. О языках в Республике Казахстан: Закон Республики Казахстан от 11 июля 1997 г. № 151-І (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.12.2019).

17. О Концепции языковой политики Республики Казахстан: Распоряжение Президента Республики Казахстан от 4 нояб. 1996 г. № 3186.

18. Об использовании воздушного пространства Республики Казахстан и деятельности авиации: Закон Республики Казахстан от 15 июля 2010 г. № 339-ІV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 07.07.2020) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z100000339>.

19. Об утверждении Правил государственной регистрации гражданских воздушных судов Республики Казахстан и прав на них: Приказ Министра по инвестициям и развитию Республики Казахстан от 30 июня 2017 г. № 409 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.04.2020).

20. Приказ Министра транспорта и коммуникаций Республики Казахстан от 28 ноября 2010 года № 546 «Об утверждении Правил признания свидетельств авиационного персонала, выданных иностранными государствами» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1000006690>

21. Приказ Министра по инвестициям и развитию Республики Казахстан от 14 июня 2017 года № 345 «Об утверждении Правил метеорологического обеспечения гражданской авиации» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.01.2020).

22. Приказ Министра по инвестициям и развитию Республики Казахстан от 29 июня 2017 года № 402 «Об утверждении Правил радиотехнического обеспечения полетов и авиационной электросвязи в гражданской авиации».

23. Руководство по внедрению требований ИКАО к владению языком: Дос. 9835 AN/453. 2-е изд. Монреаль: ИКАО, 2010. 180 с.

24. Организация воздушного движения. Правила аэронавигационного обслуживания: Дос. 4444-АТМ/501. 15-е изд. Монреаль: ИКАО, 2007. 460 с.

25. Приложение 2 к Конвенции о международной гражданской авиации. Правила полетов. Издание 10-е. 2005. Июль.

26. Декларация о взаимопонимании и сотрудничестве между Республикой Казахстан и Исламской Республикой Иран (Тегеран, 2 ноября 1992 г.).

27. Договор по открытому небу (Хельсинки, 24 марта 1992 г.).

Сведения об авторе

Суюнбаева Алтынгуль Жакиповна — доцент кафедры государственного языка Военного института Сил воздушной обороны им. Т. Я. Бегельдинова, Актобе, Казахстан. altin_suenbaeva@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 7 (441). *Philology Sciences. Iss. 121. Pp. 145—151.*

LANGUAGE POLICY IN THE AREA OF AVIATION TERMINOLOGY

A. Zh. Suenbaeva

Military Institute of the Air Defense Forces, Aktobe, Kazakhstan. altin_suenbaeva@mail.ru

The article is devoted to the peculiarities and significance of the language policy of the state, which determines the multicomponent structure of the language operating in the field of aviation in a multilingual society. The author analyzes the existing definitions of the term, highlights the features of the implementation of the language policy in the field of aviation terminology. Based on the material of legislative, regulatory and legal documents of the Republic of Kazakhstan, sociolinguistic factors and aspects of language policy in the field of aviation are characterized.

Keywords: *language policy, multilingualism, society, trilingualism, aviation English, phraseology of radio exchange.*

References

1. Alpatov V. M. (2016) *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 3, pp. 7—15 [in Russ.].
2. Alpatov V. M. (2013) *Nauchnyy dialog*, no. 5 (17), pp. 8—28 [in Russ.].
3. Asmukovich I. V. (2011) Formation and development of English aviation terminology. Kiev. 21 p. [in Russ.].
4. Gak V. G. (1989) *Voprosy iazykoznanii*, no. 5, pp. 104—133 [in Russ.].
5. Golikova T. A. Introduction to linguistics. Moscow, Berlin, Direct-Media, 2015. 369 p. [in Russ.].
6. Desheriev Yu.D. (1990) Language policy. Yartseva V. N. (ed.). *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow. 682 p. [in Russ.].
7. Zaitseva A. S. (2006) Special vocabulary of emergency situations: structural and functional tendencies in the latest terminology. Samara. 187 p. [in Russ.].
8. Tkacheva L. B. (1987) Basic patterns of English terminology. Tomsk. 200 p. [in Russ.].
9. Suyunbaeva A. Zh. (2016) *Nauchnyy dialog*, no. 5 (53), pp. 97—109 [in Russ.].
10. Suyunbaeva A. Zh. (2007) On the issue of identifying areas of effective use of the state language in the light of international aviation obligations. Innovative model of education: trends and prospects. Materials of the international scientific-practical conference. Aktobe: Aktobe Pedagogical Institute. P. 254—256 [in Russ.].
11. Shavkunova L. V. (2004) Aviation English Ulyanovsk. 159 p. [in Russ.].
12. Sharafutdinova N. S. (2015) On the question of the typology of special vocabulary. Modern technologies of teaching foreign languages. Ulyanovsk. Pp. 151—158 [in Russ.].
13. Shlyakhov V. I. (2010) Speech activity: the phenomenon of scripting in communication. Librokom. 200 p. [in Russ.].
14. Shchetinina N. A. (2012) *Molodoy ucheny*, no. 5, pp. 316—321 [in Russ.].

Legal sources

15. The Constitution of the Republic of Kazakhstan (adopted at the republican referendum on August 30, 1995) (with amendments and additions as of 03/23/2019).
16. About languages in the Republic of Kazakhstan. Law of the Republic of Kazakhstan dated July 11, 1997 No. 151-I (with amendments and additions as of December 26, 2019).

17. On the Concept of the Language Policy of the Republic of Kazakhstan. Order of the President of the Republic of Kazakhstan dated November 4, 1996 No. 3186.

18. On the use of the airspace of the Republic of Kazakhstan and aviation activities. Law of the Republic of Kazakhstan dated July 15, 2010 No. 339-IV (with amendments and additions as of 01/07/2020).

19. On approval of the Rules for state registration of civil aircraft of the Republic of Kazakhstan and rights to them. Order of the Minister for Investment and Development of the Republic of Kazakhstan dated June 30, 2017 No. 409 (with amendments and additions as of April 23, 2020).

20. On approval of the Rules for the organization of search and rescue support of flights on the territory of the Republic of Kazakhstan. Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated November 4, 2011 No. 1296 (with amendments and additions as of April 29, 2020).

21. Order of the Minister for Investments and Development of the Republic of Kazakhstan dated June 29, 2017 No. 402 «On approval of the Rules for radio technical support of flights and aviation telecommunications in civil aviation».

22. Guidance on the Implementation of ICAO Language Proficiency Requirements: Doc. 9835 AN/453. 2nd ed. Montreal, ICAO, 2010. 180 p.

23. Air traffic management. Air Navigation Services Rules: Doc. 4444-ATM/501. 15th ed. Montreal, ICAO, 2007. 460 p.

24. Declaration of Understanding and Cooperation between the Republic of Kazakhstan and the Islamic Republic of Iran (Tehran, November 2, 1992).

25. Appendix 2 to the Convention on International Civil Aviation. Flight rules. Tenth edition. July 2005.

26. Declaration of Understanding and Cooperation between the Republic of Kazakhstan and the Islamic Republic of Iran (Tehran, November 2, 1992).

27. Open Skies Treaty (Helsinki, March 24, 1992).

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «СПОРТ» В МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «СТОЛИЦА С»)

Н. М. Фролова

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск, Россия

Исследование концептуального поля современных СМИ интересно и актуально с точки зрения определения механизмов их воздействия на языковое сознание носителей языка в контексте активной социальной политики государства. Автор выявляет особенности репрезентации концепта «спорт» в региональном массмедийном дискурсе (на примере Республики Мордовия).

Ключевые слова: *концепт, спортивная журналистика, региональная журналистика, массмедийный дискурс, медиатекст, массмедиа, лексема.*

Введение

Концептуальную плоскость языкового сознания составляет совокупность понятий, имеющих большое значение для носителей языка — с философской, психологической, ценностно-мировоззренческой, духовно-нравственной точек зрения — и определенным образом раскрывающих и обуславливающих их этнокультурную уникальность среди других народностей. В самом общем виде концепт представляет собой сгусток (пучок) смыслов, объединенных в одном слове (лексеме), но способных бесконечно обогащаться и дополняться при скрупулезном исследовании в рамках той или иной языковой культуры.

Любой концепт наделен мощной этнокультурной составляющей; именно поэтому изучение универсальных и повторяющихся в разных языковых системах концептов (*душа, любовь, добро, зло* и т. д.) позволяет выявлять то специфичное, что сформировалось в языковом сознании народа под воздействием целого спектра факторов (исторических, экономических, социально-бытовых и др.). Однако необходимо учитывать «движение» концептов в языковой культуре и языковом сознании носителей языка, которое проявляется в интенсивном развитии и популяризации одних и «затухании» других в различные исторические периоды.

В центре внимания нашей статьи — концептуальная плоскость бытия и языкового сознания современной России, такого ее субъекта, как Республика Мордовия. При рассмотрении жизни российского общества последних десятилетий становится очевидной сильнейшая активизация в коллективном сознании концепта *спорт*, что связано с чередой крупных спортивных событий, полнотой их осве-

щения в СМИ, с постоянным их обсуждением среди горожан, общим интересом последних к спортивной сфере, которая оказывается тесно сопряженной с другими — социально-экономической, эстетической, духовно-нравственной. Особенности репрезентации концепта *спорт* в республиканских СМИ составляют предмет данного исследования, объектом которого выступает названный концепт в русском языковом сознании.

Несмотря на большую популяризацию концепта *спорт* в мировосприятии и языковом сознании жителей региона, глубокий научный интерес к нему, к сожалению, отсутствует. Попытки научного рассмотрения концепта *спорт* в рамках массмедийного дискурса Республики Мордовия уже предпринимались нами ранее (в статье «Особенности и задачи реализации имиджевых технологий в языке региональных СМИ (на примере преобразования имиджа города Саранск в свете актуальных спортивных событий в СМИ Республики Мордовия)» [15]), в связи с чемпионатом мира по футболу — 2018, который спровоцировал бурный всплеск спортивных новостей в местных газетах и на интернет-сайтах, однако дальнейшее развитие спортивной проблематики в региональных изданиях под новым, интересным углом заставляет нас коснуться этой темы более подробно и глубоко, на концептуальном уровне.

Теоретическую значимость подобных научных изысканий мы усматриваем в системном исследовании механизмов влияния СМИ на массовое сознание носителей языка — в данном случае жителей определенного региона, который активно развивает основные тенденции социально-политической жизни современной России. В последние

десятилетия внимание к спорту здесь значительно возросло, поскольку достижения российских спортсменов на мировых первенствах самым прямым образом влияют на рост авторитета государства на международной арене. Спортивные рекорды, удачно проведенные спортивные состязания мирового масштаба (Зимние Олимпийские игры в Сочи — 2014, Чемпионат мира по хоккею — 2016, Чемпионат мира по футболу — 2018, Чемпионат мира по фигурному катанию — 2019 и др.), широкое строительство спортивных объектов, вложение ресурсов в воспитание новых поколений спортсменов свидетельствуют о преемственности спортивной славы СССР и становятся символом возрождения величия России, укрепления ее статуса как сильной страны, способной гордиться своими гражданами. Руководство Республики Мордовия своевременно почувствовало данные тенденции и незамедлительно учло их в социальной политике региона. Благодаря интенсивному развитию спортивного дела Республика Мордовия завоевала авторитет и славу, стала известной жителям других субъектов Российской Федерации. Последние десятилетия именно спорт считается визитной карточкой республики, которую недвусмысленно именуют «спортивной столицей Поволжья». Все это объясняет важность концепта *спорт* для языкового сознания жителей Республики Мордовия, существенным фактором формирования которого выступают региональные СМИ, освещающие спортивную тему в самых разных аспектах и оценочных маркерах — от подчеркнута негативных до приподнято-торжественных, что задает определенную парадигму восприятия спорта на местном уровне.

Практическая значимость предпринимаемого исследования объясняется возможностью включения его материалов, результатов и выводов в содержание курсов и спецкурсов по региональной журналистике. Это весьма интересная и мало освещенная тема, в дальнейшей разработке которой могут принять участие студенты очных и заочных отделений специальности «Журналистика» МГУ им. Н. П. Огарева. Несомненно, что подобный опыт может быть успешно и продуктивно воспринят высшими учебными заведениями других регионов.

Материалы и методы исследования

Основная часть работы включает в себя теоретическое и эмпирическое исследования.

Ведущими методами теоретического исследования, нацеленного на формулирование рабочего определения понятия «концепт» и моделирова-

ние процедуры концептного (концептуального) анализа семантической области, стали: сопоставление теоретических подходов к научному толкованию терминов, изучение структуры концептов, проекция известных моделей на концепт СПОРТ, подробно рассматриваемый на материале массмедийного дискурса. Наибольший интерес для нас представили научные разыскания таких авторов, как В. Н. Сурина [13], В. А. Пищальникова [10], Е. И. Шейгал [19], которые предлагают максимально широкое понимание смыслового конструкта «концепт», давно утратившего четкие очертания в философии, лингвокультурологии и лингвистике. В дальнейшем мы обращались к уточнениям его семантики в работах Л. В. Поповой [11], С. Г. Воркачева [3], Е. И. Кузнецовой [6], акцентировавших культурологическую составляющую концептов, которая раскрывает специфику подобных образований в ментальной и языковой среде на фоне других понятий. Концептуальные модели, предложенные И. П. Михальчуком [7] и Ю. В. Титовой [14], послужили основой аналитического описания структуры концепта *спорт*, процедуру которого вполне можно считать универсальной для рассмотрения самых разных концептов независимо от эмпирической основы (в нашем случае — дискурса СМИ).

Эмпирическое исследование концепта *спорт* в публикациях региональных СМИ (на примере статей интернет-газеты «Столица С») предусматривало активное применение таких методов, как компонентный и функционально-семантический анализ, сравнительно-сопоставительный и типологический методы. Составление «тела» статьи предполагало широкое использование описательного метода, интеграцию методов анализа и синтеза в целом.

Результаты

Термин «концепт» вошел в научный обиход достаточно давно, несколько столетий назад, будучи представленным в основном в зарубежной гуманитаристике. По наблюдениям Ю. С. Холода, в кембриджских и оксфордских словарях понятие «концепт» датируется XVI в. и трактуется преимущественно в двух значениях: 1) «план, намерение» [16. С. 174] и 2) «мысль, идея, представление», весьма близких и удачно объединяющихся в дефиниции «абстрактная концепция чего-либо». Собственно, именно на ней зиждутся и более поздние фундаментальные исследования феномена конца прошлого века, появление которых связано со становлением

и интенсивным развитием антропоцентрической парадигмы в науке о языке. Так, в труде «Когнитивная лингвистика: введение» [21] сохраняется трактовка концепта как «идеи», «понятия» и «представления». В других работах лингвиста В. Эванса (в монографии «Как означают слова: лексические концепты, когнитивные модели и конструкция смысла» [20], статье «Семантическая репрезентация в теории ЛККМ» [22] и др.) концепт репрезентирован более четко и понятно — как сгусток смыслов, фрагмент языковой информации, участвующий в рецепции и познании человеком мира. Р. Лангакер [23] предложил разграничить в концепте языковую сторону (форму) и то концептуальное знание, которое «спрятано» за наименованием концепта и имеет нередко символическую природу. К. Пруст в книге «Концептуальная структура в лексических единицах» [24] выделяет механизмы концептуализации смыслов, которые усматривает, с одной стороны, в специфике самих ментальных процессов, тяготеющих к упорядочиванию языковой информации, распределению ее по участкам (фреймам), с другой стороны, в дистрибуции лексических лакун, объясняющейся сложностью языкового знака и возможностью полисемии. Таким образом, причины образования концептов кроются и в особенностях языкового мышления, и в своеобразии самих языковых единиц, допускающих вариативные значения.

Широкое исследование концептов во второй половине XX столетия отмечается и в отечественной науке, которая по сравнению с зарубежной с самого начала концентрировала свое внимание на культурологической стороне данного явления. При этом явственно прослеживается постепенное сужение дефиниции «концепт» в российской гуманитаристике, но в несколько ином ключе, нежели в трудах западных коллег: от «понятия» (В. Н. Сурина [13]) до «компонента национальной языковой картины мира» (С. Г. Воркачев [3], Л. В. Попова [11], В. П. Нерознак [8], Ю. С. Степанов [12], В. И. Карасик [5] и др.). В рамках лингвокультурологического направления отечественной лингвистики концепты рассматриваются в качестве «лексем, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют “наивную картину мира” носителей языка. Совокупность таких концептов образует концептосферу языка, в которой концентрируется культура нации... В число подобных концептов попадает любая лексическая единица, в значении которой просматривается способ (форма) семантического представления» [11. С. 311].

Таким образом, заметна конкретизация термина «концепт» — от обычного понятия до понятия национально значимого, культурно маркированного, философски глубокого и эмоционально-ценностно окрашенного для носителей языка. Понятия, составляющие национальное языковое сознание, разнятся, ранжируются по степени значимости для языковой общности и возможности раскрывать особенности национального мировидения и мировосприятия. Лишь самые важные из них и чутко отзывающиеся на отражение и сохранение национальной уникальности языкового сознания заслуживают право становиться концептами и образовывать концептуальную сферу языка. Безусловно, в разных языковых системах состав концептов во многом схож, особенно в своей центральной части — отличия же в их семантике и языковой репрезентации свидетельствуют о соответствующих различиях в мироосознании народов.

Исходя из вышесказанного, считаем целесообразным называть концептом *такое понятие, которое маркировано специальной лексемой, имеет богатый спектр смыслов, сопряженных с основным (корневым) значением, является важной частью национальной картины мира и языкового сознания представителей той или иной народности.*

В этой связи встает вопрос о методах исследования концептов, нацеленных на раскрытие их содержания, включающего, помимо базовых (сущностных), еще и дополнительные национально-культурные смыслы. Чем больше последних, тем более глубокой культурной символикой насыщено содержание концепта.

Постижение содержания концепта лежит через анализ его структуры, которая, в понимании В. А. Пищальниковой [10], Е. И. Шейгал [19], Лю Чаозе [17], И. А. Баумтрок [1] и других ученых, есть сумма некоторых смыслов, заключенных в значении и маркированных в нем словами, рядами слов и выражениями с различными семантическими связями. Таким образом, анализ содержания концепта ведется через изучение его смысловой структуры, отражением которой выступает его значение. Между тем ряд ученых (С. Г. Воркачев [3], Ю. С. Степанов [12], Ю. В. Титова [14] и др.) подчеркивают, что содержание концепта несоизмеримо шире значения лексемы, его называющей. По их мнению, здесь необходимо учитывать: а) этимологию слова; б) историю бытования и развития системы его значений, связи между ними, лингвистические и экстралингвистические факты, повлиявшие на их возникновение; в) образную составляющую («когнитивные метафоры,

поддерживающие концепт в сознании» [14. С. 16]); г) «значимостную составляющую (ассоциативные характеристики концепта, определяющие его место в системе языка)» [Там же]; д) оценочные компоненты и т. д. Следовательно, процедура исследования содержания концепта есть весьма сложный и разносторонний процесс погружения в его семантику, этимологию, историю языка и т. д. В контексте сказанного становится очевидным факт развития концептов, трансформации их содержания с течением времени, акцентирования одних смыслов и «затухания» других.

Рассмотрим процедуру анализа содержания концепта на примере концепта *спорт*.

В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой указываются следующие значения термина:

- «составная часть физической культуры — комплексы физических упражнений для развития и укрепления организма (*виды спорта*), соревнования по таким упражнениям и комплексам, а также система организации и проведения этих соревнований (*мероприятия*)» [9. С. 813];

- «перен. азартное увлечение чем-нибудь, каким-нибудь занятием» (*спортивные игры, спортивные занятия*)» [Там же].

Сопоставим достаточно общее определение со специальным, представленным в «Большой олимпийской энциклопедии», где *спорт* трактуется как «организованная по определенным правилам деятельность людей (*спортсменов*), состоящая в сопоставлении их физических и (или) интеллектуальных способностей, а также подготовка к этой деятельности, и межличностные отношения, возникающие в ее процессе» [2. С. 613].

Если обратиться к этимологии слова «спорт», то обнаруживается еще одна составляющая концепта — «развлечение» (от английского *sport*, ранее — *sporten* как вариант — *disporten* «развлекаться») [18. С. 344].

В результате можно выделить следующие смыслы в концепте *спорт*, зафиксированные в современном русском языке:

- деятельность спортсменов;
- комплексы физических упражнений (в том числе спортивные занятия);
- виды спорта;
- спортсмены;
- мероприятия (например, соревнования, дни здоровья и т. д.);
- развлечение (например, спортивные игры, спортивные занятия).

Данные смыслы образуют смысловые сегменты в значении концепта *спорт* и по-разному реализуются в процессе его репрезентации в массмедийном дискурсе, анализ которого позволяет уточнить содержание феномена в рамках данного типа институционального общения.

Исследование концепта *спорт* в массмедиа актуализирует одновременно несколько подходов к рассмотрению дискурса: а) тематический (поскольку затрагивается определенная тема — тема спорта); б) структурный (поскольку мы выделяем и подробно анализируем лишь один его смысловый фрейм); в) функциональный (поскольку сосредотачиваем внимание на массмедийном дискурсе в отдельном регионе, Республике Мордовия, до и после проведения наиболее крупного спортивного мероприятия — чемпионата мира по футболу в 2018 г.).

Анализ публикаций в интернет-версии еженедельника «Столица С» позволяет нам заключить следующее.

Тема спорта в массмедийных изданиях Республики Мордовия, в том числе в газете «Столица С», активно начала развиваться еще задолго до грандиозного события, главным образом в связи со строительством внушительных спортивных объектов в Саранске и других районах, а также с победами мордовских спортсменов на мировых первенствах («*Все было под контролем!*») (На Кубке мира в Китае мордовские ходоки завоевали шесть медалей) от 06.05.2014).

В процессе анализа концепта *спорт* в ряде таких публикаций мы выделили следующие его семантические сегменты:

- «спортивные состязания» (наименования различных первенств: *Всемирная универсиада — 2015, Олимпиада — 2016* и др., а также их составляющих: *дистанция, старт, первый круг, предпоследний круг, финиш* и т. д.);

- «виды спорта» (наиболее часто встречающимся здесь была легкая атлетика в связи с чередой побед мордовских ходоков на мировых турнирах);

- «спортсмены» (прежде всего *мордовские ходоки, мордовские спортсмены* начиная с 1997 г.);

- «спортивные награды» («*золото*» — золотая медаль, «*серебро*» — серебряная медаль, «*бронза*» — бронзовая медаль, например: «*В Тайцане островитянин не участвовал, поэтому основным конкурентом в борьбе за золото для Рыжова стал товарищ по команде Иван Носков. Бронзовая медаль досталась австралийцу Джареду Талленту*» // «*Все было под контролем*» от 06.05.2014).

Данные смысловые сегменты концепта *спорт*, зафиксированные в современном русском языке, сопрягаются в его массмедийной репрезентации с оценочными, отсутствующими в словарных дефинициях. Первоначально оценочно-смысловые конструкторы были преимущественно положительного модуля:

- «победа» («непобедимы», «непобедим», «победитель»), например: «Нам повезло с погодой: накануне старта было +30, а мы выступали при +15, — подчеркнул **победитель** соревнований Михаил Рыжов» («Все было под контролем!») (На Кубке мира в Китае мордовские ходоки завоевали шесть медалей) от 06.05.2014);

- «гордость»: «Гордость Мордовии Виктор Чегин уедет из России?!» (от 21.07.2015);

- «успех»: «В заходе на 50 км мордовские спортсмены выступили наиболее **успешно**» («Все было под контролем!») (На Кубке мира в Китае мордовские ходоки завоевали шесть медалей) от 06.05.2014);

- «достижение»: «Алексей Барцайкин показал пятый результат, также установив личное **достижение** (3.46,34)» («Все было под контролем!») (На Кубке мира в Китае мордовские ходоки завоевали шесть медалей) от 06.05.2014).

Данные оценочные конструкторы послужили основой для появления более сложных и эффективных в воздействии на массовое сознание, нацеленных на формирование нового представления о своей малой родине у жителей региона и всей России («спортивная столица Поволжья», «спортивная Мордовия», «самый спортивный город России», «главный старт», «праздник футбола» (о чемпионате мира по футболу)). Это стало важной частью патриотического воспитания населения, способствовало улучшению имиджа республики, содействовало росту национального самосознания, чувства гордости за родную землю.

Однако череда допинговых скандалов 2015—2016 гг. нарушила однообразие в оценках спортивной проблематики — постепенно стали появляться негативные ноты, что отразилось в первую очередь на лексическом оформлении материалов, на их эмоциональном тоне в целом («Олимпийские чемпионы из Мордовии Каниськина и Кирдяпкин **попали в опалу**» от 15.01.2016; «Ходоки из Мордовии **вернули олимпийские медали**» от 01.06.2016; «Ходоки из Мордовии **пропустят Олимпиаду-2016**» от 17.06.2016; «Родченков бежал как **последний трус и сволочь**» от 25.05.2016; «Вокруг скороходов Мордовии **опять вспыхнул скандал**» от 30.06.2017;

«Дело Чегина будет жить, но не в плане **допинговых скандалов**» от 03.09.2017; «Мордовские ходоки **потеряли надежду?!**» от 01.01.2018 и др.). В настоящее время негативная оценочность продолжает усиливаться («Мордовия **стоит на пороге громкого допинг-скандала?**» от 03.01.2019; «**Честь-С не имеем**» от 30.06.2019).

Подготовка и проведение чемпионата мира по футболу в 2018 г., включая строительство главного спортивного объекта — стадиона «Мордовия Арена» («Мордовия Арена оказалась круче домашнего стадиона Челси» от 02.06.2018; «Стадион Мордовия Арена будет сдан в эксплуатацию 1 марта!» от 01.03.2018 и др.), развитие хоккея — в связи со строительством ледовых дворцов в Саранске и других районах республики, а в этом году — универсального зала («Глава Мордовии Владимир Волков проинспектировал строительство универсального зала» от 17.08.2019) способствовали значительному расширению перечня тех видов спорта, которые в республиканских СМИ освещаются с завидной регулярностью. Здесь же необходимо отметить и борьбу, где в последнее время мордовские спортсмены достигли огромных успехов. В результате можно фиксировать определенные изменения в содержании концепта *спорт* по сравнению с более ранним периодом развития массмедийного дискурса в Республике Мордовия, о котором говорилось выше. Вместе с тем наблюдается открытая политизация последнего. Спортивная тематика нередко выступает лишь средством репрезентации оппозиционных (либеральных) настроений издания по отношению к официальной власти. Отсюда негативная оценочность ряда спортивных вопросов, никак не связанных со спортивными скандалами («Заочно арестован «субчик» «Мордовии Арена» и «Самары Арена» за неуплату долгов и зарплаты рабочим» от 06.03.2019; «Стадион ЧМ — 18 **отключен за долги по электричеству**» от 28.08.2018). Темы спорта стали муссироваться в связи с политическими проблемами и конфликтами в российском обществе, порой весьма остро возникающими сегодня. Патетика сменилась на иронию, что послужило причиной резкого переосмысления когда-то старательно формировавшихся стереотипов в народном сознании горожан («**Праздник футбола давно закончился, а уголовное эхо будет звучать еще долго. Масштабное воровство на великих стройках с участием государства — это то, что отличает Россию от цивилизованного мира**» // «Заочно арестован «субчик» «Мордовии Арена» и «Самары Арена» за неуплату долгов и зарплаты

рабочим» от 06.03.2019; «За высокопоставленными кураторами «Ростов Арены» пришли, на очереди другие хозяева ЧМ-18» от 04.04.2019). Постоянно акцентируется большой размер расходов на строительство спортивных объектов, прежде всего стадиона «Мордовия Арена» («Глава РМ Владимир Волков о расходах на ЧМ-2018: За 5 лет суммарный вклад Мордовии в подготовку и проведение чемпионата оценивается на уровне 31 млрд рублей» от 28.12.2018), что вызывает соответствующие реакции у читателей, называющих его в комментариях «лишним», «ненужным». В целом публикации (и особенно заголовки материалов) избилуют эмоциями с негативной оценочной семантикой («Позор дня: аутсайдер ФНЛ размазал в гостях “Мордовию”» от 08.08.2019; «Матч “Тамбов” — “Арсенал” в Саранске стал худшим по посещаемости в четвертом туре РПЛ», от 07.08.2019).

Единственным семантическим сегментом концепта *спорт*, продолжающим оцениваться положительно журналистами издания, остается «*спортсмены*», что в еще большей степени подчеркивает политическую направленность критических замечаний «Столицы С» («Гвардейцу “Мордовию” Владимиру Рокунову — 50 лет!» от 08.08.2019; «Лучший игрок матча “Тамбов” — “Арсенал” Евгений Луценко: “Вчера вышел и минут 40 гулял по знакомым улицам Саранска. На улице люди хорошо встречали, жали руку, улыбались. Еще помнят”» от 07.08.2019; «Мордовские “классики” выиграли полный комплект медалей Гран-при в Германии» от 04.08.2019; «Артем Сурков пробился в финал турнира в Германии» от 04.08.2019; «В Саранске чествовали спортсменов и тренеров» от 03.08.2019).

Итак, анализ репрезентации концептов на конкретном языковом материале (концепта *спорт* в массмедийном дискурсе Республики Мордовия) позволяет не только проследить особенности актуализации их отдельных смысловых сегментов на протяжении последних десятилетий (например, сегмента «виды спорта», в котором легкая атлетика стала уступать футболу, хоккею и борьбе; сегмента «спортивные состязания», в котором обозначены чемпионат мира по футболу, Олимпиада-2016, текущее первенство России по футболу в рамках премьер-лиги; сегмента «команды спортсменов», где «мордовским ходокам» пришли на смену борцы («мордовские классики»), футбольная «Мордовия», хоккейная «Мордовия»; сегмента «спортивные объекты» с бессменным лидером «Мордовия Арена» и стремительно достраиваю-

щимся Универсальным залом), но и выявить оценочные смыслы, не фиксируемые словарем, но возникающие в конкретных социально-экономических, политических и культурно-исторических условиях. Подчеркнуто позитивная риторика в спортивных заметках «Столицы С» сменилась на синкретичную, что привнесло ироничную интонацию в освещение спортивных новостей, отразилось на лексическом оформлении материалов, где все чаще стали появляться эмотивы с негативными оценочными смыслами. Последнее было обусловлено не только громкими спортивными скандалами в спортивной жизни региона, но и политической спекуляцией издания на спортивной теме в связи с оппозиционной точкой зрения редколлегии.

Таким образом, анализ концепта *спорт* в массмедийном дискурсе помогает выявить различные механизмы влияния на массовое сознание через его оценочную маркированность, которая может меняться на прямо противоположную в связи с различными факторами, не всегда касающимися темы спорта, что еще раз подчеркивает включенность данной сферы жизни общества и репрезентирующего ее на большую аудиторию массмедийного дискурса в широкое поле самых разных социальных вопросов и проблем своего времени.

Заключение

Концепты представляют собой ключевые понятия языкового сознания носителей языка. Содержание концептов отражает специфику их языковой картины мира, на формирование которой в течение продолжительного времени оказывали влияние самые разные факторы (культурные, исторические, социально-политические, экономические и т. д.), что обуславливает наличие этнокультурной составляющей в смысловой структуре каждого концепта и сложную процедуру исследования последней в целом. В рамках статьи на примере концепта *спорт* в массмедийном дискурсе Республики Мордовия, для которой спортивная тема на протяжении нескольких десятилетий является одной из самых популярных и дискутируемых, мы описали многомерную структуру концепта и предложили процедуру ее изучения с обращением к словарным материалам, этимологическому анализу с целью выделения его основных семантических сегментов («виды спорта», «спортивные состязания», «спортивные награды», «спортсмены», «спортивные объекты» и т. д.). Их последующий функционально-семантический анализ в публикациях СМИ дополнил смысловую структуру концепта

спорт оценочной семантикой, помог проследить динамику раскрытия смысловых сегментов концепта *спорт* с учетом острых проблем в спортивной жизни региона и открытой политизации издания. Изменение оценочной семантики концепта *спорт* (с подчеркнута позитивной на негативную) повлияло на эмоциональную окраску материалов, которые в последние годы все чаще пропитаны иронией, насыщены эмотивами с отрицательными эмоционально-оценочными смыслами. Все это направлено на формирование особого восприятия спортивных новостей — в противоположном ключе, чем это было ранее, с критической точки зрения, что провоцирует закономерное недовольство властью в стране и республике. Безусловно, за этим просматривается определенная политическая позиция издания, открыто спекулирующего на спортивной теме. На наш взгляд, позитивное освещение спортивных новостей до допинговых скандалов

2015—2016 гг. имело более созидательные цели, способствовало патриотическому воспитанию молодежи, росту гордости за свою «малую родину» и отечество в целом. Наоборот, попытки в каждом спортивном событии, освещаемом в негативном ключе, увидеть и подчеркнуть для читателя далеко не очевидный промах власти ведут к поляризации общества, повышению градуса негативизма в нем с целью продвижения определенных (либеральных) идей, что, конечно же, является нечестным. Диахронический анализ особенностей репрезентации концепта *спорт* в массмедийном дискурсе Республики Мордовия не только конкретизировал его смысловую структуру, но и помог выявить механизмы влияния на массовое сознание читателей через спортивную проблематику, осуществляемого как властями, так и самим изданием с довольно четкой политической позицией в последнее время.

Список литературы

1. Баумтрок И. А. Метафорическая репрезентация экономических концептов в российских массмедиа (на примере концепта «Инфляция») // Один пояс — один путь: лингвистика взаимодействия: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2017. С. 13—15.
2. Большая олимпийская энциклопедия. М., 2017.
3. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64—72.
4. Демьянков В. З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: сб. ст. в честь акад. Н. Ю. Шведовой. М., 2007.
5. Карасик В. И. Языковые концепты как измерения культуры // Изучение и преподавание русского языка. Волгоград, 2001.
6. Кузнецова Е. И. Экзистенциальная концептосфера в рассказах Л. Андреева 1900—1910 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-н/Д, 2009. 32 с.
7. Михальчук И. П. Концептуальные модели в семантической реконструкции (индоевропейское понятие «закон») // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 29—32.
8. Нерознак В. П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: межвуз. сб. науч. тр. Омск, 1998.
9. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2018.
10. Пищальникова В. А. Значение и концепт // Русский язык в школе. 2007. № 4. С. 45—51.
11. Попова Л. В. Подходы к определению концепта // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. 2013. № 1. С. 309—316.
12. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
13. Сурина В. Н. Понятие концепта и концептосферы // Молодой ученый. 2010. № 5, т. 2. С. 43—46.
14. Титова Ю. В. Структура концепта и методы его описания // Вестник Ульяновского гос. техн. ун-та. 2010. № 4. С. 16—21.
15. Фролова Н. М. Технологии реализации имиджа в языке газеты. На примере города Саранск в свете актуальных спортивных событий // Центр и периферия. 2019. № 3. С. 79—83.
16. Холод Ю. С. Концепт и концептуализация в зарубежной лингвистической парадигме // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6, ч. 1. С. 173—176.

17. Чаоцзе Лю. Концепт «судьба» в современном русском языке // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2017. № 8. С. 21—23.
18. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М., 2004.
19. Шейгал Е. И. Тезаурусные связи и структура концепта // Язык, коммуникация и социальная среда. М., 2002.
20. Evans V. How words mean: lexical concepts, cognitive models, and meaning construction. N. Y.: Oxford University Press, 2009.
21. Evans V., Green M. Cognitive linguistics: an introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006.
22. Evans V., Pourcel S. Semantic representation in LCCM theory // New Directions in Cognitive Linguistics. 2009. № 24. P. 27—56.
23. Langacker R. W. Cognitive grammar: a basic introduction. N. Y.: Oxford University Press, 2008.
24. Proost K. Conceptual structure in lexical items. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin's Publishing Company, 2007.

Сведения об авторе

Фролова Наталья Михайловна — кандидат социологических наук, доцент кафедры журналистики филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, Саранск, Россия. nmfrol@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 7 (441). *Philology Sciences. Iss. 121. Pp. 152—160.*

FEATURES OF REPRESENTATION OF THE CONCEPT *SPORT* IN MASS MEDIA DISCOURSE OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA (AS EXEMPLIFIED BY THE “CAPITAL C” NEWSPAPER)

N. M. Frolova

Mordovia state University name of N. P. Ogarev, Saransk, Russia. nmfrol@mail.ru

The study of the conceptual field of modern sports media is interesting and relevant in terms of identifying the mechanisms of their impact on the linguistic consciousness of native speakers in the context of active social policy of the state. Our objective is to identify the features of the representation of the concept *SPORT* in the regional mass media discourse (by the example of the Republic of Mordovia). In the article, the multidimensional structure of the concept *SPORT* is analyzed, and the mass media discourse of the Republic of Mordovia is studied. The procedure of the concept study includes dictionary materials analysis, etymological analysis, highlighting the basic semantic segments (sports activities, kinds of sports, sports awards, athletes, sports venues etc.), and the subsequent functional-semantic analysis of the mass media. All of these combine to derive the semantic structure of the concept *SPORT*, to disclose its semantic segments and evaluative semantics. The conceptual study of *SPORT* is important given the now and again arising problems in the sporting life of the region and the overt politicization of sport news in the “liberal” press.

Keywords: *concept, sports journalism, regional journalism mass media discourse, media text, media, lexeme.*

References

1. Boutros I. A. (2017) Metaphorical representation of economic concepts in the Russian media (on the example of the concept «Inflation») [One belt, one road: linguistics of interaction: materials of the International scientific conference]. Ekaterinburg. Pp. 13—15 [in Russ.].
2. (2007) Bol'shaja olimpijskaja jenciklopedija [Great Olympic encyclopedia]. Moscow [in Russ.].
3. Vorkachev S. G. (2001) *Filologicheskie nauki*, no. 1, pp. 64—72 [in Russ.].
4. Demyankov V. Z. (2007) Termin «koncept» kak jelement terminologicheskoy kul'tury [The Term «concept» as an element of a terminology]. Moscow [in Russ.].

5. Karasik V. I. (2001) Jazykovye koncepty kak izmerenija kul'tury [Language concepts as cultural measurements]. Volgograd. Pp. 34—57 [in Russ.].
6. Kuznetsova E. I. (2009) Jekzistencial'naja konceptosfera v rasskazah L. Andreeva 1900—1910 gg. [Existential conceptsphere in the stories of L. Andreev 1900—1910]. Rostov-on-don. 32 p. [in Russ.].
7. Mikhajchuk I. P. (1997) *Voprosy iazykoznanija*, no. 4, pp. 29—32 [in Russ.].
8. Neroznak V. P. (1998) Ot koncepta k slovu: k probleme filologicheskogo konceptualizma [From concept to word: to the problem of philological conceptualism]. [Questions of Philology and methods of teaching foreign languages]. Omsk. Pp. 81—88 [in Russ.].
9. Ozhegov S. I. (2016) Tolkovyy slovar' russkogo jazyka: okolo 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij [Dictionary of Russian language: about 80 000 words and phraseological expressions]. Moscow [in Russ.].
10. Pishchalnikova V. A. (2007) *Russkiy iazyk v shkole*, no. 4, pp. 45—51 [in Russ.].
11. Popova L. V. (2013) *Vestnik Cheliabinskogo gos. ped. un-ta*, no. 1, pp. 309—316 [in Russ.].
12. Stepanov Y. S. (1997) Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovanija [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience]. Moscow [in Russ.].
13. Surina, V. N. Ponjatije koncepta i konceptosfery [Concept of concept and conceptsphere] [Young scientist]. 2010, no. 5, vol. 2, pp. 43—46. [in Russ.].
14. Titova Yu. V. (2010) *Vestnik Ul'yanovskogo gos. tekhn. un-ta*, no. 4, pp. 16—21 [in Russ.].
15. Frolova N. M. (2019) *Centr i periferiia*, no. 3, pp. 79—83 [in Russ.].
16. Holod Yu. S. (2018) *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 6, pt. 1, pp. 173—176 [in Russ.].
17. Chaise Liu. (2017) *Vestnik Orenburgskogo gos. un-ta*, no. 8, pp. 21—23 [in Russ.].
18. Shanski N. M., Bobrova T. A. (2004) Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow [in Russ.].
19. Sheigal E. I. (2002) *Iazyk, kommunikacii i sotsial'naja sreda*, iss. 2, pp. 34—39 [in Russ.].
20. Evans V. (2009) How words mean: lexical concepts, cognitive models, and meaning construction. N. Y., Oxford University Press.
21. Evans V., Green M. (2006) Cognitive linguistics: an introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press.
22. Evans V., Pourcel S. (2009) *New Directions in Cognitive Linguistics*, no. 24, pp. 27—56.
23. Langacker R. W. (2008) Cognitive grammar: a basic introduction. N. Y., Oxford University Press.
24. Proost, K. (2007) Conceptual structure in lexical items. Amsterdam — Philadelphia, John Benjamin's Publishing Company.

ЭТАЛОНЫ СРАВНЕНИЯ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ПОВЕДЕНИЕ И ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

В. И. Харабаева

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия*

Статья раскрывает особенности эталонов сравнения, характеризующих деятельность и поведение, внутренний мир человека на материале якутского языка. Устанавливаются отношения тождества между человеком и различными элементами языковой картины мира, используемыми в качестве эталонов сравнения. Эталоны сравнения классифицировались в зависимости от признаков, к которым были отнесены: поведение человека, эмоциональное состояние и социальные условия жизни человека. Представление о поведении и внутреннем мире человека опирается на народные традиции; разнообразие привлекаемых эталонов свидетельствует об их важности в рамках данной культуры.

Ключевые слова: якутский язык, национальная картина мира, внутренний мир человека, народные традиции, эталоны сравнения, сравнительные средства и конструкции.

Компаративность является одной из универсальных и познавательных категорий человеческого сознания. Способность сравнивать органически входит в процесс человеческого познания и находит отражение в языке. «Интуитивное чувство сходства играет огромную роль в практическом мышлении, определяющем поведение человека, и оно не может не отразиться в повседневной речи» [1. С. 8].

По определению А. А. Потебни, «сам процесс познания есть процесс сравнения» [9. С. 4]. Такой же точки зрения придерживается Л. А. Лебедева: «Сравнение представляет собой чувственно-наглядную форму отражения реального мира в сознании человека. Сравнивая, то есть выявляя черты сходства между неизвестным и известным, уподобляя абстрактное конкретному, мы образно характеризуем окружающий мир» [5. С. 3]. В русском языкознании XX в. основным направлением в исследовании сравнения являются лингвоструктурный подход, направленный на выявление и анализ языковых средств выражения сравнения и функционально-стилистический подход, обоснованный В. В. Виноградовым [3]. К проблеме разработки категории сравнения правомерен и фразеологический подход, изучающий устойчивые, воспроизводимые сравнения (М. И. Черемисина [10], В. Ф. Мейеров [6] и др.).

Грамматический подход к изучению сравнения базируется на положении, что логическая операция сравнения предполагает сопоставление двух объектов: сравниваемый, познаваемый объект, выступающий как объект сравнения, — первый ком-

парат, и объект, с которым первый сопоставляется, выступающий как средство сравнения, компаративное имя, — второй компонент — на основе какого-либо общего для них признака, выступающего как основание сравнения [4. С. 450]. Вследствие этого сравнение может выражаться единицами разных уровней, в частности выделяются сравнительные конструкции двух типов — синтаксические и морфологические.

В настоящей статье сравнение рассматривается как подход к человеку, объект сравнения — это сам человек в комплексе характеристик его поведения и внутреннего мира. Типом сравнения является установление тождества или подобия между этим объектом и различными элементами, используемыми в качестве эталонов сравнения.

Основными свойствами сравнений, характеризующих поведение и внутренний мир человека, на наш взгляд, являются образность и оценочность. В. М. Мокиенко отмечает, что «основа образности — способность создать наглядно-чувственные образы предметов и явлений» [7. С. 127]. Каждый язык, показывая и оценивая человека и явления его повседневной жизни (внешность, поведение, основные занятия, переживания, отношения с другими людьми), подмечает какие-то детали, которые для представителей других народов не столь актуальны. Такой отбор образов, осуществлявшийся на протяжении длительного времени и закрепившийся в языке нескольких поколений, отражает его быт, культуру, традиции, стереотипы мышления. Следовательно, анализ образных стержней

является важным моментом изучения компаративных конструкций.

Оценочность — это один из обязательных компонентов семантической структуры экспрессивного сравнения. В современной науке оценку принято определять как «суждение о ценности обозначаемого в целом или отдельного его свойства (объект оценки)» [11. С. 49]. Описание поведения и внутреннего мира человека в свободном словоупотреблении и устойчивых сравнениях с помощью эталонов может быть как с аксиологическим минусом, так и с аксиологическим плюсом, то есть с учетом того, коррелирует ли рассматриваемое языковое выражение по своему значению с «конвенциональными ценностями» или с «конвенциональными антиценностями» [2]. При отрицательной оценке через эталон подчеркиваются осуждение, неприятие, отрицательные характеристики от впечатлений, производимых данным человеком. Положительная оценка выражается через эталоны, отражающие положительные черты.

В сравнительных конструкциях в качестве эталона сравнения могут выступать человек, животные, растительный мир, объекты неживой природы, движение, состояния и т. д.

По типу конструкций в нашем материале наиболее частотно встречаются широко распространенные в якутском языке сравнительные конструкции с показателем *курдук* (как будто, подобно тому как) и конструкции с эталоном сравнения, оформленным аффиксом *-лыы* одно из значений которых «действовать как данный предмет»:

1. Именные конструкции с компаративным второстепенным членом предложения: *сымала курдук сыстар* (прилипает как смола), *эһэ курдук киннэнэр* (злится как медведь).

2. Конструкции, где в роли модуля-сказуемого выступает имя прилагательное: *ньургуһун курдук ыраас* (чиста как подснежник), *таас курдук кытаанак* (тверд как камень).

3. Конструкции с эталоном сравнения, оформленным аффиксом *-лыы* с глагольными формами: *сулустуу тырымнаан* (сияя, как звезда), *эриэн үөннүү сыыгыныыр* (шипит, словно змея).

4. Конструкции сложноподчиненного предложения, в которых аффикс *-лыы* присоединяет к главному примыкающее придаточное сравнительное предложение: *уоту умуларбыттарыныы, борооран хаалла* (потемнело, словно выключили свет), *ат эмискэ тохтуу биэрбитини, кини эмие эмискэ иннэн хаалла* (он опять запнулся, словно бегущая лошадь вдруг остановилась).

Кроме данных конструкций также встречаются сравнительные конструкции с другими служебными словами: *дылы* (наподобие, подобно, вроде, как, словно), *кэриэтэ* (словно, подобно, вроде, как, все равно как).

Свое поведение человек соизмеряет с удовлетворением «индивидуальных потребностей в процессе контактов с окружающим миром» [8. С. 31]. Его поведение и деятельность тесно связаны с определенными действиями.

Моральная оценка связана с соблюдением или нарушением индивидом определенных нравственных норм. Эталоны сравнения, характеризующие отклонение от моральных норм, эксплицируются в якутском языке небольшим разнообразием. Неадекватное поведение человека сравнивается с действиями душевнобольного: — *Амсай, амсай! — дии-дии, Наһаар ширбит курдук сырбаталата* (Суорун Омоллоон) (— Попробуй, попробуй! — Назар как сумасшедший стал бить); *Kuһи эмие Чүөчээски диэки эргиллэн, харабын ширбит курдук быччаччы көрбүт* (Суорун Омоллоон) (Человек, опять обернувшись на Чечэски, смотрел как сумасшедший); *Кыыһа иһээчи илиһэйгэ өмүрэх курдук кэргэн таһса охсон баран, оҕолонон, онтон араһсан, билигин ангардас ийэ аатыран сылдьар* (П. Аввакумов) (Ее дочь, так быстро, как имерячка, выйдя замуж за пьяницу, родила, потом развелась, сейчас мать-одиночка).

В другом примере, образ собаки, которой дали волю, выражает безрассудство, безмерное потребление, расточительность: *Мин өлбүтүм кэннэ ити мин муспут баайбын бас биллэххинэ, онкучахха кирибит ыт курдук, харса суох аһаан-сиэн, ыһан-тоҕон, хаартылаан-арыгылаан өр гыммакка бүтэрэн кэбиһиэн* (Далан) (После моей смерти, когда завладеешь моим нажитым богатством, словно собака, попавшая в подполье, без рассудства будешь пользоваться им, играя в карты, выпивая, очень быстро все растратишь). Навязчивость выражается эталоном *сымала* (смола): *Баай Дьаргымыан Манчаары абааһы көрөрүн кэрэйбэккэ, сымала курдук сыстан, адыас араһсыбакка көрүстэҕин ахсын биш кэм ээнэйдэнэ сылдыбыта* (Софрон Данилов) (Богатый Дьаргыман, несмотря на то что Манчары это не нравилось, совсем не отставая, приликая как смола, при каждой встрече просил) и т. д. Эталон *эриэн уон* (змея) может употребляться как осуждение отрицательного поведения: *Ол оннугар, дьэ, ийэтэ обургу миигин хара маннайгыттан абааһы көрөн, күннэтэ уолугар эриэн үөннүү сыыгыныыра* (Даана Сард) (Вместо этого его мать, возненавидев

меня с самого начала, день за днем шипела сыну, словно змея).

Анализируя отражение в языковой картине мира различных периодов жизни человека, следует отметить, что поведение взрослых часто сравнивается с поведением детей. Эталон *обо* (ребенок) используется для передачи состояния неуверенности, наивности или робости. Данным эталоном подчеркиваются действия, поступки, поведение, типичные для детей: *Дьулус ханна эрэ куота охсуон бағарда. Ол эрээри обо курдук куттаан тахсан барара сүрэ бэрт* (Уйбаан Ойуур) (Джулусу захотелось убежать. Но стыдно, подобно ребенку, обидевшись, выйти); *Саат-саат!.. Пал Палыч кинини, обо курдук, мөбөн кэбистэ* (Н. Заболоцкий) (Стыд-стыд! Пал Палыч его обругал как ребенка); *Обонньор кэпсэтии сабаланабыттан, обо курдук мух-мах барбытыттан кыһыйда* (Н. Заболоцкий) (Старик досадовал, что с начала разговора он растерялся как ребенок); *Анараангыта өссө долгуйда, оскуолаба иккени ылбыт үөрэнээччи курдук сананна* (Тот совсем растерялся, почувствовал себя словно ученик, получивший двойку).

Сфера «внутренний мир человека» включает черты характера человека, эмоциональное состояние, интеллектуальные способности.

При подчеркивании черт характера человека встречаются эталоны *фитонимы*, природные объекты. Цветы ассоциируются с душевной чистотой, нежностью: *Маны барытын сангарды атан эрэр ньургуһун кэриэтэ ып-ыраас, нап-нарын, дьуру-дьулугур уон алталаах Саргы кыысчаан бэлиэтии көрдө* (Софрон Данилов) (Все это заметила чистая, нежная, стройная, словно распускающийся подснежник, шестнадцатилетняя Саргы). Некоторые черты характера могут уподобиться дереву, камню и т. д.: *Оттон Карлович тиит мастыгы бүтэй бэйэтэ тугу этээхтиэй* (Даана Сард) (Но что скажет Карлович, закрытый, словно лиственница); *Дьэ, кини баара — сымара таас курдук кытаанах, санаабыт санаатын дэбигис уларыппат кини* (Даана Сард) (Он был с крепким, как камень, характером, непоколебимый человек). Чистота души, открытость характера могут ассоциироваться с безоблачным небом: *Суох, бу сааскы халлаан курдук, ыраас, сырдык, күөх харах тугэбэр хара күлүк суох* (Софрон Данилов) (Нет, в глубине этих синих, чистых, светлых, словно весеннее небо, глаз, нет темной тени); *Кини мин диэки от ыйынаабы ибир да былтыта суох халлаан курдук ып-ырааһынан аһабастык көрөн турар* (Даана Сард) (Он на меня смотрел так чисто и открыто, словно июльское небо

без единого облака). Элементы неживой природы часто приравниваются положительным характеристикам молодых людей: *Күннэй сырдык сулустуу тырымнаан, кини тонгуй сурэбин уулардаба бағас тугун соһуччутай?* (У. Ойуур) (Кюннэй, как светлая звезда, так неожиданно заставила растаять его сердце); *Обом сыыһа, кэпсээн-ипсээн, күлэн-үөрэн күн тэнэ кини!* (Даана Сард) (Дитя мое, рассказывала, смеясь-радуясь, словно солнце!).

Эталон *дети* также может использоваться при описании черт характера, свойственных детям, — наивности, открытости, доверчивости: *Кини түөрт уонуттан тахсыбыт, икки оболоох, бэкээринэбэ килиэп астааччынан үлэлиир соботох дьахтар. Оттон ис дьингэ обо обонон* (Даана Сард) (Она одинокая женщина за сорок, с двумя детьми, работает пекарем. Но в душе она как ребенок).

Эталоны-анимализмы, выражающие черты характера, представляют собой конструкции с компаративным второстепенным членом предложения, где в роли модуля-сказуемого выступает имя прилагательное: *бөрө курдук сиэмэх* (хищный как волк), *куобах курдук куттабаас* (трусливый как заяц), *саһыл курдук киитэрэй* (хитрый как лиса), *ат курдук эрэллээх* (верный как конь), *обус курдук үлэһит* (работающий как вол), *куоска курдук чэнчис* (чистоплотный как кот), *тинг курдук өйдөөх* (умный как белка) и т. д.

Проблема познания эмоционального состояния человека интенсивно изучается в психологии как комплексный процесс. Эмоции представляют собой субъективные переживания, сигнализирующие о благополучном или неблагополучном состоянии организма и психики. У человека эмоции порождают переживания удовольствия, неудовольствия, грусти, страха и т. п. Они выражаются в органических, двигательных и секреторных изменениях и принадлежат к числу врожденных реакций.

В сравнениях более распространен ситуативно-эмоциональный тип эталона, способствующий более наглядному и образному представлению ситуации. Рассмотрим более распространенные в якутском языке эталоны-объекты и эталоны-ситуации, в которых присутствует комплекс признаков как физического, так и психического состояния.

Кратковременные и интенсивные эмоциональные процессы, сопровождающиеся резко выраженными двигательными проявлениями и изменениями в работе внутренних органов:

1. Удивление, растерянность. Используются эталоны *уоска бэрдэрбит курдук* (словно его ударили в губу), *ат тохтуу биэрбитинии* (словно бегущая

лошадь вдруг остановилась): *Омуоча уоска бэр-дэрбит кэриэтэ тохтуу түстэ* (Софрон Данилов) (Омоча остановился, словно его ударили в губу); *Сүүрэн иһэр ат эмискэ тохтуу биэрбитинии, кини эмиэ эмискэ ингэн хаалла* (Даана Сард) (Он опять запнулся, словно бегущая лошадь вдруг остановилась);

2. Сильное, внезапное замешательство. Такое состояние устойчиво выражается эталоном *тымныы уунан саба ыстарбыт курдук* (словно обдали холодной водой): *Мэхээлэ тымныы уунан саба ыстарбыт курдук буолла* (Мин маннайгы тапталым) (Михайлу стало, словно его обдали холодной водой); *Чүөчээски часкыйа түстэ, тымныы уунан саба ыспыт курдук, этэ дьар гынна* (Суорун Омоллоон) (Чечэски взвизгнул, тело его вздрогнуло, словно обдали холодной водой); *Кууһан баран өйдөөн көөртө, арай бэйэтин Дьэбдьиэйэ турар эбит. Киһи, муустаах уунан саба ыспыт курдук, этэ дьар гына түстэ* (Суорун Омоллоон) (Он обнял ее и присмотрелся, оказывается, стоит ее Евдокия. У него тело вздрогнуло, как будто его обдало холодной водой).

3. Из анимализмов в якутском языке характерно употребление эталона *словно попавшая в силки пуночка или чирок* для передачи состояния сильного испуга, когда сердце трепещет: *Оо, обом эрэйдээх, куттанан, сүрүбэ төһө эрэ, добуурга иннибит тулук курдук, мөхсөөхтөөн ээр* (Софрон Данилов) (О, мой бедный ребенок, от испуга, наверное, у него сердце бьется, словно у пуночки, попавшей в силки); *Бахсырыйа сүрүбэ, тиргэбэ иннибит чөркөй кынатын курдук, тарытынайа түстэ* (Софрон Данилов) (Сердце у Бахсырыйа затрепетало, словно у чирка, попавшего в силки); *Чүөчээски иэнэ кэдэнни, куйахата дырылыы түстэ, сүрүбэ, добуурга иннибит тулук курдук, толугуруу мөбүстэ, эт этэ барыта атыйда* (Суорун Омоллоон) (У Чечэски спина загнулась, скальп охватила нервная дрожь, его сердце всколыхнулось, как у пуночки, попавшей в силки).

4. Состояние сильнейшего испуга, когда человек не может контролировать движения тела. Из фитонимов чаще употребляется эталон *тэтин сэбирдэбэ* (лист осины) — символ трепета, дрожания, когда подчеркивается дрожь в теле: *Кэтириис, «Билигин үрдүбэр түһүөхтээх» диир санааттан, кумуйуобунан кумуйан, тэтин сэбирдэбинии титирэстии олардо* (Куорсуннаах) (Катерина, думая, что он сейчас нападет, сидела, тряслась, словно лист осины); *Абата: — Оскуолаба ылан үөрэтэргэр көрдөһөбүн, — диэн баран, эмиэ тонхос гынна, сонун алдьаммыта, тэтин сэбирдэбин курдук,*

илибирии-илибирии (Суорун Омоллоон) (Отец сказал: — Прошу принять его в школу, — и поклонился, порванная часть его пальто трепетала, как лист осины).

Также для передачи такого состояния в якутском языке используются эталоны *уу испит сылгы курдук* (словно напившаяся воды лошадь), *титириир-дээбит киһи курдук* (словно состояние человека, больного малярией). Данные эталоны описывают состояние, когда от сильного стресса человек трясется всем телом, не может контролировать движения конечностей: *Чүөчээски чохчос гына түстэ. Унуоҕа, уу испит сылгы курдук, халыр-босхо баран хаалла* (Суорун Омоллоон) (Чечэски присел. Его кости, как у лошади, напившейся воды, как будто разошлись); *Чүөчээски ийэ-хара көлөһүнэ саба биэрдэ, салҕаластыы-салҕаластыы, титириир-дээбит киһи курдук, тиһэ лабыгырыы-лабыгырыы, кыыныттан быһыччатын сулбу тардан ылла* (Суорун Омоллоон) (У Чечэски пот выступил, он, дрожа и стуча зубами, словно человек, больной малярией, вытащил из ножен маленький ножик).

Рассмотрим более распространенные в якутском языке эталоны сравнения, характеризующие различные эмоциональные состояния: смена настроения, внезапная грусть, изменение эмоционального фона от стресса и т. д.

Внезапная смена настроения с хорошего на грустное передается через эталон *свет: Мила кэрэчээн бэйэлээх сирэйэ хоско тыган турбут лаампаны умулуннарбыттарыныы боруоран хаалла* (Даана Сард) (Красивое лицо Милы потемнело, словно выключили лампу в комнате); *Оо, кини кингэ-наара холлуо эрэ кэрэх, хампаанньа офиһа биһирдэ уу чуумпу, кэри-куру буола түһэр. Бэл лаампа уота симиктик умайарга дылы ээ* (У. Ойуур) (О, если у него настроение испортится, в офисе компании разом становится тихо, грустно. Даже свет лампы как-будто горит тускло). Состояние меланхолии, грусти, скуки в якутском языке приравнивается тому, как горит огонь в печи: *Оннообор оһох уота хоргустук умайарга дылы гынар* (Амма Аччыгыйа) (Как-будто даже огонь в печи горит, словно расстроенный).

Для передачи сильного разочарования, получения стресса от какого-либо события в жизни человека якутскими писателями используются эталоны *срубленное дерево* или *травя, поникший цветок*: *Кини тахсан бараатын кытта мин, кэрдиллибит мас кэриэтэ, сэниэтэ суох сиргэ суулан түспүтүм уонна харабым уутун босхо ыппытым* (Даана Сард) (После того как он вышел, я, словно

распиленное дерево, упала на землю и дала волю слезам); *Артем өссө бэбэһээ доп-доруобай, барыны барытын кыайыах-хотуох көрүгүнээх бэйэтэ, билигин охсуллубут от курдук ньахчайан хаалбыт* (Даана Сард) (Артем, еще вчера со здоровым, всемогущим видом, сейчас казался низкорослым, словно срезанная трава); *Кыыс силистэрэ хатаччы хатан, сэбирдэхтэрэ сэниэтэ суох самначчы түспүт сибэккилии нукус гыммыта* (Даана Сард) (Девушка согнулась, словно цветок с высохшим корнем, с листьями, опавшими вниз).

Более продолжительные эмоциональные процессы, такие как апатия, закрытость, посттравматическое, стрессовое состояние могут выражаться универсальными общепринятыми эталонами: *Төһө да туора дьон харабар икки атахтаах мээнэ үктэммэт арытыгар олохсуйбут кинини санаттарбын, аан дойдуга туох буола турарын билэр баҕа санаам өссө да сүтэ илик* (Даана Сард) (Несмотря на то что я напоминала одинокого человека на необитаемом острове, у меня не исчезло желание узнавать, что происходит в мире); *Оттон мин, били көһөс хаһаайын олбуоругар кими да киллэрбэт баҕаттан туох баар түннүгүн-үөлэһин, аанын-халҕанын сабарыныны, сарсыардаттан сымыыт курдук бутэйбин* (Даана Сард) (А я, словно хозяин, не желая впускать кого-либо в свое жилище, закрывает все окна и двери, с утра как яйцо, закрытая); *Хайдах эрэ уу нөһүө көстөр курдук тунаархай... тугу да таптаабат, кимиэхэ да өстөммөт, кими да аһыммат, өһүөннээбэт* (Амма Аччыгыйа) (Как будто все видно через воду... ничего не любит, ни на кого не злится, никого не жалеет); *Ол кэннэ хас да күн түлээгирбит киһи курдук сылдыбытым* (Даана Сард) (После этого несколько дней я находилась словно в полусне). Из национально-специфических встречаются эталоны, связанные с поведением животных: *Эһэ суолун муннараары, тынгырабын кистириин курдук буолбуппун* (Н. Тарабукин) (Я стал похож на медведя, который прячет свои когти, чтобы скрыть свои следы).

При описании радостного состояния употребляются эталоны, характеризующие детское состояние, состояние удовлетворения: *Кеша туох эрэ күндү бэлэби ылбыт киһилии, ону мүччү ыһыктымаары, харабын киниттэн араарбакка, даллайан турда* (Н. Заболоцкий) (Кеша, словно получил дорогой подарок, не отрывая глаз с нее, стоял, недоумевая); *Манчаары киһитинээбэр ордук бэйэтэ да соһуйда, нууччата дьиктиргээбит, ону тэнэ оҕолуу үөрбүт сырдык харабын өрө көрдө* (Софрон Данилов) (Манчары удивился больше

собеседника, посмотрел на удивленные, в то же время радостные, как у ребенка, светлые глаза). Эталон *саҥа төрөөбүт оҕо* (новорожденный) подчеркивается умиротворенное, спокойное физическое состояние, восстановление жизненных сил: *Маннык турукка хас да күн сырыттылар, туох баар барыта кэрэ да кэрэ этэ, сабыс-саҥа төрөөбүт оҕо курдуктара, туох даҕаны кыһалҕата суохтара* (Көнүл) (В таком состоянии находились несколько дней, все казалось прекрасным, были как будто новорожденные, не было у них никаких проблем).

Одними из немаловажных ценностей для человека являются его социальные условия жизни. Рассмотрим встречающиеся эталоны сравнения, характеризующие социальные условия жизни людей. Образ простого народа ассоциируется с рыбой в неводе, лесом. Например, в предложении *Кыра-хара дьон өттө түбэһэннэр мунхаба түбэспит балыктыы булкулуннулар* (Амма Аччыгыйа) (Попалось большинство простого народа, заволновались, как рыба, попавшая в невод). Народное волнение уподобляется рыбам, попавшим в сеть. Сеть символизирует безысходность, рыба символизирует простой народ — многочисленный, безликий, без голоса.

В якутском языке распространено употребление эталона *ыт* (собака). Данный эталон почти всегда выступает в негативном ключе. Например, оставление без присмотра, на произвол судьбы кого-либо ассоциируется с покиданием, унижением собаки у якутов. Здесь эталон собаки выступает как образ бродяги, униженного, наивного, беспомощного человека: *Уоруйах сирэйэ-хараба суох буоллаба, доборун да добор курдук саныыр диэтэбин дуу. Өлбүтүн кэннэ ыт курдук бырахтаба* (Н. Габышев) (Вор без совести, думаешь, воспринимает друга, как друг? Когда умер, забросил, как собаку); *Ол эрэри эйигин ким даҕаны дьэтигэр киллэриэ суоҕа, ыт курдук дьэилэрин ааныттан үүрэн ыытыахтара* (Но тебе никто не разрешит войти в дом, как собаку прогонят с порога дома). Одиночество, жизнь без родных в якутском сознании ассоциируется с одиноким журавлем: *Бу субан туруйа курдук собус-соботох ыалым эмээхсин* (Куорсуннаах) (Эта старуха, одинокая, словно журавль, моя соседка).

Универсальный эталон *быһах биитинэн хаамар* (ходить по острию ножа) используется для подчеркивания жизни, полной опасности, риска: *Мальборо ийэтин сайыспыт оҕолуу мэргэйбит сирэйигэр баай-талым эрэри, быһах биитинэн хаамар халбан олобуттан салгыбыт санаа хара*

толбоно түһэн ылбытын аахпытм (Куорсуннаах) (На лице Мальборо с опущенными уголками губ, словно у ребенка, не захотевшего отпустить мать, я прочла промелькнувший темный оттенок мысли об усталости от богатой, но, словно на острие ножа, опасной, жизни). Опасная, неопределенная жизнь бродяг может приравниваться к различным хрупким предметам: *Бырадьаага кини төһө да эдэрин-сэнэбин иһин, кини олобо мөһөөччүккэ кутуллубут убаҕас дьалкынны сылдьарын кэриэтэ кэбирэх буоллаҕа* (Н. Тарабукин) (Жизнь бродяги, несмотря на то что он еще молод, непрочно, как плескающаяся жидкость в мешке).

Из проанализированного материала выявлено, что присутствуют как прототипические эталоны, так и индивидуальные, авторские эталоны срав-

нения. Эталоны сравнений отображают как универсальное, так и национальное видение. В якутском языковом сознании при отражении поведения и внутреннего мира человека в качестве устойчивых из анимализмов в основном выступают эталоны *собака, рыбы, медведь, лошадь, птицы*, также часто встречаются сравнения эмоций взрослого человека и ребенка. При описании эмоционального состояния человека в качестве эталонов-фитонимов чаще употребляются эталоны *травы, дерево, лист*. Выбор эталонов для сравнения определяется языковым опытом, так как связь между элементами, характерная для сравнения, закреплена в языковом сознании людей как образное выражение, раскрывающее возможность реально представить признак действия и его образ.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5—32.
2. Багаутдинова Г. А. Лексико-семантическая характеристика устойчивых сравнительных конструкций антропоцентрической направленности // Мост-Bridge. 2008. № 4. С. 7—96.
3. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1963. 257 с.
4. Крысин Л. П. Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы // Филологические и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003. С. 450—455.
5. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка: краткий тематический словарь. М.: Флинта, 2011. 300 с.
6. Мейеров В. Ф. Характер речевого употребления компаративных устойчивых фраз // Грамматика русского языка. Вып. 1. Иркутск, 1972. С. 208—220.
7. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М.: Высш. шк., 1980. 207 с.
8. Новикова Е. В. Эталоны сравнения в немецкой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2003. 150 с.
9. Потемня А. А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка // Русская словесность: Антология. М.: Красанд, 1997. 172 с.
10. Черемисина М. И. Сравнительные конструкции современного русского языка. Новосибирск: Наука, 1976. 270 с.
11. Юй Фэнин. Устойчивые сравнения, характеризующие лицо человека в русской языковой картине мира (на фоне китайского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 255 с.

Сведения об авторе

Харабаева Виктория Ивановна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия. Stabilo.83@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 7 (441). *Philology Sciences. Iss. 121. Pp. 161—167.*

COMPARISON MODELS IN SIMILES THAT CHARACTERIZE A PERSON'S BEHAVIOR AND INNER WORLD

V. I. Kharabaeva

Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, Yakutsk, Russia. Stabilo.83@mail.ru

Comparison, along with analysis, generalization, abstraction and concretization, is one of the main operations of thinking as a form of cognitive activity. Comparison is carried out through observation of the surrounding world, certain standards are selected for comparison from the plant and animal world, physical objects and abstract concepts. People from different cultures may have different objects and phenomena in the real world, as well as a different cognitive base. A set of ideas about categories of objects that have developed on the basis of experience. The article reveals the features of comparison models that characterize the activity and behavior, the inner world of a person as exemplified by the Yakut language. The relationship of identity between a person and various elements of the language picture of the world, used as reference points of comparison, is established. The comparison models were classified according to the characteristics to which they were assigned: human behavior, emotional state, and social conditions of human life. The idea of a person's behavior and inner world is based on folk traditions, and the variety of models involved indicates their importance within this culture.

Keywords: *Yakut language, national picture of the world, the inner world of man, folk traditions, models of comparison, comparative means and constructions.*

References

1. Arutyunova N. D. (1990) *Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. Teoriya metafory [Metaphor theory].* Moscow. Pp. 5—32 [in Russ.].
2. Bagautdinova G. A. (2008) *Most-Bridge*, no. 4, pp. 7—96 [in Russ.].
3. Vinogradov V. V. (1963) *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika [Stylistics. Theory of poetic speech. Poetics].* Moscow. 257 p. [in Russ.].
4. Krysin L. P. (2003) *Etnostereotipy v sovremennom yazykovom soznanii: k postanovke problemy [Ethnic stereotype in modern linguistic consciousness: statement of the problem]. Filosofskiye i lingvokulturologicheskiye problemy tolerantnosti [Philosophical and linguo-cultural problems of tolerance].* Ekaterinburg. Pp. 450—455 [in Russ.].
5. Lebedeva L. A. (2011) *Ustoychivyye sravneniya russkogo yazyka: kratkiy tematicheskiy slovar. [Steady comparisons of the Russian language: a brief thematic dictionary].* Moscow, Flinta. 300 p. [in Russ.].
6. Meyerov V. F. (1972) *Kharakter rechevogo upotrebleniya komparativnykh ustoychivyykh fraz [Character of speech use of comparative stable phrases].* Grammatika russkogo yazyka. Vyp. 1 [Grammar of the Russian language. Iss. 1]. Irkutsk. Pp. 208—220. [in Russ.].
7. Mokiyeenko V. M. (1980) *Slavyanskaya frazeologiya [Slavic phraseology].* Moscow. 207 p. [in Russ.].
8. Novikova E. V. (2003) *Etalony sravneniya v nemetskoy kartine mira [Comparison Standards in the German picture of the world].* Omsk. 150 p. [in Russ.].
9. Potebnaya A. A. (1997) *Iz lektsiy po teorii slovesnosti. Basnya. Poslovitsa. Pogovorka [From lectures on the theory of literature. Fable. Proverb. Proverb].* Russkaya slovesnost': Antologiya [Russian literature: an anthology]. Moscow. 172 p. [in Russ.].
10. Cheremisina M. I. (1976) *Sravnitelnyye konstruksii sovremennogo russkogo yazyka [Comparative constructions of the modern Russian language].* Novosibirsk. 270 p. [in Russ.].
11. Yuy Fenin. (2016) *Ustoychivyye sravneniya. Kharakterizuyushchiye litso cheloveka v russkoy yazykovoy kartine mira (na fone kitayskogo yazyka) [Stable comparisons that characterize a person's face in the Russian language picture of the world (against the background of the Chinese language)].* St. Petersburg. 255 p. [in Russ.].

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ БИЛИНГВИЗМА

Е. В. Шелестюк¹, О. В. Ершова²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

²Дом детского творчества «Юность» им. академика В. П. Макеева, Миасс, Россия

Обобщаются накопленные к настоящему времени сведения о билингвизме, представляется разное понимание данного термина, рассматриваются особенности упомянутого явления в лингвокогнитивном и социокультурном аспектах, приводятся его основные плюсы и минусы. Делается вывод о необходимости руководствоваться при выборе лингводидактических стратегий в образовательном процессе в полиэтническом обществе целями, связанными с билингвизмом.

Ключевые слова: лингводидактика, билингвизм, частичная идентичность, семилингвизм (полужычие), инкультурация, аккультурация, субтрактивный, аддитивный билингвизм.

Введение

В мире насчитывается более 7000 языков, а большее число стран мира являются полилингвальными и поликультурными. Но и монолингвальные страны, даже те из них, которые ранее имели тенденцию сохранять лингвокультурную «чистоту» и единственный государственный и официальный язык (например, большинство европейских стран, включая Францию, Германию, Великобританию и т. д.), под воздействием глобализации испытывают увеличение миграции и перетока населения, де-факто становятся «мультикультурными» и имеют шанс превратиться в полилингвальные. Представители сообществ часто создают многоязычные семьи, члены которых идентифицируют себя принадлежащими более чем к одной культуре. Одним из последствий этого является развитие билингвизма. При этом билингвизм, носящий естественный характер, как тенденция сочетается с тенденцией билингвизма искусственного, приобретенного в ходе обучения.

Искусственный билингвизм тесно связан с лингводидактической политикой и практикой. В настоящее время раннее обучение иностранному языку стало вполне привычным и широко распространенным явлением¹. Если раньше обучение иностранным языкам начиналось лишь в средней школе, то сейчас, согласно статистике, возраст обучения школьников этому предмету снижается,

преобладает принцип «чем раньше, тем лучше». Современные школы предлагают такую программу обучения, где иностранный язык начинается со второго класса; считается вполне приемлемым обучение детей с дошкольных учреждений, разрабатываются методические пособия для изучения иностранного языка детьми младшего школьного возраста методом «погружения». При этом в современных пособиях упор делается не только на развитие устных и письменных навыков, но также и на знакомство обучаемого с иностранной культурой. Такое углубленное изучение иностранного языка и культуры приводит к формированию двуязычной (билингвальной) языковой личности.

С учетом тесной связи языка и сознания (мышления) логично, что когнитивные процессы человека в значительной степени зависят от его языковых способностей и компетенций. Как влияет количество знаемых языков на формирование сознания? Как сказывается билингвизм на его социальной жизни? Однозначных ответов на эти вопросы в связи с многогранностью аспектов, глобальностью и противоречивостью эмпирических данных нет. Целью статьи является обсуждение этих вопросов с когнитивно-психолингвистической и социокультурной сторон, с тем чтобы прийти к обобщенным оценкам билингвизма как явления и обозначить лингводидактические подходы к языковому образованию в двуязычных и многоязычных социумах.

Понятие билингвизма включает в себя множество аспектов, которые взаимозависимы. Достаточно активно исследуются когнитивно-лингвистический, психологический (психолингвистический), социо-

¹Следует отметить, впрочем, что эта тенденция не касается ряда стран, прежде всего Великобритании и США, в образовании которых изучение иностранных языков традиционно занимает скромное место.

лингвистический и нейрофизиологический аспекты билингвизма, несколько менее представлены исследования в области социокультурного (включая социетальный) и лингвокультурного аспектов¹.

Исследователи до сих пор не пришли к единому мнению в отношении дефиниции билингвизма. Отмечается, что двуязычие как термин имеет семантику открытого вида. Не меньше проблем в отношении описания признаков двуязычия, поскольку двуязычие может наделять разными характеристиками разных людей. Признано, что билингвизм имеет определенные — как негативные, так и позитивные — последствия для когнитивного развития и формирования культурной идентичности личности. При характеристике двуязычия необходимо критически учитывать определенные факторы коммуникативного паттерна и собственно личности билингва, такие как: контекст приобретения второго языка, частота переключения с одного языка на другой, сферы коммуникации, которые соотносятся с тем или иным языком, возраст билингва, его социально-экономический статус, образование, включая компетенции в неязыковых предметах, профессию, семейное положение и прочие критерии личностной реализации.

Учитывая многомерность билингвизма, данную статью мы начнем с определений термина и классификаций двуязычия, затем перейдем к собственно обсуждению когнитивно-психолингвистического и социокультурного аспектов билингвизма и, наконец, представим обобщенный список основных преимуществ и недостатков билингвизма.

1. Определение билингвизма и его классификации

Билингвизм (двуязычие) в наиболее распространенном понимании — это языковое явление, при котором индивид функционирует на двух языках в одинаковой или различной степени компетентности; это знание двух или более языков и владе-

¹Среди наиболее существенных изысканий в области социальных и культурных сторон билингвизма следует отметить прежде всего исследования в области языкового планирования в советском и в настоящее время российском языковедении, традиционно уделяющем существенное внимание русско-национальному и титульно-миноритарному билингвизму федеративных республик и областей. На Западе отметим работы, разрабатывавшие социолингвистические вопросы в связи с адаптацией эмигрантов, а также современные исследования в области языковых прав, языкового разнообразия, субтрактивного распространения глобального английского, культурной идентичности, национально-языковой интеграции и т. п.

ние ими безотносительно уровня компетенций их носителя, а также степени употребимости, сфер и частоты употребления этих языков.

Понятие билингвизма обсуждалось достаточно давно. К. Хакута, Б. Фердман и Р. Диас условно делят все работы, посвященные билингвизму, на три группы. Первая группа исследований, определяющая билингвизм как сумму языковых способностей и компетенций индивида, благодаря которым он владеет двумя языками или использует две лингвистические системы, представляет собственно когнитивный или когнитивно-лингвистический подход. Вторая группа, определяющая билингвизм как социально-психологическое явление, характерное для индивидов как представителей социума, социальных групп и как участников социальных ситуаций, связанных с двумя языками, делает акцент на социальном и психологическом аспектах взаимодействия разноязыковых индивидов и групп. Это социально-психологическое направление изучения билингвизма; здесь когнитивно-лингвистические особенности не имеют значения, важны символизм, групповая принадлежность (= идентичность), на которую указывает использование того или иного языка. Третья группа исследований касается социетального двуязычия — институционального и неинституционального (неформального) взаимодействия индивидов и групп в многоязычном обществе, в котором символизм использования того или иного языка связан с показателем социального и институционального статуса его носителя [27].

Такое значительное расхождение в ракурсах рассмотрения проблемы приводит к неясности терминологического понимания данного явления.

Кроме того, большая часть путаницы в этой области связана с широтой/узостью понимания билингвизма: он может пониматься широко, как в определении, данном в начале этого раздела, а может иметь ряд узких толкований. Некоторые ученые не решаются использовать термин «билингв», «двуязычный» для обозначения людей, слабо владеющих первым или вторым языком, владеющих им лишь в одном аспекте (скажем, в разговорном языке, чтении технической литературы и т. д.), использовавших его лишь короткое время в жизни. Ряд исследователей не считают билингвами людей, приобретших второй/иностраный язык при обучении в школе или вузе, но лишь людей, приобретших его в естественных условиях социального многоязычия. Например, У. Каннингем в руководстве для двуязычных семей избегает употреблять

термин «билингв», «двуязычный» для характеристики людей. У человека может быть двуязычное образование и воспитание, двуязычное детство, семья может быть двуязычной и говорить на двух языках дома. Это означает лишь то, что в жизни человека присутствуют два языка. Но степень компетенций в них может быть настолько разной, что признавать всех таких людей билингвами часто затруднительно. Поэтому вместо термина «двуязычный» используется выражение «живущий с двумя языками» (*living with two languages*) [24]. Вместе с тем большинство исследователей полагают, что термин «билингвизм» может быть применен и при равной, и при неравной степени владения языками.

Исследования билингвизма на Западе начались в 1920-х гг. в связи с наплывом иммигрантов в США и трудностями их адаптации. В той ситуации изначально преобладала точка зрения так называемых гередитаристов (*hereditarians*), которые утверждали, что эти трудности, как и низкие результаты теста IQ иммигрантов — выходцев в основном из Южной и Восточной Европы — в значительной степени объясняются генетическими факторами [27]. Это касается и языковых способностей; ср. следующее утверждение исследователя Флоренс Гудинаф: «Те национальности, чьи интеллектуальные способности ниже среднего, с трудом изучают новый язык» [Цит. по: *Ibid.*]. Другая группа ученых, представленная главным образом психологами, пришла к выводу, что низкие показатели IQ иммигрантов могут быть связаны с двуязычием как фактором их жизненного опыта, которое приводит к слабому развитию вербальных навыков и вызывает путаницу в понятиях [Там же]. Приведем утверждение американского детского психолога Джорджа Грина Томпсона (1952): «Не может быть никаких сомнений в том, что ребенок, воспитанный в двуязычной среде, имеет проблемы с языковым развитием. Можно спорить о том, перевешивает ли возможность речи на двух языках такое следствие двуязычия, как недостаточное владение общим государственным языком» [Цит. по: 27. Р. 287]. Отметим, что отношение к билингвизму как негативному фактору психического развития преобладало вплоть до 1970—80-х гг.¹ Дальнейшие исследования имели целью изучение различий между одноязычными и двуязычными индивидами и определение корреляции раннего двуязычия

с такими особенностями личности, как языковые способности, уровень языкового и интеллектуального развития, черты личности. На сегодняшний день преобладает точка зрения о положительном влиянии билингвизма вообще и раннего билингвизма в частности. Развитие мышления, построение конструкций на разных языках, тренировка памяти, переключение с одного языка на другой — считается, что благодаря этому билингвы обладают определенным преимуществом перед монолингвами. Но, несмотря на то что данных исследований достаточно много, сделать какой-то определенный вывод об однозначном положительном или отрицательном влиянии билингвизма затруднительно, так как результаты неоднозначны и противоречивы. Это объясняется многофакторностью, сопровождающей явление билингвизма.

Существует несколько критериев, на основе которых создаются классификации билингвизма. Приведем наиболее существенные из них:

1) Обстоятельства овладения языками. Билингвизм бывает естественным (натуральным) и искусственным. Естественный билингвизм закладывается с рождения, когда ребенок окружен двуязычной средой, растет и воспитывается в ней. А искусственный билингвизм начинается в школе, когда на основе уже известного ребенку первого языка начинается изучение второго/иностранного языка в классе, где создается искусственная языковая среда [10]. Также существуют классификации в зависимости от времени приобретения второго языка, то есть ранний/поздний билингвизм; от способа приобретения: одновременное изучение двух языков или поочередно — соответственно симультанный (одновременный) билингвизм и сукцессивный (последовательный) билингвизм; от причины изучения языка, например: исконный билингвизм, системно бытующий в полиэтническом обществе, или билингвизм, приобретенный в силу обстоятельств (от англ. *circumstantial bilingualism*), когда изучение второго языка происходит из-за переезда в другую страну, где без его знания не удастся полноценно существовать. Отмечается, что школьник вступает в «функциональную» ступень владения языком примерно через два года пребывания в новой стране. Это означает, что он будет способен свободно функционировать во всех сферах жизни, имея необходимые письменные и устные языковые навыки. На этой стадии ребенок часто начинает избегать использования родного языка (при условии отсутствия внешних факторов). Взрослые эмигранты, скорее всего, не вступят в функцио-

¹ За рубежом главной вехой перехода к позитивной оценке билингвизма стали книги Э. Пил и У. Ламберта, а также Дж. Камминса.

нальную стадию, пока не проживут в новой стране в течение 10 лет. Родной язык для них останется в приоритете.

2) Соотнесенность речевых механизмов. На основе этого критерия билингвизм включает следующие типы: субординативный, координативный и смешанный. При субординативном билингвизме индивид владеет одним языком на более высоком уровне, чем на другом. Чаще всего имеет место доминирование родного языка, которое сказывается на употреблении языковой системы второго языка. Семантические структуры второго языка при порождении текста воспринимаются через призму родного. Второй тип — координативный, или чистый билингвизм, когда языки являются автономными, как правило, используются в разных условиях общения, в разных сферах социальной коммуникации. Смешанный билингвизм подразумевает единый механизм анализа и синтеза речи, при этом сосуществующие языки различаются на уровне поверхностных структур, а индивид с легкостью переключается с одного языкового кода на другой в зависимости от обстоятельств [20].

3) Вид речевой деятельности и умений. При рецептивном (пассивном) билингвизме индивид понимает речевые произведения на языке (втором или неиспользуемом родном), но не говорит на нем; данный тип характерен прежде всего для изучения мертвых языков. Репродуктивный билингвизм характеризуется умением индивида воспроизводить услышанное и прочитанное, что нередко сопровождается ошибками в произношении. Продуктивный (активный) билингвизм обозначает владение вторым языком на таком уровне, когда индивид понимает речевые произведения на этом языке и создает новые [3].

4) Влияние двуязычия на речевую способность и компетенции индивидов. У. Ламберт выделил аддитивный билингвизм, при котором родной язык остается основным и не вытесняется изучением второго языка, причем билингвизм оказывает положительное влияние на индивида, и субтрактивный, когда двуязычие негативно влияет на билингва [29]. Аддитивное (additive) двуязычие возникает, когда человек приобретает второй язык при сохранении всех компетенций общения на первом (родном) языке; более того, второй язык может благоприятно влиять на усвоение родного языка и владение им. Этот тип двуязычия встречается в ситуациях, когда дети миноритарной этнолингвистической группы изучают родной

язык в школе. Субтрактивное (subtractive) двуязычие, также называемое замещающим, относится к ситуациям, когда ребенок усваивает второй язык, утрачивая навыки владения родным. В этом случае двуязычный ребенок не изучает родного языка в школе или изучает его на необязательной, факультативной основе, притом что само обучение происходит на мажоритарном (государственном, официальном) языке. Субтрактивный билингвизм часто имеет место, когда общество не ценит язык меньшинства, а вертикальная мобильность возможна только при приобретении языка большинства.

5) Функциональное распределение языков по разным сферам употребления. Это разделение связано с социальным аспектом двуязычия, оно включает диглоссию и двуязычие, смешанное или равноправное по функциональным сферам использования. Диглоссия — это такой тип билингвизма, при котором на определенной территории или в определенном обществе сосуществуют два языка или две формы одного языка, применяемые в различных функциональных сферах. Термин «диглоссия» впервые был применен лингвистом Чарльзом Фергюсоном в 1959 г. Диглоссия связана с дихотомией «высокого» и «низкого» языков. Фергюсон пояснял, что «низкий» язык используется в быту, при повседневном общении, а «высокий» применим в официальных сферах жизни; для «высокого» языка характерна престижность в обществе, «низкий» же язык непрестижен [26]. Диглоссия также связана с дихотомией сбалансированности/несбалансированности билингвизма, предполагающей уровень языковых и лингвокультурных компетенций билингва. Она, как правило, соотносится с несбалансированным билингвизмом, поскольку уровень компетенций при коммуникации на официальном языке обычно выше, чем на том, который употребляется в бытовом общении.

Кроме названных критериев и основанных на них классификаций приведем прочие классификации билингвизма в виде перечисления: ранний/юношеский/поздний (по возрастному критерию); начальный/остаточный, прогрессивный/регрессивный; контактный/неконтактный (через прямой контакт / через СМИ, литературу, культуру); непосредственный/опосредствованный (со связью или вне связи с мышлением) [3]; групповой/индивидуальный/массовый; симметричный/асимметричный (по критерию социальных ролей и функциональному равноправью);

односторонний/двусторонний (по двуязычной активности коммуникантов); эндогlossный/экзогlossный (по официальному языку, избираемому носителями по внутринациональному или экстерриториальному признаку); внутригрупповой/межгрупповой; диглоссия / равноправие языков (по функциональным сферам использования) [9].

После проведенного анализа понятия и классификаций билингвизма рассмотрим, как билингвизм влияет на сознание и как они взаимосвязаны.

2. Влияние двуязычия на сознание (мышление)

Наш анализ билингвизма зиждется на двух гипотезах, объясняющих его механизм.

Первая из них, гипотеза глубинных и поверхностных структур (универсальная грамматика), представляется удобной и правдоподобной моделью при рассмотрении когнитивных механизмов формирования билингвизма. Важно, что проведен ряд исследований, подтвердивших научность этой гипотезы. Так, изучение области Брока выявило, что она активируется только в случае конструирования предложений языка на основе иерархической модели непосредственно составляющих и не активируется при конструировании предложений языка, основанных на простом линейном порядке слов¹. Это является аргументом в пользу существования универсальной грамматики и механизма преобразования глубинных структур в поверхностные и наоборот. Результаты упомянутого эксперимента можно объяснить алгоритмической обработкой глубинных и поверхностных структур высказывания при речепорождении (речевосприятии) на основе правил непосредственно составляющих и отказ от мыслительных действий по смысловой обработке, если требуется произвести (или воспринять) бессмысленный набор слов.

Вторая гипотеза предполагает переключение кодов при производстве и восприятии речи, ее основатели Э. Пил, У. Ламберт² [29] под переключением имели в виду быструю смену языков в устной коммуникации при выполнении соответствующих когнитивно-лингвистических операций. Понимание этого процесса Л. С. Выготским и его последователями из Московской психолингвистической школы несколько усложняет картину кодовых переходов, поскольку включает промежуточные этапы внутренней речи и «образов

и схем» (то есть перекодировку на уровне глубинной грамматики и «языковых образов», или «имагенов»). При переходе с одного языка на другой мы осуществляем мыслительные и языковые «переключения» через этапы внешней, внутренней речи и мышления, причем внешняя речь переключается на двух языках.

Признав верность упомянутых гипотез и исходя из них, билингвизм можно представить как «кодовое переключение» глубинных и поверхностных структур двух языков при производстве и восприятии сообщений на этих языках. Билингвы также «переключают» социальные и культурные коды, основанные на социально-культурных архетипах и стереотипах, что обуславливает постоянную символическую смену социальной и культурной идентичности [19].

3. Когнитивно-психолингвистический аспект двуязычия

Обсуждая билингвизм с когнитивно-психолингвистической точки зрения, прежде всего важно рассмотреть онтогенез двуязычного обучения. Многие ученые отмечают, с одной стороны, значительные успехи и достижения индивида при раннем обучении второму/иностранному языку, а с другой — противоречивость и вред раннего билингвизма.

Мнение о необходимости раннего обучения нескольким языкам основано на естественном факторе, который касается максимальной способности маленьких детей к усвоению языков. Гибкость когнитивных процессов, отсутствие языковых барьеров, быстрое запоминание информации, тяга к познанию мира — психологические особенности, которые помогают в раннем освоении языков, в том числе иностранных. Признавая этот факт, большинство педагогов, психологов, филологов тем не менее считали оптимальной модель опережающего на некоторое количество лет изучения родного языка. Еще в XIX в., когда в высших кругах Российской империи имел место субтрактивный европейско-русский билингвизм³, основоположник научной педагогики в России К. Д. Ушинский при-

³Вспомним А. С. Пушкина, отразившего языковую ситуацию в российских высших кругах начала XIX в.: «Она по-русски плохо знала, / Журналов наших не читала, / И выражалась с трудом / На языке своем родном, / Итак, писала по-французски... / Что делать! повторяю вновь: / Доныне дамская любовь / Не изъяснялась по-русски, / Доныне гордый наш язык / К почтовой прозе не привык».

¹<https://wikipedia.me/Глоттогония>.

²В основе их гипотезы лежала теория Л. С. Выготского.

знавал: «В несколько месяцев дитя так приучается говорить на иностранном языке, как не может научиться в несколько лет» — и вместе с тем в статье «Родное слово» подчеркивал, что обучение иностранным языкам не должно начинаться слишком рано, сначала стоит убедиться в том, что родной язык пустил глубокие корни в сознании ребенка. К изучению второго языка следует приступать лишь тогда, когда ребенок на родном языке приобретет полную свободу. Если же используется погружение при обучении иностранному языку, то «чем ревностнее занимаются с детьми изучением иностранного языка, тем ревностнее должны заниматься с ними в то же время изучением родного: этим только можно парализовать неизбежный вред, происходящий для душевного развития дитяти от усиленных первоначальных занятий иностранным языком» [17. С. 242].

Л. С. Выготский считал, что усвоение тех или иных знаний, умений и навыков наиболее легко и эффективно протекает в определенный «сенситивный период», когда ребенок более всего восприимчив именно к этим предметам и компетенциям. Выготский выделял пять сенситивных периодов развития¹, полагая, что наиболее подходящим для изучения языка и речи (в том числе иностранного языка) является возраст 1,5—3 года как период активного пополнения словарного запаса. Однако, рассуждая о соотношении языка и мышления, Выготский четко обозначает оптимальную последовательность изучения родного и иностранного языка: иностранный язык должен изучаться после родного с отставанием в несколько лет и на основе уже сформированных понятий, вербализованных с помощью родного. «Можно сказать, что усвоение иностранного языка идет

¹1,5—3 года. Период яркого восприятия речи, пополнения словарного запаса. В этом возрасте ребенок очень восприимчив к изучению иностранных языков. Также он благоприятен для развития моторики, манипуляций с предметами, восприятия порядка; 3—4 года — период, наиболее благоприятный для ознакомления со знаковым обозначением цифр и букв, подготовке к письму, развиваются осознанная речь и понимание собственной мысли, идет интенсивное развитие органов чувств; 4—5 лет — период, знаменующийся развитием интереса к музыке и математике, увеличивается активность ребенка в восприятии письма, цвета, формы, размера предметов, происходит интенсивное социальное развитие; 5—6 лет — наиболее благоприятный период для перехода к чтению, привития ребенку социальных навыков и поведения; 8—9 лет — языковые способности вторично достигают пика, развитие воображения и культурного образования.

путем, прямо противоположным тому, которым идет развитие родного языка. Ребенок никогда не начинает усвоение родного языка с изучения азбуки, с чтения и письма, с сознательного и намеренного построения фразы, с словесного определения значения слова, с изучения грамматики, но все это обычно стоит в начале усвоения иностранного языка. Ребенок усваивает родной язык неосознанно и ненамеренно, а иностранный начиная с осознания и намеренности. Поэтому можно сказать, что развитие родного языка идет снизу вверх, в то время как развитие иностранного языка идет сверху вниз» [5. С. 244].

По Выготскому, изучение иностранного языка в такой же мере опирается на семантику родной речи, как усвоение научных понятий опирается на понятия, выработанные в процессе собственного опыта ребенка. Подобно тому как в последнем случае овладение системой научных понятий предполагает уже широко разработанную понятийную ткань, развившуюся с помощью спонтанной активности детской мысли, в первом случае предполагается наличие уже развитой системы значения слов. И «подобно тому, как в примере с языком, усвоение нового языка происходит не через новое обращение к предметному миру и не путем повторения раз уже проделанного процесса развития, а совершается через другую, прежде усвоенную речевую систему, стоящую между вновь усваиваемым языком и миром вещей, — подобно этому и усвоение системы научных понятий возможно не иначе, как через такое опосредствованное отношение к миру объектов, не иначе, как через другие, прежде выработанные понятия. А такое образование понятий требует совершенно иных актов» [6. С. 180]. На наш взгляд, эти тезисы Выготского иллюстрируют идеальное положение вещей в освоении языков, даже если в случае освоения второго языка «сверху вниз», то есть на основе понятийной системы, усвоенной с первым, родным языком, отсутствует присущая натуральным билингвам беглость разговорной речи на втором языке.

Мнения ученых о рамках сенситивного периода для изучения иностранного языка расходятся. В. Пенфильд, Р. Робертс определяют его с 4 до 8 лет, Т. Элиот — с 1,5 до 7 лет. П. Скиллер отмечает, что благоприятным для изучения иностранного языка является возраст 5—10 лет. М. Монтессори, известная своей авторской методикой раннего развития, определяла сенситивный период развития речи 0—6 лет, а оптимальным возрастом для второго

языка считала 5—9 лет. Ребенок до 9-летнего возраста активно участвует в освоении речи, после этого периода механизмы речи становятся менее гибкими и не могут так легко приспосабливаться к новым условиям, зато повышаются усидчивость и концентрация внимания.

Вместе с тем некоторые исследователи говорят о потере уникального шанса учить два или несколько языков вместо одного до начала освоения чтения и письма на родном языке, то есть до 7 лет. Понятно, что если это происходит в смешанных двуязычных семьях, полиэтничных дошкольных учреждениях, то эндогlossное двуязычное обучение и образование естественно и является объективной необходимостью. Однако, следуя экзогlossной моде, многие современные педагоги одобряют раннее обучение ребенка иностранному языку на этапе освоения устного языка, то есть предлагается изучать родной (автохтонный) и иностранный языки почти симультанно, одновременно. Но даже сторонники дошкольного изучения иностранного языка устанавливают рубеж изучения иностранного языка — 5 лет. Этот возраст знаменует качественную трансформацию, когда ребенок обретает способность к более или менее продолжительной концентрации внимания, целенаправленной деятельности, он овладевает достаточным лексическим запасом и запасом речевых моделей для удовлетворения своих коммуникативных нужд (среди советских исследователей такой точки зрения придерживался Е. А. Аркин). Предлагаются методики и рекомендации изучения иностранного языка с дошкольного возраста, включая элементы погружения [14]. Очевидно, что популяризация дошкольного изучения иностранного языка связана с престижностью внешнего языка, которая обуславливает востребованность его изучения детьми со стороны амбициозных родителей, а педагогика реактивно отражает этот запрос в виде рекомендаций и методик.

Рассмотрим двуязычное обучение в парадигмах универсальной грамматики и теории переключения кодов. В случае одновременного или даже опережающего усвоения второго языка глубинные структуры родного языка не будут усвоены прочно, они искажаются или замещаются и вытесняются глубинными структурами другого языка. Показано, что если ребенок одновременно изучает два языка на раннем (допороговом, в терминологии Камминса [23]) этапе, то у него, во-первых, наблюдается замедление усвоения языковых структур и законо-

мерностей, а во-вторых, объем усвоенной лексики у него становится в два раза меньше, чем если бы он изучал один язык (ряд источников, подтверждающих эти выводы, приводится в [27]).

К тому же при раннем симультанном изучении двух языков весьма распространены интерференция и интеркаляция, в том числе если симультанное изучение продолжается на этапе освоения чтения и письма, причем второй язык изучается в одинаковом или большем объеме¹. Считается, что при раннем изучении сразу двух языков (родного и иностранного) будут смешиваться их слова и структуры. То есть ранний билингвизм чреват серьезным нарушением литературной речи — *неразделением, смешением языков*. В целом при симультанном изучении языков период, когда ребенок-билингв не разделяет языки, неизбежен. «Смешение языков — это явление, возникающее при нахождении двух языков в непосредственном контакте» (из стенограммы доклада, прочитанного Л. В. Щербой на заседании Института языкознания от 15 октября 1936 г.). Причиной этого является недостаточное усвоение языков. Щерба отмечает: «Повседневная жизнь изобилует индивидуальными фактами такого рода; но гораздо более редки факты такого же порядка, получившие социальную значимость, то есть те ошибки языка, которые сделались в известной среде общепризнанной нормой» [20]. Выходом из данной проблемы могла бы быть сознательная дифференциация языков: если учителя детей не будут смешивать языки, то и дети, повторяя за ними, научатся дифференцировать их. Вместе с тем задача спонтанного кодового переключения для ребенка, который является ранним симультанным билингвом, останется затруднена, следовательно, сбалансированный билингвизм маловероятен. Смешение является серьезной проблемой и в осознанном возрасте, когда говорят на одном языке, вставляя слова из другого (например, в Монреале говорят на *Fraglais*, или *Frenghish* — смеси английского и французского).

Другое дело, если обучение иностранному языку происходит сукцессивно, последовательно, при этом на усвоенные структуры родного языка последовательно накладывается материал второго языка. Раннее усвоение системы родного языка и постепенное научение преобразовывать его глубинные структуры во все усложняющиеся поверхностные структуры является залогом того, что для ребенка

¹См. выше в сноске языковую характеристику пушкинской Татьяны.

тот или иной язык и соответствующий тип языкового сознания будет родным. Затем с некоторым отставанием на основе глубинных и поверхностных структур родного языка разумно начинать осваивать второй язык. Однако усвоенный таким образом второй язык в большой степени носит рационально-логический и отвлеченный характер¹, и в этом случае для аутентично звучащей спонтанной речи нужно достаточно длительное погружение в языковую среду (которое можно осуществить и в более позднем возрасте, если есть необходимость).

Психолог В. Ротенберг на основе экспериментальных данных связывает протOVERбальные структуры («глубинные структуры» языка) и образы-схемы, предшествующие непосредственно вербализации, с правым полушарием головного мозга, отвечающим за бессознательные, синтетические, интуитивные процессы. Поверхностные же структуры языка и речи, оформленные по правилам синтаксиса, морфологии, лексической сочетаемости того или иного языка, связываются им преимущественно с левым, логическим и аналитическим, полушарием. Исходя из этого и учитывая обычную последовательность изучения языков, Ротенберг высказывает гипотезу, что родной язык задействует оба полушария, преобразуя глубинные структуры в поверхностные и наоборот, а иностранный язык для синтаксических преобразований опирается как на поверхностные, так и на глубинные структуры родного, причем использует в большей степени левое полушарие [15].

Суммируя, отметим, что качество освоения языков билингвами напрямую связано со способом освоения второго языка: 1) «сверху вниз», то есть от глубинных структур родного языка через рациональное и последовательное изучение звуков и букв, чтения и письма, сознательное и намеренное построение фразы, словесное определение значения слова, изучение грамматики и пр., или 2) «снизу вверх» через погружение в иноязычную и инокультурную среду, через вынужденное диглоссное общение или через бессознательные суггестивные методы обучения. При изучении иностранного языка методом погружения, суггестии, воссоздания языковой среды, глубинные структуры неродного

¹Ср. цит. выше замечание Л. С. Выготского: «Ребенок усваивает родной язык неосознанно и ненамеренно, а иностранный начиная с осознания и намеренности. Поэтому можно сказать, что развитие родного языка идет снизу вверх, в то время как развитие иностранного языка идет сверху вниз».

языка усваиваются наряду с глубинными структурами родного и «запечатлеваются» образным мышлением; их импринтинг как неких прототипов языковой системы (а также культурных архетипов и стереотипов, отраженных в речевых образцах) происходит наряду с единицами родного языка и культуры. Единицы иностранного языка могут участвовать наравне с родными в формировании языкового сознания, влиять на саму связь человека с его этногенетическими основами, конкурировать, вытеснять и, возможно, замещать родные единицы².

4. Социокультурный аспект двуязычия

Перейдем к социокультурному анализу билингвизма. Известно, что большая часть населения в многонациональных и полиэтничных государствах двуязычна. В полиэтничных странах в качестве официальной языковой политики может быть принята эндоглоссия и экзоглоссия³. Идеальным является государственное и официальное равноправие языков, а диглоссия как разделение языков по сферам функционирования вызывает критику. Вместе с тем, как неоднократно отмечалось исследователями, по-настоящему сбалансированный билингвизм — достаточно редкое явление. Социальные условия бытия индивидов на границах языковых ареалов, а также в ареалах активного бытования двуязычия и многоязычия (родного языка, второго языка, койне, лингва франка) действительно побуждают этих индивидов к постоянным кодовым

²Как утверждает И. И. Кондрашин, «нейротическая и нейропильная структура головного мозга — это материальная основа для рефлекторных дуг, аналитических функциональных центров и менталитета в целом... Первичная компоновка этих дуг и центров зависит от генома, наследуемого человеком от его предков; она создает первоначальную основу менталитета (возможно, вместе с архетипами как ее составляющей), но далее качественное «наполнение» менталитета зависит от индивидуального воспитания, образования и личного опыта» [цит. по: 7]. В настоящее время есть гипотеза изменения морфологической структуры мозга при использовании метода языкового погружения по сравнению с обычным изучением второго/иностранного языка и появились исследования, призванные определить это изменение, например [32].

³Экзоглоссия — использование внешнего, неродного для народов страны языка в качестве официального или государственного (ср. английский в Индии, Бангладеш, Малайзии, Сингапуре и т. п.). Эндоглоссия — использование языка, родного для титульного и/или мажоритарного народа страны, в качестве официального или государственного (Россия, Казахстан, Индонезия и др.).

переходам, однако именно в таких условиях речь билингов на обоих языках зачастую носит контаминированный характер, полна интерференций и интеркаляций. В таких обществах часто царит диглоссия, и в условиях устойчивой языковой ситуации один из языков говорящего обязательно будет доминантным, а другой — вспомогательным, «рецессивным».

Важно, что *билингвизм не возникает без социокультурных оснований*, функциональное распределение языков достаточно жестко социально обусловлено; оно зависит от численности этносов, условий сосуществования их языков, их функционирования и освоения¹. Социетальный билингвизм — вынужденное состояние любого полиэтничного общества.

Согласно В. М. Алпатову, «в любом многонациональном государстве возникает языковая иерархия, которая может быть представлена в виде перевернутой пирамиды. Чаще всего она состоит из трех уровней. Верхний слой (обычно самый многочисленный) составляют одноязычные носители государственного языка... Средний слой составляют многоязычные граждане. Внизу находятся одноязычные носители языков меньшинств (или даже многоязычные, но не владеющие государственным или официальным языком). В некоторых странах (Индия, ряд стран Африки) верхний слой отсутствует, и наверху оказываются многоязычные. Эта

¹ Вместе с тем признаем, что социальные условия бытования языков можно достаточно эффективно конструировать. Так, декларировав и де-факто сделав английский язык международным языком науки, мировое сообщество неизбежно увековечивает его в качестве второго и третьего языка обучения во всех странах мира. Отсюда происходят сентенции, звучащие как аксиомы: «освоение английского манифестирует набор факторов нелингвистического свойства, имеющих отношение к глобальной экономической интеграции и переменам, связанным с повышением качества жизни и стандартов в целом. ... Все желающие выйти на глобальный уровень коммуникации должны стать в обязательном порядке билингвами. ... Национальная образовательная политика полиэтничных государств и наднациональных государственных образований должна быть нацелена на закрепление статуса языков, которые смогут обеспечить доступ к мировым ценностям и знаниям на уровне мировых стандартов, а также обеспечить современный уровень социальной мобильности... Лингвистический менеджмент (способы адекватного и эффективного обучения языкам; интегрирование населения в цивилизованные гражданские институты и развитие квалифицированной рабочей силы) выходит на новые позиции, включая локальный уровень» [8].

иерархия не совпадает с социальной иерархией, но в одну сторону с ней коррелирует: принадлежность к одноязычным носителям государственного языка ничего не говорит о социальном статусе, но нижний слой языковой иерархии образуют люди, не обладающие высоким социальным статусом» [1]. Впрочем, начиная с политики коренизации и подтягивания окраин к центру по уровню жизни в СССР, принятия закона об обучении на родном языке, языки меньшинств стали развиваться: им обучали в школах и вузах, поощрялось литературное творчество на них достаточно большими тиражами издавались журналы и книги, создавались национальные театральные труппы, формировалась национальная интеллигенция и т. д. Несмотря на это, в целом описанное выше положение в определенной степени сохранялось и в СССР.

Как правило, социетальный языковой статус билингва в многонациональном обществе определяется четырьмя стратегиями инкультурации — приобщения к национальной культуре²: ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция [2]. Ассимиляция — это вариант инкультурации, при котором человек полностью принимает ценности и нормы доминирующей этнокультуры, отказываясь при этом от норм и ценностей своей. Сепарация есть отрицание доминирующей этнокультуры при сохранении идентификации со своей. Если на такой изоляции настаивают представители господствующей этнокультуры, это называется сегрегацией. Маргинализация означает, с одной стороны, потерю идентичности с собственной этнокультурой, с другой — отсутствие идентификации с этнокультурой большинства, такого рода культурный сбой чреват деградацией этноса, включая алкоголизм и асоциальный образ жизни. Интеграция представляет собой идентификацию как с миноритарной, так и с доминирующей этнокультурой, это порождение амальгамы культур, государственной суперэтнокультуры. *Интеграция — это оптимальный и наиболее развивающий принцип инкультурации*, к которому должно стремиться любое многонациональное государство.

Представляется, что возникающий на основе лингвокультурной интеграции билингвизм — это наилучший выбор, золотая середина между насильственным государственным моноязычием и этноязыковым сепаратизмом. Это наилучший способ избежать ассимиляции малых народов и вместе с тем прийти к национальному единству. Следует

² Эти ступени также совпадают со ступенями аккультурации иммигранта в чужую культуру.

понимать также, что билингвизм — это в определенной степени обязанность, ноша для представителей языковых меньшинств, поскольку речевая деятельность билингва бывает отягощена стрессом кодовых переходов, адекватного выбора из двух имеющихся у них разноязыковых паттернов (связок глубинных и поверхностных структур), избегания интерференции двух языков и их семантико-грамматических кодов при коммуникации. Правда, согласно многим ученым, например Дж. Камминсу [23], Данкану и де Авиле [25], после достижения оптимального порога овладения вторым/иностраным языком, а также после достижения порога осмысленного чтения сложных произведений на обоих языках, билингвизм, несомненно, ведет к позитивному когнитивному развитию¹.

Вместе с тем очевидно, что определенной частью обучающихся оптимальный порог овладения вторым/иностраным языком не достигается, и в этом случае обучение второму языку не будет успешным; более того, оно может оказать тормозящее влияние на лингвистическое развитие индивидов в целом, в том числе на усвоение грамматически правильных и логически сложных структур родного языка. Билингвизм, как мы подчеркивали в предыдущей работе [16], в многонациональном, полиэтничном обществе — это неизбежность, естественная необходимость. Поэтому *обучение языкам, практика лингводидактики — процесс, предполагающий тонкую балансировку, выбор золотой середины между родным, государственным и функциональным иностранным языками, расчет их важности для индивида как личности и гражданина, подкрепляемый отведением времени на их обучение, способом обучения и выбором конкретных знаний, умений и навыков.*

Согласно В. М. Алпатову, одноязычие имеет ряд преимуществ. «Во-первых, усвоение каждого нового языка, особенно сознательное его усвоение, требует дополнительных усилий, а способности

¹Эти выводы осторожно подтверждают и ряд модных в настоящее время исследований мозговой морфологии и активности; ср. вывод о структурных изменениях у билингвов в левой нижней лобной и нижней теменной областях коры головного мозга (уплотнение серого вещества), о влиянии билингвизма на передние отделы мозолистой оболочки и на белое вещество [32]. Утверждается также, что МРТ показывает подключение у билингвов и устных переводчиков при речевой деятельности разнообразных зон головного мозга, не задействованных у монолингвов, общающихся в обычных одноязычных ситуациях [11].

в обучении чужим языкам у людей различаются. Есть люди, даже очень способные в других областях знаний, которые не могут выучить ни один язык, кроме родного. Вот что сказано в биографии видного русского писателя середины XIX века А. Ф. Писемского, окончившего математическое отделение Московского университета: “Языки ему вообще не давались, и он не раз впоследствии страдал от этого ‘подлейшего неведения языков’, объясняя свою неспособность к их изучению перевесом способностей к наукам философским, абстрактным”.

Во-вторых, человек по-разному овладевает языками в различные периоды жизни. Лишь при употреблении родного языка человек использует оба полушария головного мозга, дополняющие друг друга. В процессе освоения языка в возрасте после 5—7 лет доминирует левое полушарие, в результате чего приобретаемая языковая компетенция неизбежно станет неполной. Бывают случаи, когда человек владеет более чем одним материнским языком (например, если родители говорят на разных языках или ребенок воспитывается няней, говорящей не на том языке, что родители), но это встречается не так часто. Как указывают специалисты, абсолютного равенства языков не бывает, и всегда у человека один из двух или нескольких языков становится основным.

Наконец, в-третьих, понятие материнского языка имеет четко выраженный социальный смысл. Чаще всего, хотя и не всегда, материнский язык является языком родного этноса, родной культуры. Пользование “чужим” языком легко вызывает ощущение этнической, культурной, а зачастую и социальной неполноценности. Конечно, возможен и компенсирующий фактор — ощущение престижности “чужого” языка.

... (При “вынужденном” изучении английского языка) ... речь идет уже не столько о “взаимориентации и взаимоосвещении” языков, сколько об унификации мышления на основе англоязычной картины мира. Английский язык престижен, но его господство может вызывать социальное и этническое недовольство, к тому же его не всем легко освоить...

Современная наука не может доказать преимущества одноязычия перед многоязычием (как и обратного). Хорошо известно, что мировые высоты и в науке, и в литературе достигались и при одноязычии, и при диглоссии, и при многоязычии разных типов. То и другое может быть естественным состоянием в зависимости от национально-

языковой ситуации. Соотношение их обычно неустойчиво и может быть связано с конфликтами» [1].

Итак, в противовес «хайпу» вокруг полезности двуязычия, подразумевающего прежде всего англо-национальный искусственный (выученный) билингвизм, как закономерность отметим, что большинство монолингвов¹, живущих в странах «первого и второго миров» (прежде всего стран Европы, США) и говорящих на государственном/официальном языке своей страны, более социально благополучны в плане образования, карьеры, зажиточности, чем живущие в их же странах этнические билингвы. Исключение составлял СССР, последовательно проводивший политику подтягивания и возвышения окраин до уровня центра и фактически возвращающий национальности за счет центра (в этом отношении ему наследует Россия, беря на вооружение все положительные достижения, в том числе коренизацию миноритарных языков в высших функциональных сферах в титульных республиках, национально-культурную автономию, национальные школы и вузы (факультеты), закон об изучении родных языков и т. п.).

Что же касается стран «третьего мира», где, как правило, имеет место экзоглоссия, — за официальный (государственный) принят язык бывшего

¹ Вспомним, например, что в англоязычных странах иностранные языки занимают в учебных планах скромное место и квалифицируются не как системно-научная дисциплина, сопоставимая с родным языком, чтением (литературой), математикой, естествознанием, а как полезное умение наряду с изобразительным искусством или физической культурой. Как отмечает Р. Филлипсон, у носителей английского языка изучение иностранных языков остается традиционно посредственным. Согласно отчету Британского совета, 75 % взрослого населения Великобритании, не могут поддержать беседу ни на одном из десяти языков, обозначенных в отчете (французский, немецкий, испанский и т. д.). Преподавание иностранных языков носит ограниченный и нескоординированный характер, не позволяя большинству учащихся их освоить на уровне беглой речи. В Англии учащимся дается только 216 обязательных часов иностранного языка. Школьники впервые изучают иностранный язык в небольшом объеме в начальной школе в течение одного или двух лет, затем в средней школе в течение года или двух лет. В колледжах и университетах иностранный язык обязателен лишь на некоторых направлениях. Отсутствие системности и непрерывности сказывается на знаниях школьников. При этом признание английского языка международным усугубляет убеждение в бесполезности изучения иностранного/второго языка. А посредственное их знание вместе с тем означает, что в англоязычную культуру и в сознание людей мало проникают иностранные ценности, обычаи, традиции.

колонизатора, не представленного среди живущих там этносов, и обязательный билингвизм, то и здесь социетальный билингвизм не показывает соотнесенности с социальной успешностью. В данном случае успешен зачастую будет индивид, на хорошем уровне освоивший язык бывшего колонизатора (поэтому, на наш взгляд, экзоглоссный билингвизм, как правило, субтрактивен).

Таким образом, мы согласны с констатацией В. М. Алпатовым того факта, что современная наука не может доказать преимущества одноязычия над многоязычием (как и обратного).

Вместе с тем, подчеркнем еще раз, в многонациональных государствах билингвизм — *объективная необходимость*, при этом важно, что это *исконный, эндоглоссный* билингвизм. Это альтернатива полной или частичной ассимиляции языковых меньшинств к лингвокультуре большинства. Идеалом, к которому следует стремиться при двуязычном обучении, является не лингвокультурная ассимиляция, но взаимная интеграция, формирование единой нации. Внешний же, иностранный язык должен осваиваться менее ревностно и восприниматься лишь как «международный вспомогательный язык», простой код, универсальный и гибкий, для передачи индивидом личностных и национальных смыслов, но никак не как средство аккультурации в духе чужой культуры [16].

5. Преимущества и недостатки билингвизма

Ряд исследователей² приводят преимущества билингвизма, перечислим некоторые из их доводов:

При билингвизме имеется двойная номинация, или «объектификация», понятий на двух языках — их сосуществование в виде двух имен, одного имени в актуализированном, а другого — в виртуальном виде. Двойная номинация приводит к обогащению тезауруса (или метального лексикона) человека словами-эквивалентами из разных языков. Кроме того, то мнению ученых (Л. С. Выготский, У. Ф. Леопольд) двойная объектификация способствует более глубокой концептуализации предметов и явлений, более высоким уровням абстрактного и символического мышления [Цит. по: 27. С. 297]. Билингвы имеют для обозначения предметов и яв-

² Многие из них — канадцы, обосновывающие пользу англо-французского билингвизма для франкофонов, и ученые из США, обосновывающие пользу англо-испанского билингвизма для испаноязычных. В настоящее время эти доводы также часто приводят сторонники глобального англо-национального трехязычия и двуязычия.

лений действительности (денотатов, референтов) как минимум два слова, это облегчает процесс отделения слова от референта, а такое отделение можно рассматривать как одну из основных вех в развитии символического мышления. Двухязычие и переключение кодов способствуют абстрагированию и обобщению понятий, причем не только в иностранном, но и в родном языке: «Ребенок усваивает иностранный язык, обладая уже системой значений в родном языке и перенося ее в сферу другого языка. Но и обратно — усвоение иностранного языка проторяет путь для овладения высшими формами родного языка. Оно позволяет ребенку понять родной язык как частный случай языковой системы, следовательно, дает ему возможность обобщить явления родного языка, а это и значит осознать свои собственные речевые операции и овладеть ими» [6. С. 233—234].

Далее, сама концептуальная «нарезка» окружающего мира в разных языках не совпадает, следовательно, при билингвизме и постоянном переключении кодов понятия о предметах и явлениях действительности могут количественно возрастать. Но, даже если понятия в обоих языках в общих чертах аналогичны, их объем и содержание у билингвов может углубляться и расширяться за счет обоюдного влияния и наложения в двух языках (но может по закону мыслительной экономии и редуцироваться до одного — избираемого ими в качестве доминантного или релевантного для ситуации *ad hoc* — языкового кода).

Некоторые исследователи (Б. Бейн, А. Ю, Р. М. Диас, К. Падилла, К. Хакута) полагают, что опыт двухязычия приводит к большему задействию скрытого словесного посредничества (вербально-лингвистических стратегий) в когнитивных задачах невербального характера. Металингвистические компетенции позволяют более эффективно и проактивно использовать внутреннюю речь, «язык образов и схем» как язык, предшествующий собственно мысли, что позволяет строить более точные и многомерные умозаключения. Таким образом, использование кодов самокорректирующейся и саморегулирующейся «протомысли», внутренней речи способствует повышению качества когниции.

Как плюс билингвизма отмечается также селективное внимание, что фактически означает правильное распределение внимания индивидом. Это подтверждается результатами психологических тестов, включающих в себя конфликт между стимулами и особенностями реагирования, правильное

выполнение которых требует эффективного подавления непосредственной реакции (ср. Dimensional Change Card Sorting Task, Day and Night Stroop test, Simon task). Три группы билингвов (5-летние дети, взрослые среднего возраста и взрослые пожилого возраста) показали достоверно меньшее время реакции, чем монолингвы.

Предполагается, что билингвы, постоянно находясь в двухязычной среде и испытывая таким образом на ранней стадии своего развития влияние двух культур, обретают особую ментальную гибкость, которая улучшает их способность к более глубокому и разностороннему пониманию образа мышления другого человека (*representing mental states*) [Цит. по: 11].

Наконец, как показали исследования ученых из Йоркского университета в Канаде (Торонто), процесс изучения иностранных языков улучшает психическое состояние и ментальные процессы. Изучение иностранных языков оказывает положительное влияние на эмоциональное состояние человека: у исследуемой группы заметили подъем настроения и бодрость духа, подобный эффекту на психику человека занятий музыкой и поэзией. Есть свидетельство того, что большинство детей, занимающихся иностранным языком, обладают высоким уровнем памяти и устойчивостью внимания.

Среди недостатков билингвизма отмечают следующие.

«Врожденный» или чрезмерно ранний билингвизм может приводить к задержке речевого развития, в частности в ряде случаев, к общему недоразвитию речи (ОНР). Так полагала, например Р. Е. Левина, один из основоположников дошкольной логопедии; она и ввела в употребление вышеупомянутый термин. «Под общим недоразвитием речи у детей с нормальным слухом и первично сохранным интеллектом следует понимать такую форму речевой аномалии, при которой нарушено формирование всех компонентов речевой системы, относящихся как к звуковой, так и к смысловой сторонам речи» [13].

Ранний билингвизм может привести к отсутствию дифференциации языков, то есть к их смешению (Л. В. Щерба), контаминации лексических единиц, фраз и грамматических структур. Недифференцированное использование языков встречается в этнически смешанных социумах.

Психолог Эрика Хофф поднимает лексические и фонетические проблемы билингвизма — меньшего количества слов, выученных на обоих языках, а также «иностранного» акцента [28]. По ее

выводам, обучение детей нескольким языкам ограничивает количество слов, которые ребенок мог бы выучить за определенный промежуток времени на одном языке. Также со временем могут проявиться недочеты лексического и идиоматического наполнения речи и коллокации (сочетаемости) слов. Кроме того, головной мозг имеет области, которые восприимчивы к новым звукам и их артикуляции, но активны лишь в определенном возрасте (до 3 лет). Дети, изучающие второй/иностраный язык с помощью погружения, в последующие годы могут иметь ненадлежащий акцент на родном языке, если последнему уделяется меньше внимания и времени. Проблемы с дикцией также могут возникнуть при обучении иностранному языку.

В социальном плане как недостаток упоминается семилингвизм («полуязычие», термин Тоув Скутнабб-Кангас) — невладение или неполное владение индивидом литературной формой родного языка и языка среды, в которой он находится. Семилингвизм вынуждает индивида занимать непрестижные социальные позиции. Семилингвизм связан с пиджинами и креольскими языками, последние, будучи достаточно бедными по лексическому составу, функционалу и понятийному наполнению, тем не менее имеют шанс стать полноценными естественными языками. М. Д. Воейкова полагает, что в настоящее время семилингвизм — достаточно редкое явление [4]. Мы не согласны с этим мнением, считая, что представители малых этносов могут стать полуязычными в результате недостаточного и несбалансированного обучения литературной форме как родного языка, так и второго языка (см. также выше нашу идею о благородном социальном бремени, «ноше» эндогlossного билингвизма и тонкой балансировке в обучении языкам).

В плане лингвокультурном, несомненно, следует упомянуть такой серьезный недостаток билингвизма, связанный с погружением в лингвокультуру внешнего (иностранного) языка, как субтрактивная аккультурация и «частичная» национальная идентичность (partial identity) [См., напр.: 30]. *Частичная национальная идентичность предполагает, с одной стороны, вынужденную идентификацию со своей национальной культурой, а с другой — стремление через язык идентифицироваться с чуждой престижной культурой, имитацию ее моделей повседневного поведения, образа жизни (одежда, еда, развлечения, литература, субкультуры и др.),*

убеждений, ценностей и идеалов. Ряд исследователей утверждают, что происходит культурная переидентификация обучающихся, отвержение национальных традиций и исторических ценностей [12]. Дело в том, что система обучения родному (русскому, национальному) языку в школе не вызывает такой сильной бессознательной эмоциональной и духовной привязки к родной культуре, поскольку она основана на грамматическом методе и недостаточно обращается к методам интенсивного культурного погружения. По-иному построены программы обучения иностранному языку, они используют весь спектр фасцинативных средств, мощно воздействуют по подсознанию, включая красочные учебники с лингвокультурной составляющей, яркие, поражающие воображение образы, игровые материалы, ролевые игры, презентации, фильмы, привлекают детей с помощью физической активности.

Важным методом субтрактивной аккультурации является *брендирование инокультурных персоналий* (актеров, музыкантов, писателей, ученых, государственных деятелей и др.) и *реалий* (городов, местностей, архитектурных памятников, исторических фактов, произведений литературы и искусства и др.) и национально-культурных концепций/идей — повторяющаяся презентация их как интересных, ярких, успешных, необычных и т. п. В ходу прямое или завуалированное (по типу product placement) размещение их в текстах учебников.

Все это обеспечивает особую привлекательность иностранного языка. Дети, скорее, отдадут предпочтение развлекательно-учебному процессу, нежели зазубриванию правил и выполнению упражнений. Тем более что иностранный язык ассоциируется с престижностью. Таким образом, до недавнего времени государственная образовательная система работала против русского/национальных языков, поощряя экспансию иностранной культуры, притом что возрастной порог обучения иностранным языкам снизился до второго класса.

Вызывает вопрос сама практика выделения большого количества учебных часов на иностранный язык. Формальное образование человека фиксировано определенными временными рамками, а его память и умственные способности не безграничны. Изучение иностранного языка — требующий много усилий и внимания процесс, который может осуществляться в ущерб другим предметам, и надо всегда соизмерять с его пользой затраты сил, времени, зачастую денег [18].

В целом, повторим, влияние билингвизма на организм, жизнедеятельность, социальное взаимодействие, карьеру человека и прочее, включая морфофункциональные изменения, изучено недостаточно. «Если допустить, что изначально мозг ребенка генетически «запрограммирован» на полноценное овладение одним языком, то можно предполагать, что более сложная языковая среда (то есть условия билингвизма) ставит перед мозгом своеобразную альтернативу: либо обеспечить потенциальный приоритет одного языка (и тогда «добавочные» языки вынуждены будут «подстраиваться к генеральной программе»), либо сохранить шансы для второго/третьего языка «оккупировать» мозг на равных условиях с первым языком. Для ответа на этот сложный вопрос необходимо детально проследить и оценить вклад тех или иных факторов формирования билингвизма на особенности морфофункционального представительства второго языка в мозге билингва» [11].

Заключение

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что в изучении иностранного языка речь должна идти прежде всего о *целях обучения и образования в целом*. Если таковой целью следует признать расширение и углубление знаний, умений и навыков на основе уже сложившегося понятийного

аппарата, постижение чужого культурного опыта и наследия — тогда, несомненно, иностранный язык предпочтительнее учить после формирования общего кругозора на основе своего языка и литературы или с отставанием после них длиною в несколько лет (обучение «сверху вниз»). Если цель заключается в прежде всего в беглом общении на повседневные темы, при этом интерференция и интеркаляция, контаминация языковых и речевых структур, опасность недостаточного освоения литературного родного языка в средней школе и частичная культурная идентичность не составляют проблемы, тогда можно учить иностранный язык с раннего детства (обучение «снизу вверх»).

В первом случае под обучением языку подразумевается более доскональное, объемное знание понятий и концептов своей и иностранной лингвокультур, а во втором случае — умения и навыки использования языков в повседневной коммуникации. Велика вероятность того, что в первом случае обучающийся иностранному языку будет читать на этом языке, равно как и на родном, серьезные и глубокие произведения, во втором же — что один или оба языка будут инструментальны для устного общения, а также простого и поверхностного чтения. Зато, как показывают исследования, в первом случае обучающийся не сможет (без определенного периода адаптации) изъясняться на иностранном языке с той легкостью и беглостью, как во втором.

Список литературы

1. Алпатов В. М. К проблеме иерархии языков // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2012. № 1 (9). С. 45—52.
2. Белая Е. Н. Теория и практика межкультурной коммуникации. Омск: Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского, 2008. С. 208.
3. Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: МГУ, 1969. 159 с.
4. Воейкова М. Д. [и др.]. Введение // Лики билингвизма. СПб.: Златоуст, 2016.
5. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
6. Выготский Л. С. (1934). Мышление и речь. Психологические исследования. М.: Соцэкгиз.
7. Гринева С. В. Менталитет и ментальность современной России. Невинномысск: Сев.-Кавказ. гос. техн. ун-т: Невиномыс. технолог. ин-т, 2003. 176 с.
8. Гришаева Е. Б. Типология языковых политик и языкового планирования в полиэтническом и мультикультурном пространстве (функциональный аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 2007.
9. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. М.: Пилигрим, 2010. 485 с.
10. Залевская А. А., Медведева И. Л. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия: учеб. пособие. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. 194 с.
11. Кручинина О. В., Гальперина Е. И., Кац Е. Э., Шеповальников А. Н. О факторах, влияющих на вариативность центрального обеспечения билингвизма // Физиология человека. 2012. Т. 38, № 6. С. 15—31.
12. Кушнир А. М. Интервью с кандидатом психологических наук Алексеем Михайловичем

Кушниром «Иностранный с пеленок?» URL: <http://www.pravoslavie.ru/4594.html> (дата обращения 20.08.2020).

13. Левина Р. Е. Основы теории и практики логопедии. М.: Просвещение, 1967.

14. Ломакина Г. Р., Лаер А. А. Раннее обучение иностранному языку: плюсы и минусы // Молодой ученый. 2014. № 20 (79). С. 597—599. URL: <https://moluch.ru/archive/79/13756/> (дата обращения 31.08.2020).

15. Ротенберг В. С. Сновидения, гипноз и деятельность мозга. М.: Центр гуманитарной литературы РОН, 2001. URL: https://www.koob.ru/rotenberg/snovideniya_gipnoz_deyatelnost_mozga (дата обращения 23.09.2019).

16. Суюнбаева А. Ж., Шелестюк Е. В. Проблемы переходной диглоссии и функционирование билингвизма в профессиональной коммуникации (на примере языковой ситуации в Республике Казахстан) // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 10 (432). С. 149—164. DOI: 10.24411/19942796201911022.

17. Ушинский К. Д. Русская школа / сост., предисл., коммент. В. О. Гусаковой; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2015. 688 с.

18. Шелестюк Е. В. Язык и аккультурация // Символ науки: междунар. науч. журн. 2015. № 12. URL: http://www.academia.edu/20026856/Язык_и_аккультурация (дата обращения 20.08.2020).

19. Шелестюк Е. В., Яковлева Е. С. Когнитивно-психолингвистические парадигмы перевода как билингвальной речевой деятельности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, вып. 10. С. 279—290. ISSN 19972911. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.61>.

20. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 60—74.

21. Щерба Л. В. О понятии смешения языков // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л.: Ленинградский ун-т, 1958. С. 40—53.

22. Baker C. Foundations of bilingual education and bilingualism. 5th ed. Clevedon, UK: Multilingual Matters, 2011.

23. Cummins J. The influence of bilingualism on cognitive growth: A synthesis of research findings and explanatory hypothesis // Working Papers on Bilingualism. 1976. 9. 1—43.

24. Cunningham U. Growing up with two languages: a practical guide for the bilingual family. 3rd ed. Routledge, 2011.

25. Duncan S. E., & De Avila E. A. Bilingualism and cognition: Some recent findings // NABE Journal. 1979. 4. 15—50.

26. Ferguson Ch. A. Diglossia. Word 15 (1959): 325—340. Joshua Fishman. Bilingualism with and without diglossia; diglossia with and without bilingualism // Journal of Social Issues. 1967. 23 (2).

27. Nakuta K., Ferdman B. M., Diaz R. M. Bilingualism and cognitive development: Three perspectives // P. Rosenberg (ed.). Advances in applied psycholinguistics: Reading, writing and language learning. Vol. 2. New York: Cambridge University Press, 1987. P. 284—319.

28. Hoff E. Language Development. 4th ed. Belmont, CA: Wadsworth Cengage Learning, 2009.

29. Lambert W. E. (1975). Culture and language as factors in learning and education // A. Wolfgang (ed.). Education of immigrant students. Toronto: Ontario Institute for Studies in Education. P. 55—83.

30. Meyjes Gregory P. (2010) Foreword, Exploring Intercultural Competence in Education: a Guide for Preservice Teachers [NonFinal, Prepublication Draft] (EDUC2120). URL: https://www.academia.edu/12786244/_Draft_Foreword_Exploring_Intercultural_Competence_in_Education_a_Guide_for_Pre_service_Teachers_NonFinal_Prepublication_Draft (дата обращения 14.01.2019).

31. Peal E. & Lambert W. E. The relation of bilingualism to intelligence. Psychological Monographs, 1962. 76 (27, whole no. 546).

32. Stein M., Winkler C., Kaiser A., Dierks Th. Structural brain changes related to bilingualism: Does immersion make a difference? // Frontiers in Psychology. October 2014. 5:1116. DOI: 10.3389/fpsyg.2014.01116.

Сведения об авторах

Шелестюк Елена Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. shelestiuk@yandex.ru

Ершова Ольга Валерьевна — заведующая подразделением МАУ ДО ДДТ «Юность» им. В. П. Макеева, Миасс, Россия. mystar-555@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 7 (441). *Philology Sciences. Iss. 121. Pp. 168—184.*

LINGUOCOGNITIVE AND SOCIOCULTURAL ASPECTS OF BILINGUALISM

E. V. Shelestyuk

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. shelestyuk@yandex.ru

O. V. Ershova

Yunost Children's Creativity House Named in Honor of Academician V. P. Makeev, Miass, Russia. mystar-555@yandex.ru

The article summarizes the information accumulated to date about bilingualism, presents different understandings of this term, examines the features of this phenomenon in linguo-cognitive and socio-cultural aspects, gives its main pros and cons. We conclude that it is necessary to be guided in the choice of linguodidactic strategies in the educational process in a multiethnic society by the goals associated with bilingualism. If the goal is an in-depth, voluminous knowledge of the concepts of one's own and foreign linguistic cultures, then optimal is the sequential study of languages, the development of competencies related to a foreign language, based on the native language, that is, "from the top down" learning. If the goal is developed skills and abilities to use languages in everyday communication, then immersion and almost simultaneous learning of the native and foreign languages are possible, that is, learning "from the bottom up".

Keywords: *linguodidactics, bilingualism, partial identity, semilingualism, inculturation, acculturation, subtractive, additive bilingualism.*

References

1. Alpatov V. M. (2012) *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya iazyka. Iazykovo obrazovanie*, no. 1 (9), pp. 45—52 [in Russ.].
2. Belaya E. N. (2008) Theory and practice of intercultural communication. Omsk, Omsk State University. F. M. Dostoevsky. 208 p. [in Russ.].
3. Vereshchagin E. M. (1969) Psychological and methodical characteristics of bilingualism (bilingualism). Moscow, Moscow State University. 159 p. [in Russ.].
4. Voeikova M. D. [et al.]. (2016) Introduction. Faces of bilingualism. St. Petersburg, Zlatoust [in Russ.].
5. Vygotsky L. S. (1999) Thinking and speech. Moscow, Labyrinth. 352 p. [in Russ.].
6. Vygotsky L. S. (1934). Thinking and speaking. Psychological research. Moscow, Sotsekgiz [in Russ.].
7. Grineva S. V. (2003) Mentalitet i mental'nost' sovremennoy Rossii [Mentality and mentality of modern Russia]. Nevinnomyssk, Sev.-Kavk. gos. tekhn. un-t: Nevinomys. tekhnol. in-t. 176 p. [in Russ.]
8. Grishaeva E. B. (2007) Tipologiya yazykovykh politik i yazykovogo planirovaniya v polietnicheskom i mul'tikul'turnom prostranstve (funktsional'nyy aspekt) [Typology of language policies and language planning in a multi-ethnic and multicultural space (functional aspect)]. Abstract of Dis. Dr. Phil. Krasnoyarsk [in Russ.]
9. Zhrebilo T. V. (2010) Dictionary of linguistic terms. Moscow, Pilgrim. 485 p. [in Russ.].
10. Zalevskaya A. A., Medvedeva I. L. (2002) Psycholinguistic problems of educational bilingualism. Tver, Tver State University. 194 p. [in Russ.].

11. Kruchinina O. V., Galperina E. I., Katz E. E., Shepovalnikov A. N. (2012) *Fiziologiya cheloveka*, vol. 38, no. 6, pp. 15—31 [in Russ.].
12. Kushnir A. M. Interview with the candidate of psychological sciences Alexei Mikhailovich Kushnir “Foreign from the cradle?” Available at: <http://www.pravoslavie.ru/4594.html>, accessed 08.20.2020 [in Russ.].
13. Levina R. Ye. (1967) *Fundamentals of the theory and practice of speech therapy*. Moscow, Education [in Russ.].
14. Lomakina G. R., Laer A. A. (2014) *Molodoy uchenyy*, no. 20 (79), pp. 597—599. Available at: <https://moluch.ru/archive/79/13756/>, accessed [in Russ.].
15. Rotenberg V. S. (2001) *Dreams, hypnosis and brain activity*. Moscow, Center for Humanitarian Literature RON. Available at: https://www.koob.ru/rotenberg/snovideniya_gipnoz_deyatelnost_mozga, accessed 23.09.2019 [in Russ.].
16. Suyunbaeva A. Zh., Shelestyuk E. V. (2019) *Vestnyk Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10 (432), pp. 149—164. DOI: 10.24411/19942796201911022 [in Russ.].
17. Ushinsky K. D. (2015) *Russian school*. Moscow, Institute of Russian Civilization. 688 p. [in Russ.].
18. Shelestyuk E. V. (2015) *Simvol nauki*, no. 12. Available at: http://www.academia.edu/20026856/Language_and_acculturation, accessed 08/20/2020 [in Russ.].
19. Shelestyuk E. V., Yakovleva E. S. (2019) *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 12, iss. 10, pp. 279—290. ISSN19972911. Available at: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.61> [in Russ.].
20. Shcherba L. V. (1974) *Language system and speech activity*. Leningrad. Pp. 60—74 [in Russ.].
21. Shcherba L. V. (1958) *On the concept of mixing languages*. Leningrad, Leningrad University. Pp. 40—53 [in Russ.].
22. Baker C. (2011) *Foundations of bilingual education and bilingualism: An introduction*. Clevedon, UK, Multilingual Matters.
23. Cummins J. (1976). *Working Papers on Bilingualism*, 9, 1—43.
24. Cunningham U. (2011) *Growing up with two languages: a practical guide for the bilingual family: An introduction*. Routledge.
25. Duncan S. E., De Avila E. A. (1979). *Bilingualism and cognition: Some recent findings*. *NABE Journal*, 4, 1550.
26. Ferguson Ch. A. (1967) *Journal of Social Issues*, 23 (2).
27. Hakuta K., Ferdman B. M., Diaz R. M. (1987) *Advances in applied psycholinguistics: Reading, writing and language learning*, vol. 2. New York: Cambridge University Press, pp. 284—319.
28. Hoff E. (2009) *Language Development*. Belmont, CA: Wadsworth Cengage Learning.
29. Lambert W. E. (1975). *Culture and language as factors in learning and education*. In A. Wolfgang (ed.). *Education of immigrant students* (pp. 55—83). Toronto: Ontario Institute for Studies in Education.
30. Meyjes G. P. (2010) *Foreword, Exploring Intercultural Competence in Education: a Guide for Preservice Teachers [NonFinal, Prepublication Draft] (EDUC2120)*. Available at: https://www.academia.edu/12786244/Draft_Foreword_Exploring_Intercultural_Competence_in_Education_a_Guide_for_Pre_service_Teachers_Non-Final_Prepublication_Draft, accessed 14.01.2019.
31. Peal E., Lambert W. E. (1962). *The relation of bilingualism to intelligence*. *Psychological Monographs*, 76 (27, whole no. 546).
32. Stein M., Winkler C., Kaiser A., Dierks Th. (2014) *Structural brain changes related to bilingualism: Does immersion make a difference?* *Frontiers in Psychology*, October, 5:1116 DOI: 10.3389/fpsyg.2014.01116.